

В О П Р О С Ы
ИСТОРИИ

1

МОСКВА · 1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НОВЫЕ КНИГИ

- Die Volksmassen — Gestalter der Geschichte.** Festgabe für Prof. Dr. Leo Stern zu seinem 60. Geburtstag. Hrsg. von H.-J. Bartmuss, H. Hübner, K.-H. Leidigkeit, H. Tillmann und H. Weber. Berlin. «Rütten und Loening». 1962. 576 S., 16 Abb.
- Materiały do dziejów reformacji w Krakowie.** Zaburzenia wyznaniowe w latach 1551—1598. Oprac. R. Zelewski. Warszawa. PAN. 1962. 226 s.
- HAPAK P. Déjiny železiarskeho priemyslu na Slovensku od konca 18. stolecia do roku 1867.** Bratislava. VSAV. 1962. 315 s.
- GAJAN K. Německý imperialismus a československo-německé vztahy v letech 1918—1921.** Praha. NČAV. 1962. 283 s.
- Německá otázka a Československo (1938—1961).** Sborník statí. Bratislava. VSAV. 1962. 291 s.
- Magyarország története. 2: 1526—1790.** Budapest. «Tankönyvkiadó». 1962. 661 old.
- GEORGESCU-BUZAU GH. Răscoala de la 1784 a iobagilor din Transilvania de sub conducerea lui Horia, Cloșca și Crișan.** București. «Editura politică» 1962 335 p
- CAPESIUS B Die Landler in Siebenbürgen** Geschichte und Mundart Bukarest. VARV. 1962 193 S.
- KAREMAN J. Valpovačko vlastelinstvo.** Ekonomsko-historijska analiza. Zagreb JAZU. 1962. XIII 111 s.
- Zbornik na narodni život i običaje Južnih Slavena.** Kn. 40. 7. 1962 529 s.
- DAVIDSON B. A** deckt. Berlin. « 1962. 251 S.
- HAVLIK J. e. a** autorů: J. Havlík, J. vazník. Praha. SNP
- HUTT A. British A Short History (1 don. «Lawrence and 220 p.**
- La lune. Mythes et rites.** Egypte. Sumer. Babylone. Hittites. Canaan. Israel. Islam. Iran. Inde. Cambodge. Japon. Chine. Sibérie.—Paris. «Editions du Seuil» 1962. 374 p.
- GORWIN E. S French Policy and the American Alliance of 1778.** Hamden (Conn.). «Archon». 1962. IX, 430 p.
- LENTSE H. Die Universitätsreform des Ministers Graf Leo Thun-Hohenstein.** Wien. «Böhlau Nachf.». 1962. 372 S.
- SJÖLINDER R. Presbyterian Reunion in Scotland. 1907—1921** Stockholm. «Almqvist — Wiksell». 1962. 416 s.
- Dalle carte di Giovanni Giolitti. Quarant'anni di politica italiana.** Milano. «Feltrinelli». 1962. Vol. 1—XI, 437 p. Vol 2 — 472 p. Vol. 3—461 p.
- HADWEN J. G., KAUFMANN J. How United Nations Decisions Are Made.** Leyden (Sythoff)—New York. «Oceana» 1962. 179 p.
- RIVKIN A. Africa and the West. Elements of Free-World Policy** New York «Praeger». 1962. X, 241 p.
- DUMONT R COLEOU J. La réforme agraire a Cuba: ses conditions de réussite** Paris «Presses univ. de France» 1962. 148 p.
- COOK S. F Expeditions to the Interior of California Central Valley,** UCP. 1962.
- Pindarica.** les. UCP.
- Athènes.** 772 p.
- nel secolli pensiero».** vol. 2—

№ 1 ЯНВАРЬ 1963 г.

★
Год издания
XXXVIII

Вопросы ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

- Академик **Б. Н. Пономарев** — Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории . . . 3

СТАТЬИ

- В. А. Дунаевский, А. М. Сахаров, С. Л. Сенявский** — Научная работа молодых историков . . . 36
А. М. Самсонов — Изучение истории великой битвы на Волге . . . 50
В. И. Попов — Соединенные Штаты Америки и англо-франко-советские переговоры 1939 года . . . 66
И. И. Костюшко — К столетию восстания 1863 г. в царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине . . . 86

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Научно-исследовательская работа в высшей школе

- М. П. Мунтян** — О работе историков Кишиневского университета . . 100
А. Л. Монгайт — К 60-летию А. В. Арциховского . . . 103

Обзоры и рецензии

- И. Д. Ковальченко, М. Е. Найденов, А. М. Сахаров** — «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». Сборник статей . . . 105
Г. А. Новицкий — «Очерки истории Мордовской АССР». Т. II (1917—1960 гг.); «Очерки истории Марийской АССР» (1917—1960 гг.) . . . 112
А. А. Иотковский, Я. С. Розенфельд — Н. А. Манаков. В кольце блокады. Хозяйство и быт осажденного Ленинграда . . . 115
А. Р. Дзенискевич — В. А. Ежов. Рабочие Ленинграда в борьбе за восстановление города (1944—1945 гг.) . . . 117
Д. П. Пойда — «Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг.» . . . 119
А. В. Фадеев — О судьбе одной книги . . . 121
И. П. Шаскольский — «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма» . . . 130
В. С. Бакулин — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России» . . . 134
Т. М. Исламов, И. Д. Очак — Ю. А. Писарев. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914 . . . 136
Б. И. Колыбин, И. Е. Рыбалкин — А. Н. Глинкин. Новейшая история Бразилии (1939—1959 гг.) . . . 139
И. С. Кремер — Л. И. Гинцберг, Я. С. Драбкин. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933—1945) . . . 141
Л. Е. Кертман — М. М. Карлинер. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны (1914—1918) . . . 143

Т. К. Пажитнова — В. Е. Мотылев. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха монополистического капитализма	146
Новые книги	148
Статьи в советских исторических журналах	150

Хроника научной жизни

А. Ф. Деянов — Вторая всесоюзная сессия по изучению Древнего Востока	152
Хроникальные заметки	155

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры и рецензии

И. И. Орлик — Э. Андич. Союз Габсбургов и Романовых. Дипломатическая предыстория царской интервенции в Венгрии в 1849 году	158
А. С. Кан — В. М. Карлгрен. Нейтралитет или союз? Немецко-шведские отношения в начальные годы первой мировой войны	160
Л. П. Лавров — Ж. Шастенэ. История Третьей республики. Годы иллюзий. 1918—1931	163

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	165
Обзоры журналов. Старейшие польские журналы. Б. Лесьнодорский — «Kwartalnik Historyczny». Warszawa. С. Кеневич — «Przegląd Historyczny». Warszawa	166
Заметки о статьях. А. Я. Шельский — Об освободительной миссии русской армии в 1813 году; Ю. М. Григорьян — Из истории агрессии США против Кубы; Я. Г. Григорьев — Народ Гаити дает отпор колонизаторам США; Л. И. Гинцберг, Лоренцо Спано — Зачем была опубликована «Вторая книга» Гитлера; О. С. Павлов — США сохраняют колониальное господство на Филиппинах; Л. А. Гордон — Новый исторический журнал в Индии; Е. Э. Печуро — Буржуазные ученые о закономерностях исторического развития; Б. А. Каменецкий — Панегирик Риттэру; С. Р. Ким — Об изучении истории Тропической Африки; В. М. Гилсен — Гитлеровские планы захвата Швеции в 1943 году; М. К. Старокадомская — Неизвестные рукописи Кампанеллы; Н. И. Голубцова — К вопросу об этрусках	170
Рецензии на советские издания	183

Хроника научной жизни

Т. Данишевский (Польша) — 20-я годовщина ППР и польская историческая наука	185
Хроникальные заметки	189

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

В. Спирков, А. Куликова — Новые материалы по истории крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева	190
С. С. Шустерман — Петр Алексеев в Якутской ссылке	193
В. Б. Вилинбахов — Древнейшее русское известие о походе новгородцев «за море»	196
Л. А. Шур — Об участии русских добровольцев в национально-освободительной войне кубинского народа 1895—1898 годов	200
Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в номере журнала	208
Резюме статей на английском языке	209

ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПОДГОТОВКА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ*

Академик Б. Н. Пономарев

Товарищи! Нашей встречей, встречей историков, работающих в разных уголках нашей великой Родины, мы обязаны решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Это решение продиктовано заботой партии и народа о кадрах историков, их научном росте, их профессиональном и педагогическом мастерстве. Всесоюзное совещание историков — еще одно свидетельство большого значения, которое придают партия и правительство развитию советской науки в целом, ее важной составной части — исторической науки, вопросам марксистско-ленинского обобщения пройденного человечеством пути и использования всех отраслей знаний для великого дела строительства коммунизма.

Человечество ныне переживает процессы величайшей исторической значимости. Главное, решающее состоит в том, что могучие революционные силы преобразуют мир. Более миллиарда людей идут по пути социализма и коммунизма. В Советском Союзе впервые в истории создается коммунистическое общество. Страны народной демократии успешно строят социализм. Более полутора миллиардов людей сбросили колониальный гнет империализма и создали суверенные государства. В капиталистическом мире все выше подымается волна классовых битв, усиливается борьба за мир, демократию и социализм.

Весь ход исторического развития подтверждает правоту всепобеждающего марксистско-ленинского учения. «Марксизм-ленинизм, — подчеркивает Н. С. Хрущев, — вывел человечество на правильную, строго рассчитанную историческую орбиту, которая ведет в светлое коммунистическое будущее!»

Ленинская партия, рабочий класс России, русский народ, все народы Советского Союза по праву гордятся тем, что они первыми проложили путь человечеству из царства эксплуатации, нищеты, угнетения и невежества в царство свободы и обеспеченной жизни, в царство социализма.

Велики жертвы, понесенные пролетариатом и всеми трудящимися нашей страны в трех революциях, в борьбе с империалистическими захватчиками. А кто подсчитает те неисчислимые жертвы советского народа, которые он понес во время Великой Отечественной войны, избавляя человечество от фашистской тирании? Каких колоссальных усилий стоило нашему народу превратить в прошлом отсталую страну в могущественнейшую державу мира!

Путь, который прошел советский народ за сорок пять лет, привел к великим победам, он был сложен и труден. Новые страны, новые народы неизбежно будут освобождаться от цепей капиталистического рабства, от национального угнетения. Но всем народам теперь будет неизмеримо легче идти по проложенной нашей страной дороге к социализму.

* Доклад, сделанный 18 декабря 1962 г. на Всесоюзном совещании по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. Отчет о работе совещания будет опубликован в следующем номере нашего журнала.

В Советском Союзе впервые с успехом испытаны пути революционного преобразования общества, пути перехода от капитализма к коммунизму. Кардинальные вопросы классовой борьбы против буржуазии и прочих эксплуататоров, вопросы внешней политики социалистического государства, вопросы создания и развития производительных сил нового общества и принципиально новых общественных отношений, проблемы подлинно человеческой морали, вопросы культуры, вплоть до таких сложных, как выработка позиций марксистско-ленинской партии в отношении к искусству, музыке, архитектуре, литературе,— опыт решения всех этих важнейших вопросов составил поистине ни с чем не сравнимую по своей ценности сокровищницу, из которой с благодарностью и восхищением черпают и будут черпать идеи, формы, методы все борцы за социализм, за счастье людей.

В своем поступательном развитии, насчитывающем тысячелетия, человечество знает периоды высокого расцвета цивилизации. В их числе античная история Греции и Рима, эпоха Возрождения и некоторые другие периоды. Начиная со школьного возраста, все культурные люди мира знакомятся с ними. Но все эти периоды меркнут перед грандиозным поворотом в истории человеческого общества, который свершен Октябрьской революцией и победой социализма в СССР. Этот великий исторический подвиг, подвиг вечной славы советский народ свершал не только во имя своих интересов, но и в интересах всего прогрессивного человечества. Он должен стать достоянием всех нынешних и грядущих поколений на Земле.

Изучение его необходимо для того, чтобы и наши современники и те, кто придет им на смену, знали подлинную картину величественного процесса революционного преобразования мира, начатого Октябрем в России. Знание и понимание великого подвига советского народа содействуют сплочению народов социалистического содружества, всех прогрессивных сил мира в их борьбе за дальнейшее революционное преобразование общества, за избавление человечества от мировой войны. Этот опыт помогает авангарду человечества — коммунистическим партиям — в выработке правильной ленинской линии.

I

Коммунистическое строительство и задачи исторической науки

Генеральный курс движения нашего общества к коммунизму определен в принятой XXII съездом Программе КПСС, представляющей собой высшее достижение марксистско-ленинской теории на современном этапе, в том числе и исторической науки.

В борьбе за коммунизм Программа КПСС выдвинула три взаимосвязанные задачи: создание материально-технической базы коммунизма, формирование коммунистических общественных отношений и воспитание нового человека. Высшее призвание общественных наук, в том числе и исторической, состоит в том, чтобы максимально содействовать партии и народу в успешном решении этих великих задач. Пронизать всю свою деятельность идеями Программы КПСС, активно бороться за их осуществление, поднять историческую науку на уровень задач коммунистического строительства — таков священный долг советских историков.

История человечества развивается так, как предвидели наши великие вожди и учителя Маркс, Энгельс, Ленин,— в направлении к коммунизму. И нет для советских историков более почетной задачи, чем содействовать утверждению на Земле самого справедливого строя — коммунизма. Ничто не может заменить истории как школы, где трудящиеся учатся умению преодолевать трудности, не повторять ошибок прошлого,

отбирать и развивать наиболее эффективные методы созидания. На это не раз указывал В. И. Ленин, призывая «учиться у уроков истории». «Сознательные рабочие,— писал он,— ведя дальше свое движение, постоянно оглядываются на пройденный рабочим движением путь...» (Соч. Т. 20, стр. 271).

Опыт создания материальной базы социализма, когда складывались его экономические законы, имеет огромное значение для строительства материально-технической базы коммунизма. Поэтому изучение и глубокое понимание этого опыта должно служить выполнению Программы КПСС.

Знание того, как укреплялись исторически сложившаяся общность интересов и союз рабочего класса и трудового крестьянства в борьбе за победу социализма, как крепла дружба советских народов, росло участие масс в управлении государством на основе развития советской демократии, окажет неоценимую помощь в процессе складывания общественных отношений коммунизма.

Наконец, знание истории, правильное понимание закономерностей исторического развития играют большую роль в формировании качеств нового человека, в решении поставленной партией задачи — воспитать все население в духе научного коммунизма.

Сфера воздействия истории на сознание людей очень широка, и сила этого воздействия весьма эффективна.

Историческая наука активно участвует в формировании мировоззрения. Только познав прошлое, можно понять настоящее и предвидеть будущее, выработать в себе твердую убежденность в неизбежности торжества коммунизма.

В самом раннем возрасте, еще в начальных классах школы, человек из всех общественных наук прежде всего знакомится со сведениями по истории. Именно с нее начинается он познание социальной жизни. История раздвигает духовный горизонт молодого человека, помогает ему понять свое место в обществе, рождает уважение ко всему созданному трудом, борьбой, жертвами и героизмом поколений, будит благородные устремления. В познании истории заложен могучий источник сил для новых свершений во имя построения коммунизма в нашей стране, во имя свободы и счастья народов, во имя мира на Земле.

Неоценима роль исторической науки в воспитании народа в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма. В революционных, патриотических и интернационалистических традициях партия видит важное орудие повышения политической сознательности народа. Ежегодные празднования годовщины Октябрьской революции, 1 Мая сливают воедино восхождение советского общества к вершинам коммунизма с героическими революционными традициями ленинской партии, рабочего класса России, открывших путь этому восхождению и связавших его навечно с мировым освободительным движением.

Празднование таких знаменательных дат, как 50-летие революции 1905 г., 300-летие воссоединения Украины с Россией, 150-летие Отечественной войны 1812 г., приняли поистине общенародный размах, ибо они отвечают потребностям народа в принципиальном осмыслении пройденного им пути, укрепляют его веру в неодолимость сил, борющихся за справедливое дело. Празднование таких дат способствует распространению в широких народных массах правильных концепций исторического прошлого.

Народ был всегда творцом истории. Отличительная черта эпохи строительства социализма и коммунизма состоит в том, что народные массы под руководством Коммунистической партии сознательно творят историю, своим героическим трудом вписывают в нее самые яркие

страницы. В этом гордость историков, сознающих себя частицей народа, строящего коммунизм. В этом и величайшая ответственность историков перед народом!

Совершенно очевидно, что значение советской исторической науки далеко выходит за национальные рамки, имеет международное значение.

Строительство коммунизма в СССР — это наиболее мощное выражение того факта, что человечество вступило в новый этап своего развития. Важные черты этого этапа — завершение строительства социализма в странах народной демократии, освобождение от колониального гнета сотен миллионов людей, вступивших на путь самостоятельного исторического творчества. Перед человечеством встали, таким образом, новые грандиозные задачи, и вся история должна быть использована для решения этих, разумеется, по-разному встающих в различных странах задач. Именно вся история. Ибо, как вы знаете, гигантское здание теории научного коммунизма зиждется на анализе всего исторического пути, пройденного человечеством. «Учение Маркса, — писал В. И. Ленин, — ...есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории подытожение опыта» (Соч. Т. 25, стр. 379). Поэтому и дальнейшее развитие марксизма-ленинизма немислимо без постоянного обогащения его новым историческим опытом, накапливаемым человечеством в своем развитии, без все более глубокого и всестороннего анализа предшествующего опыта человечества. Поэтому же, кстати говоря, знание истории, именно знание, а не поверхностное знакомство, обязательно для любого серьезного специалиста, в какой бы области общественных наук он ни работал. Без знания истории не может быть ни настоящего экономиста, ни философа, ни филолога, ни искусствоведа, ни правовика. Одним словом, не может быть подлинного ученого-обществоведа. Известно, что основоположники научного коммунизма Маркс, Энгельс, Ленин были историками в подлинном смысле этого слова. Великое произведение Маркса «Капитал» зиждется на огромном историческом материале. Классическими образцами исторического исследования являются работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции». Это же относится к таким выдающимся произведениям, как «Крестьянская война в Германии» или «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса. В. И. Ленин оставил десятки блестящих исторических произведений, среди них «Развитие капитализма в России», статьи и рефераты о Парижской Коммуне, о революции 1905 года, по аграрной истории России, в частности о реформе 1861 года, «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Из прошлого рабочей печати в России», «Памяти Герцена» и множество других. Кроме того, в теоретических трудах Ленина часто содержатся целые исторические разделы и исторические экскурсии, которые характеризуют его как непревзойденного мастера исторического анализа. Достаточно напомнить в этой связи такие его работы, как «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Крах II Интернационала», «Государство и революция», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и многие другие.

В чем может и должно выражаться использование истории в интересах прогресса человечества, чем могут историки содействовать великой исторической битве за победу социализма и коммунизма?

Первое — использование опыта КПСС и народов Советского Союза, опыта других социалистических стран для строительства коммунизма в нашей стране.

Второе — использование советского опыта социалистического и коммунистического строительства и опыта стран народной демократии для созидания социализма и коммунизма в масштабах мировой социалистической системы.

Третье — использование другими народами опыта перехода многих народов СССР и некоторых стран народной демократии к социализму, минуя капиталистическую стадию.

Четвертое — использование рабочим классом и трудящимися массами капиталистической сферы опыта социалистического и национально-освободительного движения для борьбы против империализма, против захватнических войн, за демократию, национальную независимость и социализм.

Почему именно так ставится вопрос, когда речь идет о значении марксистско-ленинской исторической науки? Потому что со времен Маркса подлинная наука об обществе призвана не только объяснять, но и помогать изменять мир. И чем ближе человечество к коммунизму, тем больший спрос в этом отношении с науки. Ибо для того, чтобы изменять мир, то есть успешно осуществлять революционные преобразования, для которых он созрел, надо знать прошлое и настоящее этого мира, хорошо знать, что предстоит изменить. Этим научным правилом руководствовались партия и Ленин, изменяя облик старой России. При выработке программы и тактики В. И. Ленин всегда опирался на исчерпывающий материал исторического опыта. Подготавливая рабочий класс, широкие трудящиеся массы России к социалистической революции, В. И. Ленин овладел колоссальным опытом отечественной и всеобщей истории и с учетом этого опыта выковал орудие революционно-преобразовательной деятельности партии. Свои гениальные выводы о гегемонии пролетариата в демократической революции, о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране, о Советах как форме диктатуры пролетариата, обогатившие марксистскую теорию, В. И. Ленин сделал на основе глубокого исследования опыта российского и международного рабочего движения, на основе изучения громадного материала новейшей истории человечества, ее определяющих тенденций. Его познания были поистине универсальны: классы и партии, политические деятели, реакционные и прогрессивные факторы, революционные силы, национальные особенности и традиции и десятки других моментов, определяющих конкретное лицо эпохи и страны, — все это было в поле зрения В. И. Ленина при выработке им научно обоснованной политической линии.

Произведения Ленина представляют собой не только сокровищницу теоретической мысли, но и содержат в себе основополагающие идеи по истории России, по кардинальным проблемам всеобщей истории, по истории советского общества и нашей Коммунистической партии.

Отношение В. И. Ленина к истории — это образец для советского историка, для историка-марксиста вообще. Историк — не бесстрастный повествователь, который фиксирует факты и укладывает их пусть даже в научно обоснованную схему. Это — боец, который видит свою цель в том, чтобы обратить историю прошлого на службу борьбе за коммунизм, за демократию и мир, за свободное и независимое развитие всех народов, за счастливое будущее человечества.

Товарищи! Основоположники научного социализма завещали: «Всю историю надо начать изучать заново» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1948, стр. 421). Начало этому грандиозному «изучению заново» всей истории положили Маркс, Энгельс, Ленин. Советская историческая наука, следуя их завету, прошла за 45 лет громадный путь. Подводя итоги пройденному пути, мы можем сказать, что самый главный из них состоит в том, что именно советские ученые, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, начали строить — и уже добились в этом серьезных успехов — новое здание исторической науки, той науки, которая будет служить человечеству века и века. Они проделали настолько основательную работу, что могут по праву заявить: на наиболее важных участках завет основоположников марксизма успешно

воплощается в жизнь. Они добились этого благодаря тому, что наша партия поставила историческую науку на прочный фундамент марксизма-ленинизма.

Переоценка в свете теории марксизма-ленинизма всего накопленного предшествующей историографией составила первый этап — этап становления советской исторической науки. Решающее значение на этом этапе имело непосредственное участие В. И. Ленина в формировании ее основных принципов. Ее основной фонд составили как молодые, так и старые кадры историков, овладевшие марксистско-ленинскими методами исследования. Крупную роль в то время сыграл М. Н. Покровский, содействовавший внедрению в нашу науку марксистско-ленинской методологии, хотя в его концепции и в трудах по истории были и ошибочные положения. Покровский много сделал для борьбы с великодержавными, с кадетско-буржуазными концепциями истории России. Его «Русская история в самом сжатом очерке» была одобрена В. И. Лениным. Несмотря на все это, Сталин обвинил Покровского во всех смертных грехах, и в результате многие годы его третировали.

Когда наша страна подошла к завершению строительства основ социализма и перед общественными науками возникли новые задачи, советская историческая наука уже накопила достаточно предпосылок для перехода на более высокий этап в своем развитии. Отличительной чертой этого этапа стало марксистско-ленинское исследование колоссального фактического материала. Оно развернулось широким фронтом, охватило многие участки исторического знания, вызвало к жизни много новых методов анализа источников, дало образцы глубокого проникновения в сущность исторических процессов и ряд крупных открытий. Плодами этого массового исследования явилось марксистско-ленинское обобщение узловых событий всеобщей истории и важнейших периодов в истории отдельных народов. Большим завоеванием советской науки можно считать целостные концепции истории ряда народов и государств.

Вклад советских историков в изучение отечественной истории состоит не только в том, что воссоздается правдивая, научная история страны, играющей столь выдающуюся, поистине ни с чем не сравнимую роль в прогрессе человеческого общества. Дело также в том, что изучение советскими учеными истории собственной страны было и есть для всей мировой прогрессивной науки ведущей, головной, образно говоря, лабораторией марксистско-ленинской исторической мысли. Разработка проблем трех русских революций, истории капитализма и империализма в России, древней и средней истории, проблем формирования феодальной формации, происхождения и истории городов, возникновения государства, истории крестьянства, народных движений, общественно-политической мысли и других конкретных, но принципиальных проблем — все это, и прежде всего, конечно, разработка истории советского общества, истории Коммунистической партии Советского Союза, Великой Отечественной войны, создало историческую науку эпохи социализма и коммунизма и уже завоевало ей мировое признание.

Нельзя не подчеркнуть достижений нашей исторической науки в создании учебников. Эта работа, которой партия уделяет особое внимание, имеет самое непосредственное и первостепенное значение для воспитания в духе марксизма-ленинизма молодежи — школьников и студентов.

Советская историческая наука накопила такой опыт, который дает ей возможность создать подлинно научную, целостную картину всемирно-исторического процесса во всех его основных взаимосвязях. Наша первая многотомная «Всемирная история», работа над которой скоро завершится, служит тому доказательством.

Однако, отдавая должное достигнутому, мы должны отчетливо представлять себе и наши слабости, недостатки и ошибки. Основной при-

чиной того, что мы не сделали всего, что могли и должны были бы сделать, что многое было сделано с искажениями и неправильно, был культ личности Сталина.

Если суммировать отрицательные последствия культа личности для исторической науки, их можно свести к трем главным моментам: во-первых, умаление роли Ленина, роли масс и партии в истории нашей страны и искажавшее историческую истину превознесение роли Сталина; во-вторых, распространение немарксистского подхода к изучению исторического процесса, субъективизм и произвол в оценке исторических событий и деятелей; это, наконец, в-третьих, обстановка администрирования, недобросовестной критики в научных коллективах, приклеивание различных ярлыков.

Культ личности посягал на философские, методологические основы марксистской исторической науки. Прежде всего это связано с тем, что партийность исторической науки стала вульгарно противопоставляться ее объективности, тогда как Ленин видел в партийности исторической науки высшую форму объективности.

Опасность подстерегала историческую науку и с другой стороны. Как известно, великий Ленин призывал публицистов и историков пытливо изучать ростки нового, факты коммунистического строительства. Между тем догматизм и начетничество, распустившиеся пышным цветом в годы культа личности, вели к отрыву от жизни и сильно ограничивали теоретико-познавательную роль истории как науки.

Произвольная оценка событий, фактов, лиц, порожденная культом Сталина, тяжело отразилась на исторической науке. Нарушение социалистической законности в отношении многих и многих деятелей партии и Советского государства вело неизбежно к извращению их роли в борьбе за победу революции и социализма в СССР. Упрощенчество в освещении исторического процесса, насильственная подгонка его под удобные Сталину схемы приводили к вопиющим нарушениям исторической правды.

Особенно пагубному воздействию культа личности подверглась история КПСС. Начало этому положило в 1931 г. письмо Сталина в журнал «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма». Сталин поставил разработку проблем истории партии под свой контроль, подчинив ее задаче возвеличения своей личности. В 1938 г. вышел «Краткий курс истории ВКП(б)». С этого момента история КПСС была втиснута в прокрустово ложе сталинских схем и формул. «Краткий курс», по существу, заслонил собой от исследователей теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма, труды Маркса, Энгельса, Ленина.

В освещении послеоктябрьского периода истории нашей Родины Сталин прямо насаждал волюнтаризм. Результатом была фетишизация силы приказа, директивы, любого выступления Сталина; это искажало историческую перспективу: декларируемое выдавалось за реально существующее.

Чтобы принизить роль Ленина и возвеличить себя, Сталин насаждал и всячески поощрял насквозь лживую «теорию» двух вождей революции. А вся концепция истории гражданской войны в СССР была построена на версии о «решающей» роли Сталина: там, где его не было, якобы не происходило ничего достойного внимания. Совершенно игнорировалась или прямо фальсифицировалась деятельность местных партийных, советских организаций, военных работников. При изложении последующей истории советского общества Сталин выступал уже как единственное действующее лицо. Все успехи партии и народа в строительстве социализма приписывались «мудрому руководству Сталина». Ряд крупных партийных и государственных, военных деятелей, соратников В. И. Ленина, был объявлен «врагами народа».

Замалчивалась ленинская критика ошибок Сталина по национальному строительству. Сталин был объявлен чуть ли не инициатором и организатором СССР. Замалчивались и грубые ошибки Сталина, Молотова, Кагановича при проведении коллективизации сельского хозяйства и в других вопросах. Вопреки очевидным фактам и несмотря на совершенные Сталиным крупнейшие ошибки накануне и в ходе Великой Отечественной войны, ему приписывалась решающая роль в победе советского народа.

В конечном счете антиленинская идеология культа личности подрывала марксистско-ленинский принцип историзма, особенно в отношении изучения истории советского общества и истории КПСС.

В целях возвеличения Сталина искажалась также история и более отдаленного прошлого. Исподволь была гальванизирована немарксистская теория «героев и толпы». Ее проявлением была, в частности, идеализация в исторической литературе Ивана Грозного, которому в этом отношении особенно «повезло».

В научных коллективах насаждались нравы, нетерпимые для развития науки, для работы ученых. Обсуждения принципиальных вопросов на основе товарищеского обмена мнениями, столь необходимые для процветания науки и ее развития в соответствии с принципами марксизма-ленинизма, заменялись часто грубым окриком, шельмованием честных ученых. Неудобные люди изгонялись из науки, а зачастую и физически устранялись. Были оклеветаны крупные советские историки Лукин, Пионтковский и др.

Научная ценность источников, архивных материалов была взята под сомнение. Архивные фонды, как правило, стали использоваться лишь для иллюстрации общеизвестных положений. Терялось уважение к факту, без чего история как наука просто немыслима. Новые кадры историков партии и историков советского общества мало обучались приемам научного пользования источниками. Источниковедение не разрабатывалось.

Достижения советской исторической науки 20-х и начала 30-х годов в области истории партии и истории советского общества были перечеркнуты. Многие полезные работы Ярославского, Невского, Бубнова, Попова и других были изъяты. Зато широкое распространение получили грубо апологетические «труды», среди которых исключительное место занимала насквозь фальсификаторская книжонка Берия.

Историкам прививалось убеждение, будто все принципиальные оценки исторического процесса либо уже даны, либо могут быть даны только Сталиным. Простым же смертным не следовало претендовать на «высокую» теорию. На практике это приводило к тому, что историки часто ограничивали свои исследования частичными выводами, компенсируя отсутствие широкого теоретического подхода к теме обильным цитированием.

Мы признаем, как это вновь отметил товарищ Н. С. Хрущев в докладе на сессии Верховного Совета СССР, заслуги Сталина перед партией и коммунистическим движением. Историки, со своей стороны, не могут отрицать определенных положительных действий Сталина и в исторической науке, в частности в отстаивании в первые годы после смерти Ленина правильных взглядов на некоторые вопросы истории большевизма против троцкистских наскоков.

Но мы должны со всей силой подчеркнуть, что антимарксистские методы, которые впоследствии стали характерными для Сталина как в политике, так и в теории, нанесли огромный вред исторической науке. Ныне, когда после XX и XXII съездов партии имеются все условия для создания подлинной картины развития партии и страны, вскрываются все новые и новые факты ошибочных и вредных действий Сталина

как еще при жизни В. И. Ленина, так и особенно после его смерти, факты преступного злоупотребления властью.

Култ личности затормозил движение советской исторической науки по пути, определенному великим Лениным, но он не смог остановить ее развитие. Култ личности, подобно кандалам, висел на ногах советской исторической науки, но она все же продолжала идти вперед. Поэтому было бы неразумным перечеркивать все, что создано советскими историками под руководством партии в этот период, создано вопреки идеологии культа личности, на основе заветов Ленина.

Партия провела уже большую работу по преодолению отрицательных последствий культа личности Сталина в области теории и, в частности, в исторической науке. На XX и XXII съездах КПСС по инициативе товарища Н. С. Хрущева были вскрыты и подвергнуты принципиальной критике многие неправильные положения Сталина в области идеологии. Исторической науке, как и всем другим наукам, возвращены естественные для социалистического общества условия развития и процветания. Товарищ Н. С. Хрущев подчеркнул на XXII съезде КПСС: «Теперь стало еще более очевидным, что XX съезд, убрав все наслоения периода культа личности, открыл новую страницу в истории нашей партии, оказал благотворное влияние на развитие нашей страны, всего мирового коммунистического и рабочего движения».

Однако последствия культа личности в области исторических дисциплин все еще сказываются. Всем теперь известна история с «Обзором источников истории КПСС (курс лекций)», изданным в МГУ под редакцией П. Б. Жибарева и М. Д. Стучебниковой. Здесь мы столкнулись не просто с непониманием, а фактически с сопротивлением духу решений XX съезда КПСС.

В прошлом году Издательство Академии наук Грузинской ССР выпустило книгу М. В. Натмеладзе и Н. И. Стуруа «Из истории рабочего класса Грузии (1921—1958 гг.)», в которой без всяких оговорок воспроизводятся многие ошибочные положения Сталина, в частности из его книги «Экономические проблемы социализма в СССР».

К сожалению, не всегда разборчиво в этом отношении и Министерство высшего образования СССР. Оно рекомендует иногда студентам различные пособия по истории КПСС, которые попросту пересказывают зады «Краткого курса», страдают схематизмом, обедняют ленинское идейное наследие. Уже после XXII съезда партии издательство «Высшая школа» напечатало два методических пособия для преподавателей и лекторов: «Методика преподавания истории КПСС в заочных вузах» и «Некоторые вопросы борьбы КПСС за марксистское освещение истории большевизма», в которых в извращенном виде освещается ряд важных событий истории КПСС, а критика культа личности дана формально.

Недавно Государственный комитет Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию допустил серьезную ошибку, рекомендовав в качестве учебного пособия для политических занятий в профессионально-технических училищах на 1962/63 учебный год книгу, в которой многие события истории нашей страны освещаются с позиций культа личности.

И в наших центральных исторических журналах до самого последнего времени можно было натолкнуться на статьи, в той или иной степени отмеченные печатью культа личности. Примером может служить статья В. Инкина и А. Черных в № 5 журнала «История СССР» за 1960 г., в которой утверждается, что Сталин первый определил истинную роль В. И. Ленина в Октябрьской революции. Как указано в недавнем постановлении Центрального Комитета, журнал «Вопросы истории КПСС» «недостаточно включается в работу, направленную на преодоление субъективизма и догматизма в исторической науке, грубых извраще-

ний исторических фактов и событий, имевших место в период культа личности Сталина».

Борьбу за освобождение нашей исторической литературы от ошибок и вредных взглядов времен культа личности должны вести не только ученые. Это дело и работников издательств, редакций научных журналов, членов экспертных комиссий и пленума ВАК. Следует отметить, кстати, что влияние культа личности сильно сказывалось и во многих диссертациях.

После XX съезда, в корне изменившего всю обстановку, советская историческая наука убедительно продемонстрировала, какими колоссальными возможностями она обладает.

Большое значение для исторической науки имеют второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, пятое издание Сочинений В. И. Ленина, наиболее полное из всех, а также издание стенографических отчетов съездов КПСС и протоколов заседаний ЦК партии, пленумов ЦК КПСС.

Показателем роста советской исторической науки является издание и подготовка ряда крупных обобщающих трудов. Среди них: научная биография В. И. Ленина, учебник «История КПСС», первые четыре тома «Истории Великой Отечественной войны», а также последние тома «Истории гражданской войны», книга «История СССР. Эпоха социализма», хотя в некоторых из этих трудов необходимо сделать поправки, уточнения и изменения в соответствии с решениями и материалами XXII съезда. Начата подготовка 6-томной «Истории КПСС» и многотомной «Истории СССР».

Свидетельством роста национальных кадров историков является издание коллективных работ по истории Украины, Белоруссии, народов Прибалтики, Средней Азии и Казахстана, Кавказа, а также и истории компартий ряда союзных республик. Если к этому прибавить широкий поток монографий, научных статей и других работ последних лет, то мы увидим картину большого подъема в исследовании отечественной истории и истории КПСС.

В области всеобщей истории, помимо многотомной «Всемирной истории», выпущены капитальные исследования, посвященные Парижской Коммуне, английской революции XVII в., революциям 1848 года. Изданы обобщающие работы по истории Польши, Чехословакии, Болгарии, а также по истории США, Мексики, Аргентины. Ежегодно выходит большое количество монографий, посвященных узловым вопросам новейшей и новой, средневековой и древней истории. Расширились и географические рамки исследований. За последние годы развернуто в Советском Союзе изучение истории стран Юго-Восточной Азии и Африки.

Многотомные и обобщающие труды, формирующие на основе монографического изучения цельные концепции по важнейшим событиям, периодам и эпохам истории народов, составляют как бы главный фонд исторической науки. Но если бы историки остановились на этом и считали своим делом лишь пополнение этого фонда, они не выполнили бы задачи, выдвигаемой перед ними партией. Это было бы академизмом в отрицательном смысле. Среди части историков установилось неправильное мнение о научно-популярных книгах, как о своего рода легком жанре, как о работе второго сорта. Неверно, будто бы популярная книга, то есть книга для широкого читателя,— это непременно вторичный продукт от основного научного труда. Книги для народа могут и должны создаваться непосредственно на основе первичного исследования материала с использованием, конечно, накопленного фонда научных знаний. Это увеличило бы общественную отдачу исторической науки.

Нам пора всерьез поставить перед собой задачу, товарищи,— сделать историю достоянием всех членов общества, используя для этого самые различные формы и средства. Каждый сознательный гражда-

нин советского общества, идущего к коммунизму, не может не знать истории своей Родины, истории революционного движения и, прежде всего, истории Коммунистической партии Советского Союза, которая включает в себя сумму важнейших идей ленинизма. «Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения» (Соч. Т. 20, стр. 256). Эти слова В. И. Ленина приобретают для нас теперь еще большую актуальность.

Следовало бы наметить издание большой серии научно-популярных книг, которые давали бы марксистское изложение развития человечества в целом. Интересно и живо написанные книжки такой серии, сравнительно небольшие по объему, наверняка получили бы широкое признание.

Надо бы полнее использовать и такое действенное средство, как исторический роман. Думаю, никто не станет спорить, хотя здесь собрались представители главным образом исторической науки, что у многих советских людей представления, например, об эпохе Петра I или гражданской войне в СССР сложились не только по школьным учебникам и специальным трудам, а и по романам Алексея Толстого и Михаила Шолохова и некоторым другим произведениям советских писателей. Можно смело сказать, что выполненные на высоком художественном уровне исторические романы из эпохи социализма, из прошлого нашей партии могут стать серьезным источником любви и понимания народом собственной истории. Полезно было бы продолжить начин Максима Горького, который выступил инициатором создания серии исторических романов и широко привлекал историков к выбору тем и оказанию помощи литераторам.

Развитие исторической науки в свете новой Программы КПСС требует усиления внимания к вопросам методологии, к философии истории. Исторический материализм составляет теоретическую основу всех общественных наук, но у каждой из них, и в том числе и у исторической науки, есть и свои собственные теоретические вопросы. Например, такая первостепенной важности проблема, как роль классовой борьбы в истории. Классиками научного коммунизма было установлено, что вся история общества, за исключением первобытнообщинного строя, была историей борьбы классов. Классовая борьба — главная движущая сила человеческого прогресса. Это положение остается незыблемым для всех стран капиталистического мира и в настоящее время. Только путем классовой борьбы рабочий класс, народные массы могут добиться освобождения от эксплуататоров. Что касается стран, где победил социализм и эксплуататорские классы полностью ликвидированы, то внутри них классовая борьба уступила место новым закономерностям, движущим общественный прогресс. В целом социалистическая система на мировой арене противостоит капиталистической системе. Между ними идет острая идеологическая, политическая и экономическая борьба, само мирное сосуществование государств с различным строем представляет специфическую форму классовой борьбы. Все это совершенно новые проблемы, глубокое изучение которых необходимо, ибо без этого невозможно понять современные явления общественной жизни и обеспечить творческую разработку политической линии революционных сил.

Важное значение имеет такая проблема, как возрастание роли народных масс в истории. Речь идет в данном случае о конкретно-исторической разработке «одного из самых глубоких», по словам Ленина, положений марксизма, а именно, что «вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является» (Соч. Т. 2, стр. 491; т. 28, стр. 397; т. 36, стр. 423).

Среди теоретических вопросов исторической науки можно назвать проблему периодизации, которая опирается на теорию общественно-экономических формаций, но не исчерпывается ею.

Для решения такого рода проблем историкам необходимо объединить усилия со специалистами других общественных наук — философами, экономистами, правоведами, шире использовать выработанные ими методы исследования.

Позвольте теперь, товарищи, перейти к рассмотрению основных направлений, по которым следует, на мой взгляд, направить усилия специалистов в разных областях исторической науки.

В области истории КПСС XX съезд КПСС создал решительный поворот в изучении и пропаганде истории партии. Съезд подверг критике пронизанный культом личности «Краткий курс истории ВКП(б)». Было решено создать прежде всего марксистский учебник по истории партии, опирающийся на исторические факты и научно обобщающий всемирно-исторический опыт борьбы партии за коммунизм. На основе решений съезда была проделана огромная работа по восстановлению ленинских принципов изучения истории партии. Антипартийная группа Молотова, Кагановича, Маленкова пыталась в этой области сорвать линию XX съезда, но этим попыткам Центральный Комитет дал решительный отпор. XXII съезд КПСС и принятая им Программа создали все условия для широкого марксистско-ленинского исследования всех проблем теории и истории нашей партии. Вся теоретическая и практическая работа ленинского ЦК во главе с товарищем Хрущевым, как это вновь продемонстрировал ноябрьский Пленум ЦК, — яркий пример внимательного отношения к историческому опыту партии и гениальному ленинскому наследию, умения творчески осмысливать и ставить его на службу строительства коммунизма. Решения ноябрьского Пленума ЦК партии являются новым свидетельством использования и дальнейшего совершенствования в условиях строительства коммунизма ленинских форм и методов хозяйственного строительства и руководства им.

Важнейшая задача историков партии — на высоком уровне выполнить задачу, поставленную Центральным Комитетом по созданию многотомной «Истории КПСС». Разработка вопросов истории КПСС является предметом постоянной заботы и внимания Центрального Комитета. Указания ЦК КПСС об основных направлениях в разработке многотомной «Истории КПСС» имеют значение не только для авторского и редакторского коллективов этого труда, но и для всех исследователей и преподавателей истории партии.

Много работ пишется сейчас о деятельности местных партийных организаций, особенно в период после XX съезда. Это хорошо. Но у нас до сих пор нет основательных исследований, которые во всей полноте осветили бы внутреннюю жизнь партии в этот период, ленинские нормы партийной жизни, партийное руководство хозяйственным и культурным строительством, деятельность партии по пропаганде научного мировоззрения, по коммунистическому воспитанию трудящихся.

Многие другие проблемы истории КПСС также ждут еще своих исследователей. Если, например, борьба Ленина, партии против ревизионизма освещена в историко-партийной литературе более или менее обстоятельно, то этого отнюдь нельзя сказать об опыте борьбы партии против мелкобуржуазной, полуанархической революционности, против уклонений «влево», против увлечений революционной фразой, против догматизма и сектанства во всех их формах. Исключительно актуальное значение имеет создание серьезных работ по тактике ленинизма на разных этапах борьбы. Всемирно-историческое значение имеет опыт перехода от военного коммунизма к новой экономической политике как пути построения социализма. Смелый, гениальный план Владимира Ильича Ленина является величайшим образцом творческого марксизма, соединяющего гибкость тактики с железной последовательностью в движении к конечной социалистической цели. Создание работ на такие темы истории партии должны рассматривать как выполнение своего долга перед

международным коммунистическим движением. Крупнейшее международное значение имеют раскрытие и широкий показ плодотворной деятельности КПСС в мировом коммунистическом и рабочем движении, неукоснительного и последовательного проведения ею в своей политике принципов пролетарского интернационализма.

Сейчас мы наблюдаем во всем мире громадный интерес к нашей партии, к ее героической истории. И задача историков партии — создать многотомную «Историю КПСС», другие книги по истории партии, сделав их достоянием не только советского народа, но и всего прогрессивного человечества.

В свете огромных задач, встающих перед историко-партийной наукой, Институту марксизма-ленинизма предстоит шире и активнее действовать в качестве координационного центра всех институтов и кафедр, всех историков, занимающихся историей КПСС.

В области истории Советского Союза следует прежде всего глубоко изучить все богатство исторического опыта борьбы партии и советского народа за построение социализма, выработанные в этот период формы и методы созидательной работы и поставить на службу построения коммунистического общества. Выдающееся значение и для строительства коммунизма имеют руководящие указания Ленина, например, о роли Советов как общественных организаций, о Советах народного хозяйства как форме государственного управления, о рабоче-крестьянском контроле, по национальному строительству, развитию социалистической демократии. Исследование ленинских методов хозяйственного, культурного и государственного строительства, изучение форм и методов коммунистического труда как труда на пользу общества — одна из важнейших задач советских историков.

Особое значение приобретает изучение эволюции государства диктатуры пролетариата в общенародное государство.

XX съезд КПСС поставил перед историками задачу — создать фундаментальный труд по истории Октябрьской революции. Ответственность за своевременное и на высоком уровне выполнение этой задачи возрастает в связи с приближением 50-й годовщины этого величайшего события всемирной истории. Праздновать ее будет все прогрессивное человечество. И хотелось бы еще раз напомнить историкам об их высоком долге.

Историки уделили и уделяют немало внимания исследованию различных вопросов рабочего движения в нашей стране. Но мы пока не имеем серьезного исследования, обобщающего всю историю нашего героического рабочего класса. Такой труд должен, в частности, показать, как складывалась и крепла братская дружба рабочих всех советских республик, как развивалась пролетарская солидарность рабочих всех национальностей нашей страны. А это имеет самое непосредственное отношение к дальнейшему укреплению и цементированию дружбы народов Советского государства.

Не имеем мы и цельной истории советского крестьянства и его перехода на путь социализма. А разве это не увлекательная, не благодарная тема исторического исследования?! Особенно если учесть, что крестьянство составляет большую часть населения земли. Это ведь, по существу, тема о конкретно-историческом претворении в жизнь в условиях строительства социализма и коммунизма ленинской идеи союза рабочего класса и крестьянства.

Советские историки сделали немало для изучения освободительных войн, которые пришлось вести нашим народам. Но мы не имеем сводной работы о многовековой борьбе народов СССР с агрессорами, работы, которая давала бы масштабную картину того, как борьба народных масс неизбежно приводила к краху любую агрессию, и раскрывала бы мировое значение этой борьбы. В этом труде необходимо по-

казать неизбежность краха тех коварных замыслов, которые готовятся в настоящее время в капиталистических странах против нашей Родины, показать, что любой агрессор, вступивший на землю нашей Родины, никогда не уносил отсюда своих костей. Это будет служить дополнительным фактором к тем, которые имеются в распоряжении Советской Армии, нашего Советского государства, идеологическим фактором в борьбе за предотвращение новой мировой войны. Книгу такого рода полезно было бы издать и на иностранных языках.

В области изучения военной истории необходимо полностью восстановить ленинские оценки и методы анализа. В период культа личности Сталина в нашу литературу проникли ложные характеристики, когда чуть ли не все войны, которые вела царская Россия, объявлялись справедливыми и прогрессивными. В ряде случаев не проводилось различие между исторически прогрессивными результатами войны и реакционными целями, которые ставил царизм. Освещение событий приобретало иногда, особенно в художественной литературе и в кино, неправильную окраску, как это имело место, например, в отношении русско-японской войны или характеристики генерала Скобелева без учета его карательных походов в Среднюю Азию.

В свете проблем национально-освободительного движения современности опыт национальных движений в России представляет немалый интерес. Изучая этот опыт, необходимо последовательно вскрывать как колонизаторскую, реакционную политику русского царизма, так и прогрессивное значение слияния национальных крестьянских выступлений на окраинах с пролетарским движением России.

Отечественная история имеет наибольшее значение для развития патриотических традиций. Любовь к Родине, чувство национальной гордости, о которой так вдохновенно писал Владимир Ильич Ленин, может, конечно, прививать лишь такое изложение истории, которое насыщено живыми картинами творчества и героических подвигов масс. Крупнейшую роль в развитии духовных качеств человека будущего коммунистического общества играют революционные традиции. История демократического и социалистического революционного движения нашей страны дала поистине немеркнущие в веках образцы служения народу. Пример тех, кто нес ему идеи свободы и просвещения, кто, не щадя жизни, боролся против самодержавия, против капиталистической эксплуатации, героические образы руководителей крестьянских движений, величайший жизненный подвиг революционных демократов и прежде всего всей железной когорты большевиков — сподвижников Ленина — все это драгоценное революционное достояние нашего народа, и оно должно быть максимально использовано для воспитания высоких морально-политических качеств строителей коммунизма.

Советский историк, изучая проблемы прошлого, в том числе и национальные движения, должен учитывать широкую историческую перспективу. В свете этого заслуживают всяческой поддержки усилия историков советских республик, стремящихся раскрыть объективное положительное значение сближения своих народов с русским народом и присоединения их к России. Диалектика истории такова, что, вопреки реакционным целям и методам царизма, присоединение народов к России, объединение их сил с силами русского народа в борьбе против национального и социального гнета подготовило общий фронт всероссийского революционного движения, которое во главе с пролетариатом и его ленинской партией привело в конце концов к освобождению всех народов бывшей царской империи и к созданию невиданного в истории социалистического содружества десятков национальностей, населяющих нашу Родину. Для некоторых народов присоединение к России было в свое время единственным путем к спасению от прямого физического их истребления. Показывая прогрессивное значение присоединения наро-

дов к России в широкой исторической перспективе, историк способствует укреплению дружбы народов нашей страны и дальнейшему сближению наций Советского Союза.

В связи с этим необходимо, чтобы история отдельных республик освещалась как часть истории всей страны, в тесной связи с историей других народов нашей Родины, то есть так, как это было на самом деле. Отход от интернационалистического принципа в освещении истории своего народа не только поощряет националистические предрассудки, но и ведет к извращению исторического процесса.

Надо сказать, что в освещении прошлого народов нашей страны еще имеет место отход от классовых позиций, выражающийся в неправильной оценке деятельности различных царей, князей, эмиров и ханов. Забвение классового принципа проявляют те ученые, которые идеализируют средневековые традиции, искажают, по существу, историческую действительность в националистическом духе.

Ошибки имели место и в нашей монументальной пропаганде, в которой акцент делался не на прославление революционных традиций и массовых подвигов народа, а на возвеличение отдельных деятелей прошлого, вне связи их с движениями масс.

Большим упущением является слабая разработка историками СССР таких тем, которые представляют особенно большой интерес для стран, освободившихся от колониального ига и ищущих пути к подлинной свободе и процветанию. Возьмите, например, историю Бухарской и Хорезмской народных советских республик, возникших после Октябрьской революции на месте царских протекторатов — эмирата и ханства. Первое время эти республики не входили в РСФСР и СССР. Но победившая там народная власть с помощью русского и других народов Советской России осуществила коренную ломку феодально-колониального уклада, провела глубокие демократические реформы, что позволило народам этих ранее отсталых окраин царской империи за какие-нибудь два десятилетия, минуя капиталистическую стадию развития, превратить свой край в процветающие социалистические республики. Это очень интересный опыт! Причем, чтобы он мог действительно стать достоянием освободившихся от колониализма народов, он должен быть показан во всей своей конкретности, чтобы виден был не только конечный результат, но и реальный ход этого процесса.

Программа КПСС указывает, что исследование проблем всемирной истории и современного мирового развития должно раскрывать закономерный процесс движения человечества к коммунизму, изменение соотношения сил в пользу социализма, обострение общего кризиса капитализма, крушение колониальной системы империализма и его последствия, подъем национально-освободительного движения народов.

Программа специально подчеркивает важность изучения возникновения и развития мировой системы социализма. Перед историками стоит ответственная задача — в сотрудничестве с экономистами, философами, историками государства и права создать капитальные обобщающие исследования по истории народно-демократических и социалистических революций и строительства социализма в зарубежных социалистических странах. Очень важной является проблема этапов развития социалистического содружества, созревания предпосылок для формирования единого мирового социалистического хозяйства. Одной из главных задач исторической науки является изучение воздействия мировой социалистической системы на развитие мировой социалистической революции в целом, в различных зонах и странах мира.

Важнейшей среди проблем всемирной истории, несомненно, является изучение роли и влияния Великой Октябрьской революции, Коммунистической партии Советского Союза, Советского государства на развитие рабочего и национально-освободительного движения, освещение все-

сторонней помощи советского народа другим народам в строительстве социализма.

Полагаю, что нам уже по плечу предпринять «сквозное» обобщение роли революций на протяжении всей мировой истории, создать книгу, где они были бы показаны как локомотивы истории человечества, раскрыто общее и специфическое в закономерностях их развития, дана классификация типов революций и их относительного значения и т. д. Такое историко-социологическое исследование очень нужно как в теоретическом, так и в политическом отношении.

Опираясь на ленинскую теорию империализма, советские ученые уже создали обширную литературу по истории империализма. В ряде работ на большом конкретном материале раскрываются особенности последней стадии капитализма, освещается процесс возникновения и углубления общего кризиса капитализма; утери империализмом доминирующей роли в мировой политике; показано, как в результате возрастающего перевеса сил социализма над силами империализма создана возможность предотвращения мировой войны.

Программа КПСС дает глубокую марксистско-ленинскую характеристику современного империализма. Опираясь на положения Программы, советские историки в сотрудничестве с экономистами призваны продолжать работу по изучению истории империализма, вскрывая его природу и последствия его господства в части мира, помогая тем самым борьбе прогрессивных сил против реакции и агрессии, против буржуазной и реформистской апологетики монополистического капитализма.

В области изучения рабочего движения индустриально-развитых капиталистических стран главные силы пора сосредоточить на послевоенном периоде. Много еще не завершенного и просто не начатого как следует и по периодам более ранним. Но надо иметь в виду, что одного опыта 50- и 100-летней давности теперь уже недостаточно для выработки правильных политических взглядов в рядах международного революционного рабочего движения. Сейчас процессы развития рабочего движения в капиталистических странах во многом отличаются от того, что было раньше.

Очень много предстоит сделать в области изучения положения рабочего класса и борьбы трудящихся масс в связи с новыми явлениями в капиталистической экономике. Социальные последствия научно-технической революции, процессы интеграции, новые формы эксплуатации, воздействие их на классовую борьбу — все это актуальнейшие проблемы и для историков рабочего движения.

Совершенно нетерпимое положение сложилось у нас (отчасти под влиянием культа личности) с изучением социал-демократии. Социал-демократические партии существуют уже в ряде стран по 70—80 лет. Прошло почти столетие с тех пор, как В. И. Ленин дал свой классический анализ сущности социал-демократического оппортунизма. Оценка, данные Лениным, остаются для нас основой изучения идеологии и политики социал-демократии. Но эти ленинские оценки многие поняли так, что ничего нового в истории социал-демократии за последние 40 лет нет и впредь быть не может, что любому событию, любому повороту в социал-демократическом движении мы уже имеем готовое объяснение. Такой подход есть чистокровный догматизм. Изучением социал-демократии надо заниматься глубоко и всесторонне, учитывая национальные особенности развития социал-демократических партий, изменившиеся условия развития мировой социалистической революции, учитывая теперь уже определяющую роль коммунистического движения в мировом революционном процессе. Необходимо видеть все процессы, происходящие в рядах социал-демократии, и на основе ленинских указаний вести борьбу против современной идеологии и политики ее правых лидеров.

Важной задачей наших ученых остается исследование истории международного коммунистического движения, непримиримая борьба против всех отклонений от принципов марксизма-ленинизма в его рядах, за его единство на основе этих принципов, на основе пролетарского интернационализма. Как подчеркнул Н. С. Хрущев в своем докладе на сессии Верховного Совета СССР, «одним из отрицательных последствий культа личности Сталина в международном коммунистическом движении было распространение левосектантских, догматических взглядов, что наносило серьезный ущерб великому делу борьбы за социализм, ослабляло влияние марксизма-ленинизма на широкие народные массы». Недооценка борьбы с левым оппортунизмом привела к тому, что болезнь оказалась запущенной и давно уже перестала быть детской. Она питается национализмом и, в свою очередь, питает национализм. Коммунистические и рабочие партии в Декларации 1957 г. и Заявлении 1960 г. подчеркнули, что на определенном этапе развития догматизм и сектантство могут стать в рядах отдельных партий главной опасностью. Опыт последних лет показал, что левацкое отступление от марксизма-ленинизма стало не меньшей опасностью, чем ревизионизм. Долг историков — активно включиться в борьбу с этой опасностью.

На рабочий класс история возложила особую ответственность в борьбе за мир. Как отмечал В. И. Ленин, вопрос этот нельзя считать простым и сравнительно легким. И здесь перед историками непочтый край деятельности. Следует показать, как изменялся подход к этой проблеме в соответствии с изменением характера эпохи.

Огромное актуальное политическое значение имеет разработка вопросов советской внешней политики, ее основного принципа — принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Нужно сказать, что работ по этой тематике выпускается еще мало. Между тем глубокая разработка этой части советской истории имеет непосредственное отношение к борьбе за решение коренной задачи нашего времени — избавления человечества от новой мировой войны. Особого внимания заслуживает период внешнеполитической деятельности Советского государства после 1953 года. Новому этапу в области внутренней жизни СССР соответствует и новый этап в области внешней политики, связанный с деятельностью выдающегося борца за мир товарища Н. С. Хрущева. Крупнейшие меры КПСС и Советского правительства, направленные на упрочение мира, привели к тому, что в глазах народов всех стран неизмеримо вырос авторитет СССР как оплота мира. Огромный размах внешних связей нашей страны, общение советских руководителей с народами зарубежных стран, внешнеполитические акции нашего государства разбили тезис империалистической пропаганды о том, что якобы военная опасность исходит от СССР. Исследование этого исключительно богатого, имеющего первостепенное значение для предотвращения термоядерной катастрофы периода внешнеполитической деятельности Советского Союза — почетнейшая и важнейшая задача советских историков.

Исключительно высокие требования предъявила современная эпоха к специалистам в области истории национально-освободительных движений Азии и Африки. Главное сейчас — это анализ нового этапа борьбы народов слаборазвитых стран, этапа борьбы за укрепление политической независимости, за достижение экономической самостоятельности. Эти проблемы невозможно правильно осветить без глубокого изучения истории национально-освободительных революций, их причин, соотношения антифеодальных и антиимпериалистических задач, складывавшегося в ходе этих революций. Важно широко раскрыть выдающуюся роль Советского Союза, всего социалистического лагеря в борьбе против всех форм колониализма, в создании условий для развития молодых суверенных государств по пути прогресса.

Советские востоковеды призваны дать научно-объективное изложение многовековой истории ныне освободившихся народов, которых еще недавно буржуазная литература презрительно причисляла к «неисторическим», показать их вклад в мировую культуру, со всей силой заклеить колонизаторов, прервавших и изуродовавших самостоятельное историческое развитие стран Азии и Африки.

Большие задачи встают перед историками латиноамериканистами. Это континент с большими революционными перспективами, и надо признать, что хотя уже довольно много сделано, исследование его явно отстает от развития событий. Думаю, что первоочередными проблемами, которыми необходимо заняться нашим специалистам по истории Латинской Америки, являются: история антиимпериалистического рабочего и коммунистического движения по странам, и, может быть, по группам стран, история Кубинской революции, борьбы за единый антиимпериалистический фронт, крестьянское движение, роль национальной буржуазии, разоблачение неокOLONIALИЗМА США.

Среди задач, которые перед нами стоят, следует отметить назревшую необходимость развития такой области исторической науки, как история культуры. До сих пор у нас существуют работы лишь по отдельным ее отраслям: литература, музыка, архитектура, изобразительное искусство, театр, кино. Этого теперь недостаточно. Нам нужны труды по истории культуры, в которых развитие всех ее составных частей рассматривалось бы в совокупности и взаимосвязи, как неотъемлемая часть общеисторического процесса.

Нельзя также не обратить внимания на отнюдь не посторонний для исторической науки вопрос о профессиональном мастерстве, который включает как методы исследования, так и форму подачи материала, манеру исторического письма. Русская дореволюционная, советская и зарубежная историография дали нам в этом отношении немало первоклассных образцов, отмеченных прежде всего незаурядным талантом. Но, помимо таланта, обязательны и другие предпосылки. Здесь на первом месте глубокое знание предмета, свободное владение всей массой материала, а также широта общей культуры историка. История — самая комплексная из общественных наук. И уже опытом столетий доказано, что произведения с большим потенциалом воздействия на читателя удавались лишь тем историкам, кругозор которых включал основательное знание экономики, философии, художественной литературы, — словом, жизни народа во всем ее многообразии.

Исторические труды только тогда могут считаться подлинными исследованиями, когда они не ограничиваются описанием пусть даже новых и многочисленных фактов, а вскрывают закономерности исторических явлений и таким образом дают материал для революционного творчества и строительства новой жизни.

Товарищи, боевой и актуальной задачей для всех историков-марксистов является борьба против буржуазной фальсификации истории.

Прошли времена, когда империалисты рассчитывали лишь на силу в стремлении подавить коммунизм. Теперь наряду с этим они все больше внимания уделяют «идеологической войне», осуществляемой под флагом антикоммунизма.

Основное содержание антикоммунизма составляет клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма. В этом «крестовом походе» по распространению самых реакционных идей немалая роль отводится историографии. В США, например, существуют десятки учреждений, подобных «Научно-исследовательскому центру по изучению коммунизма», субсидируемому из фонда Форда, «Исследовательскому центру по изуче-

нию Восточной и Центральной Европы», действующему в рамках пресловутой «Свободной Европы». В ФРГ непосредственно антикоммунистическими «исследованиями» занимается более 90 институтов, обществ и других организаций.

Связь антикоммунистической историографии с политикой империалистических держав порой просто поразительна. Когда создавался Атлантический пакт, тут же широкое распространение получила версия о существовании особой «Атлантической цивилизации». Сегодня, когда реакционные силы Запада ведут возню вокруг «объединения Европы», появляется множество «исследований», доказывающих, что в основе всего исторического развития лежит идея «интеграции». В ФРГ в соответствии с реваншистской политикой ее правящих кругов вновь широко циркулируют теории «Срединной Европы», стремящиеся подвести историческую базу под претензии западногерманского империализма на гегемонию в Европе.

Под влиянием огромных успехов социализма в Советском Союзе и в других странах прямолинейные фальсификации становятся все менее пригодными даже для внутреннего употребления в капиталистическом мире. Антикоммунистическая пропаганда и историография вынуждены действовать изворотливее и изощреннее. В последние годы на Западе выходит все больше работ, в которых их реакционная, антисоветская и антисоциалистическая направленность облекается в псевдонаучные формы. Сейчас, можно сказать, идет фронтальная атака буржуазной антикоммунистической идеологии на марксизм-ленинизм, в том числе и в области исторических наук. Издается бесчисленное количество фальсификаторских книг по самым различным вопросам, и особенно по истории второй мировой войны, советского общества и истории нашей партии. В противовес учебнику «История КПСС» выпущены десятки работ, в корне извращающих картину исторической битвы нашей партии и советского народа за победу социализма. Можно привести множество примеров на этот счет. Данная тема вообще требует специального рассмотрения. Но одно ясно: мы не можем, не имеем права позволять буржуазным фальсификаторам безнаказанно одурманивать массы, мы должны дать им решительный отпор. И для этого мы сейчас располагаем неизмеримо большими возможностями, чем когда-либо прежде. Великие победы советского народа в огромной мере расширяют эти наши возможности в идеологической борьбе на мировой арене.

По своему характеру антикоммунистическая историография полностью стоит вне науки.

Наступательная, неослабная борьба против любых извращений истории — важная и почетная задача советских историков.

Товарищи! Многообразии задач, стоящих перед советскими учеными, во весь рост ставит вопрос о том, что же необходимо изучать в первую очередь, что следует понимать под *актуальностью* тематики исторических исследований.

Очевидна полная беспочвенность не до конца еще изжитых представлений, будто для научного исследования нужна «некоторая историческая перспектива», некая «дистанция времени», что для изучения современной истории якобы нет достаточного количества источников, отложившихся в архивах. Такие рассуждения не выдерживают критики.

Нельзя, конечно, закрывать глаза на трудности, которые подстерегают историка при исследовании современных проблем. Здесь необходимо, говоря словами Ф. Энгельса, умение «...верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. II, стр. 83). Подобным качеством щедро были наделены великие основоположники марксизма-ленинизма. Советским исто-

рикам есть у кого учиться, и они располагают всеми необходимыми материалами для плодотворного изучения современности. И необходимо добиться коренного поворота к проблемам современной истории, обеспечив ее изучение квалифицированными кадрами специалистов и научно-организационными возможностями.

Проблема актуальности в науке — это не только проблема выбора темы, но и проблема уровня ее разработки, проблема значительности выводов из исследования для современности. Броский заголовок книги или диссертации на современную тему отнюдь не обеспечивает еще актуальности самого исследования. Актуальность определяется прежде всего теми задачами, которые стоят перед нашей партией и мировым революционным движением.

Требование актуализации исследований, концентрации усилий на решение вопросов, диктуемых жизнью, не должно быть понято как призыв покончить с изучением отдаленного прошлого. Речь идет о выделении главного звена в научно-исследовательской работе, ухватившись за которое можно еще теснее связать ее с практикой коммунистического движения и коммунистического строительства, более эффективно способствовать творческому развитию марксистско-ленинской теории.

Актуальность нельзя, конечно, понимать только хронологически, как это нередко делают некоторые редакционные советы, издательства и т. д. Столетия прошли со времени таких событий, как Ледовое побоище или Грюнвальдская битва. Но их уроки и сейчас зовут народы к бдительности перед лицом возрождения в Западной Германии агрессивных сил, помогают понять агрессивную сущность германского милитаризма. Эти уроки говорят о необходимости сплочения и единства миролюбивых сил в борьбе против империализма и войны.

Следует помнить, что интересы советской науки, государственные интересы требуют, чтобы в нашей стране изучались все важнейшие проблемы всемирной истории и формировались научно обоснованные точки зрения по этим проблемам. Мы — великая социалистическая держава, которая идет во главе культурного развития человечества. И в том, что касается исторической науки, думаю, нам пора поставить перед собой задачу — во всех областях исторического знания иметь ученых такого масштаба, которые задавали бы тон в мировой науке, мнение которых было бы авторитетным для всех специалистов в данной области. Разумно расставить кадры научной молодежи и сохраняя необходимые пропорции в распределении средств, поддерживать испытанных историков, мы должны создавать школы и направления, способные обеспечивать ведущее положение советской историографии в важнейших областях исторического исследования. И это будет нашим лучшим вкладом в борьбу за коммунизм, в разоблачение буржуазной историографии.

II

Организацию научных исследований — на уровень современных задач

Большие и ответственные задачи, стоящие перед советской исторической наукой, требуют решительного повышения уровня организации научных исследований. Между тем в этом деле имеются еще весьма существенные недостатки. Первый из них состоит в том, что на целом ряде участков не удалось еще сконцентрировать усилия основной части научных работников на коллективном решении теоретически и политически наиболее важных проблем исторической науки, продолжается распыление творческих сил и материальных средств.

Речь идет, разумеется, не о том, чтобы отказаться от индивидуальных монографических исследований. Многие такие исследования, посвя-

щенные действительно важным проблемам и выполняемые на высоком научном уровне, всегда представляют ценный вклад в науку. Однако практика показывает, что при исследовании наиболее научно значимых и актуальных проблем обилие конкретного фактического материала и сложность самих проблем создают для индивидуального исследователя часто огромные трудности. Практика убедительно подтверждает плодотворность и перспективность коллективных форм работы. Именно они могут обеспечить преодоление мелкотемности, поверхностности и эмпиризма. Речь идет не просто о кооперации отдельных ученых, не о собирании под одним названием различных работ. Коллективность в работе предполагает сплочение ученых в изучении темы, в разработке общей точки зрения. Коллективные формы работы создают наиболее благоприятные условия для научного роста молодежи, которая, работая в содружестве с опытными мастерами науки, приобретает необходимые навыки исследовательского труда. Это требует особенной заботы о расстановке кадров. Надо покончить с практикой комплектования редколлегий коллективных трудов по принципу представительства и именитости, не считаясь с тем, в какой степени тот или иной ученый может действительно плодотворно работать в данном составе редколлегии или редакционного совета.

В связи с тем, что перед исторической наукой во весь рост встали задачи комплексного исследования крупнейших проблем, резко возрастает значение координации усилий исследователей. Между тем здесь далеко не все обстоит благополучно. Не говоря о том, что с большим трудом и недопустимо медленно идет кооперирование историков с учеными других специальностей, даже среди самих историков существует разобщенность. Нет, например, достаточной связи между такими решающими отраслями, как история СССР и история нашей партии. Ученые, работающие в этих отраслях науки, исследуют зачастую одни и те же проблемы, одни и те же периоды, оперируют одними и теми же фактами, строят свои исследования на одной источниковедческой базе, а должной координации между ними подчас и не бывает. Это создает ненужный параллелизм. Очевидно ведь, что нельзя плодотворно исследовать историю советского общества, не исследуя одновременно историю Коммунистической партии в послеоктябрьский период. И наоборот, нельзя изучать историю партии, не изучая историю советского общества.

Несогласованность существует и между гражданскими и военными историками, хотя совершенно очевидно, что нельзя правильно и всесторонне исследовать историю войн без тесного сочетания изучения военных вопросов и экономической, политической и социальной истории. Следует, кстати, сказать, что изучение военной истории вообще ведется совершенно недостаточно в научных учреждениях.

Координация научных исследований — одно из важнейших условий развития современной науки. Партия и правительство возложили на Академию наук СССР координацию научно-исследовательской работы по общественным наукам в масштабе всей страны. Это предполагает усиление научного руководства исследовательской работой в стране со стороны Президиума Академии наук СССР, Отделения исторических наук и соответствующих институтов. Следует, однако, сказать, что здесь еще далеко не все решено. Если еще можно говорить об известных сдвигах в координации научной деятельности академий наук союзных республик и академических филиалов, то исследовательская работа, проводимая соответствующими кафедрами вузов и внеакадемическими научными учреждениями, фактически остается вне координации.

Важную роль в налаживании действенной координации исследовательской работы призваны сыграть созданные в Академии наук СССР научные советы по комплексным проблемам. Эти советы, являющиеся высокой научной инстанцией, призваны всесторонне оценивать

имеющиеся достижения, намечать пути дальнейшего развития того или иного направления в науке, анализировать имеющиеся недостатки и указывать меры к их устранению. С другой стороны, научные советы обязаны знать, какая научная тематика заполняет планы научно-исследовательских институтов, кафедр высших учебных заведений и других учреждений, наблюдать за тем, чтобы не было распыления сил и дублирования.

Проделав известную работу по определению основных направлений и учету тематики, разрабатываемой по проблеме, научные советы теперь могут значительно углубить и расширить сферу своей деятельности. Они должны активнее влиять на планирование научной работы, смелее устранять параллелизм в тематике, добиваться переключения научных работников на разработку главных направлений.

В правильной организации и координации научных исследований, в определении их важнейших направлений весьма существенная роль принадлежит историческим журналам. После XX съезда КПСС число их заметно возросло, что устранило монополию одного журнала по истории.

Наши исторические журналы получили признание советской и зарубежной научной общественности и прочно вошли в историческую науку, вокруг них сложился широкий авторский и читательский актив. Однако в их деятельности имеется много слабых мест. Тематика номеров журналов носит нередко случайный характер и определяется иногда не тщательно продуманным редколлегией планом, а стихийно сложившимся «портфелем» редакции. На страницы журнала проникают еще статьи на малозначительные, частные темы. Большинство статей пишется тяжеловесным, невыразительным языком, нередко отпугивающим читателя и от статьи и от журнала.

Историческим журналам принадлежит видное место в развертывании научной критики и самокритики. Однако здесь еще много недостатков. Прежде всего нет систематического рецензирования публикуемой исторической литературы, и вообще мало публикуется глубоких рецензий. К сожалению, у нас выработался своего рода штамп в рецензировании научной продукции историков — аннотационная рецензия, в которой преобладает пересказ содержания, сопровождаемый несколькими общими рассуждениями о достоинствах и слабостях работы. Надо решительно поднять уровень рецензирования, добиться того, чтобы каждая рецензия сама являлась определенным вкладом в науку. Своевременная, глубокая и объективная оценка результатов научных исследований творческих коллективов и отдельных историков — одна из первоочередных задач исторических журналов.

По мере развития нашей исторической науки роль журналов будет повышаться. Они должны стать организующими центрами научной мысли. Они также призваны ориентировать исследователей на разработку наиболее важных проблем, содействовать координации усилий ученых, широко информировать читателей о новейших достижениях науки, быть главной трибуной, с которой быстро и оперативно доходят до народа основные результаты творческой работы историков. Важнейшей задачей журналов является борьба за чистоту марксистско-ленинской теории и ее дальнейшее развитие. Особая роль принадлежит журналам в борьбе против буржуазных фальсификаторов.

Большую роль в развитии науки, в преодолении отживших и ошибочных представлений играют дискуссии по спорным и не вполне выясненным научным вопросам. За последние 5—6 лет в научно-исследовательских учреждениях и журналах проведено немало дискуссий по самым различным проблемам исторической науки.

Следует, однако, подчеркнуть, что в проведении дискуссий имеются недостатки. Есть недостатки организационного порядка — слабая актив-

ность, отсутствие инициативы, мелкотемье; бывает еще и неумение довести дискуссию до каких-либо позитивных результатов, что, как правило, свидетельствует о том, что выбранная тема не созрела для обсуждения, а может быть, и вообще его не заслуживала.

Но есть недостатки принципиального характера, которые каким-то образом связаны с привычками культа личности. Примером такого рода может служить нашумевшая в свое время «дискуссия» в Московском университете «о средних слоях». Это было в 1958 году. Ряд преподавателей пытался осмыслить понятие «средние слои» применительно к условиям развития социалистической революции на ее современном этапе, но они встретили сокрушительный отпор со стороны некоторых кафедр. Попыткам разобраться в вопросе было противопоставлено сталинское определение «средних слоев», объявленное «лучшим в марксистской литературе». Несмотря на то, что жизнь показала необходимость нового подхода к определению «средних слоев» и компартии, которые работают там, где эти «средние слои» существуют в действительности, отвергли ограничительное толкование, данное Сталиным, часть товарищей продолжала цепляться за старые формулы, не допуская творческого подхода к этому вопросу.

Нельзя мириться и с тем, когда под видом дискуссии ставятся под сомнение действительные завоевания исторической науки, а тем более основные положения марксистско-ленинской теории. Защита чистоты марксизма-ленинизма — это незыблемое требование к каждой дискуссии.

Ведущая роль в организации и проведении дискуссии должна принадлежать ученым и научным советам наряду с журналами. К сожалению, ученые советы многих научно-исследовательских институтов и вузов фактически стоят в стороне от творческого обсуждения крупных научных проблем, расходуют свои силы на рассмотрение различных второстепенных и организационных вопросов.

Когда речь идет об организации исследовательской работы в исторической науке, естественно, нельзя не остановиться на деятельности наших архивов. Еще в 1918 г. был издан подписанный В. И. Лениным декрет, определивший основные принципы архивного дела, превративший все богатство документальных источников в общенародное достояние, в единый государственный архивный фонд. Поставленные на службу науке архивные богатства содействуют ее развитию. К сожалению, коэффициент полезного действия архивных материалов для науки еще невысок. В немалой степени в этом повинны и сами историки. Привычка оперировать одним и тем же сравнительно узким кругом исторических фактов, боязнь самостоятельного исследовательского поиска и новых самостоятельных выводов — все эти негативные явления, получившие широкое распространение в период культа личности, должны быть преодолены как можно скорее.

Следует сказать также, что и сами архивы еще далеко не в должной мере служат интересам науки, в том числе исторической. Во многих общедоступных архивах нет каталогов, там действует система описей фондов, введенная еще в XVIII веке. Необходимо широко развернуть работу по созданию научно-справочного аппарата, который отвечал бы требованиям современной советской науки, народного хозяйства и культуры, внедрять в архивное дело новейшие технические достижения.

Много недостатков существует и в публикации архивных материалов. Их издание поглощает немало средств, но их польза часто невелика. Это вовсе не значит, как это делают подчас наши издательские организации, что нужно под разными предлогами открещиваться от публикации архивных материалов. Публикации источников нужны, но необходимо, чтобы они в полной мере отвечали высоким научным требованиям и велись по единому, действительно научному плану. Ведь не секрет, что многие тонны бумаги расходуются впустую из-за многократ-

ной перепечатки одних и тех же документов вготавливаемых разными архивами и беспланово издаваемых сборниках документов.

На такие знаменательные даты, как 50-летие революции 1905 года или 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции, наши архивы откликнулись десятком бессистемных, дублирующих друг друга и в научном отношении далеко не равноценных сборников.

В Главном архивном управлении, которому надлежало бы быть главным двигателем прогрессивного развития архивного дела, требуется изжить рутинно-бюрократические методы работы, а главное — добиться живой творческой мысли, которая была бы направлена на подъем архивного дела до уровня, отвечающего требованиям современной науки.

Значительно улучшить обслуживание ученых, преподавателей, учащихся должны и наши библиотеки. Они начали создание библиографий по важнейшим проблемам истории — это следует приветствовать. Но это только первые шаги. Надо резко повысить уровень научно-справочной работы библиотек, улучшить информацию о поступающих в их фонды новых книгах, публикациях, периодических изданиях и т. д.

Товарищи! Важной особенностью современного развития советской исторической науки является тот отрадный факт, что оно осуществляется в тесной товарищеской связи с исторической наукой братских социалистических стран.

К настоящему времени уже выработались определенные, оправдавшие себя формы творческого сотрудничества советских историков с историками других социалистических стран. К их числу следует отнести совместное проведение научных сессий и конференций по обсуждению крупных, взаимно интересующих историков проблем; подготовку и издание совместных коллективных трудов и публикаций; взаимное рецензирование подготовленных работ; обмен лекторами и консультантами; переводы книг и статей; обмен научными материалами и информацией; научные командировки для работы в архивах и библиотеках, а также другие виды научного сотрудничества.

Одной из главных форм сотрудничества является подготовка фундаментальных совместных изданий. На протяжении последних лет советские историки-слависты совместно с Институтом истории Болгарской Академии наук ведут подготовку трехтомного издания документов об освобождении Болгарии от турецкого ига (первый том уже вышел из печати). Большое значение имеет многотомное советско-польское издание материалов и документов по истории советско-польских отношений с 1917 г. до наших дней. Другим совместным советско-польским трудом является уже в основном завершенная работа по истории восстания 1863—1864 гг., приуроченная к его 100-летней годовщине. Совместно с чехословацкими научными учреждениями ведется работа над сборником статей и трехтомной публикацией документов о советско-чехословацких отношениях и о дружественных связях наших народов.

Очень плодотворным было участие историков социалистических стран в предварительном обсуждении материалов «Истории Великой Отечественной войны» и «Всемирной истории», а также подготовленных Институтом славяноведения АН СССР «Истории Болгарии», «Истории Польши», «Истории Чехословакии» и «Истории Югославии».

За последние пять лет историки СССР и Германской Демократической Республики провели ряд научных сессий и конференций, на которых были обсуждены такие научные проблемы, как «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию», «Основные направления буржуазной историографии второй мировой войны», «Ноябрьская революция 1918 года в Германии», «Германский империализм и вторая мировая война» и др. Успешно проведены также совместные сессии и экспедиции археологов социалистических стран.

Из года в год растет число выступлений советских ученых в братских странах с научными докладами и лекциями. В свою очередь, наши историки прослушали немало интересных выступлений своих друзей из социалистических стран. Все это способствует не только решению задач исторической науки, но и дальнейшему сближению народов социалистических стран, укреплению их дружбы.

Однако мы не можем успокоиться на достигнутом. Задачи развития науки и культуры во всех социалистических странах настойчиво требуют дальнейшего совершенствования взаимных связей историков, чтобы возможно эффективнее использовать наши объединенные усилия на пользу марксистско-ленинской исторической науки.

В последнее время выросли контакты и с историками капиталистических стран. Советские ученые приняли активное участие в деятельности международных конгрессов историков в Риме (1955 г.) и Стокгольме (1960 г.). Развернувшаяся там дискуссия показала растущее влияние марксизма-ленинизма на интеллигенцию Запада.

Успешно прошли недавно англо-советский коллоквиум и франко-советская конференция историков, XXV Московский международный конгресс востоковедов в 1960 году.

Нельзя не упомянуть в этой связи и ряд публикаций, являющихся плодом совместной работы историков Советского Союза и молодых суверенных стран Азии: сборник «Народное восстание в Индии 1857—1859» (1959 г.), «Бирманский Союз» (1958 г.) и др.

Развитие международных связей советской исторической науки — весьма отрадный факт. Дело чести историков нашей страны совместно с историками социалистических стран и прогрессивными учеными капиталистического мира вести неустанную борьбу на международной арене за правдивое, научно-объективное освещение истории народов.

III

О мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров, повышения уровня преподавания истории в высшей и средней школе

Успешное выполнение громадных задач, стоящих перед советской исторической наукой, возможно только при наличии достаточного количества хорошо подготовленных кадров. В подготовке научно-педагогических кадров в нашей стране достигнуты серьезные успехи. К 1 октября 1961 г. в высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях страны работало свыше 17 тыс. историков, среди которых немало крупных ученых. Огромным достижением является тот факт, что в союзных и автономных республиках, многие из которых в прошлом были районами сплошной неграмотности, созданы многочисленные кадры ученых, в том числе и историков.

Однако задачи дальнейшего развития исторической науки требуют значительного улучшения подготовки научно-педагогических кадров. Уже сейчас состояние научно-педагогических кадров нас не может удовлетворить. 3,5 тыс. историков партии, историков СССР и специалистов по всеобщей истории, работающих в вузах, не имеют ученых степеней и званий. Особенно плохо обстоит дело с кадрами высшей квалификации: в составе историков, работающих в вузах, лишь 1,8% профессоров и докторов. Worse всего положение со специалистами высшей квалификации по истории КПСС: из 5 964 историков КПСС, работающих в высших учебных заведениях, лишь 32, то есть полпроцента, являются профессорами и докторами. Во многих вузах Дальнего Востока, Белорусской ССР, Прибалтийских республик и Средней Азии нет ни одного профессора или доктора наук по истории КПСС. Несколько лучше, но тоже пло-

хо, обстоит дело с другими специальностями: по истории СССР из 1 211 человек, работающих в вузах, лишь 64 профессора или доктора наук, то есть 5,3%, по всеобщей истории из 805 человек только 49, то есть 6%, являются докторами или профессорами.

Всего с сентября 1956 г. по июль 1962 г. по историческим дисциплинам защищено около 200 докторских диссертаций. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 июня 1961 г. «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» созданы необходимые условия для работы преподавателей вузов над докторскими диссертациями. Эти условия еще плохо используются.

За последние годы ухудшилось положение с подготовкой кандидатов наук. Вызывает беспокойство тот факт, что в крупнейших учебных заведениях и научных учреждениях страны, в которых сосредоточены квалифицированнейшие кадры, способные осуществлять научное руководство аспирантами, прием в аспирантуру из года в год сокращается. Так, в 1956 г. аспирантуру исторического факультета Московского университета закончили 39 человек, а в 1962 г. — всего 14. В 1961 г. на 14 кафедр этого факультета в очную аспирантуру принято 12 человек, причем на кафедру истории СССР советского периода — ни одного. Недостаточен прием в аспирантуру и в Институте истории Академии наук СССР.

Мало внимания еще уделяется такой форме подготовки специалистов, как заочная аспирантура.

Вопрос о подготовке кадров, разумеется, не исчерпывается количественной стороной. Главное — это качество специалистов, призванных решать важные для народа, страны научные проблемы. В аспирантуру должны отбираться люди способные. Но это бесспорное правило зачастую нарушается. И в этом заключается одна из основных причин того, что подавляющее большинство оканчивающих аспирантуру не защищает диссертаций в срок. В 1961 г. из 267 окончивших аспирантуру только 55 человек сумели защитить диссертации. А это значит, что большие средства, затраченные государством на подготовку многих аспирантов, не оправдываются.

Остается острой проблема научного руководства аспирантами. Из-за недостатка высококвалифицированных кадров это дело порой доверяется лицам, не обладающим достаточной подготовкой и широким научным кругозором. В связи с этим заслуживает внимания мысль о том, что нужно значительно расширить аспирантуру в крупных учебных заведениях и научных учреждениях, сократив подготовку аспирантов там, где для этого нет необходимых условий. Аспирантура должна существовать там, где есть, во-первых, ученые, способные осуществлять научное руководство аспирантами, во-вторых, где есть необходимая источниковедческая база. Трудно, например, понять, чем руководствовался Алма-Атинский педагогический институт иностранных языков, объявив прием в очную аспирантуру (2 места) на 1962/63 учебный год по «специальности» (так сказано в объявлении, помещенном в газете «Казахстанская правда» за 2 октября 1962 г.) «история завоевания Америки». Прежде всего такой специальности нет. А кроме того, совершенно непонятно, какое отношение эта тема имеет к Алма-Атинскому институту иностранных языков? Приведенный пример свидетельствует о недопустимой практике, когда вопрос о подготовке специалистов высокой квалификации решается не по-государственному.

Диссертационные работы — это не самоцель. Они должны разрабатывать актуальные в теоретическом и практическом отношении темы, содержать новые научные и практические выводы и рекомендации, обобщение и решение важных для науки и практики проблем.

«В интересах науки, — говорил Н. С. Хрущев на мартовском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС, — необходимо усилить контроль за темами науч-

ных исследований, за кандидатскими и докторскими диссертациями. У нас широко открыты двери в науку для способных людей. Вместе с тем мы должны закрыть двери халтуре, пустым, ничемным исследованиям. Такого контроля в настоящее время нет. Это приводит к снижению уровня научных исследований».

После XX съезда КПСС актуальная проблематика, связанная с практикой коммунистического строительства в СССР, образованием мировой социалистической системы, развитием мирового коммунистического и рабочего движения, распадом колониальной системы, заняла значительное место в научных исследованиях советских историков.

С 1956 г. по настоящее время ВАК утвердил 130 докторских и 695 кандидатских диссертаций по истории СССР. Из них 43 докторских и почти половина (335) кандидатских диссертаций посвящены истории советского общества. Однако более детальный анализ этих цифр представляет уже менее оптимистичную картину. Дело в том, что послевоенный период нашей Родины явился предметом исследования лишь одной докторской (из 43!) и 58 кандидатских (из 335!) диссертаций, между тем как этот период по протяженности составляет почти 40% истории советского общества. Неправоммерность сложившегося распределения научных усилий специалистов по истории советского общества будет еще очевиднее, если иметь в виду, что послевоенный период, чрезвычайно насыщенный крупнейшими событиями, менее всего исследован.

Отмечая известные достижения в изучении наиболее важных с научной и политической точек зрения проблем всеобщей истории, полезно указать и на имеющиеся недостатки. Еще плохо обстоит дело с подготовкой специалистов по истории Латинской Америки. Данные о защищенных диссертациях по истории латиноамериканских стран вызывают обеспокоенное беспокойство. В 1956—1957 гг. — 0, в 1958 г. — 3, в 1959—1960 гг. — 0. В 1961 г. защитил диссертацию один этнограф (о современном индейском населении Мексики). Почти за семь лет из аспирантуры не было выпущено ни одного специалиста по истории Кубы.

Нас не может удовлетворить состояние подготовки кадров и по истории социалистических стран, особенно по народно-демократическому периоду. Здесь даже не наблюдается тенденции к росту. Наоборот, количество диссертаций сокращается: в 1957 г. было защищено 3 диссертации, в 1958 г. — 3, в 1959 г. — 2, в 1960 г. — 0, в 1961 г. — 2, в 1962 г. — 1.

Советская африканистика делает только первые шаги. За последние четыре года защищены лишь 4 диссертации, не считая работ по древней истории.

Нельзя не обратить внимания и на то, что у нас совершенно не готовятся специалисты по истории некоторых стран, в частности по истории стран Северной Европы.

Редко встречаются диссертации, разоблачающие реакционную внутреннюю политику правящих кругов империалистических государств.

Количество защищаемых диссертаций по древней, средневековой и частично новой истории вызывает законный вопрос: а обеспечивает ли подготовка специалистов в указанных областях хотя бы простое воспроизводство кадров?

Почти не готовятся специалисты по вспомогательным историческим дисциплинам: палеографии, дипломатике, исторической географии. Крайне мало специалистов по историографии и источниковедению. В вузах страны работает всего 14 специалистов по историографии и источниковедению. За последние годы не защищено ни одной кандидатской диссертации по источниковедению советского общества.

Немало недостатков связано с качеством диссертаций. Некоторые темы диссертаций, утвержденных ВАКом, вообще не имеют научного значения, что, разумеется, не исключает иногда полезности проведенной работы в других целях. В Азербайджанском университете была,

например, защищена диссертация «Из истории развития спорта в Азербайджанской ССР (1946—1960 гг.)». Возможно, эта работа имеет какое-то значение для спорта, но о присуждении ее автору ученой степени кандидата исторических наук, конечно, следовало бы подумать.

Выбор узких, мелких, малозначимых тем диссертаций — недопустимое явление, к сожалению, еще встречающееся в практике. При выборе темы должна быть четко определена проблема, стоящая перед наукой и решаемая диссертантом. Нельзя допускать к защите диссертации, в которых научная проблема не ставится, а содержание сводится к описанию фактов.

Ввиду отсутствия хорошо поставленной информации имеет место дублирование. Этого можно было бы избежать, если бы где-нибудь в одном месте (по-видимому, в ВАКе) концентрировались сведения о всех темах диссертаций.

Очень остро стоит вопрос о публикации научной продукции. Невозможность своевременно напечатать статью, содержащую основные выводы диссертации, нередко затягивает ее защиту. Основная масса аспирантов печатает свои первые исследования в «Ученых записках» и «Трудях» различных институтов, иногда, к сожалению, редко — в специальных сборниках аспирантских работ. Но беда в том, что все эти издания, как правило, уделяют мало внимания исторической проблематике. Выход может быть найден прежде всего в улучшении качества диссертаций, которые должны готовиться на такие темы и на таком уровне, чтобы научные издательства и существующие журналы без колебаний принимали их полностью или частично к изданию.

Все возрастающее значение коллективных исследований пришло в явное противоречие с действующей системой присуждения ученых степеней, толкающей научных работников только к индивидуальной работе над сравнительно узкими, частными темами. Надо рассмотреть этот вопрос серьезно и определить такой порядок, который поощрял бы научные кадры на творческое участие в коллективной разработке важнейших научных проблем, быстрое решение которых требует объединения усилий.

В работе Высшей аттестационной комиссии требуется серьезная перестройка. Экспертные комиссии ВАКа нередко по-старому подходят к утверждению диссертаций, не проявляют нужной решительности и оперативности. Имеются случаи, когда работы историков, проявивших смелый, новаторский подход к решению проблем, встречаются в ВАКе настороженно. ВАК в порядке перестраховки многократно рецензирует такие диссертации и задерживает их утверждение часто не только на несколько месяцев, но и на несколько лет.

Многие ученые высказывают немало критических замечаний в адрес Высшей аттестационной комиссии, подчеркивая при этом, что она работает без должной связи с научной общественностью. Министерству высшего и среднего специального образования СССР необходимо прислушаться к этим замечаниям. Деятельность такой авторитетной организации, как Высшая аттестационная комиссия, обязана полностью соответствовать возросшим требованиям, предъявляемым к советской науке, и всемерно способствовать ее развитию в соответствии с решениями XX и XXII съездов и Программы КПСС.

Научная общественность институтов и вузов должна с особым вниманием относиться к новой системе избрания на должность научных и научно-педагогических работников через каждые 5 лет (младших научных сотрудников через 3 года) путем тайного голосования на Ученом совете. Такое голосование должно являться объективной оценкой всего предыдущего научного и педагогического труда претендента на должность. Не секрет, что в наших хороших коллективах ученых есть люди, случайно туда попавшие, годами не дающие, а иногда просто неспособные дать научную продукцию. Занимая незаслуженно место,

они попусту тратят народные деньги, мешают выдвижению творческой молодежи.

Научный рост талантливой молодежи создает условия для выдвижения на руководящие научные должности в исторической науке молодых ученых, способных развернуть большую организаторскую работу и вместе со старшим поколением советских историков успешно решать задачи, поставленные перед исторической наукой Программой КПСС.

«Советским ученым и в первую очередь Академии наук, крупным деятелям советской науки,— говорит Н. С. Хрущев,— надо подумать над тем, чтобы еще шире раскрыть двери молодежи в науку. Надо создать все условия для того, чтобы молодежь, окончившая высшие учебные заведения и проявившая склонность к научной работе, могла учиться дальше, получать звание кандидата и доктора наук».

Подготовка квалифицированных специалистов начинается еще задолго до аспирантуры. Огромная роль в этом принадлежит вузам и даже средней школе, одним словом, всей системе образования.

Число студентов-историков к началу 1961/62 учебного года составило по стране более 62 тыс. человек (26 400 — в университетах и 35 800 — в единститутах). На дневных факультетах занималось 9 950 студентов. Ежегодный прием на исторические факультеты университетов составляет 5—6 тыс. человек, в том числе на дневные отделения — 1 400—1 500 человек.

Следует улучшить планирование подготовки кадров историков. При подготовке совещания выяснилось, что в Министерстве высшего и среднего специального образования, ЦСУ, Госплане и других организациях нет достаточно точных и обоснованных данных о том, какое количество и каких специальностей и квалификаций историков потребуется даже в недалеком будущем. Представленные ими данные о кадрах историков нередко расходятся между собой. Все это позволяет говорить о том, что дело подготовки кадров историков ведется еще в отрыве от реальных потребностей науки и преподавания и в значительной мере пущено на самотек. Надо как можно скорее исправить это положение.

Другой проблемой исторического образования является недостаток в вузах высококвалифицированных кадров преподавателей. После ограничения совместительств имел место отлив из вузов в научно-исследовательские институты значительного числа хороших преподавательских сил. Следует подумать о новых эффективных формах тесной связи ученых, работающих в академиях наук, с вузами, чтобы ликвидировать образовавшийся разрыв между исследовательской работой в академических институтах и подготовкой историков в вузах. В частности, надо шире практиковать эпизодическое направление для чтения курса или отдельных лекций крупных ученых из академий наук в те вузы, где особенно ощущается недостаток в квалифицированных преподавателях.

Для улучшения подготовки кадров в вузах насущной необходимостью является совершенствование учебных планов. Эту работу следует вести в направлении сокращения объема общих лекционных курсов, обеспеченных учебниками. Гораздо больше пользы приносят студентам и аспирантам курсы лекций по важнейшим проблемам отдельных исторических эпох, сочетающиеся с глубоким историографическим и источниковедческим анализом, знакомящие их с современными достижениями науки. Прослушивание таких курсов повышает интерес студентов к исторической науке, учит их самостоятельно мыслить.

На исторических факультетах навыки к самостоятельной работе приобретаются во время семинарских занятий. Между тем в учебных планах исторических факультетов, в частности в государственных университетах, главное внимание уделяется общим лекционным курсам.

Заслуживает серьезного внимания и другой вопрос, касающийся исторического образования. История человечества — это единый процесс,

развивающийся во взаимосвязях и взаимовлияниях исторического развития отдельных стран и народов. В наших же учебных планах и программах предусматривается изучение истории отдельных стран изолированно друг от друга. По-видимому, едва ли удастся добиться полной синхронности, но требуется большая согласованность в чтении различных курсов по истории, так как существующая бессистемность не способствует получению студентами ясного представления об историческом процессе как едином целом. Отсутствие необходимой стройности в преподавании истории ведет также к дублированию и ненужному повторению одних и тех же вопросов, трактуемых подчас без должной взаимосвязи.

Таким образом, ныне действующие учебные планы и программы исторических факультетов далеки от совершенства, и их улучшение — одна из неотложных задач.

Следующий вопрос, на котором нужно остановиться, — это крайняя необходимость повышения уровня вечернего и заочного исторического образования. В связи с огромным значением этих форм образования в нашей стране настоятельно требуется резкое улучшение методической и консультационной работы, выделение для занятий со студентами, которые учатся на вечерних и заочных факультетах, наиболее сильных преподавателей. Между тем ведущие профессора редко читают курсы лекций на вечернем, а особенно на заочном отделении. Весьма важную роль должна сыграть и подготовка специальных учебных пособий для заочников. И, конечно, необходимо резко повысить требовательность к студентам-заочникам и вечерникам. Повышение уровня знаний студентов, оканчивающих заочное или вечернее отделение, является первоочередной задачей. Ее надо решать немедленно, иначе мы окажемся перед фактом снижения общего уровня знаний основной массы историков.

Большое место в историческом образовании занимает средняя школа. В 1959 г. ЦК партии и Совет Министров СССР приняли постановление, направленное на улучшение исторического образования в школе.

Качество преподавания в решающей степени зависит от квалификации педагогических кадров. В настоящее время в школах страны историю преподают 120 тысяч учителей, из которых примерно треть не имеет законченного высшего образования. Ликвидировать такое положение — ближайшая наша задача.

Уровень подготовки учителей педагогическими институтами сейчас не отвечает требованиям школы. Существующая система, при которой готовятся кадры «широкого профиля» на историко-филологических или историко-географических факультетах педвузов, не может удовлетворить. Научный уровень выпускников этих факультетов гораздо ниже, чем уровень знаний выпускников университетов. Для улучшения научной подготовки учителей необходимо в педвузах создать полноценные исторические факультеты.

Как для вузовского, так и для школьного образования чрезвычайно важно наличие хороших учебников и учебных пособий. Ныне действующие учебники, учебные и методические пособия по истории для средней и высшей школы отражают большой накопленный опыт преподавания исторических дисциплин в нашей стране. Многие из этих учебников являются плодом неоднократных переработок и улучшений. В настоящее время многие школьные и вузовские учебники заменяются новыми. Это обновление фонда учебников отражает подъем и улучшение всего дела преподавания истории, оно проводится на основании широких конкурсов с привлечением большого числа авторов.

Надо вместе с тем сказать, что до сих пор нет учебников по отдельным дисциплинам и для некоторых широко распространенных категорий учащихся. Так, не созданы учебники для высшей школы по истории

отдельных республик, и студенты вынуждены пользоваться общими сводными работами (например, «История БССР», «История АзССР»), имеющими другое назначение и методически не приспособленными для учебных целей. По малоработанным разделам истории (история Африки, Латинской Америки, некоторых стран Юго-Восточной Азии) крайне необходимы краткие учебники для вузов. Создана лишь часть специальных учебников для школ рабочей молодежи (вечерних школ).

Очень важно дать студентам высококачественные учебные пособия по так называемым вспомогательным историческим дисциплинам — по историографии, источниковедению, а также по археологии, исторической географии, этнографии и др. Студентам необходимо также дать курсы лекций ведущих профессоров, краткие систематические изложения учебного материала.

Нечего греха таить, часто вузовские учебники и учебные пособия тяжеловесны, в большинстве случаев в них нет историографических параграфов по темам, а они должны быть в каждом учебнике.

В ряде учебников изложение истории отдельных союзных республик недостаточно увязывается с историей России. Это имело место, например, в школьном учебнике Юргениса по истории Литовской ССР и в его же «Книге для чтения по истории Литовской ССР». История СССР в учебниках далеко не всегда излагается в связи со всеобщей историей. История капиталистического Запада излагается в учебниках без достаточного раскрытия связей ее с историей колониального мира.

В школьные и вузовские учебники внесено еще недостаточно материала, содействующего преодолению ошибочных представлений о роли личности в истории вообще и культа личности Сталина. В 1962 г., в частности, вышло 21-е издание старого школьного учебника по истории советского общества под редакцией А. М. Панкратовой. Основные ошибки, содержащиеся в прежних изданиях, исправлены. Но это лишь полумера. Необходимо, думается, подготовить и издать новый учебник и возможно скорее.

Таковы лишь некоторые замечания по учебной литературе, призванной сыграть огромную роль в подготовке кадров, в историческом образовании и тем самым в коммунистическом воспитании народа.

Товарищи! У всех советских людей одна главная задача — строительство коммунистического общества. Чтобы успешно осуществлять Программу партии, каждый отряд трудящихся СССР определяет новые, более высокие рубежи, которых нужно достигнуть. Это делают коллективы рабочих и колхозников. Это делают и научные коллективы. Новый, более высокий рубеж для советских историков означает — поднять историческую науку на уровень задач строительства коммунизма, улучшить подготовку научно-педагогических кадров, преподавание истории в высшей и средней школе. Это важная политическая задача, имеющая большое значение для строительства коммунизма.

Гуманитарные науки призваны сыграть огромную роль в формировании коммунистических общественных отношений и воспитании нового человека. Среди этих наук история занимает почетное место. История ленинской партии, история советского народа — какой это неисчерпаемый источник вдохновения и героизма! И как увлекательно, интересно ее можно и нужно преподавать!

Воспитание подрастающего поколения в духе преданности идеям коммунизма — одна из важнейших задач, которую решают и историки. После окончания техникума или вуза молодежь пополняет коллективы предприятий, колхозов, научных и учебных заведений. Долг всех профессоров и преподавателей состоит в том, чтобы хорошо подготовить эту молодежь к жизни и труду, воспитать у нее высокую сознательность. А чем выше сознательность всех членов нашего общества, тем полнее и

шире развертывается их творческая активность в создании материально-технической базы коммунизма, в развитии коммунистических форм труда и новых отношений между людьми и, следовательно, тем быстрее и успешнее решаются задачи строительства коммунизма. Ленинская партия и Советское правительство, создавшие все условия для плодотворной работы всего многотысячного отряда советских историков, хотят, чтобы каждый профессор и преподаватель истории в максимальной степени содействовал воспитанию поколения, способного и умеющего укрепить нашу великую Родину, обеспечить в ней построение коммунизма и умножить славу великой страны Ленина.

В своем докладе я, разумеется, не претендовал на то, чтобы дать исчерпывающую картину состояния советской исторической науки, равно как и определить все проблемы и задачи, которые перед ней стоят. Наше совещание для того и созвано, чтобы его участники на основе решений и материалов XX и XXII съездов партии обобщили накопленный опыт, вскрыли слабости и недостатки, широко обсудили наиболее важные вопросы исторического образования и подготовки кадров, дальнейшего развития исторической науки, повышения ее роли в воспитании советских людей в духе марксизма-ленинизма.

IV

За высокую идейность, ленинскую партийность исторической науки

Товарищи! Развитие исторической науки, включая ее организацию и расстановку сил ее работников, включая подготовку кадров,— это одно из важных дел нашей партии, и «делаться» оно должно с такой же революционной страстностью, какая нужна нам в любой области борьбы за коммунизм. От историков, как и от всех, кто занимается проблемами научного коммунизма, требуется высокая ответственность перед наукой, перед обществом, перед партией.

Все хорошо известно, что, пока существует в мире классовая борьба, всякая общественная наука партийна. Главным признаком партийности советской историографии является то, что основу ее составляет исторический материализм, что и делает ее подлинной наукой. Марксизм-ленинизм впервые создал возможность строго научного анализа и синтеза событий истории. Осмысливание исторического развития с позиций рабочего класса, подчеркивал В. И. Ленин, давая свое знаменитое определение партийности в науке, позволяет наиболее последовательно, глубже и полнее проводить объективность (см. Соч. Т. I, стр. 380). Можно сказать, следовательно, что партийность советской исторической науки означает высшую объективность в воспроизведении исторического процесса.

Разумеется, для того чтобы это качество партийности должным образом воплощалось в конкретных исторических трудах, обязательно соблюдение ряда других принципиальных требований. Важнейшее среди них, как указывал В. И. Ленин, состоит в том, чтобы исследование основывалось на «фундаменте из точных и бесспорных фактов». А чтобы это был действительно фундамент, «необходимо,— говорил Ленин,— брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...» (Соч. Т. 23, стр. 266).

Из этого следует, между прочим, и то, что историческая наука может выполнить свою специфическую функцию в системе общественных наук лишь в том случае, если она будет давать не абстрактные социологические схемы, а картины полнокровного исторического развития народов.

классов, государств во всей его сложности и разнообразии, с богатством красок и оттенков, которые отличают живую жизнь.

Признаком партийности исторической науки является ее политическое содержание, которое измеряется умением историка сделать свой труд необходимой, действенной и полезной частью общего труда и борьбы народа, руководимого Коммунистической партией. Определяя тему, ставя перед собой задачу исследования, выбирая целесообразную форму обобщения материала, излагая и освещая то или иное событие, ученый должен постоянно отдавать себе отчет в общественной значимости каждого из этих элементов своего труда, строго контролировать себя в том, что и как он сообщает массам, насколько полно его оценки пронизаны духом марксизма-ленинизма, каков будет реальный вклад его труда в дело продвижения народа к коммунизму.

Марксизм, писал В. И. Ленин, ставит все кардинальные вопросы общественного развития на «историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению» (Соч. Т. 21, стр. 56).

Партийность исторической науки, как и других общественных наук, предполагает творческий подход к теории, обогащение и развитие ее на основе новых научных данных и открытий, в соответствии с меняющимися объективными условиями и задачами революционного движения. Это означает тесную связь теории и практики, науки с жизнью. Решения XX и XXII съездов партии, документы пленумов ЦК нашей партии, доклады и выступления Н. С. Хрущева дают нам образцы такого сочетания и взаимообогащения теории и практики.

Только при соблюдении всех этих требований советские историки будут в состоянии запечатлеть в своих трудах величие нашей эпохи и обеспечить исторической науке роль важного идеологического фактора в развитии современного общества, в поступательном движении к коммунизму.

Товарищи! Пройдут годы и столетия, отойдут в прошлое события, свидетелями и участниками которых были поколения наших современников, но дела их будут жить в веках, и об этом должны позаботиться историки, живущие сейчас. И партийный, гражданский долг советских историков — оставить после себя правдивую, основанную на теории марксизма-ленинизма историю нашего революционного времени, ставшего началом подлинной истории человечества.

СТАТЬИ

НАУЧНАЯ РАБОТА МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ

В. А. Дунаевский, А. М. Сахаров, С. Л. Сенявский

Месяц назад, 18—21 декабря 1962 г., прошло Всесоюзное совещание по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. В докладе акад. Б. Н. Пономарева «Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории» был дан глубокий анализ состояния научной работы историков, намечены пути ее дальнейшего развития. Особое внимание в докладе акад. Б. Н. Пономарева, а также во всей работе совещания было уделено вопросам роста научно-педагогических кадров. Постановка этих вопросов не случайна.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, отметив все возрастающую роль науки в деле коммунистического строительства в нашей стране, поставил перед ней новые, ответственные задачи. При этом в качестве одного из важнейших он выдвинул требование «вести целеустремленные научные исследования, шире открыть дорогу в науку молодым силам»¹. Это целиком и полностью относится и к исторической науке. После XX съезда КПСС, освободившего советских историков от сковывавших их творческие возможности пут культ личности, в развитии нашей науки произошел поворот. Исследования стали носить более глубокий и целеустремленный характер, более актуальной стала их тематика. В основном было покончено с порочными методами цитатничества, подтасовывания фактов под заранее сделанные выводы и т. д. Все это положительно отразилось и на росте научных кадров. Однако пока еще трудно сказать, что развитие исторической науки и формирование научных кадров историков находятся в полном соответствии с высокими требованиями XXII съезда партии. В связи с этим со всей остротой выдвигается на первый план проблема подготовки кадров молодых ученых.

Многие научные учреждения, университеты и педагогические институты испытывают сейчас острый недостаток высококвалифицированных специалистов в области истории. В докладе акад. Б. Н. Пономарева показано, что особенно плохо обстоит дело с кадрами высшей квалификации: в составе историков, работающих в вузах, лишь 1,8% профессоров и докторов. Имеющиеся в нашем распоряжении данные текущих архивов Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и Министерства просвещения РСФСР свидетельствуют о том, что вообще в вузах явно недостаточно преподавателей истории, имеющих ученую степень. Наибольшим числом таких преподавателей располагают университеты: около 70%. Но это средняя цифра. В Дальневосточном и Иркутском университетах, например, историков с учеными степенями всего лишь половина от общего количества преподавателей. Еще хуже положение в педагогических институтах РСФСР. Здесь историки с учеными степенями составляют немногим более 60%, а в ряде

¹ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. III. М. 1962, стр. 219.

педвузов этот процент еще ниже: в Читинском пединституте — половина, в Псковском, Мичуринском, Борисоглебском — даже менее половины. При этом увеличение количества кандидатов наук идет крайне медленно. Так, за время, прошедшее с 1956 г., в Читинском пединституте не прибавилось ни одного кандидата наук по истории КПСС и истории СССР, а по всеобщей истории стало на одного меньше; в Красноярском педагогическом институте вдвое выросло число кандидатов наук по истории КПСС, зато уменьшилось количество кандидатов наук по истории СССР и всеобщей истории. Конечно, среди преподавателей, не имеющих ученой степени, есть работники, которые по своей научной и педагогической квалификации не уступают кандидатам наук, а, может быть, в некоторых случаях и превосходят их. Но в целом такие явления — исключение из правила. А правило состоит в том, что работа над кандидатской диссертацией является важнейшим средством повышения научной квалификации преподавателя и исследователя.

Все это убедительно говорит о том, насколько правильными и своевременными являются мероприятия ЦК Коммунистической партии и Советского правительства, направленные к резкому улучшению дела подготовки научных кадров.

За последние годы ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли несколько постановлений по этому вопросу. Партия и правительство стремятся обеспечить не только количественное увеличение кадров научных работников, но и решительно улучшить качество диссертационных исследований. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 мая 1962 г. подчеркивается, что задачи дальнейшего развития науки требуют значительного улучшения подбора и подготовки научных кадров. Между тем имеются случаи, когда соискатели ученых степеней избирают для диссертации темы, не имеющие сколько-нибудь существенного научного и практического значения, а ученые степени иногда присуждаются за работы, выполненные на низком научном уровне. ЦК КПСС и Совет Министров СССР установили, что диссертации должны быть наиболее актуальны в теоретическом и практическом отношении и содержать новые научные и практические выводы и рекомендации, обнаруживающие у соискателей способность к самостоятельным научным исследованиям, глубокие теоретические знания в области данной дисциплины и специальные знания по вопросам диссертации.

Эти важнейшие принципиальные положения в полной мере относятся и к подготовке ученых-историков. Мы остановимся на ряде вопросов подготовки кандидатов исторических наук за последние пять-шесть лет с тем, чтобы выявить некоторые недостатки, подлежащие скорейшему преодолению.

Как отмечено в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, написание диссертации не должно являться самоцелью. Диссертационная работа должна быть реальным вкладом в историческую науку, решать ту или иную проблему, иметь конкретное практическое значение для пропаганды исторических знаний, являющихся важнейшим средством марксистско-ленинского воспитания трудящихся и особенно молодого поколения. В этом отношении большое значение имеет вопрос о тематике диссертационных исследований. Мы познакомились с темами 1520 кандидатских диссертаций по истории, авторефераты которых учтены в «Книжной летописи» с 1957 г. по июнь 1962 года². Среди этих диссертаций 688 посвящены истории КПСС, 445 — истории СССР,

² Кроме того, эти диссертации были сверены по встречному источнику — Каталог кандидатских и докторских диссертаций, поступивших в Библиотеку имени В. И. Ленина с 1957 г. по первый квартал 1962 года. В дальнейшем цифровые материалы даются исходя из этих данных.

260 — всеобщей истории, 127 — археологии, этнографии и вспомогательным историческим дисциплинам. Эти данные, очевидно, не отражают полностью количество диссертационных работ по истории, защищенных в последние пять-шесть лет. Тем не менее они позволяют сделать некоторые наблюдения и выводы.

Самой характерной чертой в работе молодых исследователей за последние годы является крутой поворот к наиболее актуальным проблемам исторической науки, происшедший после XX съезда КПСС.

Решительная борьба Коммунистической партии с культом личности, с догматизмом и начетничеством создала благоприятные условия для разработки тем, прямо связанных с современностью. Молодые историки горячо откликнулись на призыв партии освещать в исследованиях важнейшие, актуальные вопросы, связанные с практикой коммунистического строительства, с развитием мирового коммунистического и рабочего движения, с распадом колониальной системы. Из 688 диссертаций по истории КПСС 534, или 76%, посвящены советскому периоду, в том числе 194 охватывают события после Великой Отечественной войны. 234 диссертации историков СССР (из 445, то есть более половины) раскрывают историю строительства социализма и коммунизма в нашей стране. Из 260 диссертаций по всеобщей истории 166 относятся к новейшей истории.

Еще более ясное представление о тенденциях к исследованию узловых, важнейших проблем исторической науки дает группировка диссертационных работ по проблемам. Среди диссертаций, освещающих советский период в истории нашей Родины, рабочему классу и развитию социалистической промышленности посвящено 50 работ, истории колхозного крестьянства и советской деревни — 40, союзу рабочего класса и крестьянства — 7, истории социалистических городов — 9, культурному строительству — 31, проблемам национально-государственного строительства — 13. 48 диссертаций посвящено истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, 14 — истории Великой Отечественной войны, 22 — международным отношениям и внешней политике СССР. 45 диссертаций написаны на темы из истории СССР после Великой Отечественной войны. Примечательна работа по исследованию истории союзных республик, показывающая вместе с тем степень подготовки национальных кадров историков. Из 234 работ по истории советского периода 137, или более половины, раскрывают историю социалистического и коммунистического строительства в национальных районах и подготовлены в основном местными национальными кадрами.

В области зарубежной истории 107 диссертантов разрабатывали проблемы международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. И здесь налицо тенденция к актуализации тематики, расширению ее географии. Хотя основная масса работ посвящена истории США и наиболее крупных стран Западной Европы, увеличивается количество исследований по истории социалистических стран Запада и Востока, а также государств Азии, добившихся национальной независимости или ведущих борьбу за нее. Ряд интересных диссертаций написан по истории Индии, Афганистана, Индонезии, Бирмы и других стран.

Таким образом, изучение важнейших проблем истории советского общества и новейшей истории все более становится главным направлением в тематике диссертационных исследований. В этом ярко проявился новый этап развития всей советской историографии, наступивший после XX съезда КПСС. Исследование новейших явлений и событий в истории, расширение проблематики за счет включения в круг изучения новейших процессов всегда были одним из наиболее показательных признаков поступательного развития исторической науки, но никогда еще удельный вес этих исследований не был так значителен, как теперь.

И в этом свидетельство силы марксистско-ленинской методологии, позволяющей смело подходить к научному анализу явлений, непосредственно связанных с современностью, свидетельство того исключительно благотворного воздействия на науку, которое оказало преодоление последствий культа личности Сталина. Программа КПСС, принятая XXII съездом партии, вновь подчеркивает важность разработки актуальных проблем в области общественных наук. Исследование проблем всемирной истории и современного мирового развития, подчеркнуто в Программе, должно раскрывать закономерный процесс движения человечества к коммунизму, изменение соотношения сил в пользу социализма, обострение общего кризиса капитализма, крушение колониальной системы империализма и его последствия, подъем национально-освободительного движения народов. Важное значение имеет изучение победоносного, проверенного жизнью исторического опыта Коммунистической партии и советского народа, закономерностей развития мировой системы социализма, мирового коммунистического и рабочего движения³.

Наряду с этим, как отмечено в Программе КПСС, задачей научного исследования является выявление закономерностей всемирно-исторического процесса, для чего требуется изучение истории нашей страны и зарубежных стран на всем протяжении развития человеческого общества. Анализ тематики диссертационных работ, посвященных досоветским периодам истории нашей Родины и проблемам соответствующих периодов истории зарубежных стран, показывает, что и здесь в центре внимания стоят главные, коренные вопросы исторической науки. Так, из 211 диссертаций по истории СССР досоветского периода (в это число входят также работы по археологии и этнографии) 54 посвящены истории крестьянства, его классовой борьбы, 20 — истории ремесла, торговли, городов, 9 — истории промышленности. В 11 диссертациях исследуются вопросы истории передовой общественно-политической мысли, в 9 — революционно-освободительного движения домарковского периода. 16 диссертаций посвящены истории рабочего движения конца XIX — начала XX в., 13 раскрывают историю революции 1905—1907 годов. Как и в работах по советскому периоду, здесь значителен удельный вес диссертаций, освещающих в разных аспектах историю народов СССР, — почти половина всех диссертаций (97) подготовлена на эти темы, причем преимущественно национальными кадрами историков. Значительный рост исследований, выполненных молодыми учеными в союзных республиках, является, таким образом, характерной особенностью последних лет.

Сосредоточивая внимание на многих актуальных проблемах исторической науки, молодые исследователи вносят реальный вклад в ее развитие. Результаты научных изысканий учитываются при подготовке новых обобщающих трудов и учебников, а по некоторым важным вопросам молодым ученым удалось сказать свое новое слово, привлекая внимание широкой научной общественности. Таковы, например, работы В. И. Корецкого по истории закрепощения крестьян и их классовой борьбы, Л. В. Милова по проблемам источниковедения; серьезный научный вклад в изучение истории советского рабочего класса внесли работы В. Б. Тельпуховского и О. И. Шкаратана; получили признание работы Н. Н. Болховитинова, М. М. Карлинера, В. Л. Малькова, Э. М. Розенталя⁴, посвященные всеобщей истории и международ-

³ См. «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. III, стр. 324.

⁴ См. диссертации: В. И. Корецкий. Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. М. 1957; Л. В. Милов. Об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» второй половины XVIII — начала XIX в. (Некоторые вопросы источниковедения). М. 1957; В. Б. Тельпуховский. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в период Великой Отечественной войны

ным отношениям; есть немало и других способных исследователей, пришедших в историческую науку за последние пять-шесть лет.

Однако сказанное выше не должно ни в коей мере давать повод к самоуспокоенности. При всей важности и научной актуальности значительной части диссертационных работ, выполненных за последние годы, нельзя не обратить внимание на то, что в тематике диссертаций есть очевидные и существенные пробелы. Силы молодых ученых не привлекаются к разработке многих важных проблем, ожидающих своего научного разрешения. В докладе акад. Б. Н. Пономарева было особо отмечено, что среди исследований по истории советского общества еще недостаточно работ, охватывающих события, ближайšie к нашему времени. Между тем послевоенный период даже по своей хронологической протяженности уже почти равен довоенному, не говоря уже о том, что по исторической значимости он не только не менее, но, учитывая также его слабую изученность, более важен как предмет внимания советских историков. Мы отнюдь не призываем переключить полностью историков советского общества на исследование послевоенного периода, но нельзя сейчас сохранять такой высокий удельный вес диссертационных работ о предвоенном этапе, как это имеет место в настоящее время. Проблемы послевоенного развития нашего общества, тесно связанные с сегодняшней практикой коммунистического строительства, остаются все еще слабо разработанными. У некоторых историков существует мнение, будто для глубокого изучения этих проблем еще не настало время, поскольку не отложились архивные материалы, не завершился ряд процессов. Это, конечно, создает определенные трудности для исследования. Но ученый не может ждать. Жизнь, практика коммунистического строительства настоятельно требуют работ по новейшей тематике. К стати сказать, уже сейчас появляются монографии, коллективные труды, статьи, в которых вводится в научный оборот и подвергается глубокому анализу свежий материал, в том числе и архивный, относящийся к самому недавнему прошлому. Назовем для примера книгу Ю. В. Арутюняна «Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг.», изданную Институтом истории АН СССР в 1960 г., историко-экономическое исследование М. Я. Сонина «Воспроизводство рабочей силы и баланс труда», вышедшее в 1959 году. Плодотворно исследуются и некоторые проблемы новейшей истории зарубежных стран. В этом отношении показательны монографии Н. Н. Иноземцева «Внешняя политика США в эпоху империализма» (М. 1960), В. С. Зорина «Монополии и политика США» (М. 1960), Г. Л. Розанова «Германия под властью фашизма» (М. 1961) и ряд других.

Ориентируя внимание молодежи на изучение новейших проблем истории, следует вместе с тем решительно пресекать попытки оправдать низкий уровень диссертаций неразработанностью проблемы и присуждать ученые степени за одну только внешнюю «актуальность» тематики. Плохая в исследовательском отношении работа, кроме вреда, ничего не дает науке, так как актуальный вопрос остается неразрешенным. Ничего не приносит она и диссертанту, поскольку последний не приобретает необходимой научной квалификации и в дальнейшем может оказаться неспособным к творческой работе.

В связи с необходимостью исследования новых проблем, связанных с историей советского общества, а также с новейшей историей

(1941—1945 гг.). М. 1960; О. И. Шкаратан. Изменения в составе фабрично-заводских рабочих г. Ленинграда (1917—1928 гг.). Л. 1958; Н. Н. Болховитинов. Происхождение и характер доктрины Монро (1823 г.). М. 1959; М. М. Карлинер. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны (1914—1918). М. 1957; В. Л. Мальков. Положение промышленного пролетариата и массовое рабочее движение в США в период мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.). М. 1958; Э. М. Розенталь. Русско-французские дипломатические отношения в 1904—1907 годах. М. 1957.

зарубежных стран, необходимо обратить внимание на одно весьма серьезное обстоятельство. Речь идет о явном отставании изучения специальных источниковедческих вопросов, без чего не может быть обеспечена подлинно научная разработка новых проблем. Этот пробел надо ликвидировать как можно скорее, ибо неразработанность источниковедческих вопросов приводит к снижению уровня исследований по актуальной тематике. До сих пор нет ни одного учебника по источниковедению истории СССР XX в. и источниковедению новой и новейшей истории. Надо привлечь к решению этой большой задачи молодые силы науки, смелее включать диссертантов в изучение вопросов источниковедения.

Отметим и некоторые важные проблемы, мало и редко разрабатываемые в диссертациях. К их числу относится, в частности, история развития советской демократии, государственного строительства. Только одна работа из учтенных нами посвящена этому вопросу. Всего одна диссертация рассматривает и такой сложный вопрос, как вытеснение капиталистических элементов из советской экономики в период строительства социализма, а ведь эта проблема имеет актуальное значение для многих братских стран, строящих социализм. Лишь три диссертации раскрывают роль женщины в социалистическом строительстве, хотя никак нельзя считать этот вопрос хорошо освещенным в советской литературе. 51 диссертация посвящена истории советского рабочего класса, но только одна из них специально исследует рост материального благосостояния советских рабочих⁵ и лишь одна — изменения в его составе, хотя именно эти проблемы наиболее слабо изучены, а без них невозможно создать подлинно научную историю героического рабочего класса СССР.

Как ни странно, до сих пор еще крайне недостаточно уделяется внимания таким коренным проблемам развития рабочего класса СССР, как его количественный и качественный рост, изменения в источниках и формах его пополнения, регулирование его состава. Между тем только глубокая разработка этих вопросов позволит по-настоящему вскрыть и осмыслить те глубинные процессы и закономерности, которые лежат в основе больших социальных сдвигов, происшедших в советском обществе⁶.

Важная для понимания вопросов развития рабочего класса проблема подготовки рабочих кадров освещается однобоко и сводится главным образом к изучению только системы профессионально-технического образования.

Чрезвычайно мало внимания уделяется проблеме развития социалистических наций. Разрешению национального вопроса посвящено всего три диссертации, вопросам становления советской государственности в национальных республиках и взаимоотношениям народов СССР — шесть работ, особенностям экономического и политического развития национальных республик — четыре работы. В большинстве диссертаций проблема развития наций и национальных взаимоотношений в СССР, развития социалистического интернационализма, по существу, обходится, если не считать самых общих высказываний. Возьмем, например, работу С. Салиева «Социалистическое соревнование на предприятиях текстильной промышленности в годы четвертой пятилетки (1946—1950)». В ней совершенно обойдены вопросы развития национальных промышленных кадров, хотя речь идет как раз о молодом рабочем классе, выросшем в Узбекистане в результате осуществления ленинской нацио-

⁵ Л. А. Савитская. Рост материального благосостояния рабочего класса Белоруссии в годы третьей пятилетки (1938 — июнь 1941 г.). Минск. 1958.

⁶ Есть только одна диссертация — А. В. Смирнова «Рабочие кадры тяжелого машиностроения СССР в 1946—1958 гг.» (М. 1962. Институт истории АН СССР), — которая в пределах указанной отрасли промышленности решает некоторые из этих проблем.

нальной политики⁷. Даже в работе М. Гулямовой⁸, специально посвященной формированию кадров узбекской национальной интеллигенции, обойдена проблема развития узбекской социалистической нации.

Очевидные пробелы имеются и в тематике работ по новейшей истории. Бросается в глаза то обстоятельство, что новейшая история занимает все еще небольшое место в работах аспирантов, специализирующихся по всеобщей истории. В 1962 г. Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР запланирован прием всего 5 аспирантов по новейшей истории (из 31 по всеобщей истории). В Ленинградском, Тбилисском, Пермском, Львовском университетах, в Московском областном педагогическом институте, имеющих высококвалифицированные профессорско-преподавательские кадры, редко наблюдается защита диссертаций по новейшей истории. Советская общественность проявляет огромный интерес к событиям, развертывающимся ныне в странах Африки, Азии, Латинской Америки. Она живо реагирует на международные отношения, на положение и борьбу народных масс в капиталистическом мире. Научную молодежь надо нацеливать на исследование этих вопросов.

Пробелы в исследовании многих вопросов заметны и при ознакомлении с тематикой диссертаций по истории СССР периодов феодализма и капитализма. Слабо освещается, например, история культуры (все-го четыре диссертации). Нередко собственно гражданская история оказывается в диссертациях на втором плане. Зачастую игнорируются темы, связанные с анализом внутренней политики, деятельности буржуазных партий, реакционных идеологических и общественных течений. Без изучения этих вопросов не только не смогут быть достигнуты полнота и всесторонность освещения исторического процесса, но и останется невыясненной та конкретная обстановка, в которой они развивались, деятельность прогрессивных сил, их борьба против реакции. Чтобы вернее оценить, насколько прогрессивный характер носило то или иное движение, надо ясно представлять, что ему противостояло. Опыт борьбы с реакцией важен и сегодня для прогрессивных сил во многих зарубежных странах.

Очень важно, на наш взгляд, правильно определить самый объект исследования, обеспечить выявление закономерностей изучаемых процессов. В этой связи следует отметить, что в ряде случаев предмет диссертаций формулируется явно неудачно.

За последнее время получили широкое распространение местные, региональные темы. Из 234 кандидатских диссертаций по истории советского общества 178 посвящено именно им. Само по себе территориальное ограничение предмета исследования не только не препятствует появлению полноценных работ, но в ряде случаев и необходимо. Так, В. И. Царанов изучал вопрос о коллективизации в правобережных районах Молдавской ССР⁹. Очевидно, что такое локальное ограничение темы вполне правомерно: данные районы вошли в состав СССР лишь в 1940 г., коллективизация здесь имела свои особенности, что и подлежало исследованию. Х. Юлдашев избрал предметом изучения развитие промышленности в Ташкенте в годы первой пятилетки¹⁰. Это тоже оправдано, так как Ташкент сосредоточивал тогда основную часть сред-

⁷ Диссертация С. Салиева отклонена Высшей аттестационной комиссией.

⁸ М. Гулямова. Из истории формирования кадров узбекской советской интеллигенции (1933—1937). Ташкент. 1961 (диссертация).

⁹ В. И. Царанов. Коллективизация крестьянских хозяйств правобережных районов Молдавской ССР (1945—1950 гг.). М. 1960 (диссертация).

¹⁰ Х. Юлдашев. Борьба трудящихся Ташкента за развитие промышленности в годы первой пятилетки. Самарканд. 1959 (диссертация).

неазиатской промышленности и именно на этих материалах можно было показать, как осуществлялась индустриализация бывшей экономически отсталой окраины царской России. Заметим, однако, что, правильно определив предмет диссертации, автор, на наш взгляд, не сумел дать глубоких выводов, ограничившись описанием того, как планировалось и осуществлялось развитие ташкентской промышленности. Этой ошибки избежал В. А. Шварев, работавший над локальной темой, посвященной победе Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии¹¹. Автор сосредоточил внимание на выявлении специфических условий и особенностей проведения социалистической революции в губернии, где преобладало мелкобуржуазное, крестьянское население и где сильными позициями обладали меньшевики и эсеры. Подобные исследования, построенные на локальном материале, способствуют более полному и всестороннему раскрытию общих закономерностей и тем самым вносят реальный вклад в историческую науку.

Важно, чтобы тема исследования соответствовала определенному историческому явлению, по своей сущности имеющему явные территориальные и хронологические пределы в рамках общего процесса. Тогда исследователь сможет хорошо аргументировать свои выводы и конкретно показать, как проявлялась общая закономерность в данном явлении и как это явление, в свою очередь, отражалось в общем ходе исторического процесса. Это вопрос методологии научного исследования. К сожалению, нередко можно еще встретить такую постановку диссертационных тем, которая либо искусственно ограничивает объект исследования, либо вообще не дает оправданных его границ. Например, изучение истории коллективизации ведется зачастую в пределах ныне существующих областей. Но ведь современное административно-территориальное деление не соответствует имевшему место в период коллективизации. Можно ли раскрыть во всей полноте деятельность губернских и краевых партийных организаций в борьбе за коллективизацию, если изучать только часть этой деятельности? Можно ли раскрыть специфические особенности коллективизации, которые были присущи в совокупности ряду областей и краев, если иметь в поле зрения только одну какую-нибудь область? Ведь такое ограничение рамок исследования неизбежно ведет автора к описательности, к фактографии, и ссылки на важность накопления материалов не могут оправдать отсутствия глубоких, обобщающих выводов. Конечно, состав архивного фонда в современных областных центрах делает более удобной работу над локально ограниченной темой, но ведь исследовать надо не архив (если речь идет не об источниковедческой проблеме), а историческое явление. В распоряжении историков советского общества имеется огромное богатство материалов, и тут надо, чтобы не архивный фонд определял тему, а чтобы выбор архивных материалов был подчинен задаче исследования.

Постановка некоторых диссертационных тем страдает неопределенностью, расплывчатостью. Порой еще применяется своеобразный шаблон, по которому формулировка темы начинается словами: «Из истории...». Рассмотрим автореферат диссертации В. А. Гонгадзе «Из истории «Тетри Цкаро» (недавнее прошлое и настоящее)»¹². Автор заявляет о том, что ставит своей задачей дать по возможности «целостное представление о прошлой истории и современном состоянии поселка Тетри Цкаро и Тетрицкарийского района, являющегося в настоящее время одним из ведущих сельскохозяйственных районов Грузинской ССР». Но какая же здесь научная проблема? Перед нами популярный очерк истории поселка Тетри Цкаро, и ничего больше. В авто-

¹¹ В. А. Шварев. Великая Октябрьская социалистическая революция в Пензенской губернии. Владивосток. 1957 (диссертация).

¹² В. А. Гонгадзе. Из истории «Тетри Цкаро». Тбилиси. 1960 (автореферат).

реферате, где обычно излагаются в обобщенном виде наиболее важные научные выводы исследования, сообщается, что в парке поселка «построена красивая летняя эстрада», что с целью защиты зеленых насаждений и деревьев парка культуры и отдыха последний обнесен со всех сторон цоколем из естественного тесаного камня и установленной на нем металлической решетчатой оградой и столбами из тесаных базальтовых камней, а «главный источник Тетри Цкаро огражден чисто тесанными камнями овальной формы по специальному проекту», что, наконец, «в поселке построена новая благоустроенная баня на 30 человек в час». Никакого научного исследования тут нет, и понятно, почему автор ничего не сообщает об источниковедческой базе своего труда, который представляет собой явную компиляцию разных материалов, в том числе статей из Большой Советской Энциклопедии. Непонятно, как в Институте истории Академии наук Грузинской ССР мог быть принят к защите в качестве кандидатской диссертации популярный краеведческий очерк, не имеющий ничего общего с научным исследованием.

Можно привести и другие темы диссертаций, не содержащие четкой проблемы. Какую проблему, например, решает диссертация Л. П. Гарибджаняна «История развития Ереванского государственного университета (1920—1930 гг.)»¹³ или работа С. Б. Кульбаева «Казахстан в период принятия Конституции и проведения первых выборов в Верховный Совет республики (1936—1938 гг.)»¹⁴? В лучшем случае такие работы могут дать лишь некоторый фактический материал, но реальным вкладом в науку они не явятся.

Мы встречаемся и с чрезмерно широкой постановкой диссертационных тем, когда авторы пишут понемногу обо всем, не давая глубокого исследования ряда затрагиваемых проблем. Вряд ли можно признать удачной тему диссертации М. К. Зулаляна «Армения в первой половине XVI века»¹⁵, хотя эта работа использует широкий круг источников. Здесь речь идет и о социально-экономическом развитии, и о политической истории Армении, и об общественно-политической мысли, но при этом остается неясным, какая проблема (общий очерк истории Армении) вряд ли можно считать проблемой) разрешена диссертантом. Н. М. Лелекач защитил в Институте истории АН УССР диссертацию на тему «Проблемы истории Закарпатья феодально-крепостнической эпохи XI—XVIII вв.»¹⁶. Понятно, что дать исследовательское разрешение такой всеобъемлющей темы невозможно. То же самое следует сказать и о диссертации И. Г. Багирова «Всемирно-историческое значение борьбы народов за предотвращение войн в современную эпоху»¹⁷. Не случайно эта работа изобилует самыми общими рассуждениями, а главным источником для ее написания явились материалы, опубликованные в республиканской газете «Коммунист». Подобные случаи, к сожалению, не единичны. В 1961 г. в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина П. Ф. Гончаровым была защищена диссертация «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и подъем национально-освободительной борьбы в колониях и зависимых странах в 1917—1923 гг. (на примере некоторых стран Азии)». Автор счел возможным писать о странах Азии, не позаботившись о привлечении оригинальной литературы этих стран, ограничившись

¹³ Л. П. Гарибджанян. История развития Ереванского государственного университета (1920—1930 гг.). Ереван. 1960.

¹⁴ С. Б. Кульбаев. Казахстан в период принятия Конституции и проведения первых выборов в Верховный Совет республики (1936—1938 гг.). Алма-Ата. 1960.

¹⁵ М. К. Зулалян. Армения в первой половине XVI века. Л. 1959.

¹⁶ См. одноименный автореферат Н. М. Лелекача. Ужгород. 1958.

¹⁷ И. Г. Багиров. Всемирно-историческое значение борьбы народов за предотвращение войн в современную эпоху. Баку. 1958.

только обзором работ, переведенных на русский язык. Мы уже не говорим о том, что непомерная широта темы не дала автору возможности осуществить достаточно глубокий и обстоятельный анализ.

Строгий и всесторонний контроль за тематикой научных исследований, на который обратил внимание ученых Н. С. Хрушев, должен стать законом деятельности научных учреждений и вузов, готовящих кадры молодых ученых.

Полезно остановиться на некоторых организационных вопросах подготовки диссертаций. Прежде всего следует отметить, что выбор темы для диссертации нередко зависит не только и порой даже не столько от необходимости научной разработки того или иного вопроса, сколько от возможности обеспечить диссертанта научным руководителем, от личных интересов их обоих. Надо, по нашему мнению, ввести подготовку диссертаций в такие организационные рамки, которые отвечают прежде всего потребностям развития науки¹⁸. Активизировавшаяся за последнее время подготовка научных кадров высшей квалификации — докторов наук — в ближайшие годы создаст возможность научного руководства аспирантами по гораздо более широкому кругу вопросов, чем теперь.

Нужно навести порядок в планировании тем кандидатских диссертаций. Думается, что они должны обязательно включаться в общий план научной деятельности кафедр, факультетов, университетов, институтов и рассматриваться как органическая составная часть тех проблем, разработкой которых занимается научное учреждение. Тогда не только повысится ответственность кафедр и институтов за тематику и качество диссертаций, но и самые диссертации будут нацелены на разрешение конкретной научной задачи, стоящей перед всем коллективом научных сотрудников. Работа аспиранта над диссертацией перестанет быть самоцелью и будет протекать в тесной связи с деятельностью научного коллектива. Наконец, включение кандидатских диссертаций в планы научной работы поможет устранить нередко еще встречающееся дублирование тематики, которое является большим злом и ведет к бессмысленной трате государственных средств.

Координация научной работы, в том числе и подготовки диссертаций, должна стать предметом постоянного внимания не только министерств и ведомств, но прежде всего научных советов по проблемам, созданных в системе Академии наук, а также соответствующих секций научно-технических советов при министерствах. Следует провести разделение исследовательского труда между различными вузами и институтами в масштабе всей страны, не боясь того, что в плане какого-либо учреждения не окажется тех или иных тем; они будут разрабатываться там, где для этого есть наиболее благоприятные условия.

Необходимо также обеспечить реальную возможность публикации диссертаций. Установленный в 1956 г. порядок обязательной публикации основных разделов диссертационных работ является совершенно правильным. Этот порядок преследует цель научной апробации диссерта-

¹⁸ Этот вопрос важно поставить и потому, что приходится сталкиваться с другим, еще более неприятным фактом. Став на путь «расширения географии» в подготовке аспирантов, мы не всегда подходим к решению этого вопроса с учетом реальных возможностей. Есть еще немало случаев, когда право руководства аспирантами предоставляется лицам, не имеющим необходимых научных данных. Этот недостаток легко удастся устранить, если министерства, утверждая научных руководителей аспирантов, будут консультироваться с соответствующими координационными органами, в первую очередь с научными советами по проблемам, которые действуют в институтах академий наук и включают крупнейших специалистов по различным отраслям исторических знаний.

ций, он призван способствовать повышению их качества. Однако заметим, что в практике публикации работ соискателей имеются серьезные недостатки. Лучшие из них, как правило, находят «выход» в научных журналах страны. Большинство же работ печатается в местных изданиях — «Ученых записках» и «Трудах» институтов и университетов. Но напечатать статью в этих изданиях бывает не так просто. Обычно «Труды» и «Ученые записки» отводят крайне мало места работам по истории. Случалось, что даже в «Вестнике» Московского университета за целый год — 1958-й — не было ни одной статьи по советской тематике. В Томском университете за шесть лет вышло всего два выпуска «Ученых записок», в которых имелись статьи, посвященные истории, столько же — в Таджикском университете. В «Ученых записках» Новосибирского педагогического института за 15 лет, с 1945 по 1960 г., напечатано всего восемь статей по истории, в Пензенском пединституте и того меньше — пять, а «Ученые записки» Орловского пединститута за 20 лет существования не опубликовали ни одной статьи по истории. Более того, в ряде «Ученых записок», ранее весьма широко представлявших свои странички для исторических статей, в последнее время обнаруживается обратная тенденция. Так, в «Ученых записках» Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, опубликовавших до 1961 г. 154 исторические работы, в том числе 25 по советской тематике, в 1961—1962 гг. не содержалось ни одного исторического исследования. Добавим, что в «Ученых записках» и «Трудах» печатаются преимущественно работы преподавателей, а не аспирантов.

Все это создает немалые трудности для публикации работ молодых историков, затягивает сроки защиты диссертаций. Не удивительно поэтому, что некоторые диссертанты «устраивают» свои работы в самых неожиданных с точки зрения тематики изданиях. Д. И. Гутман, например, напечатал статью «Борьба Ленинградской партийной организации за восстановление и развитие топливно-энергетической промышленности» в «Трудах» Ленинградского санитарно-гигиенического института, М. И. Рейхруд статью «Партийное руководство колхозной деревней в годы Великой Отечественной войны» — в «Трудах» медицинского института¹⁹. Помимо того, что публикации в таких изданиях остаются незамеченными специалистами и являются чисто формальным основанием для приобретения права защиты диссертации, следует иметь в виду, что редакционные коллегии таких изданий вряд ли могут квалифицированно оценить научные достоинства этих работ.

В то же время в выпуски «Ученых записок», предназначенные для публикации материалов по истории, попадают порой статьи, далекие от серьезного научного исследования. Так, в «Ученых записках» Хабаровского педагогического института за 1958 г. напечатана статья К. Б. Шустерман по истории западноевропейского средневековья, изобилующая фактическими ошибками, извращениями текстов источников²⁰. Характерным примером несерьезного подхода редакционных коллегий к отбору статей для «Ученых записок» служит работа М. Яшина²¹. Она страдает существенными недостатками, чрезвычайно снижающими ее научную ценность. Прежде всего бросается в глаза отсутствие в ней четкого плана: в описание генерального плана реконструкции столицы, принятого в 1935 г., и мероприятий, проводившихся по его осуществлению до Великой Отечественной войны, вклиниваются вдруг некоторые факты из послевоенных мероприятий и решения XX съезда КПСС об укреплении строительных организаций; более того, и о довоен-

¹⁹ См. одноименные авторефераты этих диссертаций.

²⁰ См. рецензию И. И. Фроловой в сборнике «Средние века». Вып. XXII. 1962.

²¹ М. Яшин. Московская партийная организация в борьбе за социалистическую реконструкцию столицы СССР. «Ученые записки» Смоленского педагогического института. Вып. V. 1957.

ной и о послевоенной реконструкции Москвы говорится так, будто в ее осуществлении не было ни перерыва во времени, ни принципиальной разницы во многих аспектах. Только в конце статьи, как бы спохватившись, между прочим, автор упоминает о генеральном плане реконструкции Москвы 1951 г., рассчитанном на 10 лет. Самые различные по своему характеру вопросы без всякой последовательности и логической связи перемежают друг друга: планировка города и трудовой героизм строителей, индустриализация столицы и благоустройство домов, партийно-организационная и политическая работа среди строителей и снова планировка и архитектура. Конечно, все эти вопросы исторически связаны между собой, но нельзя же из них делать «окрошку», подавать их без четкой логической взаимосвязи и последовательности. В работе встречаются и принципиальные ошибки: некритически относясь к ряду документов, автор фактически ратует за архитектурные излишества и критикует экономичные проекты домов. Не научность, а дилетантский подход лежит в основе статьи. И таких статей, к сожалению, в «Ученых записках» немало.

Нередко диссертанты ссылаются на свои газетные статьи как на научные исследования. А. И. Ганусец²², защищавший в 1962 г. в Отделении общественных наук АН УССР диссертацию на тему об общественно-политическом развитии Турции в республиканский период, сослался в автореферате на свою популярную брошюру и напечатанные в газетах и журналах статьи, имеющие весьма отдаленное отношение к теме диссертации. Л. Н. Фурер (Казанский университет), автор диссертации о волжском судоходстве в 50—60-х годах XIX в.²³, правда, напечатал одну статью в «Ученых записках» Казанского пединститута, но наряду с ней и на равных правах он ссылается на свою брошюру, изданную местным музеем (не преминув сказать, что она получила положительную оценку в местной газете), а также на статьи в газете «Советская Татария» и в многотиражке «Куйбышевец».

Трудности с публикацией аспирантских работ — это один недостаток. Но не меньшим, если не сказать более точно — прямым злом является опубликование незрелых в научном отношении работ. Необходимо прекратить прием к защите диссертаций, написанных на основе популярных брошюр, газетных заметок и статей. Надо предусмотреть в планах изданий «Ученых записок» и «Трудов» определенное место для публикации аспирантских работ, причем основанием для этого должен служить план подготовки аспирантов данного института. Нужно ввести в планы местных издательств публикацию наиболее значительных монографических исследований, среди которых должны быть и диссертационные. К стати сказать, в Грузии, например, нередко на защиту представляются труды, предварительно опубликованные местными издательствами²⁴. Надо организовать централизованное издание тематических сборников аспирантских работ. И всюду — и там, где печатаются или будут печататься труды аспирантов, и там, где они подлежат защите, — необходимо предъявлять в интересах науки строгую требовательность.

Высокую требовательность надо предъявлять, начиная с приема в аспирантуру и кончая утверждением докторских диссертаций. Очень важно выявлять людей, действительно способных к творческой научной работе. Не секрет, что у некоторых лиц, стремящихся в аспирантуру, бытует представление, будто историком может стать любой более или менее грамотный человек. Это — опасное заблуждение, от которого стра-

²² А. И. Ганусец. Общественно-политическое развитие Турции в республиканский период. Киев. 1962 (автореферат).

²³ См. Л. Н. Фурер. Волжское судоходство в 50—60-х годах XIX века. Казань. 1958 (автореферат).

²⁴ См., например, Г. С. Атанелишвили. Сванетский вопрос в византийско-иранских дипломатических взаимоотношениях (562—590 гг.). Тбилиси. 1961.

дают и наука и люди, вступившие на ее стезю без необходимых способностей и знаний. Людям, вступающим в науку, надо почаще вспоминать слова К. Маркса о том, что «в науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»²⁵.

Проявляя высокую требовательность к диссертациям, надо подумать и о введении более совершенных методов работы над материалами, экономящих время аспирантов. В подавляющем большинстве случаев они работают так, как работали исследователи сто лет назад. Сколько труда уходит на механическое переписывание текстов документов, на самые простейшие арифметические подсчеты! Микрофильмирование и фотокопирование материалов должны войти в повседневную практику работы научных учреждений и вузов; стоит подумать и о механизации статистической обработки массового материала. Научным университетским и другим библиотекам следует приступить к планомерной работе по обеспечению диссертантов необходимой литературой, прибегая к специализированному комплектованию и к широкому регулярному использованию межбиблиотечного абонемена. Библиотеки должны знать, какие проблемы разрабатываются в том или ином институте или университете, и заранее планировать библиотечно-библиографическое обслуживание исследовательской деятельности. Если бы библиотеки смогли наладить регулярное обслуживание диссертантов необходимой литературой (в том числе иностранной), было бы сэкономлено много времени и средств, расходуемых ныне аспирантами на длительные поездки в Москву, Ленинград и другие крупные центры.

При определении плана подготовки аспирантов разных специальностей каким-либо вузом нужно учитывать не только потребности данного вуза в специалистах определенной области, но и наличие реальных возможностей их подготовки в этом учреждении. Мы уже говорили о том, что явно недостаточна подготовка аспирантов по новейшей истории. Но зачем запланирован прием в аспирантуру по новейшей истории для Мордовского университета, где нет ни необходимых архивных материалов, ни книжных фондов? Можно представить, на каком уровне будут подготовлены там специалисты по новейшей истории. Готовить аспирантов для себя вузы могут и должны, но только в том случае, если для этого есть необходимые условия. Для обеспечения научной и учебной работы вуза главное не в том, где подготовлен специалист — на месте или нет, а в том, как он подготовлен. Впрочем, именно забота о подготовке специалиста требует внимательного подхода к решению вопроса о том, где его готовить. Будущий ученый должен получить хорошую научную школу. Мы не уверены в том, что некоторые педвузы и даже отдельные университеты, имеющие ныне аспирантуру по истории, в состоянии обеспечить такую школу. Торопливость в расширении аспирантуры на местах может дорого обойтись науке, которая получит неполноценных специалистов. С другой стороны, очень важно как можно шире привлекать самые квалифицированные научные силы к подготовке аспирантов. Не секрет, что между академическими институтами, где эти силы сосредоточены, и университетами образовался заметный разрыв. Многие крупные ученые, уйдя после ликвидации совместительства из вузов, лишились возможности готовить себе смену. Мешает делу и чрезвычайно сложная процедура оформления научных руководителей на работу с почасовой оплатой (заметим, что часть вузов вообще лишена почасового фонда). Некоторые же научно-исследовательские институты явно не используют своих возможностей для подготовки аспирантов. Чем объяснить, что в Институте славяновед-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 25.

ния за последнее время проводится в среднем одна (!) защита кандидатской диссертации в год, а Институт Африки только к ноябрю 1962 г. поставил на защиту первые две диссертации? Институт стран Латинской Америки тоже пока не выпускает кандидатов наук, все еще пребывающая в стадии организационного становления.

Нельзя пройти мимо еще одного вопроса, имеющего чрезвычайно большое значение, — распределения молодых специалистов после окончания аспирантуры. Если в 1960 и 1961 гг. аспиранты, как правило, вынуждены были сами заниматься трудоустройством (в университетах Российской Федерации в 1960 г. это коснулось всех аспирантов-историков), то в 1962 г. весь выпуск аспирантов был полностью распределен Министерством просвещения РСФСР и в значительной части Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР.

По этому поводу у нас есть два соображения. Во-первых, необходима координация деятельности этих министерств по вопросу о подготовке аспирантов. При ее наличии недостаток молодых специалистов в одной системе всегда удастся восполнить за счет их избытка в другой. Однако еще целесообразнее было бы сосредоточить подготовку научных кадров в одном из министерств. Во-вторых, необходимо преодолеть сопротивление отдельных вузов, не желающих расставаться с работниками, которые в силу своих возрастных, научных и иных качеств явно не удовлетворяют предъявляемым к ним требованиям. Многие из них тормозят продвижение молодежи, получившей необходимую подготовку в аспирантуре: Трудно понять, как при наличии 445 новых кандидатов наук — специалистов по истории СССР 80 мест преподавателей этой дисциплины в вузах РСФСР все еще занимают лица без ученой степени. 260 молодых кандидатов по всеобщей истории не хватило для замещения 84 должностей! Следствием неурядиц с распределением является необеспеченность части аспирантов работой по специальности, а то и просто прекращение молодыми специалистами какой бы то ни было научной деятельности.

«Необходимо создать, — сказано в рекомендациях Всесоюзного совещания по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, — более благоприятные условия для работы молодых историков, обратив особое внимание на обеспечение их квалифицированным руководством, выделение необходимого времени для научной работы и создание благоприятных условий для опубликования их работ. Нужно разработать мероприятия по дальнейшему улучшению качества подготовки научных кадров по истории через аспирантуру (система отбора, научное руководство, сосредоточение аспирантуры в наиболее крупных центрах, целевая аспирантура и др.)». Подготовка кандидатов наук приобретает ныне все больший размах. Долг советских ученых — решительно улучшить подготовку научных кадров. Чтобы сделать это, нужно много поработать, ликвидировать многие недочеты. Разумеется, мы назвали лишь некоторые из них. Глубокий и всесторонний анализ задач по подготовке кадров историков, данный в докладе акад. Б. Н. Пономарева, конкретные предложения, выдвинутые на Всесоюзном совещании, несомненно, явятся важной вехой на пути развития советской исторической науки и сыграют немалую роль в деле обеспечения подготовки высококвалифицированных ученых-историков.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ НА ВОЛГЕ

А. М. Самсонов

Прошло два десятилетия со времени окончания волжской эпопеи, положившей начало коренному повороту в ходе второй мировой войны. Все эти годы не прекращалась работа по исследованию грандиозной битвы, события которой стали достоянием не только отечественной, но и всемирной истории.

В изучении советской историографией битвы на Волге, по нашему мнению, следует выделить три периода. Первый из них начался после окончания битвы и продолжался вплоть до завершения Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). В условиях военного времени изучение и освещение событий этой эпопеи было подчинено общей задаче, стоявшей перед нашим народом: «Все для фронта, все для победы!». Основное внимание уделялось тогда пропаганде массового героизма, проявленного советскими воинами у стен волжской твердыни, выявлению превосходства советского военного искусства над немецко-фашистским, обобщению боевого опыта войск и командования в целях дальнейшего его практического использования на полях сражений. Второй период охватывает годы после окончания войны до исторического XX съезда КПСС (1945—1956 гг.). В это десятилетие выдвигались задачи собственно историографического характера. Однако на их решении, точно так же как и на трактовке ряда вопросов в работах, вышедших в первый период, отрицательно сказался культ личности Сталина.

Третий период начался после XX съезда КПСС, осудившего чуждый марксизму-ленинизму культ личности и положившего начало решительной борьбе с его отрицательными последствиями во всех сферах жизни. В этот период, продолжающийся и сейчас, Коммунистической партией созданы благоприятные условия для глубокого научного и всестороннего изучения Волжской битвы, для восстановления исторической правды, широкого показа решающих факторов, обусловивших героическую победу советских войск в феврале 1943 г. на Волге, и прежде всего роли народа.

Гигантские сражения, развернувшиеся летом и осенью 1942 г. в междуречье Волги и Дона, приковали к себе внимание всех народов и нашли широкое отражение в печати: в регулярно публиковавшихся сообщениях Совинформбюро, газетных и журнальных статьях, очерках. Число такого рода материалов было весьма велико¹. Большое количество корреспонденций публиковалось во фронтовой и армейской печати², среди войск распространялись листовки о подвигах защитников города-героя³. Вскоре после капитуляции немецко-фашистских войск на Волге в военной и гражданской печати были опубликованы

¹ См. Е. В. Данилевский, Р. В. Панова. Героический Сталинград. Аннотированный указатель литературы. М. 1943; С. Моисеев, Э. Чернович. Героический Сталинград. Указатель литературы. М. 1943; П. Зайончковский. Разгром немцев под Сталинградом. Указатель литературы. М. 1945.

² «На защиту Родины» (газета 62-й армии) и др.

³ Часть таких листовок опубликована в сборнике «Герои и подвиги. Советские листовки Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (М. 1958) и в ранее изданных публикациях документов и материалов.

материалы, подводившие первые итоги этой великой битвы. В дальнейшем наряду с пропагандой массового героизма советских воинов в течение всех военных лет продолжалось не только накопление фактического материала, но и были сделаны первые попытки его систематизации и обобщения. В эти годы стали появляться книги и брошюры по истории великой битвы на Волге, тематические сборники, включающие преимущественно уже опубликованный в печати материал, а также специальные издания, предназначенные для проведения политработы на фронте. Эти работы представляют интерес с точки зрения процесса формирования начального этапа историографии Волжской битвы.

Первые работы, носящие исторический характер, появились после завершения битвы. К числу их следует отнести брошюры Н. А. Таленского, Н. М. Замятина, Э. Б. Генкиной, В. И. Сидорова и Н. А. Фокина⁴, в которых давалось краткое изложение событий этой героической эпопеи, а также их анализ. Тогда же были изданы публикации документов и материалов по этой теме⁵. Среди исследований по истории битвы на Волге, вышедших в годы войны, следует отметить коллективную работу Н. М. Замятина, И. В. Савина, Ф. Д. Воробьева, И. В. Паротькина, выпущенную в свет Воениздатом⁶. Авторы ее, в то время сотрудники военно-исторического отдела Генерального штаба Красной Армии, в сжатой форме осветили оперативно-стратегическую сторону событий. Эта книга, главной целью которой было обобщение боевого опыта войск, содержала наиболее обстоятельный для того времени анализ важнейших операций битвы.

Историческая литература, вышедшая в первый период, в целом давала правильную оценку битве на Волге, как великому подвигу Красной Армии и всего советского народа, охарактеризовала основные аспекты ее международного значения, показала развитие некоторых операций на Волго-Донском стратегическом направлении. Вместе с тем описание событий битвы в литературе этих лет носило еще, как правило, общий характер, без всестороннего раскрытия и анализа их конкретно-исторического содержания. В известной мере это было обусловлено рядом объективных причин. В условиях военного времени содержание боевых операций составляло военную тайну, что, естественно, сказалось на степени освещения их в печати. Количество и нумерация армий, корпусов, дивизий, бригад и полков, их численный состав, вооружение, соотношение сил, наименование населенных пунктов, где проходили бои, содержание болевшинства приказов о боевых действиях, показ самих операций и многое другое оставались вне рамок исторического исследования. Однако наряду с объективно оправданными мерами по сохранению военной тайны уже тогда имели место необоснованные умолчания, а также заведомые искажения некоторых фактов с целью преувеличения роли Сталина. Эта тенденция приводила к тому, что освещение героических усилий народа и Красной Армии оттеснялось тем самым на второй план. Читатели как бы подводились к мысли, что не массы, вдохновляемые и руководимые партией, ее Центральным Комитетом, а якобы гениальность Сталина определяла в первую очередь успех борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

⁴ Н. Таленский. Великое сражение под Сталинградом. М. 1943; Н. Замятин. Сражение под Сталинградом. М. 1943; Э. Генкина. Героический Сталинград. М. 1943; В. Сидоров, Н. Фокин. Разгром итапо-немецких войск на Дону. М. 1944.

⁵ «Великая битва под Сталинградом». Приказы Верховного Главнокомандующего и сообщения Совинформбюро. М. 1943; «Разгром немцев под Сталинградом. Признание врага». М. 1944; «Листовки Сталинградской областной партийной организации». Астрахань. 1943; «Комсомольцы в боях за родной город». Сборник статей и документов. Сталинград. 1944; «Героический Сталинград». Сборник материалов и документов. Сталинград. Кн. 1. 1943; кн. 2. 1945.

⁶ Н. Замятин, И. Савин, Ф. Воробьев, И. Паротькин. Битва под Сталинградом. М. 1944.

К числу существенных недостатков исторической литературы этого времени следует отнести также слабое использование в ней документов и других свидетельств противника. Вполне естественно, что историография военных лет, воссоздавая историю великой битвы на Волге по горячим следам событий, прежде всего сосредоточивала внимание на военных операциях. В связи с этим в работах, изданных в 1943—1945 гг., получили сравнительно слабое освещение такие стороны исторического процесса, непосредственно связанные с ходом битвы, как деятельность советского тыла, партизанское движение на временно оккупированной врагом территории, международное положение СССР, экономическое и политическое состояние гитлеровской Германии, соотношение сил воевавших государств и др.

В отличие от военных лет изучение битвы на Волге во второй период, начавшийся после окончания Великой Отечественной войны, проводилось не только более широким фронтом, но и на более солидной документальной основе, что благотворно сказалось на научном уровне исследований. В эти годы освещение битвы на Волге продолжает сохранять большое общественно-политическое звучание. Поэтому многие работы сочетали элементы научно-исследовательского анализа проблемы с пропагандистской направленностью содержания. Естественно, что такие работы не имели четко очерченного научно-исследовательского характера. Тем не менее они свидетельствовали об усилении исследовательской тенденции, о дальнейшем развитии историографии Волжской битвы. В газетах и периодических изданиях продолжали публиковаться статьи по этой проблеме. Особенно много было опубликовано их в связи с 10-летием разгрома гитлеровских войск у стен волжской твердыни. Появился ряд книг и брошюр о битве на Волге⁷. Значительное место этой теме отводится также в отдельных главах работ, посвященных другим аспектам истории Великой Отечественной войны⁸. Тогда же были написаны и защищены шесть кандидатских диссертаций⁹; издан ряд книг участников событий. Так, М. А. Водолагин на основе главным образом местных архивов показал деятельность партийной

⁷ А. Ч у я н о в. Большевики Сталинграда — города-героя, города славы. М. 1946; «На защите родного города». (Воспоминания рабочих завода «Красный Октябрь».) Сталинград. 1949; М. Стрехнин, Ф. Сурядов. Бронекатера в боях за Сталинград. М. 1949; «Сталинградцы». Рассказы жителей о героической обороне. Лит. запись Е. Герасимова и В. Шмерлинка. М. 1950; «Комсомольцы и молодежь в боях за Сталинград». Сталинград. 1951; Н. Филиппов. Северо-западнее Сталинграда. Записки армейского редактора. М. 1952; А. Самсонов. У стен Сталинграда. М. 1952; Ф. Жемайтис. Сталинградская битва. М. 1953; «Всемирно-историческая победа под Сталинградом». Сборник статей. М. 1953; «Исторические места обороны Царицына — Сталинграда». Путеводитель. Сталинград. 1953.

⁸ Г. А. Деборин. Международные отношения в годы Великой Отечественной войны. М.-Л. 1948; «Волжский альманах». 1949. № 7; «Тезисы докладов слушателей на второй военно-научной конференции 27—29 декабря 1952». М. 1952; «Студенческие научные работы Киевского государственного университета имени Т. Шевченко». Сборник 12. История. Киев. 1952; «Боевая слава советской авиации». Изд. 2-е. М. 1953; «Царицын — Сталинград». Сталинград. 1954; «Молодежи о Советской Армии». 2-е изд. М. 1955; «Очерки истории Великой Отечественной войны». М. 1955; «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)». М. 1956, и др.

⁹ М. А. Водолагин. Сталинград в 1941—1943 гг. Великой Отечественной войны Советского Союза. 1947. Академия общественных наук при ЦК ВКП(б); М. Ермаков. К вопросу истории борьбы за Сталинград в период Великой Отечественной войны. 1951. МГПИ имени В. П. Потемкина; Я. Г. Зубарев. Политическое обеспечение наступательных действий советских войск под Сталинградом (19 ноября 1942 — 2 февраля 1943 г.). 1952. ВПА имени Ленина; Н. И. Миколенко. Организующая и вдохновляющая роль коммунистов в героической обороне Сталинграда. 1953. Киевский университет; П. К. Спикин. Коммунистическая партия Советского Союза — вдохновитель и организатор разгрома гитлеровских полчищ под Сталинградом. 1953. Академия общественных наук при ЦК КПСС; А. Н. Климов. Трудящиеся города Сталинграда и области в борьбе за разгром немецко-фашистских оккупантов под Сталинградом (июль 1942 — февраль 1943 г.). МГУ имени М. В. Ломоносова.

организации города-героя и участие его населения в защите волжской твердыни¹⁰.

Военным подвигам защитников города-героя посвящена книга А. Д. Ступова и В. Л. Кокунова¹¹. Изучив широкий круг источников и воспоминания, они сумели показать героизм воинов 62-й армии, рост их боевого мастерства. В одной из глав книги авторы рассказывают о той большой партийно-политической работе, которая проводилась среди воинов частей и подразделений армии в период боев на улицах города. В 1953 г. вышло 2-е, дополненное и исправленное издание этой книги. Существенным недостатком работы является то, что боевые действия 62-й армии рассматриваются в ней изолированно от военных действий других объединений наших войск, участвовавших в операциях на Волге.

В 1953 г. была издана книга Б. С. Тельпуховского¹². По тематической широте поставленных проблем эта работа, несомненно, отличалась от предшествующих изданий. Ее автор ставил своей целью наряду с описанием военных действий осветить и другие аспекты, относящиеся к этой битве. В книге есть главы о партизанском движении, работе советского тыла, военно-политическом значении победы наших войск на Волге. Однако углубленного анализа многих важных вопросов темы книга не давала и тем самым вызвала ряд критических откликов¹³. Натечатанные в том же году брошюры А. Колесника¹⁴ и М. Меншикова¹⁵, в которых были привлечены как ранее опубликованные, так и не введенные еще в научный оборот материалы, носили научно-популярный характер и, подобно большинству изданных работ, представляли собой краткий очерк военных событий с описанием массового героизма защитников города-героя.

В периодической печати того времени появляется ряд работ, в которых уточняется освещение отдельных вопросов волжской эпопеи. Так, Бор-Раменский в своей статье «Из истории обороны Сталинграда в 1942 г.»¹⁶ на основе анализа вышедших изданий показал присущие большинству из них некоторые типичные недостатки. Он справедливо отмечал, что при освещении обороны города в исторической литературе имели место неточности и грубые ошибки. Например, авторы почти всех исследований рассматривали город в границах старого Царицына, не учитывая изменений, которые произошли в нем за годы социалистического строительства. Между тем с ростом промышленных предприятий и жилищного фонда города расширились и его границы. К 1941 г. город раскинулся на правом берегу Волги почти на 70 километров. Поэтому утверждение отдельных наших авторов о том, что гитлеровцы в ходе уличных боев овладели южной частью города, а в руках его защитников якобы оставалась лишь небольшая часть городской территории, противоречило действительному положению вещей.

Тенденция к усилению исследовательского момента нашла свое выражение в попытках некоторых авторов показать в своих трудах влияние великой битвы на Волге на развитие мировых событий. К такому роду работ следует отнести специально посвященные этому вопро-

¹⁰ М. А. Водолагин. Сталинград в Великой Отечественной войне (1941—1943 гг.). Сталинград, 1949.

¹¹ А. Д. Ступов, В. Л. Кокунов. 62-я армия в боях за Сталинград. М. 1949.

¹² Б. С. Тельпуховский. Великая победа Советской Армии под Сталинградом. М. 1953.

¹³ А. Желанов. Книга без глубоких теоретических обобщений. «Красная звезда», 6 июня 1954; К. Черемухин. Недостатки в книге об исторической битве. «Пропагандист и агитатор», 1954, № 9; Е. Бор-Раменский. Б. С. Тельпуховский. Великая победа Советской Армии под Сталинградом. «Вопросы истории», 1954, № 12.

¹⁴ А. Колесник. Сталинградская битва. М. 1953.

¹⁵ М. Меншиков. Сталинградская битва. М. 1953.

¹⁶ «Исторические записки», кн. 53, 1955.

су главы в книге Г. А. Деборина «Международные отношения в годы Великой Отечественной войны» и коллективном труде «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)».

Какаясь общего состояния изучения Сталинградской битвы за десятилетие (1945—1956 гг.), следует признать, что, несмотря на отмеченное выше усиление исследовательского момента, все же в целом в историографии этих лет военное и общен историческое содержание гигантских по своему значению событий на Волге не было сколько-нибудь полно раскрыто; более того, при их освещении были допущены ошибки принципиального характера, в большинстве своем явившиеся следствием отрицательного влияния культа личности Сталина.

В исторической литературе того времени, когда советская военная наука и военное искусство назывались «сталинскими», а руководством Сталина объяснялись все успехи Красной Армии, история битвы на Волге искажалась в существенных ее аспектах, а некоторые ее важные факты замалчивались и игнорировались. Так, при анализе хода сражений летом 1942 г. не раскрывались полностью действительные причины отступления наших войск на южном крыле советско-германского фронта. В книгах и статьях отсутствовало какое-либо упоминание о том, что Советское Верховное Главнокомандование, во главе которого стоял Сталин, неправильно определило направление главного удара врага и в связи с этим приняло стратегически ошибочные решения. Всесторонний анализ причин чрезвычайно серьезной обстановки, сложившейся для нашей Родины летом и осенью 1942 г. и породившей неисчислимы бедствия для народных масс, отсутствовал. При этом игнорировалось то важное обстоятельство, что Советский Союз располагал необходимыми силами и средствами, чтобы в 1942 г. не допустить нового глубокого проникновения немецко-фашистских войск в жизненно важные районы нашей страны. Больше того, само отступление наших войск объявлялось чуть ли не преднамеренным, соответствующим так называемому плану «активной обороны», и трактовалось как проявление мудрости «сталинской стратегии».

Авторы военно-исторических трудов приписывали лично Сталину разработку замысла и основных положений плана окружения и уничтожения сталинградской группировки противника. В действительности, как известно, этот план был плодом коллективной творческой деятельности командований Сталинградского, Юго-Западного и Донского фронтов, Генерального штаба и Ставки Верховного Главнокомандования. Преувеличивая роль Сталина в руководстве операциями, историческая литература оставляла в тени заслуги других военных и политических деятелей. Миф о полководческой гениальности Сталина, создание вокруг его имени ореола непогрешимости вели к принижению роли и значения легендарных подвигов непосредственных участников битвы на Волге.

Культ личности Сталина отрицательно сказался и на трактовке ряда других сторон истории битвы. Крайняя напряженность и исключительная трудность положения защитников волжской твердыни полностью не раскрывались. Отсутствовал анализ ошибок и недочетов в руководстве отдельными боями и операциями, а также в проведении эвакуации гражданского населения и материальных ценностей.

При освещении оборонительного и наступательного периодов битвы на Волге описывались действия лишь отдельных армий и соединений, тогда как героическая борьба основной массы войск не показывалась. Так, например, утверждалось, что непосредственная оборона города-героя осуществлялась лишь 62-й армией. Одни и те же факты повторялись во многих изданиях, в то время как новые данные из документальных источников в литературу вводились чрезвычайно скупно. Все это обедняло и ослабляло научное и политико-воспитательное значение разрабо-

тываемой проблемы. Исследование битвы на Волге в общеисторическом плане, за исключением отдельных попыток, не проводилось.

Серьезный ущерб изучению событий Волжской битвы и их освещению в печати наносило также излишнее засекречивание. В результате сложилось такое парадоксальное положение, когда научное исследование битвы на Волге в известной мере отставало от ее изображения в художественной литературе и искусстве. Так, в литературном сценарии писателя Н. Вирты «Сталинградская битва», изданном в 1948 г., а затем и в одноименной кинокартине сообщались данные (наименование армий и соединений, фамилии их командующих и командиров), которые в исторических работах не упоминались еще в течение целого ряда лет. Это случилось потому, что автор сценария получил разрешение на опубликование работы непосредственно от Сталина. Надо также отметить, что при изучении битвы на Волге советская историография по-прежнему слабо учитывала источники враждебной стороны.

Третий период в разработке истории Сталинградской битвы начался после XX съезда КПСС и продолжается до настоящего времени. Исторические решения этого съезда, имевшие огромное международное значение, оказали положительное воздействие на развитие общественных наук. Особенно это сказалось на изучении истории советского общества. Преодоление таких отрицательных последствий культа личности, как догматизм и начетничество, открытие доступа ко многим ранее закрытым для исследователя книгохранилищам и к архивным фондам, дали свои плодотворные результаты. Существенно изменилось и положение с разработкой истории Великой Отечественной войны и второй мировой войны. 12 сентября 1957 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление о написании многотомного труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», а также о выпуске серии сборников документов и однотомной научно-популярной истории Великой Отечественной войны. Решение этих задач было возложено на Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Активизировалась научная разработка рассматриваемых проблем и по линии других научных организаций. Важное значение для разработки истории войны имело создание «Военно-исторического журнала». Издательства увеличили выпуск книг по истории Великой Отечественной и второй мировой войн. Появились фундаментальные труды и публикации важных документов. В частности, большое значение для изучения внешней политики СССР и международных отношений в годы войны имело издание переписки между главами правительств СССР, США, Великобритании¹⁷.

Из материалов о волжской эпопее, появившихся за последние годы в периодических изданиях, привлекают внимание фрагменты из воспоминаний активных участников событий¹⁸, некоторые статьи по общим и частным вопросам истории Волжской битвы¹⁹ и особенно публикации документов²⁰.

¹⁷ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Тт. I—II. М. 1957.

¹⁸ В. Чуйков. Армия массового героизма. (Из записок о боевом пути 62-й армии.) «Октябрь», 1958, № 2; е го же. Незабываемые дни. (Из воспоминаний об оборонительных боях 62-й армии в Сталинграде.) «Военно-исторический журнал». 1959, № 3; М. Попов. Южнее Сталинграда. Там же. 1961, № 2; П. Ильин. Бой за Калач-на-Дону. Там же. 1961, № 10; П. Жидков. Как сомкнулось кольцо окружения вокруг 6-й немецкой армии. Там же. 1962, № 3; Н. Воронов. Операция «Кольцо». Там же. 1962, № 5, 6; Ф. Воробьев. Об операции «Кольцо». Там же. 1962, № 11.

¹⁹ П. Огарев. Бои у Верхне-Кумского (15—19 декабря 1942 г.). «Военно-исторический журнал». 1959, № 5; Н. Воронов. О некоторых вопросах освещения первого периода Великой Отечественной войны. Там же. 1960, № 2; Е. Кан. Материалы о гибели 2-й венгерской армии. Там же. 1960, № 6; Ф. Утенков. Некоторые вопросы оборонительного сражения на дальних подступах к Сталинграду. Там же. 1962, № 9.

²⁰ «К истории Сталинградской битвы». (Документы. Подготовили С. Рогинский,

Следует также сказать о небольших по объему работах А. Васильева, М. Водолагина и А. Колесника, которые были написаны для массового читателя²¹. Помимо уже опубликованного в литературе материала, в них приводились некоторые новые данные. Так, А. В. Васильев в приложении к своей работе дает «Список командующих и некоторых командиров соединений и частей — участников Сталинградской битвы». Несмотря на допущенные отдельные неточности и ошибки²², эта первая, хотя и далеко не исчерпывающая, публикация имела определенную научную ценность.

Мемуары активных участников событий, опубликованные за последние годы²³, имеют не только большую познавательную ценность, но и являются важным источником для разработки научной истории битвы на Волге. Особенно в этом отношении следует выделить книги маршалов Советского Союза А. И. Еременко «Сталинград. Записки командующего фронтом» и В. И. Чуйкова «Начало пути». Книга А. И. Еременко рисует широкую картину гигантской битвы, развернувшейся в донских степях и на берегу Волги, наиболее полно раскрывая действия войск Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. Уделяя основное внимание описанию боевых действий, автор вместе с тем высказывает свои суждения по целому ряду военно-теоретических вопросов. Воспоминания В. И. Чуйкова ярко показывают героическую борьбу 62-й армии в периоды оборонительных и наступательных боев. В своих воспоминаниях А. И. Еременко и В. И. Чуйков приводят ценные документы, дают живую и образную характеристику многочисленным участникам великой битвы. Особый интерес представляют приводимые в книге А. И. Еременко многочисленные факты, ярко показывающие роль Н. С. Хрущева в организации героической обороны и завоевании исторической победы на Волге в феврале 1943 года. Книги А. И. Еременко и В. И. Чуйкова ценны не только как свидетельства выдающихся участников событий, но в значительной своей части и как исторические исследования, основанные на привлечении документальных источников.

Несомненный интерес представляют также воспоминания П. И. Батова, Н. И. Бирюкова, С. Ф. Горохова, И. И. Людникова, А. И. Родимцева, А. Г. Родина, В. М. Баданова²⁴ и других ветеранов событий. Они позволяют глубже изучать многие важные вопросы боевых сражений на подступах и на территории города-героя, помогают восстановить яркие исторические страницы гигантской битвы на Волге.

Среди документальных публикаций следует отметить сборник «В дни великого сражения»²⁵, материалы которого представляют собой летопись массового героизма защитников города-героя.

Г. Тихов и др.) «Исторический архив». 1958, № 3; «Документы о Сталинградской битве». «Военно-исторический журнал» 1959, № 2; «Принципиальные вопросы операции 6-й армии под Сталинградом». Из личного архива фельдмаршала Паулюса. Там же. 1960, №№ 2, 3; «Подвиг тридцати трех». Там же. 1962, № 10.

²¹ А. Васильев. Битва под Сталинградом и ее военно-политическое значение. Материал к лекции. М. 1958; М. Водолагин. У стен Сталинграда. М. 1959; А. Колесник. Великая битва на Волге. 1942—1943 гг. М. 1958.

²² См. И. Кузнецов. За точность военно-исторических фактов (о некоторых недостатках литературы по Сталинградской битве). «Военно-исторический журнал». 1960, № 2.

²³ В. Зайцев. Записки снайпера. Владивосток. 1956; «Битва за Волгу». (Воспоминания участников Сталинградского сражения.) Сталинград. 1958; Л. Винокур. 7-я Сталинградская гвардейская. Сталинград. 1958; В. Чуйков. Легендарная 62-я. Сталинград. 1958; его же. Начало пути. М. 1959; его же. Выстояв, мы победили. М. 1960. А. Зубцов. Записки разведчика. Куйбышев. 1959; А. Еременко. Сталинградская битва. (Из воспоминаний.) Сталинград. 1958; его же. Сталинград. Записки командующего фронтом. М. 1961.

²⁴ П. И. Батов. В походах и боях. М. 1962; см. «Битва за Волгу». (Воспоминания участников Сталинградского сражения).

²⁵ «В дни великого сражения». Сборник документов и материалов о Сталинградской битве. Сталинград. 1958.

Существенно расширилось освещение событий битвы на Волге в исторических работах по истории СССР и в общих трудах по истории Великой Отечественной и второй мировой войн²⁶. Следует, однако, отметить, что отличительной особенностью указанных изданий является преимущественное внимание к показу чисто военного аспекта событий.

Достигнутый советской историографией уровень разработки истории Великой Отечественной и второй мировой войн дает возможность перейти к систематизации и широкому обобщению накопленного исторического материала, к монографическому исследованию отдельных ее проблем. Попытка обобщения истории битвы на Волге была предпринята, в частности, автором настоящей статьи²⁷.

Широкие перспективы открыли перед исследователями истории Великой Отечественной войны решения XXII съезда КПСС, призвавшего представителей общественных наук строго соблюдать ленинский принцип партийности и объективности в науке, всесторонне раскрывать решающую роль народных масс в истории, организующую и руководящую роль Коммунистической партии в советском обществе.

Серьезным достижением в научной разработке истории битвы на Волге является освещение ее событий во втором и третьем томах «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.»²⁸. Важно прежде всего отметить, что раскрытие исторического содержания великой битвы в томах осуществляется на основе привлечения широкого круга документальных источников. Это позволило глубоко, а в ряде вопросов и по-новому осветить события.

Во втором томе рассматриваются планы сторон на летнюю кампанию 1942 г., выявляются обстоятельства, обусловившие переход немецких войск в новое наступление, анализируются причины неудач советских войск, рассказывается о героической обороне волжской твердыни. Советская разведка, говорится в томе, своевременно информировала Верховное Главнокомандование о готовившемся наступлении противника в сторону Сталинграда и Кавказа. Однако Ставка продолжала сосредоточение сил Красной Армии на центральном участке фронта, полагая, что главный удар противника будет направлен на Москву. В результате этого были приняты стратегически ошибочные решения. На Юго-Западном направлении не была подготовлена непреодолимая для врага глубоко эшелонированная оборона. Кроме того, при планировании летней кампании 1942 г. Советское Верховное Главнокомандование недооценило силы противника и не предусмотрело временный переход Красной Армии к стратегической обороне. Тем самым была упущена возможность «создать с меньшими потерями и значительно раньше все необходимые условия для коренного перелома в ходе войны в свою пользу»²⁹.

В третьем томе подробно показывается подготовка и переход Красной Армии в контр наступление, окружение и уничтожение 300-тысяч-

²⁶ «Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941—1945». Сборник статей. М. 1956; «Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями». М. 1957; Р. Мордвинов, Н. Вьюненко. Военные флотилии в Великой Отечественной войне. М. 1957; «Инженерные войска Советской Армии в важнейших операциях Великой Отечественной войны». М. 1958; «Бронетанковые и механизированные войска Советской Армии». М. 1958; «Вторая мировая война 1939—1945 гг.». Военно-исторический очерк. М. 1958; «Труды» Военной академии имени М. В. Фрунзе. М. 1958; Б. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945 гг. М. 1959; «Идеологическая работа КПСС на фронте (1941—1945 гг.)». М. 1960.

²⁷ А. М. Самсонов. Сталинградская битва. От обороны и отступлений к великой победе на Волге. Исторический очерк. М. 1960. Рецензии на книгу см. «Военно-исторический журнал». 1961, № 4; «Труд», 10 мая 1961 г.; «Вопросы истории», 1961, № 10; «История СССР», 1961, № 5.

²⁸ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», Т. II—III. М. 1961.

²⁹ Там же. Т. II, стр. 104.

ной сталинградской группировки противника. Разгром немецко-фашистских войск в междуречье Волги и Дона справедливо оценивается как поворотный пункт в ходе вооруженной борьбы на советско-германском фронте и начало коренного перелома в Великой Отечественной и во всей второй мировой войне. Освещение периода битвы на Волге во втором и третьем томах дается в тесной взаимосвязи событий на фронте с общеполитическими и экономическими явлениями исторического процесса, определяется их влияние на всю международную обстановку. Авторы томов раскрывают роль партии и народа, показывают высокий моральный дух советских людей на фронте и в тылу, единство народов СССР в священной войне за свободу и независимость Родины.

Советская историография в годы, минувшие после XX съезда КПСС, достигла несомненных успехов в изучении битвы на Волге. Освещение ее стало более конкретным, научно аргументированным и объективным. Именно в эти годы начинают появляться работы, в которых операции на Волге стали раскрываться путем анализа боевых действий конкретных армий и соединений, с точным указанием их номеров, районов действий, приведением оперативной документации и т. п.³⁰ Много ценных исторических фактов воспроизводится на страницах «Военно-исторического журнала» и других периодических изданий. Так, в упоминавшейся выше статье генерала армии М. М. Попова³¹, который во время рассматриваемых событий был заместителем командующего Сталинградским фронтом, помещены интересные данные, относящиеся ко времени исторического наступления наших войск под Сталинградом. Ценные факты приводят в своих воспоминаниях Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов и другие активные участники событий.

За последние годы в исторической литературе были достигнуты значительные результаты по преодолению вредных последствий культа личности в трактовке проблемы, в частности в объективном раскрытии событий первого периода войны. В военно-исторических работах отмечались серьезные ошибки, допущенные Сталиным при руководстве операциями, например, Харьковской (май 1942 г.)³², которая закончилась крупной неудачей для советских войск, послужившей одной из предпосылок успешного наступления противника на Сталинград и Северный Кавказ. Подверглись критике теоретические положения Сталина о сущности стратегического контрнаступления и о том, что «неагрессивные нации» неизбежно отстают с подготовкой к войне³³.

Серьезнее и глубже стало раскрываться решающее значение деятельности Коммунистической партии и ее ЦК в завоевании победы над врагом. На конкретном историческом материале показывается, что достижение коренного перелома в войне было результатом напряженного труда советских рабочих, колхозников и интеллигенции, массового героизма наших воинов, самоотверженной боевой деятельности партизан в тылу врага. Раскрываются конкретно-исторические проявления превосходства советского общественного и государственного строя над общественным и государственным строем гитлеровской Германии, изучаются международные отношения и внешняя политика Советского государства в период битвы на Волге.

Несомненные успехи в исследовании битвы на Волге позволяют говорить не только о большом количественном росте исторической литературы, посвященной этой великой эпопее, но и о качественных изме-

³⁰ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», Т. II, III; «Вторая мировая война 1939—1945 гг.». Военно-исторический очерк. М. 1958; А. М. Самсонов. Указ. соч.

³¹ «Военно-исторический журнал», 1961, № 2.

³² «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», стр. 294—295.

³³ А. И. Еременко. Сталинград. Записки командующего фронтом, стр. 446—455.

нениях, о росте ее научного уровня. Главной темой историографии Волжской битвы стал народ, который под руководством партии одержал победу над фашистскими апрессорами. В рассмотренные нами выше первые два периода изучения великой битвы встречалось немало работ, в которых о рядовых воинах говорилось лишь в связи с тем, что они подписали письмо-клятву на имя Сталина. О политработе в войсках писалось как о пропаганде приказов и докладов Сталина. После XX съезда КПСС в исторических трудах глубже освещается содержание операций и конкретные действия воинских коллективов, добивавшихся успеха на своем участке и тем обеспечивавших общую победу. Вдохновляющая и направляющая роль партии не просто декларируется, а раскрывается во всем богатстве ее содержания. Мы видим цементирующую деятельность коммунистов-руководителей, начиная от члена Политбюро ЦК ВКП(б) и Военного Совета фронта Н. С. Хрущева, возглавлявшего коммунистов двух крупных стратегических объединений, до парторга роты, личным примером поднимавшего в атаку залегшую цепь автоматчиков. Если раньше историки шли от схемы событий, сформулированной Сталиным, то теперь, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, они самостоятельно осмысливают конкретные исторические явления. Вместо схематичного, стандартного описательства налицо стремление исследователей на основе широко привлекаемых документальных источников по-новому поставить и решить ряд проблем. Отметим некоторые из них. Критический анализ военно-стратегических планов сторон на лето 1942 г.; значение волжской эпопеи в ряду битв Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом; планирование контрнаступления под Сталинградом; значение отдельных сражений и операций в деле достижения победы на Волге; сравнительный вклад фронтов и армий в разгром немецко-фашистских войск на Волго-Донском стратегическом направлении; победа на Волге как начало общего наступления на южном крыле советско-германского фронта; действия советских войск на других участках советско-германского фронта в период битвы на Волге; битва на Волге и перелом в работе советского тыла; международное значение битвы на Волге, ее влияние на развитие внутривосточной обстановки в странах обеих воевавших коалиций, нейтральных и поработанных гитлеризмом государствах; битва на Волге и партизанское движение на временно оккупированных территориях СССР. Можно назвать и другие проблемы. Не все они, конечно, полностью решены, но сама их постановка, научный обмен мнениями в отношении их раскрытия являются одним из стимулов дальнейшего развития историографии великой волжской эпопеи.

Одна из важных особенностей третьего периода в изучении рассматриваемой темы состоит в том, что в советской исторической литературе начинают все более полно учитываться научно обоснованные данные иностранных авторов, а также более обстоятельно разоблачаются фальсификации и мифы буржуазной реакционной историографии о Волжской битве. В зарубежной историографии событиям битвы на Волге посвящены многочисленные книги и статьи. Правильное освещение получают эти события в работах историков и публицистов социалистических стран, что содействует научной разработке рассматриваемой проблемы. Яркое описание бесславного конца немецко-фашистских войск под Сталинградом содержится в книге немецкого антифашистского писателя Эриха Вайнерта³⁴. Интересные новые данные о влиянии битвы на Волге на политическое положение в Румынии в годы второй мировой войны приведены в статье румынского историка Б. Балтяну³⁵.

³⁴ Э. Вайнерт. Помни Сталинград! Из дневника «Годы великой битвы». М. 1958.

³⁵ «Analele Institutului de istorie a Partidului de pe lângă C. C. al P. M. R.». București, 1960, № 1, p. 66—106.

Источниковедческой новизной отмечена публикация документов о гибели 2-й венгерской армии на Дону³⁶. Можно было бы назвать и другие работы, посвященные битве в междуречье Дона и Волги.

Большое количество работ и мемуаров, посвященных второй мировой войне, в которых значительное место отводится рассматриваемой теме, опубликовано в США, Англии, Западной Германии. При всем разнообразии жанров издаваемой здесь литературы она, за весьма незначительным исключением, объединена одним общим мотивом, столь присущим буржуазной реакционной историографии,— ненавистью к коммунизму, попытками умалить исторические заслуги и победы советского народа. В западногерманской историографии наиболее подробный оперативный обзор событий битвы на Волге дается в книге бывшего гитлеровского генерала Ганса Дёрра³⁷, который сам «участвовал в боях против русских»³⁸. Авторы ряда других военно-исторических работ и мемуаров, изданных в Западной Германии³⁹, также являлись непосредственными участниками битвы на Волге. События Волжской битвы рассматриваются в книгах Гальдера⁴⁰, Гёрлица⁴¹, Шейберта⁴², Шретера, Грамса⁴³, Тёпке⁴⁴ и других. В США, Англии и других капиталистических странах усиленно пропагандируются мемуары и военно-исторические работы бывших гитлеровских генералов, активных участников немецко-фашистской агрессии против СССР. В книгах Фуллера⁴⁵, Лиддел-Гарта⁴⁶, Монтомери⁴⁷ и других историческое значение Сталинградской битвы смазывается в еще большей мере, чем в работах бывших гитлеровских генералов.

Западногерманские, американские и английские буржуазные авторы искажают историю волжской эпопеи по многим вопросам, но преимущественно их фальсификация разворачивается по двум основным направлениям. Прежде всего они стараются замолчать или преуменьшить роль великой исторической победы Красной Армии на Волге и в то же время вопреки объективным фактам непомерно преувеличить значение победы, одержанной англичанами в Египте, у Эль-Аламейна. Так, Уинстон Черчилль в своих мемуарах заявляет, что победа у Эль-Аламейна знаменовала собой «поворот судьбы». Можно сказать, пишет он, что «до Эль-Аламейна мы не имели ни одной победы. После Эль-Аламейна мы не понесли ни одного поражения»⁴⁸. Д. Фуллер утверждает, что сражение у Эль-Аламейна было «самое решающее сухопутное сражение с

³⁶ A. Z. Magyr hadsereg megsemmisülése a Donnál. Budapest. 1958.

³⁷ Г. Дёрр. Поход на Сталинград. (Перевод с немецкого.) М. 1957.

³⁸ Там же, стр. 11.

³⁹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. Сталинград. Гибель 6-й армии. (Перевод с немецкого.) М. 1956; Ф. Меллентин. «Танковые сражения 1939—1945 гг.». Тихий Дон. Сталинградская катастрофа. (Перевод с английского.) М. 1957; E. Manstein. Verlorene Siege. Athenäum-Verlag. Bonn. 1957; H. Selle. Die Tragödie von Stalingrad. Der Untergang der 6. Armee. Hanower. 1948; Rodehn. Hans-Detlew Herhundt. Die Luftwaffe ring um Stalingrad. Wiesbaden. 1950; К. Цейтцлер. Сталинградская битва. В книге З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит, К. Цейтцлер, Б. Циммерман, Х. Мантейфель. Роковые решения. (Перевод с английского.) М. 1958.

⁴⁰ E. Halder. Hitler als Feldherr. Munchen. 1949.

⁴¹ W. Görnitz. Der zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. II. Stuttgart. 1952; H. A. Jacobsen, J. Rohwer. Entscheidungsschlachten des Zweiten Weltkrieges; W. Görnitz. Die Schlacht um Stalingrad. 1942—1943. Frankfurt am Mein. 1960. SS. 273—311.

⁴² H. Scheibert. Nach Stalingrad — 48 Kilometer! Heidelberg. 1956; H. Scheibert. Zwischen Don und Donez. 1942—1943. Heidelberg. 1961.

⁴³ N. Schröter. Stalingrad... bis zur letzten Patrone. Lengerich (Westfalen); R. Grams. 14. Panzer-Division. 1940—1945. Bad. Nauheim. 1957.

⁴⁴ G. Töpke. Stalingrad. Wie es wirklich war. Stade. 1949.

⁴⁵ Дж. Ч. Фуллер. Вторая мировая война. (Перевод с английского.) М. 1956.

⁴⁶ B. H. Liddell Hart. The Other Side of the Hill. London. 1948.

⁴⁷ B. L. Montgomery. From El-Alamein to River Sangro. London. 1946; e jus d. Memoirs. London. 1958.

⁴⁸ W. S. Churchill. The Second World War. Vol. IV. London. 1950, p. 541.

целью защиты интересов союзников»⁴⁹. Такие высказывания направлены к тому, чтобы событиям конца 1942 г. в Северной Африке придать большее значение, чем поражению немецких войск под Сталинградом. Так именно пишет и К. Типпельскирх⁵⁰.

Эрих фон Манштейн еще более категорично отрицает решающее значение битвы на Волге для судеб второй мировой войны. «Несмотря на то, что немцы потеряли в общем пять армий,— пишет он,— все же нельзя говорить, что эта утрата уже имела решающее значение для исхода войны»⁵¹. После битвы на Волге, по мнению этого битого гитлеровского фельдмаршала, немцы все же могли бы свести войну к ничейному результату. Бывшие гитлеровские генералы не могут отрицать, что под Сталинградом погибли крупные силы фашистских войск, но они всячески стремятся преуменьшить роль советско-германского фронта в общем ходе второй мировой войны. Генерал-лейтенант З. Вестфаль, например, говоря о высадке 8 ноября 1942 г. войск союзников под командованием генерала Эйзенхауэра в Марокко и Алжире, утверждает, что «именно теперь и началась борьба не на жизнь, а на смерть»⁵². Объясняет он это тем, что вооруженные силы США «начали теперь активные, прямые действия против Германии»⁵³.

Нельзя, конечно, сказать, что реакционные буржуазные авторы полностью игнорируют значение событий под Сталинградом. В той или иной форме, зачастую противореча собственным же утверждениям и выводам, они вынуждены оценивать значение поражения гитлеровских войск на Волге. Одни делают это с большей откровенностью, другие — с меньшей, но все вместе — не скрывая антисоветской направленности своих суждений. Бывшие гитлеровские генералы К. Цейтцлер и Г. Дёрр признают битву на Волге как «поворотный пункт» всей второй мировой войны⁵⁴. Того же взгляда придерживается и Бернгард фон Лоссберг, автор книги «В штабе главного командования вермахта», который считает, что наступление немецких армий на Восточном фронте в 1942—1943 гг. «закончилось большим поражением»⁵⁵. Западногерманский реакционный историк В. Гёрлиц, стоящий на откровенно реваншистских позициях, при оценке событий на Волге не в состоянии отрицать, что они были тяжелым потрясением для Германии, ее союзников и «нейтральных» государств⁵⁶. Бывший начальник генерального штаба сухопутных сил фашистской Германии Ф. Гальдер называет Сталинград поворотным пунктом в «полководческой славе Гитлера»⁵⁷. Но, несмотря на различные «варианты» в трактовке событий Волжской битвы, буржуазная реакционная историография едина в своем стремлении принизить значение борьбы Советского Союза против фашистской коалиции и одержанной под Сталинградом Красной Армией исторической победы. Одной из разновидностей этого необъективного освещения фактов является преувеличение численности советских войск и преуменьшение сил фашистской Германии на юго-западном участке советско-германского фронта (Дёрр, Меллентин и др.).

Второй важнейшей тенденцией в освещении этих событий, особенно в книгах бывших гитлеровских генералов и в целом западногерманской историографии, является стремление объяснить поражение немецко-фа-

⁴⁹ Дж. Ч. Фуллер. Указ. соч., стр. 313.

⁵⁰ К. Типпельскирх. Указ. соч., стр. 256.

⁵¹ E. Manstein. Op. cit., S. 462.

⁵² «Роковые решения», стр. 150.

⁵³ Там же.

⁵⁴ «Роковые решения», стр. 209; Г. Дёрр. Указ. соч., стр. 15.

⁵⁵ Bernhard Lossberg. Im Wehrmachtsführungsstab. Hamburg. 1950, S. 151.

⁵⁶ W. Görlich. Op. cit., S. 415.

⁵⁷ F. Halder. Op. cit., S. 55.

шистских войск главным образом ошибками Гитлера⁵⁸. В своих мемуарах Ф. Гальдер утверждает, что он будто бы предупреждал Гитлера о бесперспективности наступления немецкой армии на Восточном фронте летом 1942 г., но фюрер не внял его рекомендациям, и в конечном итоге это привело к катастрофе.

Среди принципиальных вопросов истории Волжской битвы, извращенно толкуемых реакционными буржуазными авторами,— события периода контрнаступления советских войск. Бывшие гитлеровские генералы отрицают внезапность для немецко-фашистского командования наступательных операций Красной Армии на южном участке советско-германского фронта осенью 1942 года. Они утверждают, что германский генералитет на фронте и в генеральном штабе настойчиво предлагал принять необходимые меры для избежания опасности окружения и лишь якобы упрямство Гитлера помешало это осуществить. С помощью подобных вымыслов западногерманские реваншисты стремятся снять с немецких генералов ответственность за поражение. Документы германского генерального штаба опровергают эту фальсификацию. Прогнозы обстановки на Восточном фронте, сделанные на основе немецких разведывательных данных Отделом иностранных армий Востока, говорят о том, что германское главное командование сухопутных сил ожидало наступления Красной Армии зимой 1942/43 г. не в междуречье Волги и Дона, а на центральном участке советско-германского фронта.

Бывшие фашистские генералы, некогда действовавшие в полном согласии с фюрером, после войны пытаются взвалить только на одного Гитлера вину как за поражение на Волге, так и во всей второй мировой войне. Эта фальсификаторская тенденция обусловлена стремлением западногерманских реваншистов и идеологов империалистической агрессии доказать «случайность» разгрома фашистской Германии. А это, в свою очередь, они используют как повод для пропаганды подготовки и развязывания новой войны против СССР и всего социалистического лагеря путем объединения агрессивных сил США, Англии, Западной Германии и других стран НАТО, с привлечением к этому делу «непогрешимого», с их точки зрения, бывшего гитлеровского генералитета. Западногерманские военные историки не поняли, а чаще всего и не желают понять, что провал кампании 1942 г., как и всей гитлеровской агрессии против СССР, следует объяснять не теми или иными «ошибками» Гитлера, в которых повинен был и немецкий генеральный штаб, а основным просчетом империалистов в отношении оценки военного, экономического и политического потенциала Советского Союза.

Советские исследователи проделали большую работу по разоблачению буржуазных фальсификаторов истории второй мировой и Великой Отечественной войн. В опубликованных книгах⁵⁹ и статьях⁶⁰ вскры-

⁵⁸ К. Типпельскирх. Указ. соч., стр. 255—274; фон Булар. Война в России. «Мировая война 1939—1945 гг.». (Перевод с немецкого.) М. 1957, стр. 196—203; Г. Гудериан. Опыт войны с Россией. «Итоги второй мировой войны». (Перевод с немецкого.) М. 1957, стр. 126—129; «Роковые решения», стр. 153—209, и др.

⁵⁹ М. Толченов. Американско-английские фальсификаторы истории второй мировой войны. М. 1958; 2-е, дополн. изд. М. 1959; «Против фальсификаторов истории второй мировой войны». (Сборник статей.) М. 1959; А. Жилин. Буржуазные фальсификаторы истории второй мировой войны. М. 1959; А. Мерцалов. Фальсификаторы истории второй мировой войны на службе империалистов. Воронеж. 1959.

⁶⁰ В. Кулиш. Фальсификация истории Сталинградской битвы в реакционной американской и английской литературе. «Вопросы истории», 1953, № 12; Д. Мельников. Причины военного поражения фашистской Германии и западногерманские фальсификаторы истории. «Вопросы истории», 1958, № 3; В. Кулбакин. По поводу статьи В. Гёрлица. «Новая и новейшая история», 1959, № 1; С. Красильников. Уроки истории. «Коммунист», 1959, № 6; Д. Кунгина. Против фальсификации истории второй мировой войны. «Военно-исторический журнал», 1959, № 5; Л. Безыменский. Изучение истории второй мировой войны в Западной Германии. Там же; П. Полтораков. Против фальсификаторов истории второй мировой войны.

ваются наиболее распространенные в реакционной буржуазной историографии извращения важнейших событий войны, в том числе истории Волжской битвы и ее значения.

Разоблачение буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны вместе с советскими учеными активно ведут историки Германской Демократической Республики и других социалистических стран, а также прогрессивные историки капиталистических государств.

Борьба против извращения истории второй мировой войны продолжает оставаться одной из ответственных задач историков-марксистов. При этом надо учитывать, что уровень развития советской историографии позволяет сейчас решать данную задачу еще более действенными методами — путем создания фундаментальных исследований и публикаций документов, глубоко раскрывающих сущность исторических событий. Борьба советских войск за город-герой нашла свое отражение в огромном количестве документальных источников, которые хранятся в фондах Архива Министерства обороны СССР, в ряде военно-научных учреждений, в отделе рукописных фондов Института истории АН СССР, партархиве Волгоградского обкома КПСС, Волгоградском государственном музее обороны, Центральном партархиве Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС и др.

При исследовании событий битвы на Волге, помимо вооруженной борьбы, требуется анализировать тесно связанные с ней политические и экономические явления в жизни воюющих сторон. Существующая в настоящее время специальная и общеисторическая литература, а также публикации документов позволяют с известной полнотой представить состояние и деятельность советского тыла в тот период, развертывание партизанской борьбы в тылу врага, международные отношения и т. д. Более глубокое исследование этих вопросов должно основываться на документальных источниках ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР, ведомственных и местных архивов. В фондах ЦПА ИМЛ содержится много ценных документов, характеризующих внутреннее положение страны в 1942—1943 гг., показывающих огромную организаторскую и политико-воспитательную деятельность партии по мобилизации усилий всего советского народа на разгром фашистских агрессоров. Состояние экономики, положение с кадрами производственных рабочих и другие важнейшие проблемы, стоявшие тогда перед тружениками советского тыла, отражены в документах, хранящихся в фондах ЦГАНХ СССР и других архивов.

Значительный интерес представляют документы германского верховного главнокомандования и генерального штаба сухопутных сил, которые в качестве трофеев были захвачены нашими войсками при разгроме фашистской Германии. Часть этих документов уже опубликована.

При характеристике состояния военного, экономического и морального потенциалов фашистской Германии в рассматриваемое время, ее оперативно-стратегических планов и их реализации в ходе вооруженной борьбы, а также политики фашистской Германии на оккупированной части советской территории и др. полезно критически учитывать фактический материал из работ буржуазных авторов, который дает дополнительные сведения об этих аспектах⁶¹.

Там же, 1959, № 9; С. Д о р о ш е н к о. О фальсификации истории партизанского движения в буржуазной печати. Там же, 1960, № 7; В. К у л а к о в. Фальсификация истории второй мировой войны — средство идеологической подготовки агрессии. Там же, 1960, № 8; Г. И о ф ф е. Р. Сэт. Сталинград — поворотный пункт. Нью-Йорк. 1959, «История СССР», 1960, № 4.

⁶¹ См., например, Б. М ю л л е р-Г и л л е б р а н д. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Тт. I—II. (Перевод с немецкого.) М. 1956—1958; «Промышленность Германии в период войны 1939—1945». (Перевод с немецкого.) М. 1956.

Наличие широкой источниковедческой базы и достигнутый советской историографией уровень в разработке истории Великой Отечественной войны и второй мировой войны в сочетании с критическим освоением данных зарубежной литературы позволяют все более успешно решать задачу создания капитальной научной истории битвы на Волге. Несомненно, что глубокое и всестороннее раскрытие содержания и значения волжской эпопеи требует объединения творческих усилий военных и гражданских историков. Это обуславливается не только наличием огромного исторического материала, но и многообразием фактов и явлений, непосредственно относящихся к событиям битвы на Волге или тесно связанных с ней.

В свете решений XXII съезда КПСС перед историками стоит важная задача окончательного преодоления последствий культа личности Сталина при изложении и анализе исторических фактов. Это в полной мере относится и к освещению событий битвы на Волге. Решение этой задачи поднимет на более высокий уровень раскрытие грандиозных — боевого и трудового — подвигов советского народа, обеспечивших в исключительно трудных условиях завоевание победы на Волге.

Легендарный подвиг советского народа и его Вооруженных Сил, совершенный в междуречье Волги и Дона, насыщен великим напряжением гигантской борьбы. Победа была достигнута стойкостью, самопожертвованием и величием духа советских воинов. Эта грандиозная борьба сопровождалась тяжелыми потерями. На пути к победе были совершены и ошибки, имелись промахи и недостатки. Историческая правда не нуждается в лакировке событий, которая имела место в период культа личности. Наоборот, чем реальнее будет изображена эта великая эпопея в исторических произведениях, тем ярче будет виден подвиг ее участников.

В большинстве работ советских историков до последнего времени рассматривался преимущественно ход вооруженной борьбы на подступах к городу-герою и на его улицах. До сих пор, например, слабо изучены действия войск Донского фронта в октябре 1942 года.

Необходимо продолжить и углубить анализ ряда теоретических проблем истории этой битвы, например, принципиально важного вопроса о борьбе за стратегическую инициативу.

Буржуазные реакционные военные историки, грубо искажая истину, пытаются утверждать, что в то время Советское государство переживало якобы состояние кризиса⁶² и не погибло лишь благодаря допущенным Гитлером стратегическим и политическим ошибкам. Этот вывод делается ими на основании фальсификации фактов при оценке боеспособности Красной Армии и состояния советского тыла. В течение первого периода Великой Отечественной войны, продолжавшегося 17 месяцев, советскому народу и его Вооруженным Силам пришлось выдержать наиболее суровые испытания, познать горечь серьезных военных неудач и поражений.

На полях Подмосковья в декабре 1941 г. фашистской Германии было нанесено первое крупное поражение, и стратегическая инициатива временно перешла к Красной Армии. Контрнаступление советских войск, начавшееся 19 ноября 1942 г., знаменовало перелом в ходе Великой Отечественной войны и второй мировой войны. Стратегическая инициатива на этот раз была окончательно вырвана из рук врага. Завоевание решающих преимуществ в ходе вооруженной борьбы против фашистской Германии было достигнуто не сразу, не просто и потребовало огромных усилий и жертв со стороны всего советского народа. Перед лицом тяжелых испытаний Советские Вооруженные Силы проявили героизм и стойкость, показали высокую боеспособность. Решающую роль в обеспе-

⁶² См. Г. Дёрр. Указ. соч., стр. 30.

чении коренного перелома в борьбе с опасным противником сыграли народныe массы и руководящая деятельность Коммунистической партии.

При освещении истории Волжской битвы перед исследователем встает задача выявления общего и специфического в конкретно-исторических условиях разгрома немецко-фашистских войск зимой 1941—1942 гг. и в конце 1942 — начале 1943 г., а также анализа исторического значения этих событий.

Исследование истории битвы на Волге должно сопровождаться восстановлением достоверности исторических фактов там, где были допущены неточности или прямые ошибки. Некоторые из них уже отмечались в военно-исторической печати⁶³. Отдельные существенные детали событий обрастали элементами «художественного домысла» в очерковых зарисовках, воспоминаниях, а затем в таком виде перекочевывали в исторические работы. Так, в брошюре Л. Винокура «7-я Сталинградская гвардейская» искажаются исторические факты при описании пленения Паулюса и его штаба⁶⁴. В освещении легендарного эпизода битвы — боевых действий героического гарнизона «дома Павлова» — некоторые моменты в ряде работ показываются неточно и противоречиво.

Научное освещение событий битвы на Волге советской историографией сопровождается переосмыслением некоторых общих принципиальных вопросов. В течение долгого времени, например, в нашей военно-исторической литературе считалось, что главной целью немецкого наступления в летнюю кампанию 1942 г. являлась Москва. Предполагалось, что враг стремился путем глубокого обхода советской столицы с востока изолировать ее от волжского и уральского тыла, а в дальнейшем овладеть ею и окончить войну победой. Наступление противника в сторону Кавказа рассматривалось при этом как вспомогательное, имевшее своей преимущественной целью отвлечение советских резервов на юг и ослабление тем самым Московского направления. Такая трактовка плана немецкого командования была дана в докладе Сталина 6 ноября 1942 г. о 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции⁶⁵. В настоящее время трактовка плана немецкого наступления на лето 1942 г. дается на основе критического анализа документальных данных немецкого верховного главнокомандования, прежде всего директивы № 41 от 5 апреля 1942 г. ставки Гитлера, служебного дневника начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Гальдера, оперативной документации групп армий, показаний немецких генералов, материалов личного архива фельдмаршала Паулюса и др. Все эти данные послужили основанием для дальнейшего изучения вопроса. Отдельные аспекты анализа этого плана и его оценки советскими исследователями имеют некоторые существенные различия. Так, по-разному трактуется конечная цель наступления противника в хронологических рамках 1942 года. Нам представляется, что этот важный вопрос требует дальнейшего изучения и обсуждения.

Среди других принципиальных вопросов и проблем, требующих углубленного исследования, особо следует указать на раскрытие международного значения победы Советских Вооруженных Сил в битве на Волге и ее конкретного влияния на весь дальнейший ход второй мировой войны.

Создание научно разработанной истории великой битвы у стен Волгограда потребует новых больших усилий советских историков.

⁶³ И. Кузнецов. Указ. соч.

⁶⁴ См. И. Ласкин. Еще раз о пленении генерал-фельдмаршала Паулюса. «Военно-исторический журнал». 1961, № 3.

⁶⁵ И. В. Сталин. Отечественная война Советского Союза. М. 1947, стр. 65.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ И АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1939 ГОДА

В. И. Попов

В последнее время в нашей стране и на Западе был опубликован ряд документов и исследований об англо-франко-советских переговорах¹. В частности, в СССР были обнародованы документы о переговорах военных миссий², еще раз показавшие, что Советское правительство прилагало большие усилия для их успешного исхода. Новые документы и материалы полностью разоблачили позорную роль Англии и Франции, сорвавших достижение соглашения и тем самым облегчивших гитлеровской Германии развязывание войны. Однако до сих пор остается малоизученной политика США в летний период 1939 г., их отношение к англо-франко-советским переговорам. Эти проблемы рассматриваются в «Истории Великой Отечественной войны», в общих курсах по истории США Н. Н. Яковлева и Е. В. Анановой, изданных в 1961—1962 гг., а также в монографии Ю. М. Мельникова «США и гитлеровская Германия», в которой сделана первая попытка осветить роль США в переговорах 1939 года³. В советской историографии дана общая оценка политики правящих кругов США в критические летние месяцы 1939 года. Однако многие стороны американской политики в отношении переговоров остаются еще не раскрытыми.

Американские буржуазные историки утверждают, что Соединенные Штаты, проводя будто бы последовательную политику нейтралитета, не вмешивались в ход переговоров и поэтому не должны нести ответственность за срыв соглашения. Большинство американских историков возлагает эту ответственность на Советский Союз, утверждая, что СССР якобы предъявлял к Англии и Франции чрезмерные требования⁴. Буржуазные ученые утверждают также, будто срыв переговоров произошел вследствие заключения Советским Союзом с Германией договора о ненападении. Другая часть американских историков и политических деятелей, стараясь более «тонко» фальсифицировать события, пытается доказать, что ответственность за срыв переговоров несут как Советский Союз, так и Англия и Франция. Заместитель государственного секретаря США С. Уэллес в своей книге «Время решений» писал о взаимной подозрительности и недоверии, при которых «заключение реального

¹ См. «История Великой Отечественной войны. 1941—1945». Т. 1. «Подготовка и развязывание войны империалистическими державами». М. 1960; «Survey of International Affairs, 1939—1946. The Eve of War, 1939». Edited by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee. London, New York, Toronto. 1958; Taylor G. The Origins of the Second World War. London. 1961.

² См. Переговоры военных миссий США, Англии и Франции в 1939 г. «Международная жизнь», 1959, №№ 2 и 3.

³ См. «История Великой Отечественной войны. 1941—1945». Т. 1; Н. Н. Яковлев. Новейшая история США. М. 1961; Е. В. Ананова. Новейшая история США. 1919—1939. М. 1962; Ю. М. Мельников. США и гитлеровская Германия. М. 1959.

⁴ См. «The Foreign Policy of the Soviet Union». Edited by Rubinstein. New York. 1960; см. также J. M. Burns. Roosevelt: the Lion and the Fox. London. 1956; Ch. C. Tansil. Back Door to War, Roosevelt Foreign Policy, 1933—1941. Chicago. 1952.

соглашения было невозможно»⁵. Известные американские буржуазные исследователи Ленжер и Глисон также считают, что переговоры потерпели неудачу из-за ошибок, которые были допущены обеими сторонами — как Англией и Францией, так и Советским Союзом⁶. В то же время американская буржуазная историография в извращенном свете представляет отношение Соединенных Штатов к идее создания коллективной безопасности в Европе, к вопросу о возможности предотвращения мировой войны и, в частности, к англо-франко-советским переговорам 1939 года.

США уделяли большое внимание переговорам. Американские послы в Англии, Франции, СССР, Германии и Польше систематически информировали государственный департамент о позиции сторон. В первом томе дипломатических документов за 1939 г., вышедшем в США, опубликовано около 70 писем и телеграмм, касающихся переговоров. Однако документы подобраны таким образом, что создается впечатление, будто американские дипломаты были не активными участниками бесед, а лишь молчаливыми слушателями. Из записей удалено все или почти все, что касается американской точки зрения⁷. Американский журнал «American Historical Review» писал, что изданный госдепартаментом документ «не является достаточной документальной базой для выяснения американской политики. По иронии судьбы читатель может из них узнать значительно больше о внешней политике любой другой страны, чем США»⁸.

Речь, конечно, может идти не об «иронии судьбы», а о несомненной тенденциозности в подборе документов. По работам ряда американских историков, близких к госдепартаменту и потому имевших возможность использовать самые секретные документы⁹ (к их числу принадлежат в первую очередь У. Ленжер и С. Глисон, занимавшие видные посты в государственном аппарате¹⁰), можно судить о том, какая огромная часть документации остается скрытой в архивах. Это, в частности, переписка государственного секретаря с послами, записи бесед К. Хэлла и Ф. Рузвельта с дипломатическими представителями иностранных государств, проливающие свет на позицию американского правительства, а

⁵ S. Welles. The Time for Decision. London. 1944, p. 250.

⁶ W. L. Langer and S. E. Gleason. The Challenge to Isolation, 1937—1940 New York. 1952, p. 121.

⁷ Сошлемся, например, на беседу 11 мая 1939 г. между временным поверенным в делах США в Германии А. Кирком и английским послом в Берлине Гендерсоном. Из английской записи беседы мы узнали, что представитель США настойчиво убеждал собеседника в нежелательности заключения Англией пакта с СССР. Он аргументировал свою точку зрения тем, будто Советскому Союзу нельзя доверять («Documents of British Foreign Policy». Third Series. Vol. V. London. 1952, Appendix I (IX), p. 802). Английский представитель придал беседе большое значение и немедленно сообщил о ней в Лондон, считая, что столь важное заявление не могло быть сделано без разрешения госдепартамента. В американских документах имеется лишь упоминание, что у Кирка состоялась «краткая беседа» с английским представителем, и даже не указано, что беседа касалась тройственных переговоров («Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939». Vol. I. Washington. 1952, pp. 185—186).

⁸ «American Historical Review», January 1956, p. 367.

⁹ В частности, Ленжер и Глисон сообщают о встрече посла США в Париже Буллитта с премьером Франции Даладье, состоявшейся 18 июля 1939 года. Собеседники обсуждали вопросы переговоров и сошлись во мнениях, что русские «хотят завоевать всю Европу в интересах большевизма» (W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., pp. 123—124). Об этой беседе нет даже упоминания в издании документов. В сборнике документов не напечатана также телеграмма американского посла в СССР Штейнгардта от 18 августа 1939 г., посвященная переговорам (см. W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., p. 179).

¹⁰ У. Ленжер являлся начальником отдела исследований центрального разведывательного управления США, С. Глисон — помощником начальника национального совета безопасности. Их книга была опубликована так называемым советом по иностранным сношениям, вице-председателем которого был Аллен Даллес, а вице-президентом — Давид Рокфеллер.

также ряд специальных документов госдепартамента, касающихся переговоров и отношения к ним США¹¹. Тем не менее изучение американских дипломатических документов (как и дипломатических документов других стран, в первую очередь Англии и Германии), мемуаров политических деятелей и дипломатов, материалов конгресса и американской прессы, а также работ буржуазных исследователей, которым был открыт доступ к архивам госдепартамента, позволяет более детально осветить политику США в тревожное лето 1939 года.

Накануне второй мировой войны Соединенные Штаты находились в тесных экономических и политических отношениях с Францией и Англией, в особенности с последней. Интересы влиятельных финансово-промышленных кругов Англии и США переплетались друг с другом. Правительства Англии и Франции были заинтересованы в получении оружия, боеприпасов и других военных материалов из США. В частности, Франция вела весной и летом 1939 г. переговоры с США о приобретении значительного количества американского вооружения. Американское влияние на Англию и Францию в 30-х годах непрерывно увеличивалось. Идя на сближение с Великобританией, США, однако, проводили свой собственный курс: они опасались усиления английского влияния в Европе и возможного сговора между Англией и Германией в ущерб империалистическим интересам США и хотели обеспечить лучшие условия для своего экономического и политического проникновения в страны Европы. США считали, что самым выгодным для них была бы война между Германией и СССР. Менее выгодным США считали столкновение западноевропейских держав друг с другом, но не возражали и против этого варианта, надеясь, что война между ними приведет к их взаимному истощению и увеличению американского влияния в Европе.

Политика США в Европе в значительной мере определялась в изучаемое время так называемым законом о нейтралитете¹². По существу, она была продолжением прежней политики поощрения гитлеровской агрессии в Европе, политики, рассчитанной в конечном итоге на германосоветское столкновение.

Политика так называемого нейтралитета была противопоставлена политике коллективной безопасности, идею которой выдвинул и отстаивал СССР и основой которой должен был явиться англо-франко-советский союз. Если политика коллективной безопасности предусматривала объединение всех государств, которым угрожала агрессия, и тем самым была направлена на предотвращение войны, то политика так называемого нейтралитета в условиях 30-х годов содействовала разъединению государств перед лицом гитлеровской агрессии.

Президент США Ф. Рузвельт, в свое время являвшийся инициатором закона о нейтралитете, признавал вред этой политики для дела мира. 7 марта 1939 г. на приеме представителей печати в Белом доме Ф. Рузвельту был задан корреспондентами вопрос, содействовало ли законодательство о нейтралитете делу международного мира. Президент, пе-

¹¹ 2 июня 1939 г. европейским отделом госдепартамента был составлен секретный меморандум, в котором рассматривались позиции сторон в тройственных переговорах и высказывалось мнение госдепартамента об их ходе (см. W. L. Langer and S. E. Gleason. *Op. cit.*, p. 11). В американскую публикацию дипломатических документов меморандум включен не был.

¹² Закон о нейтралитете, принятый в 1935 г., запрещал вывоз оружия из США во все воюющие страны. Если учесть, что агрессоры, в особенности фашистская Германия и империалистическая Япония, меньше других стран нуждались в американском оружии и, имея мощную военную промышленность, продолжали покупать для нее сырье и топливо в США, то станет ясным, что закон о нейтралитете был выгоден агрессивным государствам и, наоборот, наносил ущерб жертвам агрессии.

рефразировав вопрос следующим образом: содействовал ли закон о нейтралитете на протяжении последних трех лет делу мира, — ответил на него отрицательно. На вопрос о том, содействовал ли закон о нейтралитете делу войны, Ф. Рузвельт заявил, что в известной степени это так¹³.

Это было совершенно исключительное и единственное в своем роде признание.

Однако не только Ф. Рузвельт, но и другие политические деятели США, в свое время являвшиеся проводниками политики невмешательства, по мере развития агрессии гитлеровской Германии начинали понимать, что закон о нейтралитете таит в себе опасность для самих Соединенных Штатов. В марте 1939 г. газета «New York Times» опубликовала письмо бывшего государственного секретаря США Генри Стимсона, в котором говорилось, что если Соединенные Штаты не будут «протестовать или предпринимать каких-либо действий, выжидая, куда Англия, Франция или Китай не окажутся либо побежденными, либо вынужденными пойти на сделку с милитаристскими агрессорами, то и наше полушарие окажется настолько пораженным экономически, что оно перестанет быть безопасным и счастливым местом существования нашего народа»¹⁴. С призывом пересмотреть закон о нейтралитете выступил и лидер демократического большинства сената Э. В. Беркли, заявивший, что этот закон «не содействует сохранению международного мира»¹⁵.

В мае 1939 г. председатель комиссии по иностранным делам палаты представителей демократ Сол Блюм, поддержавший Ф. Рузвельта, внес законопроект о пересмотре закона. Законопроект предусматривал предоставление правительству права разрешить продажу всех американских товаров на основе принципа «плати и вези». Принятие этого законопроекта позволило бы в известной степени усилить позиции сторонников сопротивления гитлеровской агрессии.

Английские и французские политические деятели внимательно следили за обсуждением законопроекта Блюма. Ж. Бонне, занимавший в то время пост министра иностранных дел Франции, в речи 25 июня 1939 г. заявил: «Соединенные Штаты, возможно, держат ключи от войны или мира. Если Соединенные Штаты определенно заявят, что они будут на нашей стороне, когда начнется конфликт, угроза войны будет ликвидирована окончательно»¹⁶. Государственный секретарь США К. Хэлл также отмечал, что от позиции США в значительной степени зависел исход политического кризиса в Европе. «Я знал очень хорошо, — писал он в мемуарах, — что в Европе следят за обсуждением в конгрессе (закона о нейтралитете. — В. П.) с величайшим вниманием. Я понимал эффект, который будет иметь голосование в конгрессе для европейских государств»¹⁷. Отмена закона о нейтралитете могла бы способствовать более успешному ходу англо-франко-советских переговоров, поскольку она давала возможность усилить позиции тех кругов в Англии и Франции, которые выступали за заключение союза с СССР. Наоборот, сохранение закона о нейтралитете содействовало срыву переговоров, так как это усиливало те реакционные круги Англии и Франции, которые хотели не заключения союза с СССР, а сговора с гитлеровской Германией.

Однако предложения Блюма встретили ожесточенное сопротивление реакционных кругов США. Известный газетный магнат Рой Говард

¹³ «The New York Times», 8. III. 1939, p. I, II, L. Характерно, что составители «Речей и выступлений Рузвельта» (F. D. Roosevelt. The Public Papers and Addresses. Vol. 1939. New York. 1941) не решились полностью перепечатать ответы президента и опубликовали лишь выдержки из стенограммы пресс-конференции 7 марта 1939 г., опустив указанное признание Рузвельта.

¹⁴ «New York Times», 7. III. 1939, p. 162.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ См. W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., p. 141.

¹⁷ C. Hull. Memories. Vol. I. New York. 1948, p. 646.

писал весной 1939 г.: «Если бы имелась возможность разрешить мировые проблемы, послав фашистов против России, я был бы за это. Я за то, чтобы столкнуть Германию и Россию»¹⁸.

Американские «изоляционисты», отстаивая закон о нейтралитете, не допускали и мысли о том, чтобы американский военно-промышленный потенциал был использован Францией и Англией для оказания помощи СССР. Отмена закона о нейтралитете могла бы, по их мнению, помешать столкнуть СССР и Германию. Сторонники нейтралитета открыто противопоставляли изоляционизм политике коллективной безопасности, которую отстаивал СССР во время переговоров с Англией и Францией о союзе. Известный американский историк Чарльз Бирд в своей работе «Американская внешняя политика в действии» писал: «Весной и летом, когда европейские государства были лихорадочно заняты переговорами..., вопросы американского нейтралитета и невмешательства стали предметом бурных споров в стране. Номинально эти споры вращались вокруг вопроса о пересмотре закона о нейтралитете. На самом деле существом этих диспутов был старый вопрос о невмешательстве в конфликты между иностранными государствами как антитеза коллективной безопасности»¹⁹.

Во время обсуждения законопроекта Блюма в палате представителей члены конгресса клеветнически называли Советский Союз враждебным Соединенным Штатам государством²⁰. Многие члены палаты заявляли, что они выступают за нейтралитет, против коллективной безопасности, имея в виду возможный союз Англии и Франции с СССР, переговоры о котором велись в Москве. Республиканец Тинкхэм из Массачусетса, противник законопроекта Блюма, говорил: «Соединенные Штаты не будут сражаться за демократию вместе с Россией — союзником Франции и Англии. Как долго будет страна поддерживать конгресс, который предлагает в распоряжение коммунистической России ресурсы, кровь и богатство Соединенных Штатов, для того чтобы поддержать коммунистическое правительство и мощь коммунизма?»²¹.

Ту же мысль проводил в своих многочисленных речах Г. Гувер. Он, например, заявлял: «С тех пор как Франция и Великобритания имеют соглашения..., несовместимые с нашими идеями свободы, не может быть и речи о настоящей защите свободы Европы. Франция, например, имеет союз с Россией, и, помогая Франции, мы поставим Соединенные Штаты на сторону коммунизма»²². В американской прогрессивной печати передовая общественность выступала против антинациональной политики реакционных кругов США и резко осуждала американскую политику пособничества агрессорам. «Daily Worker», комментируя англо-франко-советские переговоры и отмечая, что «Чемберлен старался любым способом избежать принятия советских предложений, направленных на сохранение мира», решительно осуждала позицию правящих кругов США и в особенности изоляционистов. «В этой чудовищной игре человечества с миром,— писала она,— могущественные американские сенаторы-изоляционисты играют позорную роль: они помогают Чемберлену и Гитлеру... Умиротворение и изоляционизм — только другие имена войны»²³.

Ожидания прогрессивных сил Англии и Франции, рассчитывавших

¹⁸ Цит. по «Daily Worker», New York. 21.IV. 1939.

¹⁹ Charles Beard. American Foreign Policy in the Making. 1932—1940. A Study in Responsibilities. New Haven. 1946, p. 255.

²⁰ «Congressional Record, Proceedings and Debates of the 76th Congress, First Session». Vol. 84, pp. 8486, 8529 etc.

²¹ Ibid, p. 8161.

²² См. Harold Wolfe. Herbert Hoover, Public Servant and Leader of the Loyal Opposition. A Study of His Life and Career. New York. 1956, p. 376.

²³ «Daily Worker», 25.VII.1939.

на поддержку США, не оправдались. В июне 1939 г. комиссия палаты представителей, а затем и сенатская комиссия по иностранным делам высказались за сохранение закона о нейтралитете. Это решение конгресса нанесло серьезный удар по политике коллективной безопасности и ускорило начало второй мировой войны.

Американский историк Базиль Раух в книге «История нового курса. 1933—1938 гг.», оценивая результаты политики нейтралитета, справедливо писал: «Британская политика умиротворения, проводимая премьер-министром Чемберленом, дополнялась и усиливалась американской политикой нейтралитета; и та и другая открывали двери к усилению нацистской Германии, так же как Италии и Японии»²⁴.

Наряду с сохранением закона о нейтралитете большое влияние на Англию и Францию имело ухудшение дипломатических отношений между СССР и США в 1938—1939 гг., которое явилось результатом соответствующих шагов, предпринятых американским правительством. Советское правительство в своей внешней политике неизменно руководствовалось ленинским принципом сосуществования государств с различными социальными системами. Советский Союз постоянно стремился наладить контакты с США, расширить политические и экономические связи. 16 ноября 1938 г., в пятую годовщину нормализации советско-американских отношений, в советской прессе были помещены статьи, в которых подчеркивалась готовность Советского правительства улучшить отношения с США и указывалось на большие возможности, открывающиеся перед советско-американским сотрудничеством в деле укрепления мира. Газета «Известия» в статье, озаглавленной «Два гиганта», отмечала, что есть все основания для дальнейшего углубления отношений между СССР и США в интересах всеобщего мира. Обращая внимание на то, что агрессия угрожает также американскому континенту, газета писала: «Советский Союз продолжает твердо и целеустремленно идти по намеченному пути активной защиты мира, последовательной борьбы против агрессии. Обе страны еще могут встретиться на этом пути. И это имело бы самое благотворное влияние на международное положение»²⁵.

Советское правительство весной и летом 1939 г. продемонстрировало свою решимость улучшить политические и экономические отношения с США. Так, в июне 1939 г. оно предложило Соединенным Штатам значительно расширить торговлю между двумя странами²⁶.

Диаметрально противоположную политику проводило американское правительство. В середине 1938 г., когда остро стоял вопрос о создании системы коллективной безопасности с участием СССР, Соединенные Штаты отозвали своего посла из Москвы, и в течение длительного времени этот пост оставался вакантным. Газета «New York Herald Tribune» писала: «Отсрочка назначения Рузвельтом нового посла в Москву создала в дипломатических кругах впечатление, что американские отношения с Советской Россией достигли... состояния холодной неопределенности...»²⁷. «Washington Post» отмечала, что задержка носила иску-

²⁴ Basil Rauch. The History of the New Deal. 1933—1938. New York: 1944, p. 334.

²⁵ «Известия», 16 ноября 1938 года.

²⁶ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union. 1933—1939». Washington, 1952, pp. 818—819; «Правда», 5 августа 1939 года.

²⁷ «New York Herald Tribune», 2.XII.1938. Позднее, с назначением нового посла в Москву (весной 1939 г.), было объявлено об отзыве американского посла из республиканской Испании и признании фашистского режима Франко. Как отмечал руководитель отдела европейских стран госдепартамента И. Моффат, Соединенные Штаты не хотели, чтобы направление посла в СССР рассматривалось как желание США выступить с СССР единым фронтом. Моффат записал в своем дневнике, что это было бы для США «неудобным сотрудничеством» («The Moffat Papers. Selections from the Diplomatic Journals of Jay Pierrepont Moffat, 1919—1943». Cambridge. Massachusetts. 1956, p. 236).

ственный характер и создавала элемент напряженности в советско-американских отношениях²⁸.

В течение полутора лет Соединенные Штаты не имели своего посла в Москве. 4 марта 1939 г. в американских газетах появилось сообщение агентства United Press, в котором указывалось, что Советское правительство согласилось на кандидатуру Л. Штейнгардта в качестве посла США. На следующий день было опубликовано полуофициальное сообщение о его назначении. Однако в течение полугода новый посол не выезжал в страну, в которую он был назначен, и лишь 8 августа Л. Штейнгардт приступил к исполнению своих обязанностей.

Эта политика США являлась рецидивом политики непризнания и международной политической изоляции СССР.

В то же время Советский Союз настойчиво стремился улучшить советско-американские отношения. Об этом, в частности, говорит прием, оказанный Л. Штейнгардту в СССР. Последний сообщал в государственный департамент о радужной встрече и беседе с председателем Президиума Верховного Совета СССР. Он писал, что М. И. Калинин, беседа с ним, был искренен и сердечен. Председатель Президиума Верховного Совета СССР подчеркнул, что сотрудничество между двумя странами является в высшей степени желательным²⁹.

Накануне прибытия в СССР посла США американское правительство продолжало искусственно обострять отношения с СССР. Вновь был поднят вопрос о долгах царской России, о претензиях американских граждан к Советскому Союзу, что, естественно, не способствовало сближению двух государств³⁰. Характерно, что некоторые члены палаты представителей были смущены постановкой вопроса о долгах и претензиях и настойчиво спрашивали, почему понадобилось для этого дела назначение специального комиссара, поскольку Советский Союз не заявлял о готовности платить долги царского и Временного правительств, да и для США вопрос о долгах не имел существенного значения. Он поднимался каждый раз, когда американские реакционные круги хотели осложнить обстановку.

Таким образом, политические отношения между США и СССР в период кризиса 1939 г. были искусственно обострены американским правительством, что, разумеется, содействовало ухудшению положения в Европе. Соединенные Штаты не только отказывались от совместных действий с СССР, которые могли бы предотвратить войну, но и заняли враждебную Советскому Союзу позицию.

Эта враждебная позиция была продемонстрирована Соединенными Штатами и тогда, когда Японией было совершено нападение на МНР в районе реки Халхин-Гол. Японская военщина, предпринимая агрессию против Монгольской Народной Республики, рассчитывала захватить ее территорию и выйти к советским границам в районе Читы (поставив под угрозу Сибирскую железную дорогу) с тем, чтобы впоследствии захватить Советский Дальний Восток.

СССР, верный своим союзническим обязательствам в отношении МНР, оказал ей помощь. Вооруженный конфликт на Халхин-Голе был с

²⁸ «Washington Post», 6.III.1939.

²⁹ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union. 1933—1939», pp. 776—777.

³⁰ «Congressional Record Proceedings and Debates of the 76th Congress, First Session». Vol. 84, p. 8617. 5 июля 1939 г. Блюм внес резолюцию о назначении комиссара по вопросам претензий американских граждан к Советскому правительству. Резолюция предусматривала назначение комиссара сроком на 2 года для определения размеров претензий. При этом Блюм в ответе на вопрос назвал фантастическую цифру — 827 млн. долларов. Известно, что даже в меморандуме Келли, составленном накануне нормализации отношений с СССР, эти претензии исчислялись (со значительным преувеличением) в сумме 628 млн. долларов.

радостью встречен правящими кругами США, питавшими надежду, что он превратится в большую войну между Японией и СССР. Американский историк Б. Раух в работе «Рузвельт. От Мюнхена до Пирл-Харбора» на основании анализа внешней политики США на Дальнем Востоке писал, что американское правительство не желало прекращения конфликта в районе Халхин-Гола и опасалось, что СССР и Япония придут к соглашению друг с другом. «Американцы боялись...,— сообщает Б. Раух,— что за соглашением последует пакт о ненападении между СССР и Японией»³¹.

Отношение США к СССР и англо-франко-советским переговорам было с большой откровенностью изложено в меморандуме госдепартамента, составленном в июле 1939 г. помощником начальника европейского отдела Гендерсоном³². Написанный в резко антисоветских выражениях, меморандум повторял доводы фашистской дипломатии о мнимой агрессивности СССР. В нем голословно утверждалось, будто СССР потерял интерес к коллективной безопасности и не стремился больше к заключению европейского союза против агрессии. В меморандуме проводилась мысль, что СССР согласится на союз с Великобританией только на условиях, которые могут обеспечить его господство в Восточной Европе. Руководствуясь этим меморандумом, американская дипломатия и воздействовала на Англию, Францию, Польшу, Румынию, пытаясь оказать непосредственное влияние на англо-франко-советские переговоры. Через своих послов в Лондоне и Париже американское правительство получало систематическую информацию о ходе переговоров. Американские историки Ленжер и Глисон отмечают, что едва ли какое-либо другое правительство в истории было лучше осведомлено о внешней политике иностранных государств, чем американское правительство весной и летом 1939 года³³. Они объясняют это тем, что Англия и Франция нуждались в американских военных поставках и «в силу огромной возможности американского промышленного потенциала... английское и французское правительства особенно заботились о том, чтобы возможно полнее информировать американское правительство и добиваться поддержки с его стороны»³⁴.

Лондон и Париж систематически информировали американских послов о ходе переговоров с Москвой. Соединенные Штаты, в свою очередь, оказывали через своих послов в Лондоне и Париже влияние на политику Англии и Франции, доводя до сведения английского и французского правительств свое мнение о той или иной их акции. Будучи заинтересованы в американской поддержке, правительства Англии и Франции весьма внимательно относились к мнению Америки. Буллит и Кеннеди непосредственно сносились с президентом США, часто через голову государственного секретаря, что было необычным в американской дипломатической практике. Весной и летом 1939 г. роль американских послов в Париже и Лондоне значительно возросла. Американский посол в Лондоне Джозеф Кеннеди находился в тесном контакте с Чемберленом. Он был сторонником сближения с Германией. Ему принадлежит известная фраза о том, что «Германия должна иметь в экономических вопросах свободу рук на Востоке, а также на Юго-Востоке (Европы.— В. П.)...»³⁵. Кеннеди проповедовал идею заключения пакта четырех, который сплотил бы Западную Европу против Советского Союза³⁶. Поддерживая изоляционизм в США, американский посол рекомендовал и английским полити-

³¹ B. Rauch. Roosevelt from Munich to Pearl Harbor. New York. 1950, p. 172.

³² «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union. 1933—1939», pp. 773—775.

³³ W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., p. 125.

³⁴ Ibid., p. 122.

³⁵ «Documents on German Foreign Policy». Ser. D. Vol. L. Doc. № 457, p. 718.

³⁶ См. W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., p. 125.

ческим деятелям проведение аналогичной политики. Ленжер и Глисон так оценивают политические взгляды американского посла: «Он был убежден, что Гитлер и нацисты будут преследовать свои цели с исключительной безжалостностью и что любая попытка остановить их будет, вероятно, означать войну. По его мнению, Англия мало выиграет, сражаясь на континенте, и лучше было бы всеми способами избежать конфликта, который приведет Европу к разрушению и почти определенно подготовит триумф коммунизма»³⁷.

После начала переговоров Чемберлен в беседе с американским послом заявил, что английское правительство будет откладывать их «как можно дольше». В противном случае, пояснил Чемберлен, они могут выглядеть «как тесные политические связи»³⁸. И американский представитель с удовлетворением воспринял это заявление³⁹.

Американский посол в Париже У. Буллит поддерживал тесный контакт с премьером Э. Даладье. Кроме того, он пользовался доверием со стороны Бонне и расположением других французских дипломатов⁴⁰. Политическое лицо Буллита хорошо известно. Он приложил немало усилий для аннулирования советско-французского договора о взаимной помощи. Действия Буллита имели еще большее значение, чем действия американского посла в Лондоне. Это объяснялось следующим обстоятельством. Английское правительство последовательно вело курс на заключение такого соглашения, которое помогло бы столкнуть СССР с Германией. В конечном итоге это и привело к срыву переговоров. Здесь не требовалось особенного давления со стороны США, достаточно было моральной поддержки данного курса. Политика Франции была более сложной. В нашей исторической литературе нередко отождествлялись позиции Англии и Франции во время переговоров. В действительности эти позиции не всегда были абсолютно одинаковыми. Французское правительство формально было связано заключенным с СССР в 1935 г. договором о взаимной помощи, направленным против гитлеровской агрессии. Франция, в силу своего географического положения значительно больше, чем Англия, опасавшаяся нашествия гитлеровских полчищ, искала себе союзников. Многие французские политические деятели понимали, что единственно надежным союзником их страны является СССР. Советский посол в Париже Я. З. Суриц в беседе с И. М. Майским, послом СССР в Лондоне, так оценивал позицию Франции весной 1939 г.: «Даладье, при всех своих недостатках (а их у него очень много)... все-таки легче, чем Чемберлен, пошел бы навстречу нашим контрпредложениям»⁴¹. Французские правящие круги вынуждены были больше, нежели английские, считаться с народными массами, выступавшими за союз с СССР. С самого начала и до конца политических и военных переговоров в позициях Англии и Франции имелись расхождения, и французская точка зрения по некоторым вопросам была ближе к советским предложениям, чем английская.

Когда в апреле 1939 г. Советское правительство выдвинуло предложение о тройственном пакте взаимопомощи (СССР, Англия, Франция), французское правительство сообщило английскому, что в целом это предложение может явиться базой для соглашения⁴². Вместе с тем оно информировало английскую сторону, что не считает возможным поддержать ее предложение об односторонней декларации СССР парал-

³⁷ Ibid., p. 126.

³⁸ K. Feiling. *The Life of Neville Chamberlain*. London. 1946, pp. 408—409.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid., p. 123.

⁴¹ И. М. Майский. Накануне второй мировой войны. Из воспоминаний советского дипломата. «Новое время». 1962, № 3, стр. 27.

⁴² «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939». Third Series. Vol. V. Doc. № 241, p. 261.

тельно английским и французским гарантиям. «Единственное разрешение вопроса заключается в том, чтобы Англия и Франция гарантировали России в отношении последствий, которые могут явиться результатом той помощи, которую мы просим у нее»⁴³, — говорилось в заявлении французского правительства. Предложения, сделанные Францией, содержали некоторый элемент взаимности и были известным шагом вперед по сравнению с английским проектом односторонней декларации. При всех недостатках на их базе все же можно было вести переговоры.

Англия и Франция расходились также в вопросе о так называемой косвенной агрессии. В середине июля 1939 г. французский посол в Москве заявил послу Великобритании в СССР, что он считает приемлемым советское определение косвенной агрессии и что его мнение разделяет французское правительство⁴⁴. Он пытался склонить к этой точке зрения и английского посла. Последний сообщал в Форейн офис, что во время переговоров о косвенной агрессии французский посол не оказывал ему должной поддержки⁴⁵. Более того, английский посол, суммируя позиции сторон, писал Галифаксу: «Правительство е. в. считает вопрос о косвенной агрессии спорным. А французское правительство хотело бы принять советскую формулу, и, таким образом, французский посол и я будем занимать различные позиции»⁴⁶.

Имелись расхождения между двумя странами и в ходе военных переговоров⁴⁷. Таким образом, по ряду вопросов, в том числе таких кардинальных, как заключение тройственного пакта, гарантии прибалтийским государствам, определение косвенной агрессии, заключение политического военного соглашения, французские правящие круги занимали более реалистичную позицию, нежели английские. Разумеется, это не снимает ответственности с Франции за срыв переговоров, поскольку французские представители в решающий момент почти всегда склонялись к английской точке зрения, и делали они это не без влияния Соединенных Штатов.

Буллит считал, что США должны играть активную роль в европейской политике, и действительно американское посольство в Париже оказывало большое влияние на французскую дипломатию⁴⁸. Весной и летом 1939 г. он почти ежедневно встречался с французскими политическими деятелями и дипломатами. Только за период с марта по август он отправил в Вашингтон 70 донесений (имеются в виду только те, которые были опубликованы госдепартаментом). Буллит развил бурную деятельность, стремясь заставить французское правительство занять более непримиримую позицию в отношении советских предложений. Недаром видный американский писатель и издатель Штрассбургер называл Буллита «главным американским поджигателем войны в Европе»⁴⁹.

Когда весной 1939 г. Даладье сообщил Буллиту о предполагавшейся поездке в Москву Эдуарда Эррио, который выступал за тесное военное сотрудничество с Советским Союзом и пребывание которого в СССР могло содействовать успешному исходу переговоров, Буллит старался отговорить французского премьера от этих шагов. В случае, если будет решено направить Эррио в Москву, следует, считал он, не доверяя

⁴³ Ibid. Doc. № 277, p. 295.

⁴⁴ Ibid. Vol. VI. Doc. № 405, p. 450.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid. Doc. № 527, p. 576.

⁴⁷ Ibid. Vol. VII. Doc. № 6, p. 8; doc. № 115, pp. 107—108; doc. № 130, p. 119, etc.

⁴⁸ W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., p. 123.

⁴⁹ «Documents on German Foreign Policy». Series D. Vol. VI. Doc. № 781, p. 1081. (Меморандум пресс-департамента министерства иностранных дел Германии о встречах немецких деятелей с Штрассбургером).

Эррио, назначить в качестве сопровождающего лица кого-либо из тех политиканов, кто «сумеет вести дела» с советскими представителями. Буллит выразил сомнение в возможности полагаться на обещания русских и вместе с тем подчеркнул трудность переговоров с СССР, которые натолкнутся на отказ Румынии и Польши принять советскую помощь. «Почти невероятно, чтобы румыны или поляки приняли советскую помощь, даже в случае неотложной необходимости»⁵⁰, — уверял он.

В июне Советское правительство выдвинуло конкретный проект соглашения. Он предусматривал, что стороны возьмут на себя обязательство оказывать всестороннюю эффективную помощь друг другу, если одно из договаривающихся государств будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате: 1) агрессии со стороны этой державы против любого из договаривающихся государств, или 2) агрессии со стороны европейской державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, или 3) помощи, оказанной одним из договаривающихся трех государств европейскому государству, которое попросит эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета⁵¹.

Советский проект предусматривал обеспечение мира в Европе. Он исходил из полного равноправия всех участников договора. Советское правительство относилось с полным уважением и к обязательствам Англии и Франции гарантировать границы Польши, Бельгии, Турции и Греции и к обязательствам, которые Англия и Франция могли взять на себя в будущем. СССР заранее соглашался оказать помощь этим странам, а также Англии и Франции. Советское правительство шло, таким образом, далеко навстречу интересам Англии и Франции. Советское правительство рассматривало эти государства как союзников СССР и готово было выполнить все, даже самые широкие обязательства по военному сотрудничеству. Советский проект тройственного пакта исходил из того, что стороны в кратчайший срок договорятся о методах, формах и размерах помощи друг другу⁵².

Советское предложение могло явиться реальной базой для заключения соглашения. С принятием его в Европе был бы создан мощный фронт против агрессии. Это вызвало тревогу американской дипломатии. Через несколько дней после вручения текста советского предложения Англии и Франции, 6 июня 1939 г., Буллит в беседе с английским послом в Париже Е. Филпсом посоветовал Англии «не спешить с ответом на последние советские предложения». Он рекомендовал английскому правительству не создавать впечатления, будто оно «ухаживает за русскими». Иными словами, Англия должна была проявлять твердость в переговорах⁵³. Таковую же линию Буллит проводил и с французскими политиками, почти ежедневно беседуя с ними.

Аналогичную деятельность, направленную против СССР, развивал и американский поверенный в делах в Берлине А. Кирк. Он убеждал английского посла Н. Гендерсона, что нельзя «рассчитывать на сколько-

⁵⁰ См. Ch. C. Tansil. Back Door to War, the Roosevelt Foreign Policy, 1933—1941. Chicago. 1952, p. 525; W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., p. 70.

⁵¹ Архив внешней политики (АВП) СССР, ф. 06, оп. 1, д. 9, лл. 14, 15.

⁵² Там же. Директор центрального европейского департамента министерства иностранных дел Великобритании Стрэнг, участвовавший в переговорах, признавал абсолютно справедливым это предложение СССР. Он писал: «Оставить вопрос о широких и бесчисленных формах взаимной помощи неурегулированным до возникновения военных действий было как раз то, чего русские ни в коем случае не хотели делать... Они хотели знать, какие войска, в каком количестве, где и когда будут действовать, и они хотели все это изложить и одобрить заранее. 2 июня советские представители предложили, чтобы договор о взаимной помощи и военная конвенция вошли в силу одновременно» (Strang. Home and Abroad. London. 1956, pp. 163—164).

⁵³ «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939». Third Series. Vol. V, p. 775.

нибудь эффективную поддержку со стороны России в случае войны, что бы она ни говорила или обещала»⁵⁴.

Одной из проблем, создававшей самые большие трудности в переговорах, был вопрос о гарантировании западными странами безопасности прибалтийских республик и о так называемой косвенной агрессии. Существование этой проблемы заключалось в следующем. Предложение Англии и Франции предусматривало, что Советский Союз должен оказать помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции, если на них нападет агрессор, а также Англии и Франции, если они будут вовлечены в войну в связи с оказанием помощи перечисленным государствам. В то же время Англия и Франция отказывались взять на себя обязательства помочь СССР в случае, если он будет вовлечен в войну с агрессором в результате нападения последнего на граничащие с СССР Латвию, Эстонию и Финляндию. Позиция Англии и Франции не только ставила СССР в неравноправное положение, но и открывала для агрессии границы прибалтийских государств и через них границы Советского Союза. Советский Союз, понимая, что агрессия против прибалтийских государств является угрозой для него, в целях обеспечения своей безопасности настаивал на распространении гарантий Англии и Франции и на прибалтийских государствах. Справедливость позиции СССР относительно безопасности прибалтийских государств признавали и многие буржуазные политики. У. Черчилль на заседании палаты общин 19 мая 1939 г. говорил, что нет никаких разумных доводов против увеличения числа гарантируемых государств и предоставления гарантий прибалтийским государствам. «Безопасность — в числе, и, может быть, даже мир зависит от числа»⁵⁵, — замечал он.

Действия гитлеровских агрессоров и положение, сложившееся в прибалтийских государствах, заставляли опасаться не столько открытой, прямой, сколько косвенной агрессии. Именно таким путем была захвачена немецкими фашистами Чехословакия. Что же касается положения в прибалтийских странах, то сама английская дипломатия оценивала его как опасное и полагала, что правящие круги этих стран, в особенности Эстонии, в любое время могли отдать эти страны в распоряжение гитлеровских агрессоров. В беседе с К. Селтером, министром иностранных дел Эстонии, английский консул в Таллине говорил: «Согласно моей информации, Эстония имеет тенденцию стать прогерманской. Я не думаю, что эстонское правительство или массы эстонского народа являются пронемецкими, но деловые круги, богатые классы и армия, по-видимому, склоняются в этом направлении...»⁵⁶. Вот почему Советское правительство настаивало на том, чтобы обязательства трех стран действовали не только в случае прямой, но и в случае косвенной агрессии⁵⁷.

Англия считала, что понятие «косвенная агрессия» распространяется лишь на действия, совершенные «под угрозой применения силы» со стороны агрессора. Достаточно было заявить, что то или другое государство согласилось на требования агрессора «без применения силы» последним, чтобы отказаться квалифицировать нападение как агрессию. Известно, что в случае с Чехословакией так именно и произошло. Английская формула косвенной агрессии давала возможность гитлеровской Германии направить удар против прибалтийских стран, а затем и

⁵⁴ Ibid. Appendix I (IX), p. 802.

⁵⁵ «Parliamentary Debates, House of Commons». Vol. 347, № 106, 19th May 1939, col. 1854.

⁵⁶ «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939». Third Series. Vol. VI, Doc. № 294, p. 326.

⁵⁷ АВП СССР, ф. 06, оп. 1, д. 9, лл. 37—39. Косвенной агрессией Советское правительство предложило считать внутренний переворот или поворот в политике в угоду агрессору в следующих европейских государствах: Эстонии, Финляндии, Латвии, Польше, Румынии, Турции, Греции, Бельгии (там же).

Советского Союза, не гарантируя СССР помощи со стороны Англии и Франции. Английское правительство, удостоверившись в том, что СССР невозможно навязать такое соглашение, которое обеспечило бы столкновение Советского Союза с Германией, решило прекратить переговоры, тем более что на той стадии они стали мешать английской политике заключения соглашения с Германией. 10 июля в разговоре с Ж. Бонне английский посол в Берлине Н. Гендерсон заявил: «Переговоры с Россией достигли такой стадии, когда они потеряли всякое значение»⁵⁸. Отмечая, что Гитлер скорее придет к соглашению с западными державами (чьей военной силы он будто бы только боялся), если «положение не будет осложнено участием России», Гендерсон говорил: «Важно прекратить переговоры (с СССР.—В. П.) любым путем возможно скорее»⁵⁹. Того же мнения придерживался и Галифакс. В телеграмме от 12 июля, давая инструкции английскому послу в СССР У. Сидсу, он указывал, что Англия готова пересмотреть в целом свою позицию в переговорах⁶⁰. Итак, на данной стадии Англию не столько беспокоил вопрос о косвенной агрессии или о военных переговорах, сколько о том, как сорвать их под благовидным предлогом⁶¹.

Американские политические деятели и американская буржуазная пресса, поддерживая позицию Англии, стремились исказить существо советского определения косвенной агрессии, которое давало возможность обеспечить действительную независимость прибалтийских стран. Гарольд Икес, занимавший в то время пост министра внутренних дел США, рассказывал о своей встрече с Буллитом, который летом 1939 г. останавливался на несколько дней в Вашингтоне. Буллит говорил Икесу, что условия, выполнения которых потребовал Советский Союз, дадут якобы СССР право вступить на территорию любого государства, расположенного у его границ, «с целью не только встретить военное вторжение, но даже экономическое или пропагандистское наступление. Франция и Великобритания вынуждены будут поддерживать Россию, даже если решение — должна ли она вступить на территорию других государств или нет — она будет принимать одна»⁶².

В беседе с английским послом в Париже Э. Фиппсом в июне 1939 г. Буллит категорически высказался против предложения СССР о предоставлении Англией и Францией гарантий прибалтийским государствам, хорошо понимая, что отказ от такого рода гарантий приведет к срыву переговоров⁶³. Антисоветскую направленность американской внешней политики признают и американские буржуазные историки. Так, Ленжер и Глисон пишут в своей книге, что правительство США «не предприняло прямых шагов в поддержку переговоров демократических стран о включении России в фронт миролюбивых держав»⁶⁴.

Американская дипломатия, выступая против коллективной безопасности в Европе и заключения равноправного тройственного соглашения, не случайно столь серьезно беспскоилась по поводу гарантий прибал-

⁵⁸ «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939». Third Series. Vol. VI. Doc. № 296, p. 331.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid. Doc. № 298, p. 335—336.

⁶¹ Это косвенно признает даже такой апологет внешней политики Англии, как А. Тойнби, который в своем обзоре «Международные отношения накануне войны» пишет, что английское правительство считало в то время необходимым «быть твердым в отношениях с русскими даже ценою риска срыва переговоров и что было бы правильной занять такую позицию в отношении определения косвенной агрессии, чем в отношении других спорных вопросов» («The Eve of War, 1939», p. 465).

⁶² Harold Z. Ickes. The Secret Diary. The Inside Struggle, 1936—1939. Vol. II. New York, 1954, p. 651.

⁶³ Ibid., p. 651; «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939». Third Series. Vol. V. Doc. № 0719, p. 776.

⁶⁴ W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., p. 129.

тийским государствам и определения косвенной агрессии. Правящие круги США, Англии и Франции намеревались открыть дорогу гитлеровской агрессии в сторону СССР именно через эти государства. Справедливое решение вопроса о гарантиях и о так называемой косвенной агрессии срывало эти планы. Поэтому госдепартамент так настойчиво предостерегал Англию и Францию от принятия советских предложений⁶⁵.

Ленжер и Глисон на основании изучения предоставленных в их распоряжение секретных материалов госдепартамента утверждают, что некоторые государственные деятели, отрицательно относясь к заключению Англией и Францией союза с СССР, подыскивали аргументы, которые должны были удержать западноевропейские государства от такого союза. Среди них одно из первых мест занимал тезис антикоммунизма. Госдепартамент запугивал эти государства опасностью распространения коммунизма в случае заключения союза с СССР. В меморандуме, составленном заместителем государственного секретаря Берлом в апреле 1939 г., то есть как раз тогда, когда начались англо-франко-советские переговоры, утверждалось, что Советский Союз придерживается политики экспорта революции в те капиталистические страны, с которыми он находится в дружественных отношениях; что СССР якобы воспользуется любой возможностью помочь разжечь революцию внутри государства, с которым он состоит в союзе⁶⁶. Кроме того, госдепартамент лживо утверждал, что переговоры с СССР не могут привести к успеху, так как Советский Союз уже с января 1939 г. якобы ведет переговоры с гитлеровской Германией по поводу заключения с ней договора о ненападении. Подобные утверждения совершенно не соответствовали действительности. Известно, что Гитлер опасался, хотя и без достаточных оснований, что польское правительство будет искать помощи у Советского Союза. Чтобы предотвратить такое развитие событий, гитлеровская дипломатия выдвинула предложение заключить с Советским Союзом пакт о ненападении. Это предложение, сопровождаемое угрозами, было сделано германским правительством в начале июля 1939 года. Однако оно осталось без ответа⁶⁷. В начале августа германское правительство предложило Советскому Союзу подписать советско-германский секретный протокол, который разграничил бы интересы обеих держав по ли-

⁶⁵ Несмотря на пропаганду американской прессы, часть американской общественности правильно оценивала действительный характер намерений Англии и Франции, понимая, что их позиция ведет к поощрению агрессии против СССР. В июне 1939 г. чикагское радио и Чикагский университет организовали дискуссию, в которой выступили преподаватель истории Мичиганского университета Стэнптон, обозреватель Моррисон и обозреватель по вопросам международных отношений Атли. Все они одобрили советские предложения и признали их практическую ценность. Обозреватель Моррисон, говоря об угрозе со стороны Германии прибалтийским государствам, отмечал: «Русские хотят заключения союза прежде всего для того, чтобы предотвратить захват своей территории. Они требуют, ...чтобы балтийские государства Эстония, Латвия и Литва были гарантированы таким же образом, как и остальные государства. Я думаю, что это очень важное положение, на которое мы недостаточно обращаем внимания». Поддерживая Моррисона, Атли подчеркнул: «Существуют реальные опасения, что Англия стремится получить гарантии для Польши и Румынии и оставить территории балтийских государств в качестве открытых ворот для нанесения Германией удара, а Англия при этом не будет задета». Эту же точку зрения разделял и третий обозреватель, заявивший, что Англия хочет канализировать немецкую атаку через Латвию на Москву и через Эстонию на Ленинград («The University of Chicago. Round Table, A Radio Discussion of Russia and Europe», 1939, pp. 10—16).

⁶⁶ Американская буржуазная пресса, отражая настроения правительства, с большой тревогой оценивала переговоры между Англией, Францией и СССР, опасаясь их удачного исхода. Влиятельная американская газета «New York Times» писала: «Оккупация Праги, возможно, самая большая ошибка Гитлера, так как она может воссоздать связи (между СССР и Западом.—В. П.) и заставить режим английских консерваторов в значительной степени помимо своей воли броситься в объятия русских» («New York Times», 7. V. 1939).

⁶⁷ См. «Славные страницы героической истории». Доклад Владислава Гомулки на торжественном заседании в Варшаве. «Правда», 21 января 1962 года.

нии «на всем протяжении от Черного до Балтийского морей»⁶⁸. СССР 7 августа отказался принять германское предложение и отверг идею секретного протокола⁶⁹. Позднее, когда состоявшиеся в Москве военные переговоры с Англией и Францией окончательно показали, что эти западные страны не желают соглашения, Советский Союз после предложения Гитлера от 20 августа принял решение подписать с Германией договор о ненападении.

Так было на самом деле. Однако американские дипломаты начиная с января 1939 г. в своих беседах с английскими и в особенности с французскими политическими деятелями доказывали, будто Советский Союз ведет переговоры с Германией и поэтому всякое соглашение с ним невозможно.

В разговоре с Буллитом в августе 1939 г. премьер-министр Франции Даладье напомнил американскому послу, что последний начиная с января 1939 г. по крайней мере 6 раз уже предупреждал Францию о серьезных переговорах СССР с Германией⁷⁰. Во время беседы 28 июня 1939 г. Буллит заметил Даладье, что русские и немцы ведут переговоры друг с другом. Даладье не без основания не поверил этому. Он сказал американскому послу: «Ни французское, ни английское посольства, ни секретная служба не в состоянии получить какой-либо информации о том, что русские ведут переговоры с немцами»⁷¹. Тогда Буллит срочно затребовал от госдепартамента информацию о советско-германских переговорах, по-видимому, для передачи французскому правительству, ссылаясь на то, что во время своего пребывания в Вашингтоне он слышал о такого рода переговорах⁷². Однако уже через день, 7 июля, госдепартамент ответил, что не располагает никакой информацией о сколько-нибудь серьезных событиях в этой области⁷³. Вместе с тем госдепартамент, зная, что Советский Союз не вел переговоров с Германией, так как стремился заключить соглашение с Англией и Францией, широко распространял слухи, будто бы СССР не желал заключения трехстороннего союза с Англией и Францией. Делалось это в надежде убедить последних отказаться от переговоров с СССР. 26 июля 1939 г. немецкий поверенный в делах в США Ганс Томсен сообщал в министерство иностранных дел Германии, что госдепартамент не верит серьезной готовности СССР «заключить тройственный союз с Англией и Францией»⁷⁴.

Эта политика США была рассчитана на срыв англо-франко-советских переговоров.

Среди американских дипломатов были реалистически мыслящие политики, которые видели огромную мощь СССР и правильно оценивали его миролюбивую политику. Трезво подхдя к сложившейся в Европе ситуации, они понимали, что фашистская Германия представляет собой угрозу и для США. Исходя из интересов США, они желали успеха переговорам Англии и Франции с СССР и выдвигали предложения, которые могли содействовать этому. Но американское правительство упорно отклоняло подобные предложения. Весной 1939 г. американский посол в Брюсселе Д. Дэвис⁷⁵ обратился к К. Хеллу с предложением на-

⁶⁸ «История Великой Отечественной войны. 1941 — 1945». Т. 1. «Подготовка и развязывание войны империалистическими державами», стр. 174.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1939». Vol. 1, p. 302.

⁷¹ Ibid., p. 278.

⁷² Ibid., p. 281.

⁷³ Ibid. Этот ответ тем более интересен, что, по сведениям Ленжера и Глисона, каждый шаг в области советско-германских отношений немедленно становился известным Вашингтону (W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., p. 195).

⁷⁴ «Documents on German Foreign Policy, 1918—1945». Series D, Vol. VI. Doc. № 725, p. 1002.

⁷⁵ До своего назначения в Брюссель Д. Дэвис занимал пост американского посла

править в Москву специальную миссию для того, чтобы содействовать успеху англо-франко-советских переговоров. Дэвис писал: «Из моих личных наблюдений я знаю, что Советы не доверяют Великобритании и Франции, как их целям, так и их действиям»⁷⁶. Исходя из того, что у него, Дэвиса, сложились во время пребывания в СССР хорошие отношения с руководителями Советского правительства, он предлагал госдепартаменту направить его на несколько дней в Москву в целях оказания содействия в быстрейшем заключении СССР соглашения с Англией и Францией против агрессии. «По моему мнению,— указывал Дэвис,— ни Франция, ни Великобритания не могут установить персональные контакты с самыми авторитетными политическими деятелями СССР. Я уверен, что мне удастся не только познакомиться с ними, но они поверят в мою искренность и справедливость»⁷⁷.

Хорошо понимая международную обстановку, Дэвис писал: «Промедление смерти подобно». Однако американское правительство отказалось санкционировать такую миссию, так как в его планы не входило содействие англо-франко-советским переговорам⁷⁸. Оно сослалось при этом на внутреннее положение Соединенных Штатов и на то, что очень важно не предпринимать никаких рискованных шагов в области международных отношений.

Тогда же, в апреле 1939 г., американский посол в Варшаве А. Биддл обратился в госдепартамент с предложением заручиться согласием СССР на то, чтобы он оказал помощь государствам Восточной и Центральной Европы — участникам антифашистской коалиции по крайней мере авиацией. Биддл понимал, что без такой поддержки эти государства будут поглощены гитлеровской Германией, и потому считал советскую помощь «жизненно важной»⁷⁹. Но и это предложение не было принято.

Американское правительство и американские политики не скупилась на широкозвучающие заявления о своем стремлении к миру. Но когда речь заходила о реализации какого-либо предложения, которое могло способствовать сохранению мира, они под разными предлогами отклоняли его.

В конце июля — начале августа 1939 г. США, оставаясь на прежних позициях, несколько изменили, однако, тактику. Американские политические деятели отдавали себе отчет в том, что германо-польские отношения значительно обострились. Американское правительство располагало сведениями, что в августе — сентябре польско-германский конфликт может вылиться в войну⁸⁰. Оно опасалось, что Советский Союз останется в стороне от военного столкновения. Американское правительство располагало достоверными сведениями о том, что Англии и Франции не удалось в период политических переговоров навязать Со-

в Москве. Он стремился к улучшению отношений между СССР и Соединенными Штатами и был обеспокоен создавшимся положением в англо-франко-советских переговорах, считая, что оттягивание их являлось ошибкой со стороны Англии и Франции.
⁷⁶ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union. 1933—1939», p. 756.

⁷⁷ Ibid., p. 757.

⁷⁸ Ibid., p. 756.

⁷⁹ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1939». Vol. I, p. 236.

⁸⁰ См., например, «The Moffat Papers, Selections from Diplomatic Journals of Jay Pierrepont Moffat, 1919—1943», p. 246. Ленжер и Глисон на основании неопубликованного дневника помощника государственного секретаря Берла сообщают, что Рузвельт предположительно относил начало войны в Европе к 10 сентября 1939 г. (W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., p. 160). Сэмнер Уэллес, заместитель государственного секретаря, называл другой срок — двадцатые числа августа (см. Joseph Alsop and Robert Kintner. American White Papers. The Story of American Diplomacy and the Second World War. London. 1940, p. 74).

ветскому Союзу такие условия соглашения, которые позволили бы западным державам втравить СССР в войну с Германией.

В июле госдепартамент получил информацию поверенного в делах США в Берлине, что в правящих кругах Германии имеется группа, которая выступает за экономическое и политическое сближение с СССР⁸¹. В начале августа в Вашингтон была направлена информация поверенного в делах США в Москве Граммон о встрече немецкого посла в СССР с народным комиссаром иностранных дел. Немецкий посол, говорилось в информации, сделал заверения, что Германия не имеет никаких агрессивных намерений в отношении СССР и что она заинтересована в развитии добрых отношений⁸². Американское правительство встревожили эти сообщения.

США были обеспокоены также и характером английских переговоров с Германией летом 1939 г., сведения о которых проникли в печать⁸³. Соединенные Штаты вполне устраивало, если бы сговор Англии с Германией привел к столкновению последней с СССР, но США опасались англо-германского сговора о разделе между собой Европы и мира без участия США и, может быть, в ущерб им. Это не устраивало американское правительство, и оно хотело предотвратить такого рода соглашения.

В конце июля 1939 г. беспокойство в США о положении дел в Европе значительно возросло. Поверенный в делах Германии в США Томсен 31 июля доносил в Берлин, что перспективы переговоров в Москве рассматриваются Рузвельтом с беспокойством и президент «хочет использовать свое влияние в отношении достижения соглашения о тройственном союзе»⁸⁴. Американское правительство располагало сведениями о том, что и в июле — августе 1939 г. Советский Союз оставался верен идее коллективной безопасности⁸⁵. США могли оказать влияние на Англию и Францию и содействовать образованию союза трех европейских держав против германского милитаризма. Иначе говоря, они могли бы вместе с Советским Союзом возглавить дело защиты всеобщего мира и положить свою гирю на чашу весов в пользу мира. Но Соединенные Штаты решили вмешаться в тройственные переговоры не для того, чтобы спасти мир от войны, а чтобы заставить СССР изменить его позиции и принять такие условия соглашения, которые могли бы привести к советско-германскому столкновению при отсутствии надежных гарантий со стороны Англии и Франции, то есть сделать то, чего не удалось добиться от Советского Союза Англии и Франции на протяжении апреля — июля 1939 года.

«

⁸¹ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939». Vol. I, p. 329.

⁸² Ibid., pp. 332—333. Необходимо отметить, что присланная Граммоном информация опровергает фальсификацию госдепартамента, утверждавшего, будто СССР еще в мае—июле вел переговоры с Германией о заключении договора о ненападении. Граммон сообщал в Вашингтон, что во время встречи с немецким послом 3 августа 1939 г. народный комиссар иностранных дел СССР заявил, что СССР заинтересован в улучшении отношений с Германией, и подчеркнул, что Советское правительство продолжает свои попытки обеспечить «действительную оборону против агрессии», то есть коллективную безопасность (см. «Foreign Relations of the United States. Vol. I. Diplomatic Papers. 1939», p. 332). 4 августа 1939 г. немецкий посол в Москве граф Шуленбург, сообщая в Берлин о своем разговоре с народным комиссаром иностранных дел СССР, писал: «С нашей стороны потребуются значительные усилия, чтобы заставить Советское правительство совершить поворот» («Documents on German Foreign Policy. 1918—1945». Series D. Vol. VI. Doc. № 766, p. 1062).

⁸³ «Documents on German Foreign Policy. 1918—1945». Series D. Vol. VI. Doc. № 725, p. 1002.

⁸⁴ Ibid. Doc. № 750, p. 1028.

⁸⁵ Поверенный в делах США в Москве Граммон сообщал в августе 1939 г., что «Советский Союз готов заключить пакт с Англией и Францией, но на условиях, выдвинутых СССР» («Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939». Vol. I, p. 333).

В конце июля президент встретился с поверенным в делах СССР в США К. А. Уманским и во время беседы с ним стремился доказать, что Советский Союз больше якобы заинтересован в подписании соглашения, нежели Англия и Франция, и, таким образом, по-видимому, должен пойти на уступки. Понимая всю неловкость положения, когда США, сами продолжая проводить политику «нейтралитета», подталкивали СССР к участию в войне, президент пытался убедить советского представителя, что в случае войны «позиции Советского Союза будут неизбежно затронуты быстрее, чем позиции Соединенных Штатов»⁸⁷. Оказывая такого рода давление на Советский Союз, американское правительство вместе с тем отказалось дать какие-либо советы правительствам Англии и Франции в направлении достижения соглашения с СССР. Президент во время беседы подчеркнул, что он не может нести никакой ответственности или дать какие-либо заверения по поводу возможного курса Англии и Франции в отношении переговоров с Советским Союзом.

Американское правительство придавало большое значение этой акции, и, не довольствуясь беседой с советским представителем в Вашингтоне, президент уполномочил посла в СССР Штейнгардта довести до сведения Народного комиссариата иностранных дел СССР о беседе с советским поверенным в делах. Письмо в Народный комиссариат иностранных дел было направлено специальным курьером в Париж, а оттуда в Москву. Однако еще до того, как оно было получено в Москве, 11 августа 1939 г., немецкая газета «Völkischer Beobachter», издававшаяся в Берлине, опубликовала сообщение о том, что американский посол во время своего визита в Народный комиссариат иностранных дел до вручения верительных грамот передал наркому иностранных дел подробное письмо от президента США Рузвельта, касающееся международных вопросов. Вслед за тем польская газета «Иллюстрированный Курьер Цодзенны» сообщила, что Рузвельт в своем письме, якобы переданном в Народный комиссариат иностранных дел послом Штейнгардтом, предложил сотрудничество с Советским Союзом на Дальнем Востоке против японской экспансии, обещал гарантии Америки Советскому Союзу на случай войны с Японией при условии подписания им военного союза с Англией и Францией и что якобы для обсуждения этих вопросов Рузвельт готов послать в Москву специальную делегацию после подписания Советским Союзом пакта с Англией и Францией.

Все это напоминало хитроумную политическую игру, рассчитанную, с одной стороны, на то, чтобы прилунуть Советский Союз и одновременно заманить его в ловушку, давая туманные обещания помощи при условии согласия СССР на англо-французские предложения, а с другой стороны, помешать заключению Советским Союзом договора с Германией, поскольку заключение такого договора отдалило бы советско-германское столкновение. Советское правительство вынуждено было тогда же заявить, что сообщение польской газеты «Иллюстрированный Курьер Цодзенны» является вымыслом⁸⁸. На следующий день в Москву прибыл второй секретарь американского посольства во Франции, который привез американскому посольству письмо Рузвельта. После вручения этого письма Штейнгардт 16 августа направил очередное донесение в госдепартамент, которое искажало политику Советского Союза в переговорах. Он уверял, что русские «особенно озабочены тем, чтобы избежать вовлечения в любой конфликт», и что они «умышленно тянут переговоры с англичанами и французами», то есть направлял в госдепартамент ту информацию, которая должна была помочь срыву переговоров⁸⁹.

⁸⁷ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939». Vol. I, pp. 293—294.

⁸⁸ См. «Известия», 14 августа 1939 года.

⁸⁹ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939». Vol. I, p. 298.

События в Европе развивались в направлении войны, и это соответствовало плану правящих кругов США, но наметились и тенденции, которые тревожили многих американских политических деятелей и дипломатов. Попытки втравить СССР в войну с Германией проваливались, а Англия вела секретные переговоры с Германией, которые могли привести к разделу Европы и мира за спиной США. 15 августа 1939 г. поверенный в делах США в Германии Кирк сообщал, что события могут привести к «всеобщей войне» (а не к советско-германскому столкновению), и рекомендовал предложить Гитлеру шестимесячный мораторий, в течение которого не предпринимались бы военные действия⁹⁰. Обеспокоен развитием событий был и Буллит. Как писали Ленжер и Глисон, он вместе с другими политическими деятелями США был озабочен тем, что Англия и Франция, напуганные угрозой войны, сговорятся с Гитлером за счет Польши⁹¹. Получив телеграмму Кирка, Буллит немедленно обратился в госдепартамент с предложением предпринять соответствующий демарш перед Германией. Он предлагал припугнуть Германию возможностью военного союза Англии и Франции с СССР, того самого союза, против создания которого США активно выступали. В телеграмме в госдепартамент он писал: «Я склоняюсь к тому, что наилучшие возможности удержать Гитлера от начала войны — это убедить его, что Польша, Франция и Англия с помощью Советского Союза определенно будут воевать. Ваше слово немецкому поверенному в делах в Вашингтоне могло бы быть своевременным и полезным»⁹².

Государственный департамент США, одоббив на словах предложение Буллита, на деле отклонил его. Заместитель государственного секретаря Уэллес на следующий же день ответил Буллиту: «Я опасюсь.., что такой шаг с моей стороны будет бесполезен»⁹³.

Чем объясняется отказ госдепартамента принять предложение Буллита? Во-первых, тем, что именно в это время американское правительство предприняло в Москве шаги, имевшие целью обеспечить вовлечение Советского Союза в невыгодную сделку с Англией и Францией, и ожидало ее результатов⁹⁴; во-вторых, тем, что меры, предлагавшиеся Буллитом, были слишком сильными и могли иметь нежелательные последствия: угроза объединенного фронта СССР, Англии, Франции и Польши, поддерживаемого Соединенными Штатами, могла напугать Германию, заставив Гитлера воздержаться от агрессии. Но мир в Европе не входил в планы американских правящих кругов. Не случайно поэтому госдепартамент отклонил и последующее предложение Буллита относительно посредничества третьих держав между Германией и Польшей⁹⁵, а также предложение о созыве в Вашингтоне конференции европейских держав с целью мирного разрешения кризиса⁹⁶. Правящие круги США хотели бы больше всего, чтобы война началась с советско-германского столкновения, но они не возражали и против того, чтобы в войну с самого начала были вовлечены Англия и Франция (считая, правда, это худшим по сравнению с первым вариантом), при условии, что война будет носить затяжной характер⁹⁷. Соединенные Штаты больше всего беспокоились, что мир в Европе лишит американских миллиардеров возможности наживаться на войне, зашибая сотни миллионов долларов сверхприбылей. Кроме того, американское правительство продолжало

⁹⁰ W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., p. 188.

⁹¹ «Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1939». Vol. I, p. 217.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid., p. 220.

⁹⁴ Письмо Штейнгардта с ответом Советского правительства было получено в Вашингтоне 29 августа 1939 г. (Ibid., p. 296).

⁹⁵ Ibid., pp. 384, 386.

⁹⁶ См. W. L. Langer and S. E. Gleason. Op. cit., pp. 187—188.

⁹⁷ См. «Perpetual War for Perpetual Peace». Edit. by A. Barnes., p. 171.

надеяться, что выход немецких войск на границу с Украиной и Белоруссией, на подступы к жизненным центрам Советского Союза может сам по себе ускорить советско-германское столкновение⁹⁸.

В случае успешного завершения англо-франко-советских переговоров 1939 г. можно было бы предотвратить развитие агрессии в Европе или поставить агрессора с самого начала в невыгодные условия. Советское правительство, искренне желавшее быстрее достичь договоренности с Англией и Францией, считало, что соглашение должно быть равноправным и возможно более эффективным и конкретным, чтобы оказать воздействие на милитаристскую Германию. В противоположность этому Англия и Франция пытались заключить с СССР неравноправное соглашение, которое способствовало бы советско-германскому столкновению.

Американская дипломатия, верная своей обычной тактике, старалась замаскировать свое вмешательство в переговоры Англии и Франции с СССР. Она стремилась представить дело так, будто США стоят в стороне от европейской политики и не несут ответственности за развитие событий в Европе. На самом деле США полностью поддерживали те реакционные английские и французские политические круги, которые не желали заключения союза с СССР и стояли за сговор с гитлеровской Германией, направленный против Советского Союза. Правящие круги Англии и Франции, срывавшие заключение союза с СССР, имели возможность это делать в значительной степени потому, что чувствовали поддержку Соединенных Штатов.

Методы, которыми действовала американская дипломатия, были далеки от честности и порядочности. Американские дипломатические представители стремились посеять среди участников переговоров недоверие к СССР, к его искренности и способности оказать эффективную военную помощь Англии и Франции. Американская дипломатия старалась запугать Англию и Францию угрозой коммунизма.

В условиях, когда события в Европе с катастрофической быстротой приближали человечество к войне, когда дорог был каждый день, американская дипломатия поддерживала тактику затягивания переговоров, проводившуюся Англией и Францией, рекомендуя английским и французским правящим кругам не спешить с принятием советских предложений, упорно торговаться, чтобы добиться таких условий, которые облегчили бы советско-германское столкновение.

В августе 1939 г., когда обнаружилось значительное ухудшение международных позиций Англии и Франции, американское правительство открыто вмешалось в переговоры, но не с целью обеспечить заключение равноправного союза трех держав против агрессии, а для того, чтобы попытаться заставить СССР взять такие обязательства, которые неминуемо привели бы к советско-германскому столкновению при фактическом нейтралитете Англии, Франции и США.

⁹⁸ Летом 1939 г. Европу посетил один из лидеров изоляционистов, член американского конгресса, реакционер Гамильтон Фиш, в свое время являвшийся председателем комиссии по расследованию деятельности Компартии США. В беседах с Гитлером и Риббентропом он заверил их, что в случае германской агрессии в отношении Польши Америка будет сохранять нейтралитет. («New York Times», 16. VIII. 1939).

К СТОЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ 1863 г. В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ, ЛИТВЕ, БЕЛОРУССИИ И НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

И. И. Костюшко

Восстание в Царстве Польском, Литве, Белоруссии, на Правобережной Украине и революционное движение 1863 г. в других областях России являются знаменательными событиями в истории освободительной борьбы и революционного сотрудничества польского, литовского, белорусского, украинского и русского народов.

Восстание в Царстве Польском имело национально-освободительный, антифеодальный характер. Польский народ при поддержке революционных сил других народов героически боролся за национальную независимость и демократические преобразования.

Развернувшееся в связи с освободительным движением польского народа восстание в Литве, некоторых районах Белоруссии и Правобережной Украины было направлено против феодального и национального гнета. В других районах России продолжалась упорная борьба крестьян за землю и волю. Русские революционные демократы, рассчитывая, что крестьяне, недовольные реформой, восстанут против царизма и помещиков, направляли свои усилия на подготовку народного восстания.

Революционные события 1863 г. в Царстве Польском, Литве, Белоруссии, на Украине и в других областях страны были тесно связаны между собой и взаимно влияли друг на друга. Польский, литовский, белорусский, украинский, русский и другие народы России боролись против общего врага — царизма, против феодально-крепостнических порядков, за демократические права, за землю и волю. Эта борьба объединяла и сплачивала братские народы, способствовала развитию их дружественных отношений. Союз революционных сил братских народов, возникший в эти годы, стал могучим фактором в их дальнейшей борьбе за социальное и национальное освобождение.

О восстании 1863 г. имеется большая литература. Опубликованы сотни книг, статей и заметок. Так, в библиографии, изданной в 1923 г. в Польше, указано 4 168 публикаций источников, книг, брошюр и статей, касающихся событий 1863—1865 гг. в польских землях и в России¹. Однако даже этот обширный перечень не был исчерпывающим. С тех пор появилось значительное число публикаций документов и материалов, а также исследований, посвященных этому вопросу².

Польская шляхетско-буржуазная историография оценивала восстание 1863 г. с националистических позиций, игнорировала социальный характер этого восстания и освободительное движение литовского, белорусского и украинского народов, замалчивала или осуждала револю-

¹ J. Gąsiorowski. Bibliografia druków dotyczących powstania styczniowego. 1863—1865. Warszawa. 1923.

² Часть из них учтена в издании «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». Библиографический указатель литературы на русском языке. М. 1962.

ционно-демократические тенденции движения, сотрудничество революционных сил народов в борьбе, отрицала значение революционного движения в России для развития освободительной борьбы польского народа. Консервативно-помещичьи историки считали восстание злом, бессмысленным делом. Историки из лагеря правой ППС и пилсудчиков рассматривали восстание, исходя из своей националистической концепции противопоставления польского народа русскому народу³.

Русская официальная дворянская историография изображала восстание 1863 г. как «мятеж» польских «панов и ксендзов» против «благодетельного» царского правительства, а деятельность русских революционеров — как «польскую интригу»; искажая характер освободительного движения, она давала ему шовинистическую оценку в духе политики царизма и русских помещичье-буржуазных кругов⁴. Немногим от официальной историографии отличалась точка зрения и либерально-буржуазных историков. Не одобряя крайне реакционных мер в отношении польского народа, они осуждали революционно-демократическое движение, считали освободительную борьбу польского народа безнадёжной, замалчивали революционные связи и сотрудничество народов⁵. Эти концепции оказывали воздействие на зарубежных буржуазных историков в их оценке восстания 1863 года.

Подлинно научную характеристику революционного движения польского народа и народов России начала 60-х годов дали в своих трудах К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Они показали закономерность этого движения, объективные и субъективные условия его развития, взаимосвязь революционной борьбы народов, ее международное значение. Отмечая патриотические и интернационалистские черты революционного движения, они указывали на важность этих факторов для прогрессивного развития народов. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин высоко оценивали освободительную борьбу польского народа и деятельность русской революционной демократии⁶.

Советские историки и польские историки-марксисты освещали революционные события начала 60-х годов в России и Польше, исходя из

³ A. Giller. Historia powstania narodu polskiego w 1861—1864 гг. Т. I—IV. Paryż. 1867—1871; H. Lisicki. Aleksander Wielopolski. Т. I. Kraków. 1878; S. Koźmiało. Rzecz o roku 1863. Т. I—III. Kraków. 1903; Z. L. S. (W. Przyborowski). Ostatnie chwile powstania styczniowego. Т. I—IV. Poznań. 1887—1888, и др. его работы; A. Sokołowski. Powstanie styczniowe. Wiedeń, 6/г. изд.; A. Sławiński. Powstanie styczniowe. Wyd. III. 1938, и др.; Б. Лимановский в очерке восстания 1863 г. («Historia ruchu narodowego od 1861 do 1864 г.». Lwów. 1882) характеризовал движение начала 60-х годов с точки зрения мелкобуржуазного радикала и в общем положительно оценивал сотрудничество польских и русских революционеров. Ю. Домбровский считал главной заслугой восстания предотвращение социальной революции (J. Grabiec. Rok 1863. Wyd. II. Poznań. 1922). Подробнее см. S. Kieniewicz. Historiografia polska wobec powstania styczniowego. «Przegląd historyczny», 1953, № 1—2.

⁴ A. Moller. Situation de la Pologne au 1 janvier 1865. Paris 1865; В. Патч. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Вильно. 1867; П. Д. Б р я н ц е в. Польский мятеж 1863 года. Вильно. 1892; А. А. С и д о р о в. Польское восстание 1863 года. Петербург. 1903, и др.

⁵ Н. В. Берг. Записки о польских заговорах и восстаниях. Русское издание уничтожено цензурой, полное издание на польском языке в 3 томах, 1898—1900; А. Погodin. История польского народа в XIX веке. М. 1915; А. А. Корнилов. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пгг. 1915, и др.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 281—282; т. XXIII, стр. 133—146, 151—152, 156—157, 162, 164, 165, 172, 188—189, 210—211, 230, 235, т. XXV, стр. 423—424; т. XXVII, стр. 184—189; т. 15, стр. 596—597; т. 16, стр. 96—97, 156—166, 202, 204—208, 427—428; т. 18, стр. 501 и сл., 553—556, 566—568; т. 19, стр. 247—249; В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 5, стр. 21—72; т. 7, стр. 233—242; т. 14, стр. 152—153; т. 21, стр. 255—262; т. 25, стр. 297—303; т. 26, стр. 108, 122; т. 31, стр. 432—437; издание четвертое: т. 28, стр. 140; т. 35, стр. 219; см. также М. Миско. Маркс и Энгельс о польском вопросе. «Историк-марксист», 1933, № 2; Е. Кандель и И. Прейс. Основположники марксизма и русские революционные демократы о демократической Польше «Исторический журнал», 1944, № 9; В. Я. Зевин. В. И. Ленин о революционной ситуации в России в конце

положений марксизма-ленинизма⁷. Они уделили большое внимание изучению общественно-экономической обстановки в стране, крестьянского движения, деятельности революционной демократии, взаимосвязи антифеодалного и национально-освободительного движения и революционных связей народов России. В результате этого значительно расширились и углубились знания о социально-экономических предпосылках движения, о его характере, связях и влиянии на дальнейшее развитие борьбы народных масс.

Однако некоторые проблемы экономического положения и общественно-политической борьбы в Польше и России в начале 60-х годов XIX в. остаются пока еще недостаточно исследованными. В частности, слабо изучена деятельность революционных организаций в России, контакты их с польскими революционными силами, участие крестьян в восстании и другие вопросы. Исследованием революционной ситуации в России успешно занимается группа советских историков. Советскими историками и их коллегами в Польше готовится многотомная публикация документов и материалов по истории революционного движения в России и Польше конца 50-х — начала 60-х годов⁸, что позволит полнее и глубже изучить эту проблему.

Революционные события 1863 г. были обусловлены социально-экономической и политической обстановкой в царской России. Известное влияние на эти события оказало демократическое движение, развернувшееся в других странах Европы.

1850-х — начале 1860-х годов. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М. 1960; А. Ф. Смирнов. Энгельс о революционном движении в России. «Известия Академии наук БССР», 1951, № 1; С. Вобі́ńska. Marks i Engels a sprawy polskie do osiemdziesiątych lat XIX wieku. Wyd. 2. Warszawa. 1955.

⁷ С. Н. Драницин. Польское восстание и его классовая сущность. Л. 1937; М. Миско. Польское восстание 1863 г. «Исторический журнал», 1945, № 1—2; его же. Польское восстание 1863 г. М. 1962; Я. И. Линков. Очерки крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М. 1952; И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М. 1954; Ю. И. Жюгжда. Развитие демократического движения в Литве в 60-х годах XIX в. и влияние на него русского революционно-демократического движения. «Исторические записки». Т. 45, 1954; М. Найденов. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М. 1955; В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л. 1957; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М. 1958; Н. Н. Лещенко. Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 года. Киев. 1959; «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М. 1960; «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М. 1960. Вып. 2. М. 1962; Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М. 1961; С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве в 1859—1862 гг. М. 1961; А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши. М. 1962; J. Kowalski. Rewolucyjna demokracja rosyjska a powstanie styczniowe. Wyd. II. Warszawa. 1955, русск. перевод перв. изд. Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М. 1953; S. Kieniewicz. Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław. 1953 и другие его работы; С. Вобі́ńska. Op. cit.; E. Halicz. Kwestia chłopska w Królestwie Polskim w dobie powstania styczniowego. Warszawa. 1955; I. Koberdowa. Polityka czartoryszczyzny w okresie powstania styczniowego. Warszawa. 1957; P. Łosowski i Z. Młynarski. Rosjanie, Białorusini i Ukraińcy w powstaniu styczniowym. Wrocław. 1959; «Historia Polski». Т. 2. Warszawa. 1959, и другие издания.

⁸ Изданы: «Показания и записки Оскара Авейде» (М. 1961); находятся в печати: «Русско-польские революционные связи накануне восстания 1863 г.», «Русско-польские революционные связи в период восстания 1863 г.», «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.», «Общественно-политическое движение на Украине в 1863 г.», «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1856—1862 гг.», «Крестьянство и крестьянский вопрос в восстании 1863 г. По материалам Радомской губернии», «Патриотические манифестации в Царстве Польском»; готовится «Восстание 1863—1864 гг. в Литве и Белоруссии» и другие издания.

В 50-х годах XIX в. в России резко углубился кризис феодализма. Рушились старые, крепостнические формы хозяйства. Дальнейшее экономическое развитие требовало ликвидации феодального способа производства.

Вследствие усиления эксплуатации и тягот, вызванных Крымской войной, возросло обнищание народных масс. Недовольство существовавшими порядками порождало широкую борьбу крестьян против царско-помещичьего гнета, за землю и волю и национально-освободительное движение угнетенных народов России. Революционные демократы Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен и другие, выражая интересы народных масс, призывали к восстанию. Страх перед революцией заставил царизм и помещиков отменить крепостное право.

Социально-экономические и политические противоречия, связанные с кризисом феодального строя, особенно обострились в конце 50 — начале 60-х годов. В стране сложилась революционная ситуация, которая могла при определенных условиях перерасти в революцию. Характеризуя тогдашнюю обстановку в России, В. И. Ленин писал: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять такое «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»⁹.

Революционная ситуация в России создала благоприятные условия для развития освободительного движения в Царстве Польском. Борьба народов России оказывала влияние на антифеодальное и национально-освободительное движение польского народа. Вместе с тем она сковывала и ослабляла силы царизма и господствовавшего класса помещиков-крепостников. Кризис «верхов» заставил правительство несколько смягчить военно-полицейский режим в польских землях, пойти на известные уступки польским помещикам и буржуазии. С другой стороны, и часть польских помещиков вынуждена была в той или иной мере считаться с требованиями народных масс. Все эти обстоятельства способствовали развитию классовой и национально-освободительной борьбы в Царстве Польском.

В то же время «польское брожение», являвшееся составным элементом общероссийской революционной ситуации, серьезно осложняло положение царизма и содействовало развитию революционного движения в России и укреплению сотрудничества революционных сил народов

В Царстве Польском, где феодальный гнет переплетался с национальным угнетением, социальные и национальные противоречия в это время резко обострились. Весной 1861 г. развернулось мощное крестьянское движение, направленное против барщины. Положение в деревне стало настолько напряженным, что правительство срочно издало указ о замене барщины денежным окупом, а несколько позже ввело обязательное очиншевание. Однако это существенно не изменило положения крестьян, и крестьянское движение в разных формах продолжалось¹⁰.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 29—30.

¹⁰ H. Grynwa ser. Pisma. T. III. Wrocław. 1951, str. 25; S. Kieniewicz. Sprawa włościańska..., str. 137; E. Halicz. Op. cit., str. 125.

С начала 60-х годов усилилась и национально-освободительная борьба, которая проявлялась в пассивном сопротивлении царским властям и в манифестациях национально-религиозного и патриотического характера. В польском освободительном движении было два направления: демократическое и помещичье-буржуазное. Демократическое направление включало движение рабочих, ремесленников и крестьян, мелкопоместной шляхты, низших слоев чиновничества, служащих и духовенства. Разнородный социальный состав участников движения обусловил наличие в нем радикальной и умеренной тенденций. Руководящую роль в демократическом движении играли шляхетско-буржуазные демократы, за которыми закрепилось название «красных». Ставя своей целью завоевание национальной независимости и проведение ряда буржуазных реформ, они развивали идеи решительной борьбы против царизма.

Правое крыло «красных» (О. Авейде, А. Гиллер и др.) при своих умеренных социально-политических воззрениях склонялось к соглашению с помещиками, стояло на шляхетских позициях по вопросу о границах будущего польского государства. Левые «красные», являясь более или менее радикальными демократами, добивались осуществления буржуазно-демократических преобразований, стремились к сотрудничеству с революционными силами России. Часть левых «красных» (Я. Домбровский, З. Сераковский, Б. Шварце, З. Падлевский, С. Бобровский и др.), испытавшие на себе влияние русских революционных демократов, развивали революционно-демократические идеи. В октябре 1861 г. активными участниками манифестационного движения в Варшаве был создан Городской комитет — руководящий орган повстанческой организации («красных»). Распространив свою деятельность на все Царство Польское, комитет затем (в мае 1862 г.) принял название Центрального национального комитета. Повстанческая организация быстро росла. В Царстве Польском назревало восстание.

Помещики и крупная буржуазия, так называемые «белые», требовали расширения своих прав, устранения национальных ограничений, предоставления автономии или независимости Польше и включения в ее состав литовских, белорусских, а также правобережных украинских земель. Боясь народного движения и осуждая революционные формы национально-освободительной борьбы, они рассчитывали добиться своей цели посредством пассивной оппозиции, уповая при этом на внешне-политическое вмешательство.

Царское правительство силой подавляло освободительную борьбу польского народа. Вместе с тем оно пыталось ослабить национально-освободительное движение посредством уступок польским помещикам и буржуазии. Однако революционное движение продолжало нарастать. Тогда царское правительство решило провести особый рекрутский набор (по именованным спискам), рассчитывая таким образом изъять революционные элементы, лишить движение его основной силы и предотвратить революционный взрыв. Но эта мера лишь ускорила начало восстания в Царстве Польском.

Напряженной была революционная ситуация в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине. Здесь особенно сильно ощущался гнет крепостничества. По официальным данным, накануне реформы крепостные составляли в Литве и Белоруссии около 54% (в целом по России — 38%), в Волынской, Киевской и Подольской — 55—60% (по другим губерниям Украины — от 6 до 38%) всего населения¹¹. В этих районах преобладало крупное помещичье землевладение; громадные массы крестьян испытывали острую нужду в земле.

В большинстве помещичьих имений существовала наиболее тяже-

¹¹ А. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 25; Н. Н. Лещенко. Указ. соч., стр. 52.

лая и ненавистная для крестьян форма эксплуатации — отработочная рента. В Минской, Могилевской и Гродненской губерниях крестьяне, отбывающие барщину, составляли 98%, в Виленской губернии — 92%, в Ковенской — около $\frac{2}{3}$ всех крестьян¹².

Социальные противоречия усугублялись национальным угнетением и ущемлением религиозных чувств населения католического и униатского вероисповеданий. Местные помещики, в большинстве своем поляки (среди помещиков были также русские и немцы), угнетали литовских, белорусских и украинских крестьян, пренебрежительно относились к их национальным чувствам и вере, стремились их полонизировать или русифицировать. В то же время царизм осуществлял политику национального угнетения и русификации народов, ограничивал свободу вероисповедания и права польского и еврейского населения, проживавшего в этих местах.

Все это вызывало недовольство самых различных слоев населения и рост антифеодального освободительного движения литовского, белорусского и украинского народов, польского населения в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине. Широкий размах приобрело крестьянское движение. В городах и местечках проходили массовые манифестации, выражавшие протест против гнета царизма и солидарность с освободительной борьбой польского народа. Манифестационное движение являлось важной частью освободительного движения в Литве, Белоруссии и на Украине. Польские шляхетско-националистические элементы пытались использовать манифестации в своих узкоклассовых интересах и для обоснования притязаний на литовские, белорусские и украинские земли. Летом 1862 г. были созданы повстанческие организации в Литве, Белоруссии и на Украине. В них входили литовские, белорусские, украинские, польские и русские революционеры. Большую революционную работу вели в Литве и Белоруссии К. Калиновский, А. Мяцкявичус (Мацкевич), З. Сераковский, В. Врублевский и другие революционные демократы. Повстанческие организации в Литве, Белоруссии и на Украине находились в тесном контакте с повстанческой организацией в Царстве Польском и вместе с ней подготавливали общее восстание против царизма, феодального и национального гнета.

Русские революционеры, признавая право польского народа на национальную независимость, сочувствовали его освободительной борьбе, рассматривая ее как важную часть общероссийского демократического движения, оказывали польскому народу поддержку. Н. Г. Чернышевский с позиций всероссийского демократа-революционера оценивал значение польского движения¹³. Клеймя кровавые репрессии царизма, А. И. Герцен решительно выступал за независимость Польши и «братское соединение русских с поляками»¹⁴. Сотрудничество с польскими революционерами ярко проявилось в деятельности революционных офицерских организаций в Петербурге и в Царстве Польском, «Земли и Воли» и в других действиях революционной демократии. Русские революционеры отстаивали права литовского, белорусского, украинского и других народов России, развивали идеи совместной борьбы народов, стремились объединить их усилия для свержения царизма, уничтожения феодально-крепостнических порядков.

Приближавшийся революционный взрыв побуждал революционные силы к согласованию своих действий. В конце сентября 1862 г. в Лондоне состоялись переговоры между представителями Центрального национального комитета З. Падлевским, А. Гиллером и В. Милевичем, с одной стороны, и А. И. Герценом, Н. П. Огаревым и А. А. Потеб-

¹² С. А. Лазутка. Указ. соч., стр. 49; А. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 27.

¹³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 297.

¹⁴ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений (ПСС). Т. XV. М. 1958, стр. 66.

ней; с другой стороны. А. И. Герцен предлагал более четко определить в программе польской повстанческой организации демократические принципы, «яснее высказать мысль о самозаконности провинций»¹⁵. Представители ЦНК предлагали внести некоторые изменения в текст известного обращения к «Русским офицерам в Польше». Обе стороны выработали общую платформу деятельности польской и русской демократии.

Центральный национальный комитет в письме, опубликованном в «Колоколе» 1 октября 1862 г., заявлял о своем стремлении «к восстановлению Польши в прежних границах», причем литовцы, белорусы и украинцы сохранили бы «полную свободу остаться в союзе с Польшей или распорядиться собою согласно их собственной воле». Что же касается крестьянского вопроса, то программа комитета предусматривала передачу крестьянам в собственность земель, находившихся в их пользовании, и вознаграждение помещиков за счет государства.

А. И. Герцен хорошо понимал непоследовательность программы польской повстанческой организации, но полагал, что в ходе революционной борьбы одержат победу демократические принципы. В ответ на письмо Центрального национального комитета он писал: «...Нам легко с вами идти, вы идете от признания прав крестьян на землю, обрабатываемую ими; вы признаете право всякого народа располагать своей судьбою. Это — наши основы, это наши догматы, наши знамена»¹⁶.

Обращаясь к русским офицерам, А. И. Герцен призывал их поддерживать демократическое движение польского народа. «...Степень вашего деятельного участия, — говорилось в его письме, — зависит от того, какой характер относительно главного земского (крестьянского. — И. К.) вопроса и относительно провинций будет преобладать в польском восстании... Земля крестьянам, самобытность областям — на этом основании и только на нем может утвердиться деятельный союз ваш с польскими братьями»¹⁷.

Имея в виду общие интересы освободительного движения народов России, учитывая неподготовленность революционных сил и рассчитывая на подъем крестьянского движения весной 1863 г., А. И. Герцен рекомендовал польским революционерам не торопиться с началом восстания и предлагал поднять его в наиболее благоприятный момент. После лондонских переговоров в ноябре 1862 г. в Петербурге между представителями Центрального национального комитета и ЦК «Земли и Воли» было заключено соглашение о совместных действиях. Русские революционеры, солидаризируясь с освободительной борьбой польского народа, считали своим долгом оказать ему посильную помощь. В польском восстании обязана была принять участие русская революционная организация в Царстве Польском. При этом Центральный комитет «Земли и Воли» по тем же соображениям, что и А. И. Герцен, высказывался за отсрочку восстания.

Рекрутский набор, направленный против революционных сил в Царстве Польском, вынудил повстанческую организацию начать восстание ранее намечавшегося срока и в неблагоприятных для нее условиях. 10(22) января 1863 г. Центральный национальный комитет в качестве Временного национального правительства опубликовал воззвание к народу. Объявляя в нем всех жителей Польши «без различия ве-

¹⁵ А. И. Герцен. ПСС. Т. XI. М. 1957, стр. 369.

¹⁶ А. И. Герцен. ПСС. Т. XVI. М. 1959, стр. 249.

¹⁷ Там же, стр. 252—253.

ры, племени, происхождения и сословия» свободными и равноправными гражданами, он призывал их к восстанию. Одновременно были изданы декреты о переходе земель, находившихся в пользовании крестьян, в их собственность, о вознаграждении помещиков из средств государства и о наделении безземельных крестьян — участников восстания участками земли не менее 3 моргов из казенных земель после победы восстания.

Соотношение классовых сил и стремление Центрального национального комитета вовлечь в восстание все слои населения обусловили непоследовательный, компромиссный характер его программы. Она провозглашала борьбу за восстановление независимой Польши; вместе с тем Центральный национальный комитет, считая Литву, Белоруссию и Правобережную Украину составной частью Польши, в отличие от своего письма в «Колокол» ничего не говорил в воззвании о правах литовского, белорусского и украинского народов на самоопределение, в чем проявлялись великодержавные устремления и национализм польской шляхты и буржуазии.

Программа Центрального национального комитета по аграрному вопросу исходила из интересов помещиков и в известной мере учитывала требования крестьян. Она сохраняла нерушимым фольварочное землевладение и устанавливала вознаграждение помещикам за земли, поступавшие в собственность крестьян. Этим, однако, были недовольны помещики, не желавшие установления крестьянской поземельной собственности и ограничения своих прав и влияния на крестьян.

Что же касается крестьян, то в программе одни их требования были отражены частично или непоследовательно, другие — вовсе не учтены. Право собственности на землю получали не все крестьяне; надежды малоземельных оставались без изменения. Феодальные повинности упразднялись не безвозмездно (крестьяне должны были бы вносить платежи государству, чтобы возместить расходы по уплате вознаграждения помещикам); коморники и им подобные крестьяне обязаны были по-прежнему отбывать повинности в пользу помещиков. Вполне понятно, что такое решение аграрного вопроса не удовлетворяло крестьян.

При всем этом аграрная программа восстания шла гораздо дальше царско-помещичьей реформы 1862 г. (обязательного очиншевания) и устанавливала поземельные отношения, в большей мере отвечающие потребностям дальнейшего общественного развития. Социально-политические преобразования, предусмотренные в программе, по мере развития революционного движения могли приобрести радикальный характер¹⁸.

В ночь на 11 (23) января повстанцы совершили в разных местах Царства Польского нападение на гарнизоны царских войск. Ввиду недостаточной подготовленности повстанцев эти выступления в большинстве случаев окончились неудачно. Однако царское военное командование вывело войска из многих населенных пунктов с целью концентрации сил. Это позволило повстанцам в известной мере организовать свои силы, пополнить отряды людьми и развернуть боевые действия.

Правые «красные», входившие в Центральный национальный комитет, не веря в успех восстания и опасаясь развития революционно-демократического движения, решили сосредоточить всю повстанческую власть в руках одного приемлемого для них лица. За несколько дней до начала восстания руководителем его с правами диктатора был назначен умеренный демократ Л. Мерославский, находившийся в то вре-

¹⁸ S. Kieniewicz. Sprawa włościańska..., str. 258—261; E. Halicz. Op. cit., str. 218—222; S. Śreniowski. Uwłaszczenie chłopów w Polsce. Warszawa. 1956. str. 399—400; K. Groniowski. Problem rewolucji agrarnej w ideologii obozów politycznych w latach 1846—1870. Warszawa. 1957. str. 129.

мя в Париже. Прибыв с небольшим отрядом в Царство Польское, Мелославский понес поражение и вскоре вынужден был снова уйти за границу.

«Белые», осудив вначале восстание, теперь предприняли попытку оказать влияние на его дальнейший ход. Они желали, чтобы восстание возглавил представитель помещичье-буржуазного лагеря. Таким лицом оказался М. Лянгевич. Последний действовал с переменным успехом в Радомской губернии, причем его отряд за счет слияния с другими группами повстанцев стал одной из крупных боевых единиц. 27 февраля (11 марта) Лянгевич, инспирируемый помещичьи кругами, объявил себя диктатором. Проведя несколько боевых операций, он 7 (19) марта оставил свой отряд, перешел австрийскую границу и был интернирован. Во главе восстания стало Временное национальное правительство.

Трудные условия борьбы не позволили повстанческим властям создать регулярную армию. После разгрома крупных отрядов действия повстанцев приняли характер разрозненных и преимущественно оборонительных операций. Важную роль в развитии повстанческого движения в Плоцкой губернии в весенние месяцы сыграл З. Падлевский. Во главе крупного отряда он направился к прусской границе в целях обеспечения доставки оружия и пополнения отряда добровольцами из западных польских земель. У Мышинца отряд провел бой с преследовавшими его войсками; позднее Падлевский был схвачен и расстрелян карателями.

В феврале началось восстание в Литве и Белоруссии. 1 (13) февраля Литовский провинциальный комитет — руководящий орган повстанческой организации в Литве и Белоруссии — объявил себя Провинциальным временным правительством Литвы и Белоруссии. В своем манифесте он в соответствии с актами Центрального национального комитета отменял сословные привилегии, провозглашал равенство всех граждан Литвы и Белоруссии, предоставлял в собственность крестьян их наделы, обещал безземельным крестьянам, которые примут участие в восстании, отвести участки земли и призывал народные массы к поддержке восстания в Царстве Польском, к защите своего края с оружием в руках.

В Литве и Белоруссии развернулись действия повстанческих отрядов. Наиболее широкий размах восстание приняло в Литве, особенно в западной ее части — Жемайтии — и в Гродненской губернии, то есть в тех местах, где действовали Калиновский, Мяцкявичус, Врублевский, Сераковский и другие революционные демократы. Касаясь хода восстания, Ф. Энгельс писал 8 апреля (н. с.) 1863 г.: «Литовское движение — сейчас самое важное, так как оно 1) выходит за границы конгрессовой Польши, и 2) в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер»¹⁹.

Важное значение имела деятельность З. Сераковского в Литве. Собрав отряд в 2 тыс. человек, он двинулся к Курляндии, намереваясь распространить восстание и за пределами Литвы. Под городом Биржай в трехдневном сражении его отряд был разгромлен, а спустя несколько дней Сераковский был схвачен и впоследствии казнен. Руководство восстанием в Литве затем возглавлял Мяцкявичус.

Первым выступлением повстанцев в Белоруссии было нападение крупного отряда на гор. Пружаны; в феврале произошло сражение у дер. Хотиничи, Пинского уезда. Позднее действовали отряды в Слуцком, Борисовском, Игуменском уездах, в Могилевской губернии и других местах. Значительную роль в восстании в Белоруссии сыграл отряд Л. Звездовского в Могилевской губернии. Звездовский в соответ-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 142.

ствии с планами польских и русских революционных демократов намеревался поднять крестьянское восстание в Смоленской губернии, откуда оно могло распространиться на другие русские губернии. Совершив нападение на Горки, отряд Звездовского направился к Могилеву, но по пути был разбит царскими войсками.

Выдающуюся роль в восстании в Литве и Белоруссии сыграл Калиновский. Он решительно отстаивал революционно-демократические принципы в восстании, стремился превратить его в народную революцию.

В апреле 1863 г. развернулось повстанческое движение на Правобережной Украине. Здесь, по неполным данным, было создано около 20 отрядов, кроме того, сюда перешло несколько отрядов, организованных в Галиции и Царстве Польском. Их действия проходили главным образом в Киевской и Волынской губерниях. Повстанцы собирали крестьян, читали им «Золотую грамоту», в которой излагалось содержание манифеста и декретов Центрального национального комитета, призывали крестьян к восстанию против царизма.

Опасаясь перерастания восстания в социальную революцию и надеясь на иностранное вмешательство, «белые» присоединились к восстанию. В апреле их представители вошли в состав Временного национального правительства, после чего оно стало называться Национальным правительством. «Белые» враждебно относились к революционному движению других народов. Участие «белых» в восстании, в котором они порою занимали руководящее положение и которому они хотели придать лишь национальный характер, отрицательно сказалось на ходе и судьбах освободительной борьбы польского народа.

В летние месяцы в Царстве Польском возросло число боевых операций повстанцев (в апреле, мае и июне было около 60, в июле — 86, в августе — 72 стычки с царскими войсками). Крупные сражения произошли между повстанцами под командованием М. Гейденрейха и царскими войсками у Хруслина и Жижина, успешно закончившиеся для повстанцев. Царское правительство направило большие военные силы для подавления восстания в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине. Повстанцы героически боролись против царских карателей, но силы были неравны. Восстание на Правобережной Украине, не получившее значительного развития, к лету было подавлено. Основные силы повстанцев к осени были разгромлены и в Белоруссии, Литве и Царстве Польском.

Национальное правительство, рассчитывая главным образом на иностранное вмешательство, не использовало всех внутренних возможностей для развития восстания. Силы повстанцев были подорваны. Многие активные участники движения погибли или вынуждены были временно скрыться за границу. Потеряв надежду на иностранную интервенцию, от восстания стали отходить помещичье-буржуазные круги. Осенью 1863 г. начался спад восстания.

Между тем Национальное правительство не предпринимало ничего существенного для поддержки восстания. Это привело к установлению диктатуры Р. Траугутта. Понимая, что без участия в восстании широких масс народа оно не только не имеет шансов на успех, но даже не сможет продержаться до весны, когда могли бы создаться более благоприятные условия для него, Траугутт пытался укрепить силы восстания посредством создания повстанческой армии и широкого привлечения крестьян²⁰. В зимние и весенние месяцы боевые операции повстанцев проходили главным образом в Люблинской и Радомской губерниях. Здесь действовали отряды М. Гейденрейха, В. Врублевского, Ю. Гау-

²⁰ S. Kieniewicz. Sprawa włościańska..., str. 363; E. Halicz. Op. cit., str. 291—304.

ке и других. Репрессии царизма против повстанцев усиливались. 30 марта (11 апреля) 1864 г. был арестован Трауггут. В апреле 1864 г. было отмечено 34 стычки, а в мае — всего 14. Восстание подходило к концу.

Восстание 1863 г. в Царстве Польском ставило целью завоевание национальной независимости и ликвидацию феодализма. Феодальный и национальный гнет сковывал экономическое, политическое и культурное развитие польского народа. Устранение его являлось решающей предпосылкой дальнейшего общественного прогресса, который в тогдашних условиях возможен был только на основе буржуазных отношений. Борьба за национальную свободу и ликвидацию феодализма была тесно связана между собой и взаимообусловлена. Характеризуя освободительное движение польского народа, Ф. Энгельс писал, что со времени восстания 1846 г. борьба за независимость Польши являлась одновременно «борьбой аграрной демократии — единственно возможной в Восточной Европе — против патриархально-феодального абсолютизма»²¹. С другой стороны, буржуазно-демократические преобразования заключали в себе тенденцию создания самостоятельного национального государства²².

Движущей силой восстания в Царстве Польском были народные массы. Широко в нем участвовали ремесленники, рабочие, низшие служащие, значительным было участие крестьян, мелкопоместной шляхты, низшего духовенства, помещиков и буржуазии.

Отношение крестьян к восстанию в основном определялось аграрной программой и деятельностью повстанческих властей. Левые «красные», в особенности революционные демократы, настойчиво добивались осуществления аграрных декретов, старались вовлечь крестьян в восстание; «белые», напротив, считали аграрный вопрос второстепенным и опасались широкого развертывания крестьянского движения и даже стремились ограничить участие крестьян в восстании. В тех местах, где аграрные декреты проводились в жизнь, крестьяне поддерживали повстанцев и вступали в отряды. Там же, где в лице повстанцев крестьяне видели своих прежних угнетателей и где аграрные декреты не проводились, крестьяне относились к повстанцам настороженно.

По мере развития восстания и упразднения феодальных повинностей росло сочувствие крестьян к восстанию, ширилось их участие в нем. Весной 1863 г. в восстании участвовали значительные массы крестьян Люблинской губернии, в конце 1863 — начале 1864 г. — Радомской губернии. Действия повстанческих отрядов, состоявших из радикальных элементов, иногда носили антипомещичий характер²³. Антифеодальная и национально-освободительная борьба крестьян была важной чертой восстания и решающей силой в ликвидации феодальных отношений.

Значительную роль в восстании сыграла либерально настроенная помещная шляхта. Стремление к национальной независимости, капиталистическая эволюция фольварочного хозяйства обусловили известную прогрессивность части шляхты. В. И. Ленин, определяя характер восстания, указывал: «Тогда революционной была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства»²⁴. Шляхта боролась за

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 5, стр. 353.

²² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 316.

²³ S. Kieniewicz. Sprawa włościańska..., str. 265; E. Halicz. Op. cit., str. 226; Z. Stankiewicz. Z dziejów reformy uwłaszczeniowej w Królestwie Polskim. «Kwartalnik historyczny». 1959. № 1, str. 72—74.

²⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 237.

национальное освобождение. В области же социальных реформ ее программа была довольно умеренной. Шляхта оказывала существенное влияние на ход восстания. Это определило и характерную особенность восстания в Царстве Польском как восстания шляхетского.

Участие в восстании демократических сил и помещичье-буржуазных кругов обусловило наличие в нем двух тенденций в решении национального и социального вопросов: демократической и помещичье-буржуазной. Демократические силы боролись за радикальные, буржуазно-демократические преобразования общественных отношений, за независимую демократическую республику. Признавая право литовского, белорусского и украинского народов устраивать свою судьбу по своей воле, они стремились к объединению усилий всех народов в их общей освободительной борьбе.

Помещичье-буржуазные круги, добиваясь национальной независимости и соглашаясь на частичные реформы, вместе с тем старались обеспечить себе господствующее положение в общественно-экономической и политической жизни страны; исходя из своих великодержавных устремлений, они требовали включения в состав Польши белорусских, литовских и украинских земель.

Восстание в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине, являвшееся частью повстанческого движения 1863 г., имело самостоятельное значение и свои характерные черты. Революционные силы в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине, солидаризируясь с освободительным движением польского народа и оказывая ему поддержку, боролись за ликвидацию остатков крепостничества, за национальную свободу. Программа восстания, прокламировавшая ликвидацию сословного и национального неравенства, передачу крестьянам их наделов в собственность, была революционной. Осуществление ее должно было повлечь значительные изменения в общественно-политическом строе. Поскольку восстание в Литве, Белоруссии и на Украине могло распространиться на соседние районы страны, оно вызвало особенное беспокойство у царизма и помещиков.

В Литве широкое участие в восстании принимали демократические силы литовского народа, в первую очередь крестьяне, причем в западной части Литвы оно приобретало аграрный характер. В Гродненской губернии и других районах Белоруссии в повстанческих отрядах было немало крестьян; на Правобережной Украине в повстанческом движении участвовали украинские революционеры, причем в некоторых местах повстанцам оказывали помощь крестьяне. Одни отряды повстанцев состояли исключительно, другие — в большей или меньшей степени из революционных элементов местного польского населения. Деятельность местных польских революционеров являлась составной частью освободительного движения в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине.

Здесь, как и в Царстве Польском, было два направления в восстании. Демократические силы вели борьбу за последовательное решение крестьянского вопроса, за национальное равноправие и свободу народов; польские шляхетские элементы, пропагандируя умеренную программу социальных преобразований, вместе с тем добивались включения в состав Польши литовских, белорусских и украинских земель, что отрицательно сказывалось на отношении крестьян к восстанию.

Восстание в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине встретило сочувствие и поддержку со стороны революционных сил русского народа и других народов России. Солидаризируясь с освободительной борьбой польского народа, А. И. Герцен отстаивал дело свободы народов России. Он писал: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию... Мы хотим независимости Польши, потому что хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает

нас обоих»²⁵. А. И. Герцен остался до конца верен этой позиции. «Когда вся орава русских либералов,— отмечал В. И. Ленин,— отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии»²⁶.

Комитет «Земли и Воли» издал прокламацию, в которой призывал русских офицеров и солдат в Царстве Польском прекратить братоубийственную войну и поддержать восстание польского народа. В восстании приняло участие несколько сот русских революционеров. Сражаясь в отряде повстанцев, геройской смертью пал руководитель русской революционной организации в Царстве Польском А. Потемня. Отдельными отрядами повстанцев командовали русские революционеры: М. Безкишкин, П. Богданов, М. Подхалюзин, П. Краснопевцев и др.; многие из них отдали свою жизнь за свободу польского и русского народов. Из 500 казненных участников восстания в Царстве Польском 75 были русские военнослужащие²⁷. Многие офицеры и солдаты уклонялись от активных действий против повстанцев, помогали их побегам и оказывали им другую помощь.

С освободительной борьбой польского народа солидаризировались демократические силы в странах Европы. В воззвании Лондонского просветительного общества немецких рабочих, написанном К. Марксом, говорилось: «В о с с т а н о в л е н и е П о л ь ш и — вот что должно быть опенными буквами начертано на знамени немецкого рабочего класса...»²⁸. Оно призывало к оказанию помощи польскому восстанию. Английские и французские рабочие на митингах в Лондоне требовали восстановления независимости Польши. В повстанческом движении участвовало немало добровольцев из славянских стран и стран Западной Европы. В революционных событиях 1863 г. ярко проявилась международная солидарность и сотрудничество демократических сил народов.

Против восстания выступили польские реакционные круги, поддерживавшие царизм (группа Велепольского и др.); они не только осуждали восстание, но и помогли царизму подавить его. Русские помещики и буржуазия, опасавшиеся развития революционного движения в стране, разжигали шовинистические настроения и поддерживали царизм. Прусское и австрийское правительства оказали царизму помощь в расправе с повстанцами. Правительства Англии, Франции и Австрии, пытаясь использовать затруднения царского правительства для осуществления своих корыстных целей, обратились к нему с нотами, содержащими предложения о восстановлении конституции 1815 г. и созыве конгресса по польскому вопросу. Царское правительство отклонило эти предложения. Дальше этого буржуазные правительства Англии, Франции и Австрии, будучи глубоко безразличными к судьбе польского народа, не пошли²⁹. С осуждением революционной борьбы польского народа выступил и папа Пий IX.

Восстание 1863 г. упразднило феодальные отношения в Царстве Польском. Царское правительство вынуждено было указами 19 февраля (2 марта) 1864 г. закрепить аграрные преобразования, осуществленные в ходе освободительной борьбы польского народа. Все земли, находящиеся в пользовании крестьян, за некоторым исключением, стали их собственностью. Крестьянам возвращались незаконно отнятые и обме-

²⁵ А. И. Герцен. ПСС. Т. XVI, стр. 151.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 260.

²⁷ P. Łossowski i Z. Młynarski. Op. cit., str. 116.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 15, стр. 597.

²⁹ О международном положении царской России накануне и в период восстания см. В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л. 1957.

ненные после 1846 г. земли; восстанавливались и незаконно упраздненные сервитуты. В результате этого крестьянское землепользование возросло на 7%, в том числе на 3,3% за счет казенных земель. Крестьяне должны были вносить особый поземельный налог в казну. Это значительно облегчало положение многих из крестьян. Хотя реформа сохраняла существенные остатки феодализма и далеко не решала крестьянский вопрос, она создавала сравнительно благоприятные условия для развития капитализма. Восстание укрепило традиции освободительной, революционной борьбы польского народа, его сотрудничество с другими братьями народами.

Восстание заставило царизм частично изменить условия реформы 1861 г. в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине. Указом 1 марта 1863 г. в Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерниях и в Динабургском, Дризенском, Люцинском и Режицком уездах Витебской губернии с 1 мая отменялись обязательные отношения крестьян к помещикам и вводился обязательный выкуп. При этом производилась проверка уставных грамот. Крестьяне, отбывавшие барщину, переводились на оброк; размер его по сравнению с уставными грамотами понижался на 20%. С 1 мая крестьяне считались собственниками земли и до составления выкупных актов вносили оброк в казну. Такая же мера была осуществлена в Киевской, Волынской и Подольской губерниях (указ 30 июля 1863 г.), а позднее — в Могилевской и в остальных уездах Витебской губернии (указ 2 ноября 1863 г.). В результате крестьянам была возвращена часть земель, отнятых у них после составления инвентарей и уставных грамот, несколько понижались выкупные платежи.

Освободительное движение польского народа имело большое международное значение. «Пока народные массы России и большинства славянских стран,— указывал В. И. Ленин,— спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всевропейской»³⁰.

Восстание 1863 г. способствовало развитию и рабочего движения. «Польское восстание 1863 г.,— отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс,— вызвавшее дружный протест английских и французских рабочих против международных злодеяний их правительств, послужило исходным пунктом Интернационала, основанного при участии польских изгнанников»³¹.

³⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 297.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 248.

Научно-исследовательская работа в высшей школе

О РАБОТЕ ИСТОРИКОВ КИШИНЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

После основания (1945 г.) Кишиневского государственного университета (КГУ) исторический факультет существовал в нем как самостоятельный только в течение одного учебного года, а затем был преобразован в историко-филологический. В 1960 г. произошло объединение историко-филологических факультетов университета и местного пединститута. Два года спустя историко-филологический факультет КГУ был разделен на филологический и историко-юридический с отделениями истории и правоведения. Историческое отделение имеет кафедры истории СССР и всеобщей истории, а также кабинет с библиотекой. На кафедрах работают 16 доцентов и кандидатов наук и 10 преподавателей без научных степеней и званий.

Одной из основных задач историков республики, как известно, было создание учебника по истории Молдавии. Историки университета совместно с сотрудниками Института истории АН Молдавской ССР принимали активное участие в этой работе. Была издана двухтомная история республики, написан ряд учебных пособий, монографий и статей по различным вопросам истории Молдавии.

В настоящее время ученые университета в тесном контакте со всеми историками республики разрабатывают следующие проблемы: история социально-экономического развития Молдавии в XIX в.; история русско-украинско-молдавских связей; история Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в Молдавии.

Первая из названных проблем занимает видное место в научной деятельности кафедры истории СССР. По данной теме защищены одна докторская и две кандидатские диссертации¹. Завершают работу над кандидатскими диссертациями И. А. Анцупов и В. И. Жуков². За последние годы опубликован ряд монографий и статей членов кафедры по тем же вопросам³. Закончил исследование об уставных грамотах И. Г. Бу-

¹ Я. С. Гросул. Крестьяне Бессарабии 1812—1861 гг. Кишинев. 1956; М. П. Мунтян. Положение крестьян и крестьянское движение в 30—40-х гг. XIX в. Киев. 1954; И. Б. Койхман. Очерки по истории заселения восточных районов Молдавии в конце XVIII и начале XIX века. Тирасполь. 1953.

² И. А. Анцупов. Государственные крестьяне Бессарабии в XIX веке; В. И. Жуков. Социально-экономическое развитие городов Бессарабии в первой половине XIX века.

³ Я. С. Гросул. Крестьяне-резечи Бессарабии в дореформенный период. «Ученые записки» КГУ. Т. XXVI. 1957; Я. С. Гросул, Н. А. Мохов. Историография Молдавской ССР. «Ученые записки» КГУ. Т. XXXIII. 1958; М. П. Мунтян. Борьба крестьян Бессарабии против Положения о царанах 1834 года. «Ученые записки» КГУ. Т. XXVI. 1957; его же. Крепостническая сущность «Нормального контракта» 1846 года. «Ученые записки» КГУ. Т. XXXV. 1958; И. А. Анцупов. Народная колонизация Бессарабии в первой трети XIX века. «Ученые записки» КГУ. Т. XXXV. 1958; его же. Участие государственных крестьян Бессарабии на Кишиневских сельскохозяйственных выставках 1847 и 1860 годов. «Ученые записки» КГУ. Т. 48. 1962; В. И. Жуков. Торговые правила в Бессарабии и влияние их на развитие внутренней торговли в первой половине XIX века. «Ученые записки» КГУ. Т. 48. 1962; И. Б. Койхман. О русско-молдавском заселении восточных районов Молдавии в конце XVIII — начале XIX века.

дак. Все перечисленные работы посвящены периоду разложения феодально-крепостнического строя и зарождения буржуазных отношений в Молдавии. Гораздо меньше изучается эпоха капитализма.

Важное научное и политическое значение имеет исследование истории дружественных русско-украинско-молдавских связей, при этом особое внимание уделяется революционным связям, помощи русского и украинского народов молдавскому народу и т. д. Работниками КГУ издано несколько работ по данной тематике⁴, общим недостатком которых является то, что до последнего времени большая их часть была обращена в прошлое. После XXII съезда КПСС упор в исследованиях по этой проблеме переносится на современный период.

В трудах молдавских ученых значительное место занимает история Великой Октябрьской социалистической революции. Несколько исследований опубликовали работающие в этой области Д. Е. Шемяков, Н. Д. Ройтман и А. М. Лесецкий, они также являются соавторами подготовленной к печати монографии о победе пролетарской революции в Молдавии, участниками научных конференций по данной проблематике. О социалистическом строительстве и социалистических преобразованиях аграрных отношений в республике рассказывают работы А. В. Репиды, Г. В. Синицы, А. В. Грекула, С. К. Брысякина, К. В. Стратиевского⁵.

«Ученые записки» Кишиневского государственного педагогического института (КГПИ). Т. IV. 1955; его же. Положение крестьян в восточных районах Молдавии в конце XVIII — начале XIX века. «Ученые записки» КГПИ. Т. VI. 1957.

⁴ Н. А. М о х о в. Зарождение дружбы молдавского народа с великим русским и украинским народами (XV — начало XVI в.). «Ученые записки» КГУ. Т. XXVI. 1957; Н. П. К и р и ч е н к о. О русско-молдавских отношениях в первом десятилетии XVIII века. «Ученые записки» КГПИ. Т. VI. 1957; его же. К вопросу об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии в 1711 г. «Ученые записки» КГПИ. Т. VIII. 1958; его же. Текст русско-молдавского договора 1711 года и соответствие его летописи И. Некульча. Сб. «Вековая дружба». Кишинев. 1961; его же. Из истории русско-молдавских отношений в последней четверти XVII века. «Ученые записки» КГПИ. Т. XII. 1959. М. П. М у н т я н. К истории совместной борьбы молдавских и украинских крестьян против феодально-крепостнического гнета в первой половине XIX в. «Ученые записки» Института языка и литературы Молдавского филиала АН СССР. Т. VI. 1957; его же. К вопросу об участии бессарабских народников в революционном движении России в 60—70-х гг. XIX века. «Ученые записки» КГУ. Т. XXXIII. 1958; его же. Журнал «Современник» об исторических событиях Молдавии. «Ученые записки» КГУ. Т. XLII. 1960 (на молд. языке); его же. Передовая русская периодическая печать XIX века и ее отклики на некоторые исторические события Молдавии. Сборник «Вековая дружба». Кишинев. 1961.

⁵ А. В. Р е п и д а. О первом съезде Советов МАССР. «Ученые записки» КГПИ. Т. VI. 1957; Г. В. С и н и ц а. Из истории борьбы Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов восточных районов, Молдавии за восстановление народного хозяйства (1921—1924 гг.). «Ученые записки» КГПИ. Т. XII. 1959; его же. Советы Молдавии в борьбе за улучшение материального благосостояния и культуры трудящихся республики (1920—1925 гг.). «Ученые записки» Тираспольского педагогического института. Вып. IX. Кишинев. 1960; его же. Комнезамы восточных районов Молдавии в борьбе за укрепление Советской власти (1920—1921). Журнал «Коммунист Молдавии» № 10, 1957; А. В. Г р е к у л. Формирование и развитие молдавской социалистической нации, Кишинев. 1955; его же. О формировании и развитии молдавской социалистической нации. «Ученые записки» КГПИ. Т. X. 1958 (на молд. языке); С. К. Б р ы с я к и н, Ю. А. Е ф и м о в. Очерки истории колхоза имени В. И. Ленина, Окницкого района, МССР (1941—1953 гг.). «Ученые записки» КГУ. Т. XXVI, 1957; С. К. Б р ы с я к и н, М. К. С ы т н и к. К вопросу о крестьянском землевладении в правобережной Молдавии накануне освобождения и о советской земельной реформе 1940 года. Сборник «Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии». Кишинев. 1960; С. К. Б р ы с я к и н. Великая Октябрьская социалистическая революция как решающее условие социалистического производственного переворота в сельском хозяйстве. «Ученые записки» КГУ. Т. XXXIII, 1958; его же. Основные преимущества коллективного ведения хозяйства перед индивидуальным и их влияние на поворот трудящихся в сторону колхозов (1926 — первая половина 1929 гг.). «Ученые записки» КГУ. Т. 48. 1962; К. В. С т р а т и е в с к и й. Рост материального благосостояния и культурного уровня крестьянства Молдавской АССР за годы второй пятилетки. «Ученые записки» КГПИ. Т. VI. 1957; его же. Рост материально-технической базы и общественного богатства колхозов Молдавской АССР за годы второй пятилетки (1933—1937). «Ученые записки» КГПИ. Т. X. 1958 (на молд. языке).

Историки университета принимают активное участие в составлении учебников для средних школ и вузов (А. В. Репида, Н. Д. Ройтман и И. Г. Будак), программ и методических пособий. С. К. Брысякин работает над пособием «Очерки по истории Молдавии» (советский период), а М. П. Мунтян завершает «Очерки по истории Молдавии XIX—XX вв.». Оба пособия предназначены для студентов университета. Кроме того, некоторые из членов кафедры истории СССР пишут ряд разделов для «Очерков по истории Коммунистической партии Молдавии» (Г. В. Сяница и С. К. Брысякин). Силами кафедры подготавливается также монография «Очерки истории города Кишинева» (с древнейших времен до настоящего времени).

Историки республики до сих пор мало уделяли внимания вопросам источниковедения и историографии. В записках университета опубликована только одна статья Я. С. Гросула и Н. А. Мохова «Историография Молдавской ССР», посвященная XIX веку. По советскому же периоду таких работ пока нет, если не считать кратких источниковедческих и историографических обзоров, содержащихся в отдельных исследованиях. Назрела необходимость приступить к разработке вопросов молдавской историографии и особенно молдавской советской историографии.

Члены кафедры всеобщей истории занимаются исследованием проблем истории Франции, Германии, латиноамериканских стран и Румынии. Р. Ю. Энгельгардт работает над докторской диссертацией «Начало упадка французского абсолютизма» и уже опубликовал ряд статей⁶. В области внешней политики ведет исследования Н. В. Королев, написавший несколько работ по истории внешней политики начала XX в., и, в частности, по истории Антанты⁷. В 1962 г. в Кишиневе вышла в свет его монография «Страны Латинской Америки в международных отношениях (1898—1962 гг.)». А. М. Миркинд в настоящее время готовит докторскую диссертацию «Германская социал-демократия в 70—80-х годах XIX века»⁸. Три сотрудника кафедры изучают отдельные проблемы истории Румынии. И. М. Шлаен исследует вопросы социально-экономического развития дунайских княжеств в XVI—XVII веках⁹. Изучением крестьянского движения в Румынии в период первой русской революции занимается В. П. Сторожук¹⁰, собирающий материал для докторской диссертации на тему «Социально-экономическое развитие Румынии во второй половине XIX века». Н. Б. Бреговская исследует историю Северного Причерноморья в эпоху эллинизма¹¹. В. И. Потлог работает над кандидатской диссертацией «Критика румынской буржуазной историографии по вопросам древней истории».

⁶ Р. Ю. Энгельгардт. Дюпlessи Морнэ и гугеноты в конце XVI и в начале XVII в. «Ученые записки» КГУ. Т. XXXV. 1958; его же. Интересный источник по социальной истории Франции конца XVII и начала XVIII столетий. «Ученые записки» КГУ. Т. 48. 1962.

⁷ Н. В. Королев. Заключение англо-французской Антанты 1904 года и позиция России. «Ученые записки» КГПИ. Т. VIII. 1958; его же. Внешняя политика США и англо-французская Антанта 1904 года. «Ученые записки» Тираспольского педагогического института. Вып. III. Кишинев. 1957; его же. Англо-французская Антанта 1904 года и ее влияние на Тройственный союз. «Ученые записки» Бельцкого педагогического института. Вып. III. 1957; его же. Внешняя политика Испании в начале XX века. «Ученые записки» КГПИ. Т. XI. 1959.

⁸ А. М. Миркинд. Вопрос о массовой политической стачке на Иенском съезде германской социал-демократии в 1905 г. «Ученые записки» КГУ. Т. XXVI. 1957.

⁹ И. М. Шлаен. Категории молдавских крестьян в XVII веке. «Ученые записки» КГПИ. Т. IV. 1955; его же. Феодалное землевладение в Молдавии в первой половине XVII в. «Ученые записки» КГПИ. Т. VI. 1957; его же. Города и ремесленные цехи в Молдавии в XVII веке. «Ученые записки» КГПИ. Т. VIII. 1958; его же. К вопросу о зависимых крестьянах Молдавии в XV—XVII вв. «Ученые записки» КГПИ. Т. XI. 1959.

¹⁰ В. П. Сторожук. Влияние первой русской революции на революционное движение в Румынии (1905—1907 гг.). «Ученые записки» КГУ. Т. XXXIII. 1958; его же. Последствия крестьянских восстаний 1907 года в Румынии. Сборник «Вековая дружба»; его же. Социально-экономическое положение румынской деревни накануне восстания 1907 года. «Ученые записки» КГУ. Т. 48. 1962.

¹¹ Н. Б. Бреговская. Экономические и политические связи Северопонтийских городов с государствами Балканской и Малоазиатской Греции в эпоху эллинизма. «Ученые записки» КГУ. Т. XXXV. 1958; ее же. Северное Причерноморье и внешняя политика эллинистических государств. «Ученые записки» КГУ. Т. 48. 1962.

Кафедры университета и отдельные сотрудники поддерживают тесные связи с научными учреждениями и вузами страны, как советскими, так и зарубежными, участвуют в научных конференциях. Постоянная связь поддерживается с историками Румынской Народной Республики. Р. Ю. Энгельгардт ведет научную переписку с крупнейшим специалистом по вопросам французской революции А. Собулем (Франция).

В связи с нехваткой в республике кадров учителей истории начиная с 1960/61 учебного года увеличился прием студентов на историческое отделение университета. В связи с этим кафедры истории СССР и всеобщей истории испытывают в настоящее время недостаток в квалифицированных кадрах, чувствуется и узость материальной базы для исследовательской работы (так, например, книжный фонд библиотеки КГУ и других библиотек столицы республики не может обеспечить запросы преподавателей и студентов). По-видимому, следует пересмотреть перспективные планы подготовки историков в университетах страны с тем, чтобы прием студентов в них планировался более или менее равномерно с учетом местных потребностей в кадрах. Необходимо также решить вопрос о специализации историков, подготавливаемых университетом. Кишиневский университет в основном готовит кадры для школ республики. Предложение В. А. Дунаевского и А. Е. Москаленко¹² о подготовке историков более широкого профиля заслуживает внимания, ибо в музеях и архивах республики работает значительная часть наших выпускников, хотя они и не получили специальной подготовки. Кроме того, увеличение приема студентов в КГУ и необходимость улучшения их подготовки требуют организации на историческом отделении университета новых кафедр.

М. П. Мунтян

¹² В. А. Дунаевский, А. Е. Москаленко. Научная работа историков Воронежского университета и некоторые вопросы исторического образования в университетах. «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 127.

К 60-ЛЕТИЮ А. В. АРЦИХОВСКОГО

27 декабря 1962 г. в Актовом зале исторического факультета Московского университета состоялось заседание Ученого совета факультета, посвященное 60-летию чл.-корр. АН СССР А. В. Арциховского.

В двадцатые годы, когда начался творческий путь Артемия Владимировича Арциховского, шла острая борьба с буржуазной идеологией. Новые взгляды медленно проникали в область археологии. Перелом произошел в конце 20-х годов, когда в археологию пришли молодые ученые, подготовленные главным образом на открытых в 1922 г. археологических отделениях Московского и Ленинградского университетов. Среди этих ученых был и Артемий Владимирович.

В 1926 г. он опубликовал свою первую научную работу. Тогда же А. В. Арциховский принял участие в деятельности социологической секции (позже секции теории и методологии) Научно-исследовательского института археологии и искусствознания РАНИОН. Из этой секции вышел ряд ценных изысканий, в том числе и исследование А. В. Арциховского «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий» (1927 г.). Группа московских археологов из РАНИОН первой попыталась широко применить марксистско-ленинский метод в археологии; члены этой группы считали, что археология «есть по существу и методам марксистская наука» (А. Я. Брюсов), так как «изучает орудия производства диалектически — в процессе изменения» (А. В. Арциховский), и отстаивали тот взгляд, что археология — это самостоятельная научная отрасль, обладающая достаточным материалом для социологических обобщений. В 1929 г. А. В. Арциховский выступил от имени московских археологов в Обществе историков-марксистов с докладом «Новые методы археологии», главным тезисом кото-

рого была защита так называемого «метода восхождения», иными словами — метода реконструкции социально-экономических формаций на основе археологического материала. Это были поиски новых путей в археологии, быть может, во многих деталях ошибочные (например, отрицалась роль этнографии в исторических реконструкциях), но все же верные по своему существу. Непосредственным продолжением борьбы за марксистские взгляды в науке являются выступления А. В. Арциховского против воззрений буржуазных ученых (рецензии на книги Д. П. Друпа, К. Шухгардта, 1932 г.) и в особенности взглядов А. Допша (1935 г.).

В 1930 г. вышла книга А. В. Арциховского «Курганы вятичей». Автор положил в основу исследования типологическую классификацию пяти категорий вещей из вятичских курганов. С ее помощью он ограничил территорию расселения вятичей и определил хронологию их поздних курганов. Эта кандидатская диссертация А. В. Арциховского, написанная в традициях классической археологической типологии, не потеряла своего значения до сих пор. И поныне пользуются классификационной схемой ученого, принимают его даты, по Арциховскому очерчивают на картах ареал поселений вятичей.

С точки зрения использования археологических данных для исторических выводов важной и в методическом отношении и по своим выводам была опубликованная в 1934 г. статья А. В. Арциховского «Археологические данные о возникновении феодализма в Смоленской и Суздальской землях». Она убедительно показывала, что без изучения археологического материала нельзя решать проблему возникновения русского феодализма.

Довольно рано раскопками подмосковных городищ и курганов начались самостоятельные археологические изыскания А. В. Арциховского. В 1929 г. он вел раскопки в окрестностях Великого Новгорода, а в 1932 г. — в самом городе, и эти поныне продолжающиеся работы становятся важнейшим делом его жизни. Новгородская экспедиция послужила настоящей школой для многих десятков археологов. Новгороду посвящен ряд исторических работ руководителя экспедиции («К истории Новгорода», «Новгородские ремесла», «Городские концы в древней Руси»). Периодически А. В. Арциховский возвращался к археологическим работам, связанным с Москвой. В 1933—1936 гг. он совместно с Т. С. Пассек возглавлял бригаду археологов, исследовавшую культурный слой столицы в связи со строительством метрополитена. В послевоенные годы А. В. Арциховский руководит раскопками в Москве, исследует подмосковные (Царицынские и Беседские) курганы, редактирует юбилейный том «Материалов и исследований по археологии СССР», посвященный археологии Москвы.

В 1927 г. Артемий Владимирович начал свою преподавательскую деятельность в Московском университете, где вырастил большую группу советских археологов. С 1939 г. А. В. Арциховский занимает пост заведующего кафедрой археологии на историческом факультете МГУ. В 1938 г. вышло стеклографированное издание лекций А. В. Арциховского по археологии, в 1940 г. — его книга «Введение в археологию», выдержавшая три издания, в 1954 г. — книга «Основы археологии», дважды переизданная и переведенная на иностранные языки. По этим книгам учатся студенты исторических факультетов всех высших учебных заведений страны и знакомятся с основами археологии тысячи читателей. Огромной заслугой А. В. Арциховского является то, что им впервые был создан общий курс археологии, охватывающий все ее разделы — от палеолита до средневековья, причем преобладающее место в курсе отведено древностям, находящимся на территории Советского Союза. Наряду с другими темами А. В. Арциховский занимается историографией русской археологии. Им написаны статьи: «Ю. В. Готье, как археолог», «Забелин — археолог», «Очерк истории археологии в СССР до 1917 г.» и др. А. В. Арциховский исследует также ряд вопросов истории русской культуры: русская одежда, оружие X—XIII вв., лыжи на Руси, древнерусские областные гербы, прикладное искусство Новгорода. Одной из тем его исследования стали древнерусские миниатюры. Работа «Древнерусские миниатюры, как исторический источник» была защищена им в качестве докторской диссертации в 1940 г. и издана в 1944 году. Впервые русские миниатюры были подвергнуты разностороннему историческому анализу, и тем самым был широко введен в научный оборот интереснейший источник, до этого очень мало использовавшийся учеными.

А. В. Арциховский активно участвует также в издании «Большой Советской Энциклопедии», выступая в качестве научного редактора раздела археологии и автора ряда археологических статей.

Продолжается и раскопная деятельность А. В. Арциховского. В 1932—1937 гг. основным объектом его раскопок был Славенский холм в юго-восточной части Новгорода, в 1938—1939 и 1947—1948 гг. — Ярославово дворище (впоследствии торговая площадь в центре города, напротив новгородского Кремля). В 1951 г. раскопки были перенесены на левый берег Волхова и сконцентрированы в Неревском конце. Здесь оказалось возможным изучать не только отдельные дома, но и целые усадьбы со многими хозяйственными помещениями. Но самой замечательной находкой в Новгороде и, пожалуй, самым замечательным археологическим открытием за последние годы являются берестяные грамоты (написанные на березовой коре письма и документы XI—XV вв.), 425 единственных в своем роде источников, описанию и палеографическому и историческому анализу которых посвящена серия книг А. В. Арциховского. Берестяные грамоты — ценнейший источник не только по истории русского феодализма, но и по истории русского языка. Они вызвали огромный интерес во всем мире, о них написано множество исследований на разных языках.

Широкий диапазон знаний, разнообразие интересов, большая научная, педагогическая и общественная деятельность позволили А. В. Арциховскому занять видное место в советской исторической науке. В 1960 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Его открытия и исследования по-настоящему популярны, их знает не только узкий круг специалистов, но и огромная масса людей в СССР и за рубежом.

А. Л. Монгайт

Обзоры и рецензии

«Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». Сборник статей. М. Изд-во АН СССР. 1962. 627 стр. Тираж 5 000. Цена 2 руб. 90 коп.

В статьях, составляющих рецензируемую книгу, подвергнута историографическому анализу значительная часть той обширной литературы по истории СССР, которая была издана в нашей стране за период от XX до XXII съезда КПСС. Борьба за преодоление отрицательных последствий культа личности — вот та главная черта, которая, по единодушному мнению авторов этих статей, характеризует развитие советской исторической науки в указанное время.

Сборник открывается статьей М. В. Нечкиной, Ю. А. Полякова, Л. В. Черепнина «О пройденном пути», в которой характеризуются основные этапы развития советской исторической науки и ее успехи в изучении отечественной истории, в преодолении вредных последствий культа личности, а также определяются основные за-

дачи советских историков в свете решений XXII съезда КПСС.

Большая часть сборника посвящена анализу работ по истории советского общества. Е. Н. Городецкий рассматривает в своей статье литературу по очень важной проблеме — истории создания Советского государства. Обзор литературы по истории гражданской войны сделал Д. К. Шелестов. Г. А. Алексеев и В. С. Лельчук посвятили свою статью некоторым важным вопросам историографии социалистической индустриализации в СССР. А. В. Митрофанова, Л. С. Рогачевская, Р. П. Дадыкин и Н. П. Липатов выступают с небольшой статьей по историографии советского рабочего класса. В. П. Данилов и А. В. Карасев (первый — по историографии советского крестьянства, а второй — по истории Великой Отечественной войны) дают новый фак-

тический материал и делают более широкие выводы по сравнению со своими недавно опубликованными работами по тем же вопросам¹. Историография внешней политики СССР составила предмет статьи А. Е. Иоффе². И. М. Краснов, Б. И. Марушкин и В. И. Салов написали о работах советских историков, посвященных разоблачению реакционной буржуазной историографии. Д. А. Чугаев дал характеристику работ по археографии истории СССР советского периода.

Рецензируемый сборник в целом и особенно статьи, характеризующие научные работы последних лет по истории советского общества, наглядно показывают, какое благотворное влияние на развитие советской исторической науки оказала критика культуры личности на XX съезде КПСС и развернувшаяся затем борьба по преодолению его отрицательных последствий. Насыщенные большим фактическим материалом, статьи сборника дают представление о широком размахе научно-исследовательской работы по истории советского общества после XX съезда КПСС.

Однако та часть книги, которая посвящена историографии советского общества, отнюдь не свободна от существенных недостатков. В сборнике нет статей, посвященных литературе по ряду важных проблем, например, по истории культурной революции или послевоенного развития СССР. Наряду с интересными работами в сборнике имеются и слабые, например, статья по историографии советского рабочего класса.

Следует отметить отсутствие обобщенной характеристики особенностей литературы того или иного периода. Далеко не всегда можно узнать, какие новые источники были введены в научный оборот авторами рассматриваемых исследований, какие новые проблемы ими выдвинуты и насколько успешно они разрешены. Такого рода суммарная характеристика совершенно необходима в любой историографической работе, ибо без нее невозможно судить, как идет разработка той или иной проблемы.

¹ См. В. П. Данилов. К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. «Вопросы истории», 1960, № 8; А. В. Карасев. Краткий обзор литературы по истории Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1961, № 6.

² См. также А. Е. Иоффе. Советская литература по истории внешней политики СССР (1954—1960 гг.). «Вопросы истории», 1961, № 1.

В некоторых статьях глубокий анализ отдельных исследований подменяется их перечислением и малосодержательными замечаниями в адрес авторов. Так, в статье по историографии советского рабочего класса о добром десятке исследований, перечисленных в сноске на стр. 434, в тексте сказано буквально следующее: «Отрадно отметить, что тема трудового героизма рабочего класса и развития социалистического соревнования все больше привлекает внимание историков, работающих на местах». Читателю же отрадно было бы узнать, как историки на местах изучают проблему, о которой идет речь, какие источники используют, каких результатов достигли, что нового внесли в науку. Рассмотреть по существу наиболее важные работы или дать их обобщенную характеристику, на наш взгляд, обязательно для любой историографической статьи. В противном случае последняя низводится до уровня библиографического обзора.

В некоторых статьях значительное место занимают в общем правильные, но отнюдь не несомненные рассуждения и отступления. Так, например, в той же статье по историографии советского рабочего класса то и дело встречаются объяснения, почему разработка той или иной проблемы нужна или важна, а также попытки решить некоторые из них. А. Е. Иоффе, в последней части своей работы вступив в полемику с рядом авторов по вопросу о периодизации внешней политики Советского Союза, по сути дела, лишил статью историографического характера. Объяснение того, насколько важна разработка тех или иных научных проблем, и особенно попытки дать положительное решение того или иного спорного вопроса не должны, как нам представляется, заслонять основной цели историографической работы, которая состоит в глубоком анализе проделанной исследовательской работы и в определении дальнейших задач и путей их решения.

Во всех статьях сборника подчеркивается, что важнейшей особенностью развития советской исторической науки после XX съезда КПСС была борьба за преодоление отрицательных последствий культуры личности; в них также указывается, что последний нанес большой вред исторической науке. К сожалению, и о том и о другом говорится лишь в самой общей форме. Однако только этим ограничиваться уже нельзя. Надо выяснять те конкретные вопросы, которые неправильно осве-

щались под влиянием культа личности. Только такой подход может обеспечить полное искоренение его последствий. Роль историографических исследований в этом деле очень велика. Именно они должны выявить те ошибки и извращения, которые проникли в научную литературу. Ближе всех к указанному решению вопроса подошел В. П. Данилов, в статье которого отмечен ряд таких вопросов из истории коллективизации, которые в течение длительного времени освещались историками неправильно.

Встречаются в этой части сборника неудачные формулировки и фактические неточности. Так, в статье Е. Н. Городецкого говорится: «Нужда в этих материалах (мемуарах.— Авт.) была столь велика, что их издание осуществлялось иногда без соблюдения элементарных правил, без указания первоисточников, с большими купюрами, без необходимого аппарата» (стр. 354). Ясно, что недостатки в публикации мемуарной литературы объясняются не «нуждой» в материалах, а совсем другими причинами, которых Е. Н. Городецкий, к сожалению, не назвал (например, отрицательные последствия культа личности, безответственность некоторых мемуаристов и издательств и т. д.). В. П. Данилов, выясняя особенности новейшей литературы по истории сплошной коллективизации, пишет: «Стали появляться статьи, специально посвященные завершающему этапу сплошной коллективизации (1931—1932)» (стр. 475). Известно, что в указанные годы сплошная коллективизация еще не завершилась, а только развевывалась полным ходом.

В ряде статей сборника характеризуется исследовательская работа по истории России в XIX — начале XX в., в первую очередь по таким вопросам, как социально-экономическое развитие страны, рабочее, крестьянское и революционное движение указанного времени. Это наиболее важные проблемы, и выбор именно их для историографического анализа закономерен. Однако обращает на себя внимание тот факт, что новейшая советская историография по ряду важных проблем этого периода (революция 1905—1907 гг., Февральская революция 1917 г., вопросы внутренней и внешней политики, культуры) не нашла специального отражения в сборнике.

В статье П. Г. Рынзюнского анализируются работы по истории крестьянства, классовой борьбе, развитию промышленности, городов, внутреннего рынка, финансов,

кредита, банков и реформы 1861 года. Автор не только излагает важнейшие выводы рассматриваемых им исследований, но и раскрывает конкретное содержание основных работ по наиболее важным проблемам, показывает новое в подходе к решению вопросов, источниковедческую базу и аргументированность выводов. В заключительной части статьи отмечаются вопросы, которые слабо или совсем не разрабатываются советскими историками, изучающими социально-экономическое развитие России в XIX веке. П. Г. Рынзюнский правильно подчеркивает, что необходимо усилить внимание ко второй половине XIX в., к изучению развития капитализма не только вширь, но и вглубь, к раскрытию специфики развития аграрного капитализма и показу места России в системе мирового хозяйства.

Менее удачна в статье характеристика спорных вопросов. Она слишком сжата и не раскрывает существа имеющихся разногласий. Так, в последние годы в нашей литературе оживленно дебатировался вопрос о степени развития аграрного капитализма в России вообще и о глубине расщепления крестьянства в крепостную эпоху в частности. Между тем П. Г. Рынзюнский лишь вскользь упоминает о преувеличении некоторыми историками степени расщепления крестьянства в крепостное время (стр. 192—193). Так же неясно говорится и о спорах о промышленном перевороте. Аргументы автора в пользу одной из точек зрения (стр. 205) представляются нам малоубедительными, так как не касаются самой сущности проблемы. Мимоходом решается в статье важный вопрос о возможности расширенного воспроизводства в крестьянском хозяйстве в эпоху феодализма (стр. 192). Автор отрицает такую возможность, но приводит в обоснование своей точки зрения всего лишь одну цитату.

В статье К. Н. Гарновского характеризуется новейшая советская литература о монополистических объединениях, государственно-монополистическом капитализме и об особенностях империализма в России³. Удачно показано в статье отрицательное влияние культа личности на изучение этих проблем. Достоинством статьи является вы-

³ См. также К. Н. Тарновский. Проблема российского государственно-монополистического капитализма периода первой мировой войны в советской историографии. «Вопросы истории», 1961, № 7.

движение на первый план наиболее важных и прежде всего дискуссионных вопросов. Автор объективно и достаточно конкретно излагает существующие точки зрения. Правда, содержание наиболее крупных работ следовало бы раскрыть конкретнее. Это дало бы читателю больше возможностей для самостоятельных суждений. Некоторые вопросы надо было поставить шире. Так, интересно было бы коснуться вопроса о государственном хозяйстве в России. Удельный вес последнего в ряде случаев был весьма значительным (например, военная промышленность, железнодорожный транспорт), а исследовано оно еще недостаточно.

Справедливо указывает К. Н. Тарновский на необходимость различать общий уровень экономического развития России и уровень развития в ней монополистического капитализма, империализма. Верны и его соображения о неправомерности перенесения особенностей первого на второе. Но при всем этом несомненно воздействие общих особенностей социально-экономического развития России на высшие формы капитализма и наоборот. Поэтому автору следовало бы не только подчеркнуть необходимость разграничения общих особенностей экономического развития страны и особенностей монополистического капитализма, но и сказать о том, как ставят исследователи вопрос о взаимном влиянии этих особенностей. Без этого трудно понять, как наряду со складыванием в России объективных предпосылок для социалистической революции и на базе их формировались и субъективные предпосылки этой революции.

Статья Л. М. Иванова подводит итоги работы по изучению такой важнейшей проблемы, как история пролетариата России⁴. Автор отмечает немногочисленность публикаций по эпохе империализма, формированию рабочего класса, а также отставание в разработке вопросов источниковедения этой проблематики. В статье особо выделены работы о революции 1905—1907 гг., революционном подъеме, первой мировой войне, событиях 1917 г. и о рабочем движении на окраинах России. Л. М. Иванов определяет задачи советских историков в изучении истории пролетариата в России. Он подчеркивает, что до сих

пор крупным пробелом является отсутствие обобщающих работ по этим вопросам. Слабо изучено рабочее движение второй половины 90-х годов XIX в. и рабочее движение в 1910—1917 гг., отсутствуют специальные исследования о продолжительности рабочего дня, заработной плате, степени эксплуатации рабочих; этапы формирования пролетариата не связываются должным образом с развитием промышленности. Плохо изучен также процесс формирования кадров постоянных и потомственных рабочих, ход отрыва рабочих от земли.

Три статьи посвящены литературе по истории революционного движения в России XIX века. В статье В. Е. Иллерицкого рассматриваются работы о движении декабристов, революционной идеологии и освободительном движении второй четверти XIX века. Автор сконцентрировал свое внимание на характеристике наиболее крупных исследований и показал тот вклад, который они вносят в изучение первого этапа революционного движения в России. Однако возражения В. Е. Иллерицкого против трактовки И. А. Федосовым славянофильства как разновидности либеральной идеологии, на наш взгляд, неубедительны (стр. 221—222). Критика В. Г. Белинским и А. И. Герценом славянофильства отнюдь не означает, что славянофилы стояли на позициях официальной народности. При всем совпадении воззрений славянофилов по ряду вопросов со взглядами крепостников первые все же исходили из помещичье-буржуазных, а не помещичье-крепостнических интересов. Кроме того, нельзя забывать, что В. Г. Белинский и А. И. Герцен критиковали и либералов-западников.

Е. Л. Рудницкая и А. Ф. Смирнов характеризуют итоги изучения первой революционной ситуации в России. Одной из особенностей их статьи является то, что в ней фактически рассматривается вся советская литература по данной проблеме, а не только работы последних лет, как это делается в большинстве статей сборника. Другая особенность статьи состоит в том, что итоги проделанной работы излагаются по проблемам обобщенно. К сожалению, авторы иногда как будто забывают, что они пишут историографическую работу. Изложение порой приобретает характер позитивного рассмотрения вопросов, на первый план выдвигается мнение Е. Л. Рудницкой и А. Ф. Смирнова, а не авторов работ, на которые они опираются. Поэтому в статье

⁴ См. также Л. М. Иванов. Состояние и задачи изучения истории пролетариата России. «Вопросы истории», 1960, № 3.

не всегда четко показано, что нового было внесено в постановку и методику решения тех или иных проблем, какие из них были спорными и почему. Например, касаясь спора акад. М. В. Нечкиной и Б. П. Козьмина о взаимоотношениях А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского (стр. 246), авторы ничего не пишут о существовании выдвинутых точек зрения, не говоря уже об их аргументации и убедительности. Остановившись на вопросе о хронологических рамках революционной ситуации и указывая на наличие различных точек зрения, авторы даже не пишут о том, кто и почему отстаивает то или иное мнение (стр. 252—253). Излагая существующие точки зрения, они почему-то упоминают лишь о двух из них и упускают из виду третью, сторонники которой ограничивают рамки революционной ситуации 1859—1861 годами. (Именно эта точка зрения представляется нам наиболее правильной.)

В статье Б. С. Итенберга анализируется литература о революционном народничестве. Длительное время эта тематика несправданно не изучалась или освещалась односторонне. Автор показывает, как в последние годы устраняются эти недостатки и определяются задачи дальнейшей работы. Говорит он и об имеющих место разногласиях в трактовке ряда вопросов. Однако почти все его внимание поглощено раскрытием мнений, с которыми он сам солидарен. В силу этого порой создается впечатление, что другие точки зрения не имеют серьезной основы. Да и излагаются они иногда так, что сущность разногласий остается нераскрытой. Например, знакомясь с характеристикой работы Ш. М. Левина (стр. 266), читатель почувствует, что Б. С. Итенберг не согласен с рядом выдвинутых в ней положений, но не уловит сути разногласий и их причин, ибо автор ограничивается одной фразой: «Монография носит на себе иногда следы того времени, когда она создавалась» (стр. 266). Б. С. Итенберг почему-то нигде не говорит о том, что расхождения между исследователями в трактовке ряда конкретных вопросов вытекают из различий в понимании ими самой сущности народничества. В итоге автору не удалось достигнуть той ясности и объективности, которые необходимы в историографическом обзоре, тем более, если последний посвящен спорной проблеме.

Три статьи сборника, написанные Л. В. Даниловой, С. О. Шмидтом, Б. Б. Ка-

фенгаузом и А. А. Преображенским, характеризуют исследовательскую работу в области истории нашей страны в эпоху феодализма.

Известно, что под влиянием культа личности в изучении проблем истории русского феодализма было допущено немало ошибок, фактически игнорировались важнейшие ленинские выводы, относящиеся к истории средневековой России (например, характеристика Русского государства XVI в.). История подвергалась лакировке, многие социально-экономические процессы характеризовались крайне упрощенно, догматично, в ряде случаев преувеличивался уровень экономического и социального развития крепостнической России, фактически была снята многократно подчеркнутая В. И. Лениным проблема отсталости страны, деятели прошлого изображались весьма односторонне, без учета всей противоречивости эпохи, в которой они жили. Имел место догматический подход к некоторым исследованиям по истории феодальной России. Так случилось, например, с трудами акад. Б. Д. Грекова, являвшимся серьезным вкладом в постановку и разрешение ряда важнейших проблем, но отнюдь не бесспорными в ряде конкретных вопросов. Зато работы М. Н. Покровского, в которых наряду с ошибками было немало интересных наблюдений, необоснованно подвергались осуждению. Все это наложило известный отпечаток и на многотомные «Очерки истории СССР» — крупный труд, который был результатом исследовательской работы большого коллектива историков.

Можно лишь пожалеть, что Л. В. Данилова, дав в своей статье об итогах изучения феодальной России (до XVI в.) в целом правильную характеристику советской исторической науки в области изучения русского феодализма, не указала на отрицательные последствия культа личности, преодоление которых составляет одну из основных линий развития нашей историографии в последние годы. Конечно, было бы ошибкой отрицать все то, что было сделано советскими историками до XX съезда КПСС. К середине 50-х годов методологический и исследовательский уровень их работ во многом отличался от уровня работ конца 20 — начала 30-х годов, что верно отмечено Л. В. Даниловой. Кроме того, был сделан серьезный вклад в конкретную разработку проблем социально-экономического и политического развития нашей страны в эпоху феодализма.

Богатство советской историографии по проблемам феодализма, ее ярко раскрывшийся в 1956—1961 гг. творческий характер, широта и многосторонность тематики, новое осмысление ряда явлений и процессов — все это хорошо выявлено Л. В. Даниловой. Автор фиксирует спорные, нерешенные вопросы и не только раскрывает суть споров (например, по проблемам истории феодализма в древней Руси, образования централизованного государства и т. д.), но и высказывает свою точку зрения, делая в ряде случаев тонкие и интересные замечания, например, о «реформационном движении» и ересях XIV—XV вв. Правда, Л. В. Данилова не всегда принимает во внимание всю систему аргументации точек зрения, которые она оспаривает. Так, в вопросе об образовании централизованного государства она не учитывает ленинской характеристики «московского царства»; правильно указывая на необходимость изучения этого процесса в сравнении со странами Западной Европы, она в то же время абстрагируется от особенностей возникновения централизованных государств на Востоке. Оценивая взгляды И. И. Смирнова, Л. В. Данилова опускает его мысль о складывании феодальной вотчины и основ классового феодального строя к XI веку⁵. И если справедлива ее мысль о том, что выводы И. И. Смирнова нуждаются в проверке по другим источникам, то столь же необходимо контролировать письменными материалами и данные археологии, интерпретируемые как свидетельство более раннего зарождения феодальной вотчины. Нельзя считать бесповоротно «отвергнутым в нашей литературе» положение о «феодализме без ленов», высказанное К. Марксом, к которому, по мнению Л. В. Даниловой, ведет принятие точки зрения И. И. Смирнова.

Л. В. Данилова ставит также ряд вопросов, требующих пересмотра и изучения. Нельзя не поддержать ее мысли о необходимости применять сравнительно-исторический метод для исследования проблем раннего феодализма, об изучении феодальной ренты, природы барщинного хозяйства и отработочной ренты в конце XV—XVI в., «черного» землевладения и др.

Жаль, что в статье не показаны изменения в приемах изучения материала по про-

блемам феодализма. Между тем это важная сторона развития науки, и ее тоже было бы полезно осмыслить. Нельзя ставить рядом, например, работы А. И. Копанева и Д. П. Маковского, разительно отличающиеся по своей источниковедческой культуре. Нельзя считать заслугой Д. П. Маковского и «разработку на конкретном материале вопроса о влиянии феодальной надстройки на базис» (стр. 61). И не ему принадлежит мысль о том, что централизация имела не только положительные, но и отрицательные последствия для социально-экономического развития России. Этот тезис в действительности был высказан другими историками, в частности Л. В. Черепниним.

Принципиально важен тот раздел статьи Л. В. Даниловой, где она показывает резкое повышение активности советских исследователей в борьбе с реакционной зарубежной буржуазной историографией.

С интересом читается статья С. О. Шмидта, анализирующего ход изучения истории России в XVI веке. Автор сначала дает оценку состояния историографии по освещаемым им проблемам накануне XX съезда КПСС и указывает на пороки, обусловленные культом личности. С. О. Шмидт верно подметил характерные черты развития исторической науки за последние годы: расширение тематики исследований и стремление к теоретическому объяснению изучаемых процессов, сравнительное изучение отечественной и зарубежной истории, выявление общего и особенного в русской истории, расширение круга исследователей как за счет молодых кадров, так и за счет привлечения специалистов по смежным наукам, создание более разносторонней источниковедческой базы, выдвижение новых гипотез, смелость в постановке и решении вопросов, острота дискуссий, наконец, уважение к традициям науки, особый интерес к вопросам историографии.

Наряду с характеристикой изучения России XVI в. С. О. Шмидт ставит ряд новых вопросов и высказывает свое отношение к спорным проблемам. Он указывает на необходимость пересмотра существующих в литературе взглядов на социально-экономические отношения в феодальной деревне XVI в. и отчетливо формулирует свою точку зрения по вопросу о возможности возникновения в это время в России капиталистических отношений. Верно указаны и пробелы в изучении XVI в., и в первую очередь отсутствие обобщающих и недоста-

⁵ И. И. Смирнов. Проблема «смердов» в Пространной Правде. «Исторические записки». Т. 68, стр. 255.

ток конкретных исследований по проблеме русского города. Очень интересны соображения, высказанные С. О. Шмидтом в связи с оценкой исследований по вопросам политической истории России в XVI веке. Автор протестует против упрощения и схематизации борьбы в XVI в. различных группировок господствующего класса, против приписывания им четких политических программ, против модернизации при изображении отдельных выступлений боярства. С. О. Шмидт формулирует вытекающую из работ последних лет мысль о том, что необходимо внести серьезные изменения в наши представления о характере и роли опричнины. По-новому подходит он и к вопросу о местничестве, указывая на его определенную выгоду для централизованной власти. Представляет интерес постановка С. О. Шмидтом вопроса о Ливонской войне, о том, что она не была безоговорочно положительным явлением, а имела много отрицательных последствий.

Несколько более обзорный характер носит статья Б. Б. Кафенгауза и А. А. Преображенского, посвященная изучению проблем позднего феодализма. В ней освещена многогранная работа советских исследователей, подведены итоги изучения ряда вопросов, отмечены спорные, дискуссионные проблемы. Авторы указывают, например, что необходимо создать обобщающий труд о классовой борьбе на всем протяжении феодально-крепостнической формации, что при анализе народных выступлений еще недостаточно учитывается влияние складывавшихся буржуазных отношений на характер, формы и объективное содержание классовой борьбы. Они справедливо пишут также о том, что надо исследовать социальные противоречия между

буржуазией и классом феодалов. Подробно освещен в статье вклад советских историков в разрешение сложных вопросов социально-экономического и политического развития России в XVII—XVIII вв., в частности процесса генезиса капитализма.

Статьи сборника свидетельствуют о значительных успехах, достигнутых нашей исторической наукой в период между XX и XXII съездами КПСС. Правда, каждая из статей в различной мере отвечает тем требованиям, которые могут быть предъявлены к историографическим исследованиям. Главным из этих требований является глубокий и конкретный анализ проделанной работы, который должен показать движение научной мысли и расширение ее фактической основы, раскрыть существо спорных вопросов и определить задачи дальнейшей работы и пути их решения. Тот факт, что в сборнике эта цель не всегда сказалась достигнутой, объясняется, в частности, тем, что вопросы историографии до последнего времени не привлекали должного внимания ученых и потому еще далеко не ясны многие принципы собственно историографического исследования. Некоторая поспешность при комплектовании сборника отразилась на его тематике: итоги изучения ряда важных проблем не нашли в нем отражения. Несмотря на это, первый опыт издания столь обширной историографической работы следует признать весьма своевременным, удачным и полезным. Очень ценным является библиографическое приложение к сборнику, содержащее перечень историографической литературы, увидевшей свет в 1956—1961 годах.

*И. Д. Ковальченко,
М. Е. Найденов,
А. М. Сахаров*

«Очерки истории Мордовской АССР» Т. II (1917—1960 гг.). Редакционная коллегия: В. И. Лебедев, В. В. Максаков, А. Е. Захаркина, А. Л. Киселев, А. В. Климкина, К. А. Котков и Н. Н. Молин¹. Мордовское книжное изд-во. Саранск. 1961. 543 стр. Тираж 3 000. Цена 2 руб. 16 коп.

«Очерки истории Марийской АССР» (1917—1960 гг.). Редакционная коллегия: А. В. Хлебников, В. Ф. Пашуков, В. М. Тарасова, В. Б. Халалсин, А. Ф. Немцев². Йошкар-Ола. 1960. 451 стр. Тираж 3 000. Цена 1 руб. 82 коп.

Научная литература по истории народов и национальных районов СССР пополнилась двумя коллективными трудами местных историков, посвященными истории двух народов Поволжья — мордовского и марийского, начиная от победы Великой Октябрьской социалистической революции до нашего времени. Обе работы представляют собой итог длительной научно-исследовательской разработки местной истории, ведущейся под руководством научно-исследовательских институтов языка, литературы, истории и экономики при Советах Министров Мордовской и Марийской АССР. В создании рецензируемых книг принимали участие историки, работающие в названных научных учреждениях и в местных высших учебных заведениях, а также партийные и советские работники обеих республик. «Очерки» являются первым опытом систематизированного освещения борьбы трудящихся Мордовии и Марийского края под руководством Коммунистической партии за торжество социализма, за развернутый переход от социализма к коммунизму.

«Очерки» содержат историю развития хозяйства, культуры и государственной жизни Мордовской и Марийской национальных автономий в братской семье народов Советского Союза. На наш взгляд, авторы справились с главной своей задачей. Они показали, как угнетенные и отсталые народы бывшей Российской империи пришли к своему экономическому и культурному возрождению в результате победы социа-

листической революции и осуществления в СССР ленинской национальной политики; как марийский и мордовский народы получили свою государственность и с помощью великого русского и других братских народов нашей страны добились гигантских успехов во всех областях жизни: построили свою промышленность, крупное механизированное сельское хозяйство, развили национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру. В обеих книгах приведены многочисленные факты, свидетельствующие о постоянной помощи ЦК КПСС и Советского правительства марийскому и мордовскому народам.

В «Очерках» освещен процесс нарастающего революционного движения в Мордовии и в Марийском крае после Февральской революции. Большевики Мордовии развернули активную деятельность по привлечению рабочих, крестьянских и солдатских масс на свою сторону. Саранские большевики Г. Е. Будаев и К. А. Зудилин много сделали для распространения партийной литературы, наладили доставку в Саранск газет «Правда» и «Социал-демократ». Большую помощь оказывали большевикам Мордовии пензенские большевики и приезжавшие по поручениям ЦК товарищи из Москвы, Петрограда, Нижнего Новгорода, Казани и других промышленных центров. В углублении революционного движения и в борьбе против антинародной политики Временного правительства в период от февраля до октября 1917 г. важную роль сыграли в Мордовии железнодорожники Рузаевки. Авторы «Очерков» подробно осветили работу I Пензенского губернского крестьянского съезда 7—10 апреля 1917 г., резолюцию которого В. И. Ленин высоко оценил в своем докладе по аграрному вопросу на Апрельской конференции. «...Крестьяне, — говорил В. И. Ленин, — берут помещичий инвентарь, но не делят по дворам, а обращают его в общественную собственность. Они устанавливают известную очередь, правило, чтобы этим инвен-

¹ Авторы: А. Е. Захаркина, М. Г. Сафаргалиев, М. В. Дорожкин, И. М. Корсаков, М. И. Романов, К. А. Котков, И. П. Пахомов, С. С. Ивашкин, М. В. Агеев, И. И. Фирстов, И. А. Васькин, Д. Е. Рузавин, С. П. Телин, А. Л. Киселев, Н. Н. Молин, Д. И. Глазунов, И. И. Лягушенко, Н. И. Черепкин, Н. Я. Швечков, С. Н. Сердцев, М. А. Валюгин, П. А. Кокорев, А. К. Кладов, Ю. И. Юшкин.

² Авторы: А. В. Хлебников, В. Ф. Пашуков, И. Т. Гришук, А. Р. Смирненский, В. И. Швядченко, Б. К. Рейнфельдт, А. М. Глузман.

тарем обрабатывать все земли. Прибегая к этим мерам, они руководствуются интересами повышения сельскохозяйственного производства»³.

Проследив подъем крестьянского движения и рост революционных настроений среди солдат, авторы «Очерков истории Мордовской АССР» показали процесс активизации масс и создания местных партийных ячеек, в организации которых сыграли большую роль вернувшиеся с фронта солдаты-большевики. На протяжении осени 1917 г. и в первые месяцы после Великой Октябрьской социалистической революции партийные организации возникли в самых отдаленных уголках Мордовии. Тесно переплетавшиеся с рабочим и аграрным движением революционные выступления солдат сыграли серьезную роль в уничтожении помещичьего землевладения. «Очерки истории Мордовской АССР» свидетельствуют о том, что борьбой трудящихся за установление Советской власти в крае, как и по всей стране, руководил Центральный Комитет партии в лице комиссаров, инструкторов, организаторов и агитаторов, направленных на место. Верен вывод о том, что «в уездах Мордовии восстания сельской бедноты против помещиков и кулаков-хуторян вместе с революционными выступлениями солдат в гарнизонах явились решающим условием победы Советской власти» (стр. 40).

Прослежен в книге и процесс установления Советской власти в Саранском, Инсарском, Наровчатском и Ардатовском уездах после разгрома сил местной контрреволюции. В апреле 1918 г. вся Мордовия стала советской. Активное участие в борьбе за Советскую власть принимали в Мордовии военнопленные чехословаки, венгры и др. Так, по инициативе чехословацкой коммунистической секции стал формироваться I Пензенский чехословацкий революционный полк, который отставив вместе с местными рабочими и солдатами Пензу во время мятежа белочехов. Заслуживают внимания данные о том, как мордовские большевики с помощью рабочих и партийных работников, присланных по личному указанию В. И. Ленина, проводили социалистическую революцию в деревне. Под их руководством тысячи рабочих, солдат и крестьян укрепляли власть волостных и сельских Советов Мордовии.

В «Очерках истории Марийской АССР»,

как и в книге по истории Мордовии, раскрывается ход борьбы крестьян Марийского края за землю весной и летом 1917 г., освещена борьба против активизации антинародных действий марийских буржуазных националистов. Авторы рассказывают о сломе буржуазных органов управления и создании советского государственного аппарата с одновременным уничтожением социально-правовых пережитков феодализма, о первых шагах в осуществлении ленинской национальной политики и в развертывании социалистических преобразований в деревне.

Творческая роль народа в революции особенно выпукло показана в обеих книгах, в частности на таких фактах, как создание бедняками в ходе борьбы с кулачеством своих простейших организаций (дружин, комитетов и др.), возникших из-за недостаточного представительства бедноты в некоторых местных Советах и колебаний середняков, входивших в последние.

В «Очерках» раскрывается такая особенность истории Мордовского и Марийского краев, как исключительная роль (при крайне незначительном числе промышленных рабочих, особенно в марийских районах) комитетов бедноты как подлинно революционных органов в борьбе за диктатуру пролетариата, против любых проявлений контрреволюции. Эта роль комитетов бедноты особенно выявилась при сборе чрезвычайного революционного налога, взимание которого в местных условиях проводилось главным образом благодаря революционной бдительности, классовой твердости и решительности бедноты. Авторы приводят примеры героизма трудящихся, проявленного во имя защиты социалистического отечества как в боях против белочехов и колчаковцев, так и на других фронтах. В «Очерках» подчеркивается большое значение в мобилизации всех сил трудящихся на борьбу с интервентами, которое имели в 1919 г. рейсы в районы Поволжья агитпоезда «Октябрьская революция» во главе с М. И. Калининым и агитационно-инструкторского парохода «Красная звезда», на котором находилась Н. К. Крупская.

Из глав, посвященных восстановительному периоду в обеих республиках, читатель узнает, как в обстановке больших трудностей, особенно в связи с тяжелыми последствиями засухи в Поволжье, шло восстановление народного хозяйства, как в далекой и еще очень отсталой в экономическом

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 253.

отношении Мордовии зажглись первые тысячи электрических лампочек в связи с пуском Ладской гидроэлектростанции, сооруженной по гениальному ленинскому плану ГОЭЛРО. Под мудрым руководством Коммунистической партии, ряды которой еще более окрепли во время ленинского призыва, трудящиеся Мордовии и Марийского края стали успешно осуществлять ленинский план построения социализма.

Разделы по истории обеих республик в годы социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, а также завершения социалистической реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР раскрывают перед читателем картину быстрого хозяйственного роста республик в связи с созданием крупной промышленности, в первую очередь тяжелой, с победами социалистического земледелия. За годы второй пятилетки в одной только Мордовии было создано 93 предприятия крупной промышленности. Социализм победил также и в сельском хозяйстве. В 1934 г. на полях Мордовии работало 34 тыс. плугов, 5 400 сеялок и столько же жаток, 2 тыс. молотилок и т. д. (стр. 220). Большое количество сельскохозяйственных машин было направлено партией и правительством и на поля Марийской АССР.

Недостатком указанных глав, в особенности в «Очерках истории Мордовской АССР», является то, что в них слабо раскрыта громадная роль советской молодежи, прежде всего комсомола, в строительстве социализма. Как известно, участие комсомольцев Мордовской и Марийской республик в создании колхозов было весьма значительным.

В обеих книгах, естественно, рассматриваются вопросы создания Марийской и Мордовской автономных республик. При этом подчеркивается огромное политическое значение образования Марийской автономной области в январе 1921 г. и выделения в 1928 г. в составе Средневолжского края Мордовского автономного округа, преобразованного в 1930 г. в Мордовскую автономную область, а также их преобразования в автономные республики — первой в 1936 г., а второй в 1934 году. Эти события были выражением торжества ленинской национальной политики в Среднем Поволжье.

Рассматривая историю культурного строительства, на разнообразном и обширном материале авторы обеих книг показывают,

как политика нашей партии вызвала мощное созидательное творчество широких масс трудящихся всех наций и народностей обеих республик, поставив на службу Советскому государству мощный родник народных талантов. Недостатком в изложении материала по истории культурного строительства является перегрузка текста именами деятелей культуры без раскрытия значения их творчества.

С волнением читаются главы об участии трудящихся Мордовской и Марийской АССР в Великой Отечественной войне. Подвиги фронтовиков Игоря Косарева, С. Р. Суворова и других описаны ярко и впечатляюще. Так же хорошо показан напряженный патриотический труд в тылу.

Изложение истории обеих республик в послевоенный период доведено в «Очерках» до 1960 года. В обеих книгах рассказывается о борьбе трудящихся под руководством Коммунистической партии за выполнение планов четвертой и пятой пятилеток, об огромном значении исторических решений XX съезда КПСС. Кроме того, авторы на основе директив XXI съезда партии рисуют перспективы развития народного хозяйства и культуры двух автономных республик по семилетнему плану. Так, если по СССР в целом за 7 лет намечен рост валовой продукции промышленности по сравнению с 1958 г. в 1,8 раза, то по Мордовской АССР — в 4,8 раза. Забота Коммунистической партии о развитии народного хозяйства национальных районов даст возможность Мордовии уже к 1965 г. полностью ликвидировать имевшееся некоторое отставание республики в промышленном отношении.

В «Очерках» подчеркивается огромное значение постановления Пленума ЦК КПСС (февраль 1957 г.) «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» и соответствующего закона, принятого после всенародного обсуждения и одобрения тезисов доклада Н. С. Хрущева на VII сессии Верховного Совета СССР 10 мая 1957 года. Марийский и Мордовский советы народного хозяйства, осуществляя проведение в жизнь ленинского принципа демократического централизма, лучше, чем министерства, знают работу предприятий и оказывают им всестороннюю оперативную помощь. Авторы показали также историческое значение решений сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» и по-

следующих постановлений партии и правительства по вопросам сельского хозяйства. Например, за 5 лет (с 1953 по 1958 г.) посевная площадь в Марийской АССР выросла до 505 тыс. га, а производство молока в колхозах и совхозах увеличилось в 3,2 раза (стр. 393).

«Очерки истории Мордовской АССР» снабжены научным аппаратом. В приложении даны подробная хронологическая таблица, а также обширный указатель литературы и изданий документальных и статистических материалов, относящихся к истории республики. В «Очерках истории Марийской АССР» хронологическая таблица более краткая; список важнейшей литературы разбит по главам, в то время как само изложение материала ведется без ссы-

лок на литературу и источники (за исключением указаний на работы В. И. Ленина, М. И. Калинина и партийные документы). По нашему мнению, упущением авторов и редакторов обеих книг является отсутствие именного, географического и предметного указателей.

«Очерки» по истории Марийской и Мордовской АССР — серьезные работы, раскрывающие исторический путь, пройденный двумя братскими народами за годы Советской власти, и показывающие, что все достижения марийского и мордовского народов в народном хозяйстве и в культурном строительстве являются ярким подтверждением правильности политики Коммунистической партии.

Г. А. Новицкий

Н. А. МАНАКОВ. *В кольце блокады. Хозяйство и быт осажденного Ленинграда.* Л. Лениздат. 1961. 215 стр. Тираж 5 000. Цена 42 коп.

Подвиг ленинградцев в годы Великой Отечественной войны, героически боровшихся с немецко-фашистскими захватчиками почти 900 дней в условиях блокады, голода, холода, бомбежек и обстрелов и не пустивших врага в свой город, навсегда останется одной из самых славных страниц в истории советского народа. «Пройдут века,— говорил М. И. Калинин, вручая в январе 1945 г. орден Ленина городу-герою Ленинграду,— но дело, которое сделали ленинградцы, мужчины и женщины, старики и дети этого города,— никогда не изгладится из памяти самых отдаленных поколений будущего...»¹.

Оборона Ленинграда уже получила освещение в общих трудах о Великой Отечественной войне, созданных советскими историками. Появились на эту тему и монографические исследования, а также журнальные статьи, хотя и немногочисленные. Такой вопрос, как организация и состояние продовольственного снабжения ленинградцев и отчасти ленинградского гарнизона в первые месяцы войны, исследуется в книге Д. В. Павлова², являвшегося в первые четыре месяца войны уполномоченным Госу-

дарственного Комитета Оборона по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения города. Ряд важнейших сторон жизни осажденного Ленинграда охватывает книга А. В. Карасева³. Интерес представляют и работы Н. Д. Худяковой и Т. А. Ждановой⁴. Однако следует признать, что многие вопросы обороны Ленинграда, например, такие, как городское хозяйство и быт населения, затронуты в них только частично.

Определенный вклад в литературу, посвященную блокаде Ленинграда, вносит рецензируемая книга. Автор возглавлял в период блокады Ленинградскую плановую комиссию и был заместителем председателя Ленгорисполкома. Он сам наблюдал и пережил то, о чем пишет. В его книге рассматривается комплекс вопросов, связанных с бытом ленинградцев, с их героическими усилиями по борьбе с голодом, холодом и болезнями, с защитой населения от бомбежек и обстрелов, с поддержанием, а впоследствии и восстановлением городского хозяйства, показана организующая деятельность военных, партийных и советских

³ А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады. 1941—1943. М. 1959.

⁴ Н. Д. Худякова. За жизнь ленинградцев. Л. 1959; Т. А. Жданова. Крепость на Неве. М. 1959.

¹ М. И. Калинин. Статьи и речи. М. 1946, стр. 98.

² Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде (1941 год). Л. 1958. 2-е изд. М. 1961.

органов. Наиболее полны разделы книги, рассказывающие о борьбе с голодом, о сражении за топливо, о налаживании бытового обслуживания населения, о состоянии городского хозяйства и его восстановлении в 1942—1945 годах. Ряд материалов публикуется впервые и представляет большой интерес. Это данные об организации торговли, о развитии овощеводства, об использовании пищевых отходов и заменителей, сведения о восстановлении коммунального хозяйства, о мероприятиях по экономии топлива, по организации медицинской помощи.

Советским исследователям предстоит еще немало сделать для того, чтобы воссоздать подлинную летопись Великой Отечественной войны, свободную от искажений, связанных с культом личности, восстановить правду, показать войну как патриотическую страду, как бессмертный подвиг народа. В осуществление этой задачи работа Н. А. Манакова вносит свою долю. Факты и имена убедительно свидетельствуют о том, что героями, перенесшими блокаду и отстоявшими Ленинград, были рабочие, интеллигенция, люди разных возрастов, коммунисты и беспартийные. Оборона Ленинграда была подлинно всенародным делом. Поэтому-то книга читается с большим волнением, и читатель испытывает гордость за советских людей, показавших замечательные образцы мужества и патриотизма.

Книга воскрешает действительные события, восстанавливает правду. Мы узнаем, что продовольственные запасы Ленинграда не превышали к началу блокады двухмесячной нормы и пожар Бадаевских складов вовсе не являлся главной причиной сравнительно быстро надвинувшегося голода, как это утверждалось раньше⁵. Становится известным и то, что ряд мероприятий в целях экономии продовольствия (ликвидация коммерческой торговли, запрещение производства пива и т. д.) был осуществлен Ленинградским горисполкомом непростительно поздно (стр. 94).

Но при всех своих достоинствах книга Н. А. Манакова не свободна от недостатков. Очень скупо показана в ней культурная жизнь города. Борясь за жизнь, хлеб, воду и топливо, хороня каждый день своих

близких, работая на оборонных заводах в тяжелейших условиях, ленинградцы, однако, ни на один день не прекращали культурного, научного и художественного творчества. Это следовало показать на подлинных фактах. Трудно понять, почему автор не упомянул о работе радио, о деятельности филармонии, театров, научных и учебных учреждений, клубов. Хотелось бы, чтобы разделы книги, которые построены на личных наблюдениях автора, были значительно расширены и пополнены фактическим материалом.

Приводит в некоторое недоумение принятая автором система ссылок на источники. Иногда считают, что в книге для широкого читателя неуместно обилие ссылок. Это, быть может, оправданно, если работа носит преимущественно мемуарный характер и построена почти целиком на личных воспоминаниях. Однако работа Н. А. Манакова сильно отличается от таких книг. В ней множество фактов и цифр. Нередко достоверность их не вызывает сомнений, между тем они подкреплены ссылками на источники. Там же, где факты и цифры далеко не очевидны и нуждаются в подкреплении, ссылки на источники отсутствуют. Например, автор пишет (стр. 84), что к началу блокады число несамодеятельного населения в Ленинграде сократилось до 1200 тысяч. Это очень важная цифра, но она никак не подтверждена документально. Или другой пример: историки обычно датируют первую воздушную бомбардировку Ленинграда 6 сентября 1941 года⁶. Н. А. Манаков утверждает, что первые бомбы упали в Ленинграде на Сызранской улице 18 июля 1941 года (стр. 21). Но и это положение приводится без доказательства. Без ссылки на источник автор сообщает, что к январю 1944 г., то есть к моменту полной ликвидации блокады, рождаемость в Ленинграде уже превышала смертность (стр. 180). Имеются в книге и отдельные неточности. Неверно утверждение, что «в конце июля (1941 г.) началось формирование четырех гвардейских дивизий» (стр. 12). Это не могло происходить ранее приказа Народного Комиссара Обороны о формировании советских гвардейских частей (от 18 сентября 1941 г.).

*А. А. Иотковский,
Я. С. Розенфельд*

⁵ См., например, Т. А. Жданова. Указ. соч., стр. 28; А. Сапаров. Дорога жизни. Л. 1957, стр. 21.

⁶ А. В. Карасев. Указ. соч., стр. 147.

В. А. ЕЖОВ. *Рабочие Ленинграда в борьбе за восстановление города (1944—1945 гг.)*. Л. Изд-во ЛГУ. 1961. 107 стр. Тираж 1 450. Цена 39 коп.

Героической истории Ленинграда в дни Великой Отечественной войны посвящено уже немало трудов. Но до последнего времени в них не находил достаточного отражения процесс восстановления промышленности и городского хозяйства Ленинграда. Лишь сравнительно недавно появились работы, положившие начало научной разработке этой большой и важной темы¹. Книга В. А. Ежова — первое специальное исследование об участии ленинградских рабочих в восстановлении промышленности и городского хозяйства в условиях военного времени.

Книга написана в результате изучения документов, извлеченных из фондов четырех архивов: Ленинградского партийного архива (ЛПА), Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОР ЛО), Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР, Центрального архива ВЦСПС. Автор не прошел мимо профсоюзной статистики. Отчеты ФЗМК (фабрично-заводских и местных комитетов) дали В. А. Ежову ценные сведения о подготовке рабочих кадров и о развитии социалистического соревнования на предприятиях в изучаемый период (стр. 28, 39, 46—48). Много внимания автор уделил периодической печати, в частности заводским многотиражкам, из которых он почерпнул обильный материал. К сожалению, в чрезвычайно кратком источниковедческом обзоре ничего не сказано о недостатках периодической печати военного времени и трудностях ее использования историками. На наш взгляд, хотя бы краткий анализ этого источника был бы чрезвычайно полезен.

Много внимания автор уделяет показу всенародной помощи делу восстановления

Ленинграда. Перед читателем предстает город, неразрывно связанный тысячами уз со всей огромной Советской страной. В ее могучей поддержке черпал он силы, восстанавливая свою промышленную мощь. «Всенародная помощь ленинградцам в их самоотверженном труде по возрождению родного города,— пишет В. А. Ежов,— явилась решающим фактором быстрого восстановления промышленности и городского хозяйства Ленинграда» (стр. 15). Эта мысль проходит через всю книгу. Автор показывает, каким образом трудящиеся Ленинграда смогли развернуть восстановительные работы еще до окончания войны, что вдохновляло ленинградских рабочих на самоотверженный труд по восстановлению промышленных объектов, важных для всей страны. На большом фактическом материале показана также и помощь ленинградских трудящихся восстановлению Волгограда, Киева, Харькова, Новомосковска, Донбасса, Криворожского металлургического завода, «Запорожстали», Днепротэса, Рыбинской, Кегумской (Латвийская ССР), Фархадской (Узбекская ССР) ГЭС и многих других городов, промышленных центров и электростанций. Таким образом, ликвидация последствий войны в Ленинграде воспринимается читателем как органическая часть общего дела восстановления народного хозяйства страны.

В книге раскрывается ведущая роль коммунистов и комсомольцев в восстановительном труде на заводах и фабриках города. Выполняя задачу, поставленную партией и правительством, городская партийная организация взяла под свой контроль все работы в промышленности и городском хозяйстве. Только в течение мая—октября 1944 г. бюро горкома партии более 10 раз заслушивало отчеты о ходе восстановления крупнейших предприятий (стр. 56). Эти вопросы постоянно находились в центре внимания районных комитетов партии. Так, например, Московский РК ВКП(б) с мая по август 1944 г. проверил ход выполнения восстановления Государственного Комитета Оборона (ГКО) о восстановлении промышленности Ленинграда коллективами 1-й ГЭС, фабрики «Скороход», мясокомбината имени Кирова, 1-го молочного завода, фабрики «Пролетарская победа», завода «Электросила» (стр. 56). Когда весной 1943 г. по решению ГКО на заводе «Элект-

¹ А. В. Карасев. Восстановление промышленности Ленинграда в 1944—1948 гг. «Исторические записки» № 68, 1961; его же. Возрождение города-героя. «История СССР», 1961, № 3; С. П. Князев. Коммунисты Ленинграда в борьбе за восстановление города (1944—1945 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1961, № 1; Д. И. Гутман. Борьба ленинградской партийной организации за восстановление энергетической базы города (1944—1945). «Вестник Ленинградского университета», 1961, № 8; Н. А. Мананков. В кольце блокады. Хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л. 1961.

росила» начались первые восстановительные работы, именно коммунисты возглавили борьбу за возрождение своего предприятия (стр. 52—55).

Автор совершенно прав, считая специфической чертой работ по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда исключительно широкое участие в них населения. Именно энтузиазм трудящихся дал возможность начать восстановительные работы в городе задолго до окончания Великой Отечественной войны.

Однако автору книги можно предъявить и некоторые претензии. Так, избрав темой своего исследования борьбу ленинградских рабочих за восстановление промышленности и городского хозяйства в условиях войны (стр. 11), В. А. Ежов относит к этому периоду лишь 1944—1945 годы. С таким ограничением хронологических рамок трудно согласиться. Разумеется, широкий размах восстановительные работы могли получить лишь после полной ликвидации блокады города. Однако они велись (правда, в небольших масштабах) уже в 1943 году. Кстати, об этом сказано и в рецензируемой книге (стр. 52—55). По заданиям ГКО, ленинградские трудящиеся начали восстанавливать промышленность и городское хозяйство сразу же после прорыва блокады. Несмотря на исключительные трудности, в условиях осажденного врагом города, постоянных артиллерийских обстрелов восстановительные работы проводились на таких заводах, как «Электросила» (этому вопросу, между прочим, уделяется много места в четвертой главе книги), Кировский, Невский завод имени Ленина, «Большевик», «Красный выборжец» и др. (стр. 55). Уже в 1943 г. началось восстановление металлургической базы Ленинграда. В августе дала плавку мартеновская печь завода «Большевик»², а в конце года — Невского машиностроительного завода имени Ленина³. Всего за 1943 г. усилиями трудящихся была частично возобновлена работа 85 крупных заводов и фабрик Ленинграда⁴. На осно-

вании постановления ГКО в 1943 г. ленинградцы приступили также к восстановлению предприятий строительных материалов. Все это, по нашему мнению, дает основания начинать первый этап восстановления 1943 годом (с мартовского постановления ГКО о восстановлении крупного машиностроения на заводе «Электросила») ⁵ и доводить данный этап, как это и делает автор, до сентября 1945 г., то есть до окончания второй мировой войны. Не желая преувеличивать роль сделанного в 1943 г., более того, считая необходимым сказать о большой разнице в масштабах восстановительных работ 1943 и 1944 гг. мы, тем не менее, не видим необходимости отрывать одно от другого. И 1943 и 1944 годы составляют единый период восстановительных работ военного времени. Этот период послужил прологом к началу широкого размаха послевоенных работ по восстановлению, проводившихся в 1946—1950 гг., и характеризуется общими трудностями военного времени, а также особыми задачами восстановительных работ в указанное время.

Автор совершенно прав, когда на одно из первых мест в книге выдвигает вопрос о составе и подготовке рабочих кадров. Проблема восстановления нашей промышленности не могла быть решена без восстановления квалифицированных рабочих кадров, которыми всегда славился город Ленина. К сожалению, отсутствие в распоряжении автора сводных данных о составе рабочих ленинградской промышленности вынудило его обращаться к отдельным примерам, многочисленность которых в известной мере затрудняет чтение второй главы.

Всестороннее освещение ведущей роли партии и рабочего класса в работе по восстановлению ленинградской промышленности и показ тесной связи этой работы с общим процессом восстановления народного хозяйства освобожденных районов страны обеспечивают политическую актуальность и высокий идейно-теоретический уровень книги. Обилие конкретных примеров и имен славных тружеников Ленинграда делает ее интересной не только для специалистов, но и для самых широких кругов читателей.

А. Р. Дзенiskeвич

² А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады. 1941—1943. М. 1959, стр. 283.

³ ГАОР ЛО, ф. 9328, оп. 6, д. 11, л. 22.

⁴ Л. Володарский. Восстановление и развитие промышленности Ленинграда. «Плановое хозяйство», 1945, № 5, стр. 66.

⁵ ЛПА, ф. 25, оп. 13, ед. хр. 152, л. 107.

«Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг.». Сборник документов под редакцией А. С. Нифонтова и Б. В. Златоустовского. Составители: М. А. Сыромятникова, К. А. Белоусова и С. Л. Эвенчик. Соцэкгиз. М. 1960. 961 стр. Тираж 2 000. Цена 1 руб. 62 коп.

Из публикуемой ныне многотомной серии документальных сборников «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века» (главный редактор — акад. Н. М. Дружинин) уже вышло из печати несколько томов. К их числу относится и рецензируемый сборник. В него включены 353 документа, извлеченные из фондов центральных государственных исторических — архивов Москвы (ЦГИАМ) и Ленинграда (ЦГИАЛ). Почти все они публикуются впервые. Документы расположены в сборнике по годам, а в пределах каждого года — по губерниям (в их алфавитной последовательности). В приложениях имеется список принятых сокращений, хроника крестьянского движения с 1881 по 1889 год, составленная не только на основании документов, вошедших в публикацию, но и других архивных материалов, а также с учетом тех выступлений крестьян, о которых имеются данные в прежних изданиях, в литературе и периодической печати. В приложении также есть географический указатель, указатель имен, алфавитный перечень законов (упоминаемых в тексте документов) с кратким изложением их содержания и перечень архивных фондов, использованных при составлении сборника. В предисловии С. Л. Эвенчика дается характеристика социально-экономического и политического положения страны в 80-х годах XIX в., особенностей крестьянского движения и историографии этого вопроса, характеристика документов, публикуемых в сборнике.

Научная ценность этой публикации состоит прежде всего в том, что она впервые в советской историографии показывает не только большой размах, но также характер и направленность крестьянского движения в России в 80-х годах XIX века. Известно, что в те годы царизм принял ряд законов, направленных на усиление борьбы с крестьянским движением, на усиление крепостнической реакции в стране. Однако крестьянское движение нарастало. Об этом и свидетельствуют документы рецензируемой публикации, из которых видно, что за 9 лет (1881—1889 гг.) крестьянскими волнениями было охвачено, по нашим подсчетам, 813 сельских населенных пунктов, и в

142 из них волнения были подавлены при содействии войск.

Эти данные опровергают утверждение меньшевистских историков о затишье, якобы наступившем в пореформенной деревне¹. Документы сборника полностью подтверждают ленинское указание на то, что «известны факты восстаний крестьян и в пореформенное время против помещиков, их управляющих, защищающих их чиновников, известны факты аграрных убийств, бунтов и пр.»².

В 1881—1889 гг. прямое посягательство крестьян на помещичьи земли имело место в 430 селениях, причем в 147 селениях эта борьба сопровождалась захватом крестьянами помещичьих земель; в 133 — волнения произошли на почве отказа крестьян выплачивать выкупные платежи и налоги; в 42 селениях они выступали против действий местных властей; в 17 — отказывались от работ в помещичьих имениях и т. д. Эти данные о направленности и формах крестьянского движения в 80-х годах XIX в. говорят о том, что борьба за землю составляла основное содержание крестьянского движения.

Следует особо отметить хронику крестьянского движения 1881—1889 годов. Она дает не только цельное, конкретное представление о размахе и направленности крестьянского движения, но и указывает исследователю источники по каждому зарегистрированному в хронике выступлению крестьян.

¹ Меньшевик П. Маслов писал: «После отмены крепостного права широкое крестьянское движение через два-три года, сравнительно с периодом 61—63 гг., стихло и успокоилось на 4 десятилетия, проявляясь только изредка в виде конфликтов из-за притеснений отдельных помещиков» (см. его работу «Крестьянское движение в России». Ч. I. М. 1923, стр. 4). Стоявший на меньшевистских позициях В. Л. Горн тоже писал о «деградации» крестьянского движения в России в пореформенный период. По его утверждению, десятилетие с 1885 по 1895 год характеризовалось почти полным упадком крестьянского движения (см. его работу «Крестьянское движение до 1905 г.» в книге «Общественное движение в России в начале XX века». Т. I. СПб. 1909, стр. 239).

² В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 222.

Конечно, опубликованные в сборнике документы и хроника, как это и указывается в предисловии, не могут отразить всего размаха крестьянского движения в стране. Публикуемые материалы извлечены из фондов центральных архивохранилищ, где собраны документы правительственных органов, до которых сведения о многих выступлениях крестьян не доходили. Что дело обстояло именно так, легко убедиться, если сравнить сведения о крестьянских волнениях по данным рецензируемого сборника и по данным, основанным на материалах местных архивов. Например, по трем губерниям Правобережной Украины — Киевской, Подольской и Волынской, по данным рецензируемого сборника, в 1881—1889 гг. волнениями было охвачено 133 селения, а в 17 они были подавлены при содействии войск. По данным же местных архивов, за эти же годы в указанных губерниях волнения имели место в 276 селениях, причем в 33 из них вводились войска³. Таким образом, воссоздать более или менее полную картину крестьянского движения по стране в целом можно только на основе исследования материалов как центральных, так и местных архивохранилищ.

Отметим некоторые недостатки рецензируемого сборника. Прежде всего вызывает сожаление то, что в него не вошли документы о борьбе крестьян против духовенства и питейных заведений. Лишь в хронике указано два таких случая (стр. 807, 812). В действительности же выступлений крестьян против духовенства и торговцев спиртными напитками было гораздо больше. Так, в 1881—1889 гг. в упомянутых выше трех губерниях Правобережной Украины такого рода случаи имели место в 20 селениях⁴.

Недостаточно, на наш взгляд, выявлен при подборе документов сборника и рост политической сознательности крестьянства. В 80-х годах на него уже оказывало заметное влияние рабочее движение, часто в деревнях распространялись письма, листовки, прокламации. Составители практически ограничились в данном случае публикацией одного небольшого документа о том, что в 1881 г. крестьяне Петров-

ского и Сердобского уездов Саратовской губернии созывали сельские сходы для чтения революционных прокламаций (стр. 69—70). Однако что это за прокламации и почему «крестьяне с любопытством читали их на сельских сходах, нарочно для этой цели созываемых сельскими старостами» (стр. 70), читатель так и не узнает.

Хроника крестьянского движения в сборнике составлена по принципу: дата и место волнения, название или количество селений, охваченных волнениями, направленность борьбы крестьян и случаи подавления волнений с помощью войск. К сожалению, этот принцип почему-то нарушается составителями. Иначе чем же можно объяснить, например, такой факт: хотя публикуемые документы свидетельствуют о подавлении некоторых крестьянских выступлений при содействии войск, в хронике эти случаи не всегда фиксируются. Мы имеем в виду волнения, о которых говорится в документах 26, 30, 44, 45, 56, 75, 79, 93, 118, 129 и др. Некоторые из них в хронике перечисляются несколько раз как различные (например, волнение крестьян Итовского общества Петербургской губернии в 1887 г. в хронике показано трижды (стр. 820, 821); массовое требование в 1884 г. крестьян Бобруйского, Слуцкого и Игуменского уездов переселить их на Дальний Восток в хронике упомянуто дважды (стр. 802); волнение крестьян села Черни, Орловской губернии в 1888 г. в хронике также отражено дважды (стр. 826). Имеют место и другие неточности, что в какой-то мере будет затруднять пользование хроникой.

Представляются спорными отдельные положения, выдвинутые в предисловии С. Л. Эвенчиком. Так, издание закона об обязательном выкупе крестьянами земельных наделов и о прекращении с 1 января 1883 г. «временнообязанных» отношений крестьян к помещикам, понижение выкупных платежей и отмена подушной подати с бывших помещичьих крестьян рассматривается только как маскировка правительственной реакции (стр. 14). Нам думается, что эти меры царского правительства следует рассматривать и как вынужденную в какой-то мере уступку, сделанную под давлением крестьянского движения. Не четка и не убедительна, на наш взгляд, попытка С. Л. Эвенчика дать классификацию форм крестьянского движения в 80-х годах XIX века. Эти формы он свел к следующим: «подача прошений и жалоб, отказы от вы-

³ Д. П. Пойда. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866—1900 гг.). Днепропетровск. 1960, стр. 379.

⁴ Там же, стр. 358—363, 368—370.

полнений повинностей, сопротивление помещикам и государственной власти, смена сельских властей, захват помещицей, кулацкой и казенной собственности, нападения на помещиков и представителей власти, разгромы и поджоги, убийства помещиков, вооруженные выступления и широкие волнения, сочетавшие в себе одновременно несколько перечисленных выше форм борьбы» (стр. 21). Здесь объединены в одно два важных момента: за что боролись крестьяне и как они вели эту борьбу. Историк, изучая опубликованные в сборнике документы, безусловно, будет разграничивать эти моменты. Кроме того, такие

формы крестьянских выступлений, как подача прошений и жалоб, а также отказы от выполнения повинностей вовсе не характерны для пореформенного, то есть капиталистического, периода. И сама терминология в данном случае механически переносится из времени феодально-крепостнического строя в качественно новую обстановку. подача прошений и жалоб крестьянами после падения крепостного права, как известно, не являлась уголовным преступлением, а следовательно, и не всегда сопровождалась волнениями крестьян.

Д. П. Пойда

О СУДЬБЕ ОДНОЙ КНИГИ

Азербайджанские мыслители внесли крупный вклад в историю общественной и философской мысли народов нашей Родины, в сокровищницу мировой культуры. Назовем лишь имена Низами Ганджеви и Мухаммеда Физули, чьи глубокие по замыслу и великолепные по художественному исполнению произведения получили широкую известность во всех странах средневекового Востока. Стоит вспомнить, какой яркой и многогранной была деятельность передовых общественных деятелей Азербайджана в XIX в., когда благодаря присоединению его к России расширились и окрепли их идейные связи с прогрессивно настроенной русской интеллигенцией.

Однако изучение истории передовой общественной и философской мысли Азербайджана тормозилось в прошлом великодержавно-русификаторской политикой царизма, намеренно сковывавшей рост национальной интеллигенции, а также гнетущим реакционным влиянием местного мусульманского духовенства. В результате даже основные труды некоторых выдающихся азербайджанских мыслителей не могли быть напечатанными и распространялись в рукописных списках. Так, наиболее значительное и глубокое по содержанию сочинение М. Ф. Ахундова «Письма Кемал-уд-Довле» впервые было издано частично только в 1924 году. Лишь в 1926 г. была выпущена в свет книга А. Бакиханова «Гюлистан-ирам» («Райский цветок»), хотя

этот труд по истории Азербайджана и Дагестана заслужил одобрение ученых-кавказоведов еще в 40-х годах XIX века.

Все это приходится учитывать, когда раскрываешь книгу Гейдара Гусейнова «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века». Достаточно ознакомиться с ее оглавлением, чтобы составить впечатление о ней как о первом опыте систематического изложения истории общественно-политической и философской мысли Азербайджана в XIX веке. При более внимательном чтении выясняется, что перед нами обобщающий труд, в котором дан глубокий критический анализ творений видных азербайджанских мыслителей, привлечено большое число неопубликованных архивных документов.

Две главные идеи пронизывают книгу Г. Гусейнова. Это, во-первых, признание обусловленности развития общественной мысли социально-экономическими особенностями данной эпохи и, во-вторых, твердое убеждение в благотворности влияния прогрессивной русской интеллигенции на формирование взглядов передовых азербайджанских мыслителей.

Г. Гусейнов предпосылает основному содержанию книги вводную главу, в которой дает общую характеристику социально-экономического положения Азербайджана XIX столетия. Отмечая положительные последствия присоединения его к России, избавившего этот край от опасности разори-

тельных иноземных нашествий и феодальных междоусобиц, автор указывает на открывшиеся перед азербайджанским народом «возможности установить более тесную экономическую связь с Россией и через ее посредство в дальнейшем выйти из рамок хозяйственной замкнутости, приобщиться к мировому рынку, войти, хотя бы частично, в орбиту капиталистического развития» (стр. 25). Вместе с тем в книге подчеркивается, что царизм, «рассматривая Азербайджан как свою колонию.., превращал его в аграрный придаток развивающейся капиталистической промышленности России», а также «старался воспрепятствовать развитию национальной культуры азербайджанского народа» (стр. 26).

Характеризуя господствовавшие тогда в Азербайджане социально-экономические отношения как патриархально-феодальные, Г. Гусейнов приводит обильный документальный материал о бедственном положении трудящихся масс, об усилении феодального и колониального гнета. Касаясь вопроса о взаимоотношениях русского царизма с местной эксплуататорской верхушкой, он отмечает не только наличие классового союза русских дворян с азербайджанскими беками и агаларами, но и факт тесного сотрудничества царской администрации с мусульманским духовенством. Автор, цитируя высказывания чиновников о правах и привилегиях шейхов, сеидов и мулл, пишет: «Положение этих дармоедов и при царской власти в Азербайджане не было плохим, а деятельность их всегда поощрялась в целях угнетения народных масс, а также распространения суеверия и фанатизма в гуще народа. Царизм и духовенство взаимно поддерживали друг друга» (стр. 37).

Как и подобает историку-марксисту, Г. Гусейнов уделяет большое внимание истории освободительной борьбы трудящихся против феодального гнета и колониализма. Массовые выступления азербайджанского трудового народа особенно участились с 30-х годов XIX века. В одних случаях, как в 1831 г. в Закатальском округе, они возглавлялись бывшими ханами, в других, как в 1837 г. в Кубинской провинции,— выходцами из крестьян, но повсюду в тот период антиколониальным движениям были присущи антифеодальные тенденции, поскольку основной движущей силой их являлось крестьянство. «Эти крестьянские восстания,— подчеркивается в книге,— были направлены против гнета царизма и помещиков-беков» (стр. 42).

Выразителями заветных чаяний народных масс и являлись передовые общественные деятели Азербайджана. Будучи просветителями, они выступали против бесправия народа, за коренное улучшение условий труда и быта крестьян, за расширение светского образования и культурных связей с другими народами и прежде всего с великим русским народом. Однако мировоззрению этих просветителей была свойственна определенная ограниченность, обусловленная их классовой принадлежностью и особенностями эпохи. В их философских построениях, пишет Г. Гусейнов, «имели место черты средневековой восточной схоластики» (стр. 59). Они не могли распространить материализм на понимание явлений общественной жизни, не признавали необходимости коренных революционных преобразований в обществе, видя залог его переустройства в успехах народного просвещения.

Большой заслугой Г. Гусейнова является то, что им впервые в азербайджанской историографии предпринята попытка периодизации истории общественной и философской мысли. В основу этой периодизации автор положил классовый критерий.

Более ранние по времени азербайджанские просветители (А. К. Бакиханов, Мирза Казем-бек) «были выразителями идеологии той части дворянства, которая поняла отсталость и неизбежность гибели старых феодально-крепостнических отношений» (стр. 405). Деятельность этих лучших представителей местной дворянской интеллигенции относится к дореформенному периоду. На смену им пришли мыслители, принадлежавшие к местной разночинной интеллигенции, формировавшейся под влиянием развития капитализма. Если некоторые из них по своему происхождению и были еще выходцами из бекского сословия, то по своему социальному положению они уже не имели ничего общего с феодально-землевладельческой аристократией. Основным источником их существования являлась гражданская или военная служба, литературная или педагогическая деятельность.

Выдающиеся представители этой разночинной интеллигенции Мирза Шафи Вазех, Мирза Фатали Ахундов, Гасан-бек Зардаби по своему положению и роду занятий стояли ближе к народу и глубже осознавали его нужды и требования. Вместе с тем, не будучи столь тесно связанными сословными предрассудками, они гораздо смелее и решительнее, чем их предшественники, боро-

лись против враждебной прогрессу и демократии феодально-клерикальной идеологии, произвола беков и царских чиновников. Если А. К. Бакиханов ратовал за смягчение феодальных повинностей и гуманность администраторов, то М. Ф. Ахундов требовал уничтожения деспотизма монархов и их наместников и ликвидации сословных привилегий дворянства, а Гасан-бек Зардаби был твердо убежден в том, что придет время, когда «народ сбросит с себя ненавистное иго беков» (стр. 380).

Можно спорить, в какой степени тому или иному из названных мыслителей были присущи черты подлинного демократизма, но в основном предложенная Г. Гусейновым схема периодизации истории азербайджанской общественной мысли XIX в. является правильной.

Социально-политические и философские воззрения азербайджанских просветителей XIX в. имели глубокие национальные корни, воплотив в себе вековую мудрость одного из древнейших народов нашей страны и отразив наивысшие достижения философской мысли Востока. Недаром М. Ф. Ахундов с таким вниманием относился к азербайджанскому фольклору и так тщательно изучал труды Джелал-эн-дина Руми, шейха Махмуда Шабустари, Абдурахмана Джами и других восточных философов. Но он критически использовал их построения, справедливо упрекая их в недостатке мужества и смелости в преодолении мертвящего влияния средневековой схоластики, а также в уступчивости религиозным концепциям. Решительно выступив в защиту полного освобождения философии от сковывавших ее догм мусульманской теологии, М. Ф. Ахундов поднялся на голову выше всех перечисленных мыслителей.

Г. Гусейнов подчеркивает, что развитие общественной и философской мысли в Азербайджане, как и в других странах, не было мирным и плавным процессом, а протекало в ожесточенной борьбе прогрессивных демократических идей с реакционными, отживавшими взглядами. Нельзя, в частности, без волнения читать строки, посвященные начальному этапу кипучей общественной деятельности М. Ф. Ахундова: «Ахундов начал идейную борьбу за коренную переделку старой жизни. Путь предстоял трудный и опасный: его преграждали ханы, беки, муллы, сеиды и прочие паразиты общества, охраняемые царскими сатрапами. Ахундов искал пути преодоления этих препятствий. В стремлении служить народу

он... не слагал своего оружия до самой смерти» (стр. 170). Чем радикальнее становились взгляды просветителей, тем яростнее нападали на них апологеты рабства и невежества. Против передовых мыслителей объединялись тупые мракобесы вроде шейха Али-баба и злобные фанатики, подобные Хади-уль-Гаваиду, защитники изуверских догм типа Мамед-Али Султанова и такие махровые пантюркисты, как Ахмед Кемал и Гусейн-заде.

Но в борьбе против внутренней феодально-клерикальной реакции и колониализма азербайджанские просветители получали могучую идейную поддержку передовой русской интеллигенции. Повествуя о личных контактах и дружеских связях А. К. Бакиханова и А. С. Грибоедова, М. Ф. Ахундова и ссыльного декабриста А. А. Бестужева, Гасан-бека Зардаби и поэта-петрашевца А. Н. Плещеева, об изучении азербайджанскими мыслителями философских трудов В. Г. Белинского и Д. И. Писарева, о внимании, проявленном Н. Г. Чернышевским к произведениям М. Ф. Ахундова, Г. Гусейнов с полным основанием заключает: «Передовые люди азербайджанского народа, кроме России угнетателей, эксплуататоров, видели и другую Россию, имевшую таких гигантов общественной и философской мысли, как Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов и другие. Эта передовая, благородная Россия способствовала развитию всех народов, ее населявших, в частности развитию азербайджанского народа» (стр. 406).

Благотворное влияние передовой русской культуры на формирование идеологии азербайджанских просветителей усиливалось по мере приобщения трудящихся Азербайджана к революционной борьбе русского народа. К концу XIX в., когда Баку стал одним из крупных центров рабочего движения, социально-политические взгляды азербайджанских мыслителей под впечатлением первых классовых битв пролетариата стали более радикальными, а их публицистические выступления приобрели более резко выраженную демократическую направленность. Не случайно, как явствует из документа, обнаруженного Г. Гусейновым в местном архиве, царские жандармы считали Гасан-бека Зардаби «известным социал-демократом», хотя в действительности он никогда не состоял ни в какой революционной организации (стр. 388).

Политика царизма на окраинах империи и пропаганда воинствующего исламизма,

какую вела там верхушка местного духовенства, в равной мере были направлены на разобщение народов, разжигание национальной вражды и религиозной розни. Тем большее значение приобретали выступления прогрессивных азербайджанских мыслителей в защиту идеи дружбы и братства народов. Их высказывания находили горячий отклик в сердцах выдающихся грузинских и армянских просветителей — поборников сближения и сотрудничества народов. «Гуманизм Х. Абовяна, М. Ф. Ахундова и А. Бакиханова,— отмечает автор,— основывался на той народной мудрости, которая гласит: «Дин айры кардаш» («Иной веры, а братья»)» (стр. 77).

С гневом и презрением отзывались прогрессивные азербайджанские мыслители о тех, кто проповедовал вражду между народами и провоцировал братоубийственные столкновения между христианами и мусульманами. «Надо... бить по рукам зачинщиков межнациональных распрей»,— требовал Гасан-бек Зардаби (стр. 395). Рассказывая о непримиримости азербайджанских просветителей по отношению к проповедникам религиозной нетерпимости и национальной исключительности, Г. Гусейнов уделяет немало места фактам, свидетельствующим об интернациональных связях передовой интеллигенции Азербайджана. Это способствует расширению рамок его книги и обогащает ее идейное содержание.

Читатель с удовлетворением заметит еще одно достоинство монографии Г. Гусейнова. Ученый раскрывает живую связь времен, говоря в заключительном разделе книги о великих переменах, происшедших в жизни азербайджанского народа в результате Великой Октябрьской социалистической революции. С гордостью он пишет о том, как в братской семье народов Советского Союза Азербайджан превратился в передовую социалистическую республику. Всем содержанием его книги оправдан и обоснован ее конечный вывод: «Торжество национальной политики нашей партии обеспечило раскрытие всех богатств культурного наследия народов Советского Союза. В наши дни как бы живут и шагают вместе с нами вперед все передовые прогрессивные мыслители народов нашей страны — Белинский и Шевченко, Чернышевский и Ахундов, Герцен и Абовян, Добролюбов и Церетели, Франко и Абай, Налбандян и Тукай, Чавчавадзе и Зардаби и другие, произведения которых в стране победившего социализма стали достоянием широчайших народных масс, по-

лучили невиданное распространение» (стр. 423).

С чувством признательности автору закрывает читатель эту книгу, познакомившую его с богатым идейным наследием азербайджанских просветителей, с их напряженной, непримиримой борьбой против врагов прогресса и демократии.

Наряду с несомненными достоинствами книга Г. Гусейнова имеет и недостатки. Наиболее серьезным из них является тенденция к приукрашиванию политических убеждений и этических воззрений отдельных представителей азербайджанской интеллигенции дореформенного периода. Так, явным преувеличением надо считать утверждение Г. Гусейнова, что в трудах известного азербайджанского мыслителя XI в. Абуль Гасана Бахманяра «материалистическая струя является главной и основной» (стр. 13). В действительности Бахманяр, ученик Абу Али Сины (Авиценны), занимался преимущественно тем, что старался приспособить философское учение Аристотеля в его неоплатоновском истолковании к требованиям мусульманской схоластики. Элементы материалистического мышления сочетались в рассуждениях Бахманяра с типичными идеалистическими построениями, заимствованными из арсенала исламистских теологов. Столь же ошибочной является оценка Г. Гусейновым этических воззрений и политических взглядов А. К. Бакиханова. Утверждается, например, что Бакиханов критиковал «положения этики феодализма» и даже самые феодальные порядки, что во время Кубинского восстания 1837 г. он проявлял «сочувствие и симпатии к восставшим» (стр. 80). Однако на самом деле такие заключения не соответствуют истине или требуют серьезного уточнения.

Этика Бакиханова оставалась в основе своей феодальной. Проповедуя идеи покорности судьбе и благодати всего существующего, он призывал к примирению с действительностью, какой бы тяжелой она ни была. В своем сочинении «Техзиб-уль-Ахлак» («Улучшение нравов») Бакиханов рекомендовал во всем соблюдать умеренность, предупреждал против опасности, какую таила в себе «чрезмерная свобода». В соответствии с этим он осуждал неограниченный произвол феодалов и увеличение повинностей крестьян, но не ставил вопроса о полной ликвидации феодальных отношений и

социальном освобождении трудящихся. Точно так же, разоблачая невежество и фанатизм духовенства, он не выступал против религии вообще, нередко подкреплял свои философские рассуждения ссылками на коран и афоризмы богословов. Сам Г. Гусейнов не отрицает того, что мировоззрение Бакиханова «не было свободно от религиозных элементов» (стр. 58). Следовательно, правильнее было бы считать, что Бакиханов критиковал крайности феодальной морали и самые уродливые проявления феодальных отношений, но отнюдь не порывал с этикой феодализма.

Что же касается позиции Бакиханова в отношении Кубинского восстания 1837 г., то в книге Г. Гусейнова она явно идеализируется. Основной движущей силой этого антиколониального по своему характеру восстания было крестьянство. Но поскольку крестьянские массы поднимались против царских колонизаторов, постольку к ним примыкали оппозиционно настроенные представители феодально-клерикальной знати. Они старались использовать стихийный протест народных масс против колониального режима для того, чтобы добиться от царского правительства восстановления своих политических привилегий, утраченных в результате включения Азербайджана в административную систему Российской империи. Именно поэтому сочувствовал восставшим кубинским крестьянам и Бакиханов. Он поддерживал антиколониальные требования восставших, но не разделял их антифеодальных устремлений. Точнее, он был противником колониального режима в той мере, в какой этот режим ущемлял феодальные привилегии местных беков.

В том, что это было так, легко убедиться, ознакомившись с документами, относящимися к участию Бакиханова в деятельности Кавказского комитета. В одном из этих документов говорится, что оппозиционно настроенные депутаты от азербайджанских беков собирались на квартире Бакиханова, негодуя на проектируемые Комитетом мероприятия, «колеблющие потомственные родовые права и преимущества их высшего сословия при ханских правлениях»¹. Таким образом, Бакиханов выступал не в роли защитника интересов крестьянских масс, а в качестве деятеля, отстаивавшего сословные привилегии азербайджанских беков.

Все это, разумеется, не меняет общей оценки Бакиханова как дворянского просветителя. Он действительно стремился преодолеть феодальную ограниченность и патриархальную замкнутость, типичную для людей его класса и его эпохи. Он искренне ратовал за расширение светского образования, пропагандировал науку и просвещение, критиковал фанатизм и невежество. Именно в этом заключается положительная сторона его общественной деятельности и прогрессивная черта его философии. Приписывать же Бакиханову несвойственные его мировоззрению демократические убеждения и антифеодальные принципы нет никакой необходимости.

Преувеличивает Г. Гусейнов и прогрессивные моменты в мировоззрении другого крупного азербайджанского мыслителя — Мирзы Казем-бека. Заслуги этого ученого в области кавказоведения несомненны. Профессор Казанского университета и член-корреспондент Петербургской Академии наук, он был одним из выдающихся ориенталистов, создавших в середине XIX в. прославленную школу российских кавказоведов. Разработанные им основные принципы научной грамматики азербайджанского языка и его труды по истории движения бабидов и мюридизма не потеряли своего значения до сих пор. Посвятив свою жизнь изучению своеобразной и древней культуры народов Востока, Мирза Казем-бек высоко оценивал культурное наследие русского народа. «Русский язык богат, самобытен и уже занимает важное место между образованными языками Европы»², — писал он, призывая своих соплеменников изучать русскую литературу.

Но все это не дает оснований переоценивать прогрессивные стороны его научно-общественной деятельности. В целом она имела определенную консервативную направленность. Когда М. Казем-бек утверждал, что ислам является «постоянной преградой цивилизации» (стр. 146), он, конечно, выступал как просветитель, заботившийся об успехах науки и просвещения. Однако подобные высказывания отнюдь не были выражением его атеистических взглядов. Высказываясь против суеверий и религиозной нетерпимости, М. Казем-бек, однако, вовсе не осуждал религию как таковую. Более того, он готов был сам содействовать миссионерской деятельности православного

¹ «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60 гг. XIX в.». Ч. I. М. 1936, стр. 144.

² «Известия» Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. I. СПб. 1852, стр. 125—126.

духовенства среди коренного населения окраин империи переводом богослужебных книг на татарский язык (стр. 7). О преданности М. Казем-бека идеалам религии говорит и свойственное ему стремление видеть в истории культуры проявление «неуспящего промысла» или «какой-то непонятной силы, которая невидимую рукою повсюду и постоянно посеивает» семена просвещения³. Поэтому никак нельзя признать правильным стремление Г. Гусейнова представить М. Казем-бека атеистом и вольнодумцем.

Столь же не основательно желание автора сблизить мировоззрение М. Казем-бека с идеологией русских революционеров-демократов. Руководствуясь этим желанием, Г. Гусейнов считает «не случайной» встречу в 1850 г. Н. Г. Чернышевского и М. Казем-бека. Однако ясно, что в действительности эта встреча готовившегося к выпускным экзаменам юного Чернышевского и маститого профессора М. Казем-бека не могла оказать и не оказала никакого существенного влияния ни на того, ни на другого. Поэтому нет нужды преувеличивать значение данного факта при характеристике мировоззрения М. Казем-бека.

Некоторые страницы книги Г. Гусейнова показывают, что он не избежал влияния культа личности. В частности, нельзя не признать, что распространенное в свое время догматическое определение Азербайджана как страны «самых отсталых патриархально-феодальных отношений»⁴, сказано и на той главе книги, в которой дана картина социально-экономического положения этого края в XIX веке. Суждения автора о развитии капиталистического уклада в пореформенном Азербайджане страдают некоторой упрощенностью, ведущее значение этого уклада в экономической жизни азербайджанского народа остается нераскрытым.

Редактор рецензируемой книги академик АН Азербайджанской ССР А. О. Маковельский в предисловии к ее второму изданию отмечает, что автор не всегда критически относился к источникам, вследствие чего в тексте встречаются фактические неточности. М. Казем-бек перевелся из Казанского в Петербургский университет не в 1845 г., а в 1847 году. Газета «Экинчи» издавалась не в течение четырех лет, а всего два

года и два месяца. Но эти и другие досадные погрешности еще менее, чем ошибки, допущенные при характеристике мировоззрения отдельных мыслителей, способны породить сомнения в идейно-теоретической и познавательной ценности книги Г. Гусейнова.

Известно, что книги, как и люди, имеют разные судьбы. Выход в свет одних сопровождается шумным успехом, другие занимают скромное место на библиотечных полках. Но зато одни скоро покрываются пылью забвения, а к другим и много лет спустя обращаются за советом или утешением, как к верному другу.

Судьба книги, о которой идет речь, была трудной. Впервые она была издана в 1949 году. Советская научная общественность с одобрением встретила ее появление. Вскоре автору была присуждена Сталинская премия третьей степени. Однако затем в специальном сообщении, опубликованном 14 мая 1950 г., Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства признал свое решение ошибочным. По его ходатайству оно было отменено. Мотивировалось это тем, что книга Г. Гусейнова «написана с неправильных политических и теоретических позиций»⁵. При этом из текста сообщения явствовало, что единственным основанием для такого обвинения послужила неверная якобы характеристика автором движения мюридизма на Кавказе и его вождя — Шамиля.

Следует иметь в виду, что данного вопроса Г. Гусейнов касался лишь попутно, в связи с упоминанием о статье М. Казем-бека «Мюридизм и Шамиль», напечатанной в журнале «Русское слово» в 1860 году. Притом в книге Г. Гусейнова этому сюжету уделено всего две с половиной страницы (см. стр. 142, 144, 146). Из-за этих двух с половиной страниц и была опорочена вся монография объемом свыше 30 печатных листов.

Что же все-таки было сказано Г. Гусейновым о мюридизме и Шамиле? Может быть, действительно его суждения являлись не только отступлением от марксистско-ленинской методологии, но и содержали грубые политические ошибки? Стоит лишь раскрыть соответствующие страницы книги, чтобы убедиться, что ничего по-

³ М. Казем-бек. Баб и бабиды. СПб. 1865, стр. 1.

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 47.

⁵ «Правда», 14 мая 1950 года.

добного не было. Рассматривая мюридизм как социальное движение, Г. Гусейнов считал, что оно было направлено против колониального гнета царизма и местных феодалов. Поэтому он, естественно, оценивал его как народно-освободительное. Ничего антимарксистского и противоречащего исторической правде в таком определении, разумеется, не содержалось. Далее Г. Гусейнов приводил мнение М. Казем-бека о том, что возглавлявший движение мюридизма Шамиль был «избранником народа», но при этом указывал, что «М. Казем-бек не сумел вскрыть социальные классовые корни мюридизма» и «идеализировал Шамиля» (стр. 146).

Конечно, характеристика кавказского мюридизма, данная в книге, неполна. Она подчеркивала лишь социальные мотивы движения, но игнорировала его религиозную оболочку; говорилось о «горцах» вообще, но оставался невыясненным классовый состав участников движения; отмечалась выдающаяся роль Шамиля, но даже не упоминалось о социальной природе созданной им государственной системы имамата. Наконец, в книге был совсем опущен вопрос о внешнеполитической ориентации и зарубежных связях мюридистского руководства.

Однако отсутствие внимания к перечисленным вопросам являлось в то время общим недостатком всех работ, касавшихся проблемы кавказского мюридизма. Это было следствием определенной незрелости советского кавказоведения и отсутствия в те годы исследований, посвященных этой проблеме. В основном же трактовка советскими историками движения мюридизма как антиколониального и антифеодального была правильной, и Г. Гусейнов, следуя ей, отнюдь не совершал никакого отступления от марксизма-ленинизма. Тем не менее именно он был обвинен в «идеализации мюридизма» и преднамеренном «извращении» характера движения под руководством Шамиля, а его книга подвергнута в связи с этим публичному осуждению, а затем предана забвению. Вместо того, чтобы уточнить и дополнить правильную в основе своей оценку кавказского мюридизма, которой придерживались Г. Гусейнов и другие советские историки, ее отвергли как «антимарксистскую». Взамен была предложена совершенно иная трактовка данного явления. Уже в упомянутом сообщении Комитета по Сталинским премиям утверждалось, что движение под руковод-

ством Шамиля «являлось реакционным, националистическим и находилось на службе у английского капитализма и турецкого султана»⁶. Немаловажную роль в травле Г. Гусейнова сыграл Багиров, в пресловутой статье которого «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля» версия об агентурном происхождении кавказского мюридизма получила расширительное толкование. Путем тенденциозного подбора фактов в ней «доказывалось», что движение мюридизма было лишено какой бы то ни было внутренней социальной базы, а Шамиль являлся иностранным агентом, которого поддерживала лишь «небольшая группа мюридов»⁷.

Таким образом, отмена решения о присуждении Г. Гусейнову премии была использована для коренного пересмотра принятой ранее советскими историками концепции кавказского мюридизма.

В распространении версии об агентурном происхождении мюридизма наиболее ярко проявилось влияние культа личности в области кавказоведения. Мало того. Возведенная в догму формула о реакционности мюридистского движения была немедленно применена к аналогичным движениям, происходившим в XIX в. за пределами Чечни и Дагестана и даже вне Северного Кавказа. Изучение этих движений в течение ряда лет велось исключительно в плане истории внешней политики и международных отношений с акцентом на деятельности иностранных диверсантов и шпионов. Анализом внутренней социальной базы и идеологии подобных движений фактически не занимались, что придавало научной разработке данной проблемы односторонний характер и искусственно суживало задачи исследования. Навязанная советским историкам трактовка кавказского мюридизма как явления, вызванного только происками иностранной агентуры, нашла отражение в учебных пособиях и программах для средней и высшей школы, лекциях, докладах и статьях многих ученых и педагогов, в том числе и автора этих строк. Лишь с большим трудом иногда удавалось отметить факт массовости движения мюридизма и его антиколониальную направленность. Однако тезис о реакционности этого движения продолжал оставаться непреложной догмой, скрывавшей творческую мысль исследователей.

⁶ Там же.

⁷ «Большевик», 1950, № 13, стр. 29.

XX съезд КПСС, решительно осудивший культ личности Сталина, способствовал развертыванию свободной творческой дискуссии в исторической науке вообще и о характере мюридистского движения в частности. Дискуссия не только разоблачила антинаучную сущность трактовки этого движения как реакционного и агентурного, но и помогла выработке правильной концепции освободительной борьбы кавказских горцев против царского колониализма и местных феодалов.

Не следует, однако, думать, что эта концепция, принятая ныне большинством советских историков, в том числе авторами многих коллективных изданий⁸, является не чем иным, как возвращением назад, к тем довольно примитивным представлениям о движении мюридизма, какие бытовали в нашей исторической литературе до 1950 года. Благодаря новым исследованиям степень изученности данной проблемы за последние годы значительно повысилась. В центре и в национальных республиках изданы новые публикации и монографии, позволяющие раскрыть малоизвестные ранее стороны проблемы кавказского мюридизма⁹.

Прежде всего теперь стало очевидным, что нельзя отождествлять социальные мотивы движения горцев и его религиозную оболочку. Горские крестьяне шли под знамя «газавата» не столько в силу религиозных побуждений, сколько во имя своих антиколониальных и антифеодалных устремлений. Проповеди шейхов и мулл, осуждавших ханов и беков, перешедших на сторону «гяуров», были созвучны настроениям крестьян, сопротивлявшихся закреплению и колониальному порабощению. Именно поэтому освободительная борьба стала развертываться под лозунгами воинствующего исламизма, а главной движущей силой этой борьбы оказалась масса незакрепощенных крестьян — узденей. Не слу-

чайно также главными очагами движения явились горные районы Чечни и Дагестана, где незрелые феодальные отношения еще скрывались под покровом патриархально-общинных пережитков и где крестьяне упорно отстаивали последние остатки личной свободы и сопротивлялись угрозе закрепощения.

Движение под флагом мюридизма развертывалось как массовое, народное движение. Однако вследствие племенной разобщенности и крайней отсталости крестьянских масс руководящая роль в нем принадлежала местному мусульманскому духовенству, опиравшемуся на феодализирующую прослойку богатых узденей, выделяющуюся в процессе разложения горских общин. Будучи представителями класса феодальных эксплуататоров, муллы и шейхи боролись не за социальное освобождение трудящихся, а за создание военно-теократического по форме, феодального по социальной природе государства. Таким государством, построенным по образцу средневековых арабских халифатов, и был мюридистский имамат, возглавлявшийся с 1834 по 1859 г. Шамилем. Последний, конечно, не был «избранником народа», а оказался выдвинутым на пост имама духовенством Горного Дагестана, преимущественно Аварии. Но выдающиеся личные качества — мужество, храбрость, стойкость и упорство в борьбе против царских колонизаторов и служивших им местных светских феодалов — сделали его популярным среди горских крестьян, видевших в Шамиле своего вождя и надеявшихся завоевать под его водительством счастливую долю. Благодаря поддержке народных масс Шамиль развернул успешную полупартизанскую войну в горах Дагестана и Чечни.

Участие различных социальных групп в общенародном антиколониальном движении не устранило глубоких классовых противоречий между ними. Обогащавшаяся в рамках мюридистского имамата узденская верхушка и духовенство беспощадно эксплуатировали горских крестьян, несших на своих плечах всю тяжесть длительной кровопролитной войны. Рабы и крепостные враждебных Шамилю ханов были освобождены им, но те, кто находился во владении поддерживавших его богатых узденей, остались в неволе. Значительная часть податных сумм, взимавшихся в казну имамата, присваивалась наибами. Когда горские крестьяне, доведенные до отчаяния произволом наибов, восставали, Шамиль жестоко

⁸ «Всемирная история». Т. VI. М. 1959; «История СССР». Т. I. М. 1956; «Очерки истории Северо-Осетинской АССР». Т. I. М. 1959; «История Кабарды». Т. I. М. 1957.

⁹ См., например, «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в.». Сборник документов. Махачкала. 1959; Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М. 1959; А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1960; Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М. 1961, и др.

подавлял эти восстания. Горячо сочувствовавший героической борьбе кавказских горцев Н. А. Добролюбов писал по этому поводу: «Популярность Шамиля во впечатлительных умах горцев исчезла уже задолго до его плена... Уважение к себе он поддерживал более страхом, нежели любовью: палач был при нем неотступно, и казни были непрестанны»¹⁰. Постепенно массы горского крестьянства стали отходить от движения. Теряя опору в массах, лидеры мюридизма все более возлагали надежды на помощь враждебных России зарубежных сил.

Однако было бы неправильно считать Шамиля иностранным агентом и расценивать мюридизм как явление, инспирированное извне. Но отвергая эту версию, нельзя в то же время игнорировать определенную внешнеполитическую ориентацию мюридистских имамов и наибов. Выступая под флагом воинствующего исламизма, они, естественно, искали помощи и покровительства у мусульманских правителей и прежде всего у турецкого султана. Шамиль вел оживленную переписку с султаном и его пашами, информируя их о своих стратегических планах и прося поддержки. Наиб Шамиля на Западном Кавказе Мухаммед-Эмин установил личный контакт с турецкими и англо-французскими военачальниками во время Крымской войны, способствуя их десантным операциям на Кавказском побережье. Однако горцы в массе своей отнюдь не прельщались перспективой перехода в подданство турецкого султана и не разделяли протурецкой ориентации имамов и наибов.

Было бы неверно за религиозной мюридистской оболочкой не видеть антиколониального содержания движения горцев Чечни и Дагестана. Но при этом не надо забывать, что идеология мюридизма была реакционной, ибо «идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной...»¹¹. Если на первых порах лозунг газавата способствовал объединению разноплеменных горцев для борьбы против царизма, то впоследствии присущие мюридизму фанатизм и религиозная нетерпимость изолировали горских крестьян от общения с трудящимися других национальностей, затемняли их классовое самосознание, втягивали их в

орбиту агрессивной политики иностранных держав. Мюридизм не мог обеспечить горцам Северного Кавказа ни социального освобождения, ни национальной независимости. Путь к освобождению лежал для кавказских горцев, как и для всех других народов Российской империи, через сближение с русским народом и приобщение к его революционной борьбе против царского самодержавия и эксплуататорских классов. Исторический опыт Великой Октябрьской социалистической революции, принесшей свободу всем народам России и сплотившей их в единую братскую семью, полностью подтверждает это.

Таким образом, основные принципиальные положения книги Г. Гусейнова, переизданной в Баку в 1958 г., не только не противоречат современным научным представлениям о движении горцев под руководством Шамиля, но, наоборот, получили дальнейшее развитие в новейших исследованиях. Это доказывает, что данная книга с честью выдержала испытание временем. Тем самым нет и не может быть никаких сомнений ни в ее научной ценности, ни в методологических установках ее автора, трагически погибшего в результате необоснованных обвинений в 1950 году.

Напрасно наши зарубежные идейные противники тешат себя надеждой на принципиальные расхождения среди советских кавказоведов, пытаясь, в частности, обнаружить мнимые коренные различия в их взглядах на движение горцев под флагом мюридизма¹². В действительности научная дискуссия по этому вопросу не только не ослабила, но, напротив, укрепила идейную сплоченность советских историков, ибо споры по частным, конкретным сюжетам не мешают им сохранять единство в главном — в методологии своих исследований. Где бы ни работали советские историки — в центральных или в республиканских учреждениях, — на каком бы языке ни писали свои книги, они остаются верными принципам исторического материализма, исходят из одного и того же ленинского положения: «...Марксист вполне признает историческую

¹⁰ Н. А. Добролюбов. Соч. Т. IV. М. 1937, стр. 155.

¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 93.

¹² См., например, L. R. Tillet. *Shamil and Muridism in Recent Soviet Historiography*. «The American Slavic and East European Review», April 1961, vol. XX, № 2.

законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях...»¹³.

¹³ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 18.

Исправление ошибок, допущенных ранее под влиянием культа личности, способствует появлению новых и восстановлению значения старых, незаслуженно забытых исследований, подобных книге Г. Гусейнова, а следовательно, дальнейшему прогрессу советской исторической науки.

А. В. Фадеев

«Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». Сборник статей. Редакционная коллегия: В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, М. М. Штранге. Изд-во АН СССР. М. 1962. 429 стр. Тираж 2 600. Цена 1 руб. 95 коп.

Критика реакционной буржуазной историографии — злободневная задача советских историков. В послевоенные годы за рубежом выросла огромная литература по истории России, по своему объему во много раз превосходящая аналогичную литературу первых десятилетий нашего века. С конца 1950-х годов в периодических и неперидических изданиях стали появляться серьезные статьи с квалифицированной критикой некоторых течений зарубежной буржуазной историографии.

В 1959 г. в секторе истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР была создана специальная группа по изучению современной буржуазной историографии. Первым серьезным результатом ее деятельности и является рецензируемый сборник, составленный из статей сотрудников сектора (кроме того, в числе авторов выступили два работника из других научных учреждений Москвы).

Авторам сборника удалось выявить и раскрыть основные особенности современной буржуазной литературы по истории России. Общая черта этой литературы — глубокая враждебность к нашей стране, к великому русскому народу и другим народам СССР, строящим коммунистическое общество. В статьях сборника хорошо показано, как реакционные буржуазные историки под видом научных исследований фактически ведут открытую борьбу против марксистско-ленинской идеологии, против всепобеждающих идей мира, прогресса, коммунизма.

В сборнике достаточно четко определены главные идеи современной буржуазной литературы по истории России. Это прежде всего концепция об «исключи-

тельности» развития нашей страны, о коренном отличии ее исторического пути от путей, пройденных странами Западной Европы; буржуазные историки, пытаясь доказать «исключительность» исторического развития России со времен Киевской Руси и до XX в., тем самым стремятся убедить своих читателей, что будто бы только в силу особенностей своего многовекового развития Россия смогла прийти к социализму и коммунизму и что этот путь не может быть закономерным для других стран. Также широко распространенной идеей современной буржуазной историографии является отождествление внешней политики князей и царей с волей русского народа, стремление протянуть единую линию от внешней политики киевских князей до внешнеполитической деятельности СССР; реакционные буржуазные историки ищут истоки выдуманного ими же «советского империализма» в завоевательной политике киевских князей и московских царей. В работах этих историков фигурирует и идея о типичности деспотического характера правления для всех эпох истории России, о преемственной связи между деспотизмом московских царей и диктатурой пролетариата. Многие буржуазные авторы акцентируют свое внимание на каких-то «мистических свойствах славянской души», будто бы объясняющих отличие исторического развития России от развития стран Западной Европы. Все эти идеи преподносятся читателю с одной целью — попытаться доказать незаконность истории России и случайный характер Великой Октябрьской социалистической революции.

Хорошо показан авторами сборника типичный для большинства буржуазных со-

чинений по истории феодальной России невысокий научный уровень, использование преимущественно того круга фактов, которым располагали еще русские буржуазные ученые на рубеже XX в., плохое знание или сознательное игнорирование результатов огромной исследовательской работы советских ученых.

Составители сборника не пытались охарактеризовать все школы и направления современной буржуазной литературы по истории СССР феодального периода; перед нами не обобщающее сочинение, а сборник статей по отдельным проблемам и темам. Но необходимо признать, что авторами сборника дается критика современной буржуазной науки по ряду весьма важных проблем истории нашей страны IX—XVIII веков.

Статья Л. В. Черепнина содержит анализ современных буржуазных работ, посвященных такой коренной проблеме истории феодальной формации в России, как закрепощение русского крестьянства; в статье разбираются монографии и статьи французских историков Р. Бутрюша и А. Экка, американского ученого Дж. Блюма, элигонов русской буржуазной историографии, белоземгрантов В. Б. Ельяшевича и Г. В. Вернадского. В результате обстоятельного разбора этих работ выявляется совершенно очевидная неспособность современных буржуазных историков правильно решить проблему развития феодальных отношений в России.

В статье В. П. Шушарина разобраны точки зрения буржуазных ученых на характер Древнерусского (Киевского) государства. Л. В. Данилова дала критику последних американских работ по истории Русского централизованного государства XV—XVII веков. В статье А. Л. Хорошкевич подвергнута анализу сочинения буржуазных авторов, касающиеся истории русского города XI—XVI веков. Антинаучность новых буржуазных работ по некоторым вопросам идеологии Древней Руси раскрыл в своей статье Я. Н. Щапов. В. Т. Пашуто специально остановился на распространенной в белоземгрантской литературе концепции о мнимой соборности Древней Руси (то есть о важной роли в ее политической жизни вечевых собраний, земских соборов и т. п.) и обстоятельно доказал беспочвенность этой концепции.

Наряду с критикой антинаучных, фальсификаторских сочинений буржуазных историков в сборнике разбираются и некоторые

работы, содержащие ценные фактические сведения и наблюдения по отдельным конкретным вопросам истории феодальной России. Так, в статье С. А. Фейгиной, посвященной буржуазным сочинениям о внешней политике России XVI в., дана не только критика ложных построений ряда зарубежных авторов, но разобраны и труды, которые вводят в научный оборот новые материалы из западноевропейских архивов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в подборе статей для сборника есть все же элемент случайности. Хорошо, например, что напечатана в нем обобщающая статья Г. А. Некрасова об основных тенденциях современной английской буржуазной литературы по истории России периода феодализма, но в то же время чувствуется отсутствие аналогичных сводных статей о работах американских буржуазных авторов, играющих гораздо большую роль в современной буржуазной историографии, а также о литературе, издающейся в ФРГ. Совсем не отражена в сборнике обширная скандинавская и финляндская историография по истории России указанного периода; из французской науки в общей статье М. М. Штранге взяты лишь сводные многотомные издания по всемирной истории, не ставившие специальных задач изучения истории нашей страны. Из литературы по отдельным вопросам истории русского феодализма мало затронуты буржуазные работы о времени возникновения и развития Древнерусского государства (VIII—IX—XII вв.), которому уделяется наибольшее внимание в современной буржуазной историографии. Почти все статьи касаются зарубежной литературы только по истории России; из весьма многочисленной буржуазной исторической литературы по истории других народов нашей страны выбраны лишь работы по истории Закавказья в XVII—XVIII веках (статья А. П. Новосельцева).

Поскольку подобный тематический сборник выпускается впервые, во введении к нему было бы полезно отметить, что уже сделано советскими историками в последние годы по линии критики буржуазной науки о феодальном периоде истории России.

Общий недостаток сборника — это отсутствие в нем широкой исторической перспективы при освещении явлений современной буржуазной историографии. А если исследуемые в сборнике современные книги и историографические течения поставить в связь с общим ходом развития современной

зарубежной науки по истории России, многие выводы и наблюдения авторов статей будут звучать более обоснованно.

Во введении к сборнику следовало показать, что современная буржуазная историография по истории нашей страны — не просто продолжение историографии XIX и первых десятилетий XX в.; между этими этапами существует весьма значительная разница. В XIX и начале XX в. в странах Западной Европы (во Франции, Германии, скандинавских странах) историей России занимались лишь одиночки, и их сочинения в большинстве своем находились в прямой зависимости от концепций и построений русских ученых; в Америке изучением истории России в то время почти вообще не занимались. Когда после Великой Октябрьской социалистической революции во всем мире возрос интерес к нашей стране, в том числе и к ее истории, оказалось, что в зарубежных странах не сложились свои концепции по основным проблемам истории России, и потому там нет собственной историографической традиции, которая могла бы быть основой для расширения работы в данном направлении. Тогда зарубежные буржуазные историки стали широко использовать близкое им по методологическим установкам наследие русской буржуазной науки последних предреволюционных десятилетий, в первую очередь работы В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и др. Распространению их концепций в зарубежной буржуазной историографии весьма способствовали эмигрировавшие на Запад эпигоны русской буржуазной науки. Историки-белоэмигранты заняли должности профессоров русской истории во многих университетах Западной Европы и Америки.

Во время и особенно после второй мировой войны, когда великая победа советского народа над гитлеровской Германией и империалистической Японией и грандиозные успехи коммунистического строительства подняли на небывалую высоту международный престиж СССР, резко повысился интерес к истории России и вместе с тем значительно усилилась борьба буржуазного мира против марксистско-ленинской идеологии и советской исторической науки. В ведущих капиталистических государствах возникла сеть научных учреждений и университетских кафедр, специально занимающихся прошлым и настоящим нашей страны. В количественном отношении в буржуазной литературе по истории России произошел «скачок» от немногочисленных работ к це-

лому потоку книг, серийных изданий, журналов и т. д. Но поскольку зарубежная буржуазная историография в предшествующее время не создала своих самостоятельных концепций по основным проблемам истории феодальной Руси, буржуазные ученые и в послевоенные годы продолжают широко пользоваться многими идеями русской буржуазной науки. Это обстоятельство отмечено в ряде статей сборника (стр. 17, 115, 116, 142, 143, 149, 151, 153—157, 243—244 и др.), однако оно не получило на его страницах научного объяснения.

Для того, чтобы критика современной буржуазной историографии была достаточно весомой и эффективной, очень важно правильно выбрать объекты для такой критики.

Необходимо (как это и делается в большинстве статей сборника) основное острие критики направлять против общих и специальных книг и статей, прямо посвященных истории России.

Нужно прежде всего анализировать наиболее важные работы самых влиятельных и авторитетных в своей среде буржуазных авторов. А для этого следует хорошо знать общее состояние современной буржуазной литературы по истории нашей страны. Необходимость правильного выбора объектов для критики важна и в другом отношении. Анализируя освещение буржуазной историографией тех или иных конкретных проблем, необходимо острие полемики направлять против работ, специально трактующих эти проблемы. При этом надо иметь в виду, что буржуазная историография специально занималась значительно меньшим кругом проблем истории России, чем советская наука, и потому нельзя искать в буржуазной литературе освещения всех тех вопросов, которыми занимаются советские ученые; нужно выбирать для полемики такие темы, по которым в современной буржуазной историографии выдвинуты собственные построения и концепции, искажающие и фальсифицирующие прошлое нашей страны.

Известно, что в работах, направленных против буржуазной историографии, порочным и антинаучным построениям буржуазных авторов обычно противопоставляются результаты исследований советских ученых для того, чтобы читателю (и советскому и зарубежному) стала вполне ясна тенденциозность, порочность критикуемых буржуазных концепций. Однако между критическим текстом и текстом, излагающим поло-

жительное решение рассматриваемой проблемы, должна соблюдаться определенная пропорция. Вряд ли следует (как это сделано в статьях Ю. Р. Клокмана¹ и Е. Г. Плимака) большую часть статьи отводить для изложения положительного решения проблемы; ведь если это изложение — просто пересказ результатов работ советских ученых, то оно должно быть достаточно сжатым, поскольку значительной части читателей (по крайней мере советских) эти работы хорошо известны. Если же (что иногда бывает) положительная часть статьи содержит впервые развертываемую концепцию, обстоятельно аргументированное новое решение проблемы, противопоставляемое построениям буржуазных историков, такая статья в целом относится уже к другому жанру работ, поскольку ее главным содержанием оказывается не критика буржуазных сочинений по тому или иному вопросу, а положительное решение последнего. Это случилось, в частности, с помещенной в сборнике статьей Е. Г. Плимака, формально посвященной критике комментариев Р. Талера к недавно вышедшему в США изданию книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»; подавляющая часть текста статьи содержит не критику высказываний Талера, а изложение точки зрения автора статьи, его исследование об идейной направленности книги А. Н. Радищева. Само по себе это исследование представляет определенный интерес, дает новую трактовку важной научной проблемы. Известно, что в книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» наряду с главами, написанными в революционном духе и содержавшими призыв к переустройству самодержавно-крепостнического строя революционным путем, имеются и главы, написанные в либераль-

¹ Ю. Р. Клокман. Русский город XVIII в. в современной буржуазной историографии.

ном тоне и призывавшие к мирному переустройству общества путем реформ. Е. Г. Плимак считает, что либеральные проекты и идеи включены А. Н. Радищевым в книгу с целью показать их ошибочность и неосуществимость и тем самым еще более подкрепить идею необходимости революционного переустройства России. Однако в рамках сборника, направленного специально против буржуазной историографии, статья Е. Г. Плимака выглядит все же инородным телом.

Наконец, следует отметить еще один недостаток сборника, не зависящий, правда, от его авторов. В их статьях подвергнуты критике буржуазные сочинения, изданные не позднее 1959 г. (а в большинстве случаев увидевшие свет гораздо раньше). Поскольку сборник, длительное время находившийся в издательстве, вышел в свет только летом 1962 г., получилось, что авторы его ведут полемику с работами трехлетней и больше давности². Такие темпы издательской работы совершенно недопустимы, так как речь идет об издании сборников и монографий, посвященных критике современной буржуазной науки. Ведь в нашу задачу входит прежде всего критика буржуазной историографии не вчерашнего, а сегодняшнего дня, оказывающей теперь, сегодня реакционное воздействие на умы зарубежных читателей. Наша критика должна разоблачать современных фальсификаторов и в то же время влиять на ныне живущих честных, но еще заблуждающихся буржуазных ученых.

И. П. Шаскольский

² Подготовленный Ленинградским отделением Института истории АН СССР сборник «Критика новейшей буржуазной историографии», сданный в издательство весной 1960 г., вышел в свет только в начале 1962 г., то есть находился в процессе издания почти два года. Получается, что и в нем также ведется полемика с буржуазными сочинениями не менее чем трехлетней давности.

«Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М. Изд-во АН СССР. 1961. 366 стр. Тираж 1 400. Цена 2 руб. 12 коп.

Рецензируемый сборник посвящен выдающемуся советскому историку, доктору исторических наук Алексею Андреевичу Новосельскому в связи с его семидесятилетием¹. Краткая характеристика его научной деятельности, оценка его трудов по истории средневековой России содержится во вступительной статье Н. В. Устюгова. В сборнике помещен также список научных работ А. А. Новосельского, насчитывающий более 70 наименований. Всего в юбилейное издание включено 58 статей, одна часть которых касается вопросов социально-экономической истории России в эпоху феодализма, а другая — проблем источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Первый раздел состоит из 29 статей². В 6 из них затрагиваются вопросы истории промышленности, мануфактур и ремесленного ученичества. Почти все они написаны на основе изучения архивных источников и дополняют наши представления по затронутым в них вопросам. В статье П. А. Колесникова «Из истории металлургии Устюжно-Железопольского района в XVI—XVII вв.» введены в научный оборот два списка с писцовых книг Устюжно-Железопольской XVI в. и ряд не использованных до этого источников, нарисована яркая страничка истории русского ремесла и приводятся данные о работе устюжских кузнецов не только по государственному заказу, но и на рынок. И. А. Булыгин в статье «Из истории вотчинной мануфактуры во второй половине XVIII в.» на основании изучения фонда крупных землевладельцев Полянских показывает, как помещичье хозяйство, учи-

тывая рыночный спрос, меняло свой характер.

Различные формы развития торговли в Русском государстве анализируются в 6 статьях. Работа В. И. Шункова «К вопросу о характере хлебооборота Сибири в XVII в.» раскрывает деятельность крупного сибирского подрядчика Ушакова. Е. И. Заозерская в работе «Осип Андреевич Баженин» на примере этого торгового и промышленного человека выясняет, на какие социальные элементы опирался Петр I, проводя свои реформы.

Проблемы сельского хозяйства, землевладения и крестьянства анализируются в 5 статьях. Рассматривая жалованную грамоту Лжедмитрия II Иль-Мурзе-Юсупову, И. И. Смирнов в статье «К характеристике политики Лжедмитрия II по крестьянскому вопросу» выявляет крепостнический характер политики самозванца. Дополнительные повинности черносошных крестьян исследуются в статье Н. В. Устюгова «О лебедином тягле черносошных крестьян в XVII в.», материалом для которой послужили данные переписной книги 1648 г. и сметных списков 60-х годов XVII в. по Каргополю и Турчатову. В статье Ю. А. Тихонова «Имущественное положение половников Устюжского уезда в середине XVII в.» сделана попытка ответить на вопрос, следует ли половников XVII—XVIII вв. считать просто разрядом феодально-зависимого населения или же природа половничества в указанное время сильно усложнилась.

Некоторые стороны классовой борьбы и социальных отношений в Русском государстве в период феодализма исследуют авторы 10 статей. В работе о березовском мастеровом Е. Дюрягине А. П. Бажовой удалось показать зарождение классового самосознания в среде уральских крепостных рабочих в начале XIX века. Е. И. Индова приводит в своей статье «Из истории классовой борьбы важских дворцовых крестьян в середине XVIII в.» данные об их выступлениях, проходивших под лозунгом передачи управления дворцовыми волостями из Главной дворцовой канцелярии в Архангелогородскую воеводскую канцелярию. А. А. Преображенский в статье «Борьба верхотурских крестьян против казенных закупок хлеба в середине XVII в.» доказывает, что попытки феодально-крепостнического госу-

¹ Редакционная коллегия сборника: Н. В. Устюгов (отв. редактор), Л. В. Черепнин, И. А. Булыгин, Е. И. Индова, Н. И. Павленко. Организационная работа и техническая подготовка рукописи к печати выполнены М. Д. Курмачевой и В. Г. Шерстобитовой.

² Авторами их являются Л. В. Черепнин, С. М. Каштанов, С. О. Шмидт, П. А. Колесников, А. И. Баранович, И. И. Смирнов, Н. Е. Несов, Ю. А. Тихонов, А. А. Преображенский, Н. В. Устюгов, А. Н. Копылов, В. И. Шунков, Л. В. Данилова, З. А. Огризко, Р. И. Козинцева, Е. И. Заозерская, Я. Е. Водарский, Г. Д. Капустина, М. Я. Волков, С. М. Троицкий, Е. И. Индова, И. А. Булыгин, А. И. Андрущенко, М. Д. Курмачева, Ю. Р. Клокман, К. К. Демидовский, А. П. Бажова, Н. М. Дружинин, Б. Н. Казанцев.

дарства регламентировать хлебные цены на верхотурском рынке приводили к обострению классовой борьбы. С. М. Троицкий в работе «О дележе феодальной ренты между помещиками и государством» освещает вопрос о столкновениях дворян с государством в связи с взиманием подушной подати в первой половине XVIII века.

Второй раздел сборника также состоит из 29 статей³. Источники по истории хозяйства анализируются в 6 статьях. В работе А. А. Зимина «Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в.» уточняются даты составления подложной жалованной грамоты Дмитрия Донского Троице-Сергиеву монастырю, жалованной грамоты 1471 г. на село Шухоболово и других подделок старцев монастыря. Автор справедливо связывает создание этих фальсифицированных актов на землю с враждебным отношением крупных духовных феодалов к отмене тарханов в 1584 году.

Статья А. Л. Хорошкевич «Некоторые иностранные свидетельства о русском денежном обращении конца XV в.» содержит сведения о новгородской денежной системе конца XV в., почерпнутые из иностранных источников. Работа Н. И. Павленко «Гисторическое предуведомление о начальном заведении и поныне продолжающемся рудоконном промысле» знакомит читателя с очень ценным источником по истории горной промышленности. В статье В. К. Яцунского «Материалы правительственного обследования заводов черной металлургии России в первой половине 50-х годов XIX в. как исторический источник» дается краткая характеристика этих материалов, в которых приводятся данные о производстве железа за 1847—1852 гг., о количестве железа, привозимого на нижегородскую ярмарку в указанное время, о себестоимости железа на частных и казенных заводах, о конкретных ценах на железо по всей стране, включая самые отдаленные места, и т. д. Автор выявляет исключительную ценность материала

лов обследований для изучения русской промышленности.

Пять статей посвящены источникам по истории внутренней политики России. В работе М. М. Штранге «История одного подложного указа 1763 г.» излагаются соображения автора о создании подложного указа от 30 октября 1763 г., о его вероятных составителях и о тех мерах, которые предприняло царское правительство, чтобы предотвратить появление подобных «указов» в будущем. Из работ, касающихся вопросов усиления классовой борьбы в России, следует назвать статью М. Д. Рабиновича «Об архиве Оренбургского тайного общества», в которой показано, что автором списка членов Оренбургского тайного общества был провокатор И. Завалишин. Необходимо также отметить работу Р. В. Овчинникова «Обзор печатей на документах Е. И. Пугачева, его Военной коллегии и атаманов».

В шести статьях рассматриваются вопросы литературы и общественной мысли Русского государства конца XV — середины XIX веков. Статья Е. В. Чистяковой «Об авторе «Скифской истории» А. И. Лызлова» уточняет в ряде случаев наши знания о биографии и взглядах этого русского историка конца XVII века. К. Н. Сербина в работе «О происхождении сборника № 645 Синодального собрания Государственного исторического музея» предлагает считать автором приписок к одному из двух известных списков Московского летописного свода 1518 г. кого-либо из Оболенских, обосновывая тем самым мысль акад. М. Н. Тихомирова о связи этих приписок с деятельностью указанных князей⁴.

Шесть статей посвящено анализу источников по истории внешней политики России. Н. Ф. Демидова в работе «О вариантах статейного списка посольства Ф. И. Байкова в Китай» приходит к выводу, что только путем сравнения текстов обоих вариантов статейного списка можно восстановить историю этого посольства.

Сборник в целом оставляет хорошее впечатление. Основным его достоинством является то, что выступившие в нем историки получили возможность своевременно рассказать научной общественности о своих новых наблюдениях, ввести в научный оборот многие архивные материалы или обратить на них внимание исследователей. Вместе с тем не все статьи сборника равноценны;

⁴ См. «Исторические записки». 1941. Т. 10, стр. 84—87

³ Авторы этих статей — И. У. Будовниц, А. П. Глаголева, В. Т. Пашуто, С. Н. Валк, А. Н. Насонов, А. Л. Хорошкевич, И. А. Голубцов, К. Н. Сербина, В. И. Буганов, А. А. Зимин, Е. Н. Кушева, Г. И. Слесарчук, Ф. А. Грекул, Н. Ф. Демидова, А. И. Копанев, Е. В. Чистякова, Е. П. Подъяпольская, Г. А. Некрасов, В. Н. Павленко, П. К. Алефиренко, М. М. Штранге, Н. И. Павленко, Л. А. Гольденберг, Р. В. Овчинников, Н. Г. Аполлова, Б. Б. Кафенгауз, Е. И. Дружинина, М. Д. Рабинович, В. К. Яцунский.

наряду с серьезными работами в нем есть статьи, на наш взгляд, дающие мало нового исторической науке. Возьмем, например, работы А. И. Барановича и Г. А. Некрасова. В статье А. И. Барановича «К вопросу о запустении и заселении украинских земель в XVI—начале XVIII в.» говорится, что взгляды М. С. Грушевского по вопросу о запустении украинских земель были опровергнуты М. Ф. Владимирским-Будановым, а затем и современными советскими историками. Но это не совсем верно, поскольку данная работа была проделана Д. И. Багалеем, В. Б. Антоновичем и М. А. Максимо-

вичем. Статья Г. А. Некрасова «Новые источники о численности и корабельном составе русского Балтийского флота в 1715—1725 гг.» хотя и содержит интересные данные, не дает достаточного источниковедческого анализа их.

В заключение хочется высказать пожелание, чтобы сборники, издающиеся в честь того или иного советского историка, составлялись преимущественно из небольших работ, по своей тематике близких к проблемам, разработанным или поставленным этим ученым.

В. С. Бакулин

Ю. А. ПИСАРЕВ. *Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914*. М. Изд-во АН СССР. 1962. 419 стр. Тираж 1 000. Цена 1 руб. 88 коп.

Ю. А. Писаревым за последние десять лет опубликован ряд исследований по истории югославянских народов¹. Рецензируемая работа представляет собою обобщающее исследование важного периода в исто-

рии освободительной борьбы югославянских народов Австро-Венгерской монархии накануне ее крушения. В ней дается анализ национальной и социальной борьбы народов Хорватии, Славонии, Словении, Воеводины, Боснии и Герцеговины и других югославянских земель, входивших в состав Австро-Венгрии, в период от первой русской революции до начала первой мировой войны.

¹ «Крестьянские отхожие промыслы в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии в конце XIX—начале XX в.». «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР (УЗИС), 1952, т. VI; «Народы Югославии и первая русская революция 1905—1907 гг.». Сб. «Первая русская революция и международное революционное движение». Ч. I. М. 1955; «Из истории национально-освободительного движения в Монастырщине и Косовом Поле в 1905—1909 гг.». УЗИС. 1956, т. XII; «Национально-освободительное движение в югославянских землях Цислейтании в 1908—1909 гг.». «Новая и новейшая история», 1957, № 2; «Национальное движение в Хорватии и Воеводине в 1908—1909 гг.». УЗИС, 1957, т. XV; «Внутриполитическое положение в Боснии и Герцеговине накануне и в период Боснийского кризиса 1908—1909 гг.». «Новая и новейшая история», 1959, № 1; «Реакционная роль католицизма в освободительном движении южнославянских народов Австро-Венгрии в 1905—1914 гг.». «Вопросы истории религии и атеизма», 1959, т. VIII; «Государственно-правовое и экономическое положение южнославянских земель в системе Австро-Венгрии». «Труды» Московского государственного историко-архивного института. 1960, т. 12; «Млада Босна» и другие организации югославянской молодежи». «Краткие сообщения» Института славяноведения, вып. 29, 1960; «Крестьянские волнения в Боснии в 1910 г. и аграрная реформа 1911 года». «Новая и новейшая история», 1960, № 6.

То было время резкого обострения внутренних противоречий в монархии Габсбургов, вызванного реакционной политикой правящих кругов и приведшего к подъему массового народного движения. В книге содержится большой фактический материал, который раскрывает сильнейшее воздействие русской революции 1905—1907 гг. на югославянские народы. Страницы, посвященные социально-экономическим отношениям, рисуют пеструю картину условий жизни и борьбы трудящихся, показывают существенные различия в уровне развития отдельных славянских земель Австро-Венгрии. Еще в первом десятилетии XX в. продолжали существовать сильные пережитки феодализма в Боснии в виде кметчины, а в Далмации в форме колоната; в то же время в Словении и Хорватии развивалась крупная современная промышленность. Различные черты были присущи также рабочему и социал-демократическому движению Боснии и Герцеговины, Хорватии и других областей. Раскрывая эти особенности, Ю. А. Писарев одновременно распро-

вергает миф буржуазной историографии о «надклассовости» и «наднациональности» монархии Габсбургов.

В центре внимания автора стоит национально-освободительное движение югославянских народов накануне первой мировой войны. Ю. А. Писарев показывает роль классов и партий в этом движении, а также его различные формы (борьба за конституцию 1908—1910 гг. в Боснии и Герцеговине, кампания за отмену чрезвычайного положения в Хорватии в 1912—1913 гг. и т. д.). Большое внимание уделено югославянским буржуазным партиям, которым удалось захватить в свои руки руководство общенациональным движением. Автор вскрывает ограниченность и непоследовательность политики буржуазных партий (хорватская крестьянская партия, сербско-хорватская коалиция и др.), правильно объясняя рост их влияния малочисленностью и недостаточной организованностью пролетариата, а также оппортунистической политикой руководства австрийской, венгерской и местной социал-демократических партий. Вместе с тем Ю. А. Писарев выделяет левое крыло национальной буржуазии (Ф. Супило), которое выдвигало первоначально довольно радикальные политические лозунги. К сожалению, автор не касается роли церкви в национальном движении югославянских народов. Между тем последняя оказывала порой довольно сильное влияние на это движение, например, в Воеводине. Нельзя забывать и того, что на югославянских землях сталкивались католичество (Хорватия), православие (Сербия и иные земли) и мусульманство (Босния).

Руководствуясь ленинским положением, что «только доведенное до конца экономическое и политическое освобождение крестьян всех балканских народностей может уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения»², автор показывает роль и значение аграрного вопроса в национальной борьбе южных славян, для чего привлекает оригинальный фактический материал, почерпнутый из многочисленных источников. В монографии использованы, помимо ряда публикаций и большого числа специальных работ, неопубликованные материалы из архивов СССР, Венгрии, Чехословакии, частично Югославии, а также данные рабочих и буржуазной прессы. Значительный интерес представляет содержащаяся на

страницах книги критика трактовки буржуазными авторами (Г. Юберсбергер и др.) вопроса о сараевском убийстве, о роли организации «Млада Босна», действиях Степана Радича и мн. др. Но в этом важном разделе содержится ряд спорных положений. Иначе и не могло быть, если учесть слабую разработанность темы и то обстоятельство, что некоторые из положений касаются истории Австро-Венгрии в целом; поэтому было бы несправедливо требовать окончательного ответа на подобные вопросы в рамках одной книги.

Несколько слов о периодизации, которой придерживается автор. Югославские историки Мирьяна Гросс и Арпад Лебль уделяют много внимания революционному подъему на югославянских землях Австро-Венгрии в 1902—1903 гг., начавшемуся под влиянием мирового экономического кризиса. Ю. А. Писарев также констатирует этот подъем в 1903 г. и приводит некоторые примеры массовых выступлений крестьян и рабочих в то время в Истрии, Крайне, Далмации, Хорватии, Славонии (стр. 66—67). Однако свое исследование он начинает с 1905 г., недостаточно мотивируя это. В результате такого решения вопроса вне поля зрения автора остается очень важный этап революционного движения югославянских народов в начале XX века.

Не совсем бесспорной представляется постановка автором проблемы ликвидации монархии Габсбургов. Хотя для автора это и попутный вопрос, но, как известно, главным для народов Австро-Венгрии в третьей четверти XIX в. было завершение буржуазно-демократической революции, после чего дальнейшее развитие страны могло принять различные формы. В. И. Ленин подчеркивал, что «теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию»³. Исходя из наличия в Австрии буржуазной конституции и из хода событий 1848—1867 гг., В. И. Ленин отмечал: «Поэтому в внутренних условиях развития Австрии (т. е. с точки зрения развития капитализма в Австрии вообще и в отдельных ее нациях в частности) нет факторов, порождающих скачки, одним из спутников каковых может быть образование национально-самостоятельных государств»⁴. В

² В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 370.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 382.

⁴ Там же, стр. 378.

1905—1914 гг. речь шла — и это становилось все более очевидным с каждым новым кризисом — о невозможности дальнейшего сохранения дуалистической системы в Австро-Венгрии, чем и объясняется появление различных планов преобразования монархии, в частности возрождение идеи триализма.

В этой связи автор пишет: «В. И. Ленин, внимательно следивший за развитием народных движений в Австро-Венгрии, отметил... что монархия Габсбургов снова вытаскила на свет в 1913—1914 гг. идею триализма...» (стр. 286—287). Нам представляется, что данное утверждение нуждается в уточнении. Дело в том, что В. И. Ленин писал: «Австрия сложилась, в силу этого своеобразного положения, в двухцентровое (дуалистическое) государство, а теперь превращается в трехцентровое (триалистическое: немцы, венгры, славяне)»⁵. Таким образом, он говорил не о планах реакции, а о естественном ходе исторического процесса. Думается, Ю. А. Писареву следовало бы глубже вскрыть истинную суть политики группы Франца-Фердинанда, которая сводилась к использованию идеи триализма в целях упрочения габсбургского государства.

Спорно и освещение вопроса об австро-венгерском соглашении 1867 года. Автор приводит многочисленные факты, подтверждающие большое значение этого события для Хорватии, а также излагает различные точки зрения по этому вопросу, существующие в исторической литературе. Что касается Венгрии, то тут Ю. А. Писарев ограничивается скромной констатацией того, что ей были предоставлены «известные права самоуправления» (стр. 11). В действительности речь шла о довольно широких правах венгерских правящих классов во внутренних делах и о значительном усилении влияния Венгрии на руководство внешней политикой двуединой монархии. «Австрийская буржуазия получила больше прав, чем буржуазия Венгрии», — пишет автор там же. Это, на наш взгляд, неверно. Юридически обе стороны получили одинаковые права. Фактическое же неравенство происходило не из самого соглашения, а из реального соотношения сил.

Умелый показ различий в уровне социально-экономического развития разных славянских областей страны — большое достоинство работы. К сожалению, автор

не становится на тот же путь при освещении специфики национального движения югославян. На важность этой стороны вопроса указывали югославский историк Ф. Цвиттер на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме и венгерский историк К. Ласло на конференции в Будапеште в 1958 году. Освободительное движение венгров, хорватов и частично сербов, то есть народов, которые имели ранее сословные учреждения и были руководимы в этой борьбе обуржуазившимся дворянством, — это не то же самое, что освободительное движение некоторых других национальностей, которые не могли опираться на сословные учреждения и соответствующие исторические традиции.

В монографии справедливо уделяется большое внимание событиям, связанным с аннексией Боснии и Герцеговины. Хорошо показано отношение к этому вопросу различных классов югославянского общества. Нам представляется, однако, что нужно было бы в большей степени отразить действия царской дипломатии в этот период и особенно роль министра иностранных дел России А. П. Извольского, о чем имеются важные данные в отечественной и югославской литературе⁶.

Чрезвычайно интересен сделанный Ю. А. Писаревым обзор источников и специальной литературы (стр. 328—387). Впервые с точки зрения славяноведческой тематики встречаемся мы со столь подробным анализом архивных фондов. Касаясь историографии вопроса, автор справедливо указывает, что уже в настоящее время мы можем говорить о наличии целых направлений и даже школ, изучающих проблему дуализма в Австро-Венгрии. Анализ этих направлений, предпринятый в книге, весьма поучителен⁷. Можно было лишь оговорить, что возникновение «английской школы» во главе с Ситон-Уотсоном связано в данном случае с целями борьбы британского империализма против его германского соперника. Осуждение английскими историками системы дуализма было вызвано тем, что последний способствовал союзу венгров и австрийцев с Германией и пре-

⁶ Например: «История дипломатии». Т. II. М. 1945, стр. 189—193; Зорица Прикльмајер. Српска социјал-демократија у аксион ој кризи 1908. Београд. 1953.

⁷ Нельзя лишь полностью согласиться с критикой Ю. А. Писарева в адрес историка Н. П. Полетики по вопросу об оценке значения сараевского покушения.

⁵ Там же, стр. 379.

вратил Австро-Венгрии в орудие великогерманских устремлений (именно с этих позиций упрекали Габсбургов основоположники «английской школы», обвиняя их в угнетении «славянских и латинских наций»), а также тем, что буржуазные историки, писавшие уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции, отводили югославянским народам роль «барьера» против распространения идей социализма в Южной Европе. Положительным моментом является и внимание автора к новейшей югославской и венгерской специальной литературе (работы Ф. Чулиновича, В. Богданова, В. Стругара, Л. Катуса, Ш. Петера, П. Ханака и др.). Полагаем, что было бы небезынтересно рассмотреть

также работы Д. Секфю, Г. Граца и Ш. Пете. Хотелось бы увидеть в книге и разбор концепций русских буржуазных историков, занимавшихся проблемами национально-освободительного движения славянских народов в империи Габсбургов (А. Л. Погодин, П. А. Лавров и др.). Книга снабжена рядом географических карт. Однако некоторые из них небрежно оформлены. Только этим можно объяснить, что некоторые области Венгрии (комитаты Чонград, Фейер, Хевеш и частично Зала) и Румынии (бывшие комитаты Крашшо-Серень и частично Темеш) включены в состав Воеводины.

Т. М. Исламов, И. Д. Очак

А. Н. ГЛИНКИН. *Новейшая история Бразилии (1939—1959 гг.)*. М. Изд-во ИМО. 1961. 403 стр. Тираж 2 500. Цена 1 руб. 40 коп.

Что происходит в настоящее время в Бразилии, каковы исторические корни наблюдаемых в ней событий, по какому пути пойдет крупнейшая страна Латинской Америки — все эти вопросы волнуют не только бразильцев. А. Н. Глинкин поставил перед собой задачу осветить весь комплекс сложных экономических и социально-политических проблем, характерных для этой страны на протяжении 20 лет, прошедших с начала второй мировой войны. Используя в работе ряд источников, в том числе официальные публикации, статистические материалы, обзоры, справочники, прессу и специальную литературу, автор в целом справился с этой задачей. Им достигнуто единство анализа экономических и политических явлений, показана взаимная обусловленность внутренней и внешней политики страны.

На наш взгляд, предложенная А. Н. Глинкиным периодизация современного этапа новейшей истории Бразилии в основном является правильной: период второй мировой войны (два последних ее года выделены в особый подэтап — время подъема демократического освободительного движения и кризиса реакционной диктатуры «нового государства»); 1945—1947 гг., характеризующиеся успехами сил демократии и отступлением реакции; 1947—1950 гг. — наступление объединенных сил внутренней

реакции и иностранного империализма на демократические завоевания и жизненный уровень трудящихся; новый подъем национально-освободительной борьбы бразильского народа в 1951—1954 гг.; период 1954—1956 гг., отличительной чертой которого явился провал попыток установления реакционной диктатуры; наконец, время от начала деятельности правительства Кубичека в 1956 г. и до падения правительства Жанио Куадроса и политического кризиса в 1961 году. Однако если хронологические рамки отдельных этапов намечены автором правильно, то некоторое сомнение вызывает слишком дробное членение на «периоды» (шесть за 20 лет). Думается, что попытки создать научную периодизацию современной истории Бразилии должны быть продолжены в направлении «укрупнения» намеченных в книге периодов и их всесторонней характеристики.

При значительном круге вопросов, освещаемых в монографии, основное внимание уделяется трем проблемам: экономические процессы и связанные с ними социальные сдвиги в жизни страны, политика господствующих классов, развитие рабочего и национально-освободительного движения. Эти проблемы рассматриваются на широком историческом фоне в связи с событиями, происходившими в Латинской Америке и во всем мире. Большое место в книге зани-

мает история внешней политики Бразилии. Ценным является собранный автором фактический материал о положении трудящихся масс, их классово и национально-освободительной борьбе, об империалистической политике США, формах и методах проникновения североамериканского капитала в экономику Бразилии. Интерес представляет характеристика попыток организации государственного переворота в стране с целью утверждения открытой диктатуры наиболее реакционных, проамерикански настроенных кругов (1945, 1954, 1961 годы).

Освещая социально-экономическое развитие страны в годы войны и в послевоенный период, автор кратко характеризует позицию национальной буржуазии, роль государственно-капиталистического сектора, формы складывания единого антиимпериалистического и антифеодального фронта патриотических сил.

К сожалению, в отдельных случаях изложение фактического материала начинает преобладать над аналитической стороной работы, и тогда автор переходит к простому перечислению событий.

Из рассматриваемых А. Н. Глинкиным экономических проблем основной является процесс превращения Бразилии из аграрной страны в аграрно-индустриальную. Приток иностранного капитала породил в экономике страны уродливые диспропорции, обострил кризисные явления в области внешней торговли и финансов. Убедительной критике подверг автор так называемую «теорию развития», проповедуемую буржуазно-помещичьими кругами, делающими основную ставку на долларовую «помощь» со стороны США. Новые возможности для экономического развития Бразилии открылись лишь благодаря общему ослаблению лагеря капитализма вследствие выдающихся успехов мировой социалистической системы и крушения колониализма. Каждый шаг на пути укрепления экономической независимости Бразилии теснейшим образом связан с борьбой трудящихся за свои права. Автором раскрыта авангардная роль коммунистов в борьбе бразильского народа за освобождение от империалистической зависимости, за мир и улучшение жизни трудящихся. В книге правильно отмечается, что решения XX съезда КПСС и Московских совещаний коммунистических и рабочих партий способствовали развертыванию бразильскими коммунистами борьбы против догматическо-сектантских тен-

денций и ревизионизма в рабочем движении.

Некоторые другие проблемы истории Бразилии освещены менее полно; порой встречаются неточные или противоречивые формулировки. Так, автор пишет на стр. 114, что в стране имеется «относительно емкий внутренний рынок», а на стр. 123—124 указывает на его «узость», причем в обоих случаях подразумевается рынок предметов потребления; вопрос же о рынке средств производства, создание которого, как известно, имеет гораздо более важное значение для развития капитализма, упущен автором из виду. Нуждаются в проверке цифры о числе латифундистов в 1940 г., по всей видимости, завышенные (согласно автору, 300 тыс. чел., стр. 24).

Большое место уделено в книге освещению политической роли Ж. Варгаса. А. Н. Глинкин отмечает определенную противоречивость политики этого государственного деятеля Бразилии. Желательно было бы, однако, увидеть более глубокое исследование причин эволюции политики Варгаса и показ конкретных классовых сил, стоявших за ним. Такого исследования не хватает, в частности, при рассказе о заговоре бразильской реакции в октябре 1945 года. Больше внимания можно было бы уделить и такому характерному для политики Варгаса явлению, как «трабальзм», смысл которого вряд ли можно сводить лишь к созданию «прослойки рабочей аристократии» (стр. 70). В этой связи вызывает сомнение и тезис автора о том, что «вплоть до второй мировой войны в Бразилии, являвшейся отсталой аграрной страной, еще не сложилось настоящее прочное пролетарское ядро рабочего класса» (стр. 21), тем более, что данных о структуре пролетариата в книге вообще не приведено.

Возражение вызывает и вывод о том, что после поражения народно-революционных восстаний 1935 г. в Бразилии «стал развиваться быстрыми темпами процесс фашизации общественного и государственного строя» (стр. 16). В действительности именно героическая деятельность Национально-освободительного альянса и революционные бои 1935 г., несмотря на их неудачу, предотвратили победу фашизма в стране: под давлением народных масс Варгас в 1937 г. был вынужден запретить партию интегралистов, а в годы второй мировой войны Бразилия выступила на стороне антигитлеровской коалиции.

К сожалению, А. Н. Глинкин не дает об-

стоятельного освещения вопроса о возникновении буржуазно-помещичьих партий в 1945—1946 годах. Для Бразилии это событие имело весьма существенное значение, так как (в отличие от развитых капиталистических стран) здесь не было четкого размежевания политических сил внутри господствующих классов и имелись серьезные противоречия между самими правящими партиями, вызванные столкновениями интересов различных региональных группировок.

Полезно было бы в отдельной главе рассмотреть источники и специальную литературу по изучаемым автором проблемам, чтобы познакомить читателя хотя бы с основными исследованиями по истории Бразилии в советской и прогрессивной зарубежной историографии. Полагаем, что автор осуществит это пожелание в своих дальнейших работах.

Б. И. Колыбин, И. Е. Рыбалкин

Л. И. ГИНЦБЕРГ, Я. С. ДРАБКИН. *Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933—1945)*. М. Изд-во АН СССР. 1961. 152 стр. Тираж 30 000. Цена 50 коп.

За последние годы ученые социалистических стран (прежде всего ГДР) интенсивно исследовали историю антигитлеровского подполья. Основные вопросы ее получили освещение в трудах В. Пика и В. Ульбрихта¹. Работы ряда историков ГДР², сборники документов и статей³ дают обширный материал об антифашистской борьбе в учреждениях, на заводах, в застенках своих тюрем и концлагерях, в массовых гитлеровских организациях и в армии. Заслуженой автором рецензируемой работы явилось умелое использование имеющейся литературы и источников для создания научно-популярной книги. Как известно, в статье «О ведущей роли КПГ в движении Сопrotивления», подготовленной коллективом сотрудников ИМЛ

при ЦК СЕПГ⁴, содержится упрек в адрес некоторых авторов, которые не сумели с необходимой полнотой показать руководящую роль КПГ в борьбе против гитлеризма. Авторам рецензируемой книги, как нам представляется, не свойствен этот недостаток. Основное внимание они уделяют антифашистской борьбе рабочего класса и прежде всего его авангарда — Коммунистической партии.

Коммунистам Германии довелось первым вступить в бой с гитлеровцами. Эта борьба была сопряжена с опаснейшими многократными переходами границы, частыми, иногда ежедневными переменами квартир, с налаживанием связей, конспиративными встречами. Только через границу с Чехословакией в 1933—1938 гг. в обоих направлениях перешло более тысячи антифашистов (стр. 22). Таким путем в Германию доставлялись инструкции, литература, листовки. По данным гестапо, 70% антигитлеровской литературы распространялось в стране коммунистами (стр. 25).

Конечно, антифашистская борьба в Германии не приобрела такого размаха, как, скажем, движение Сопrotивления в некоторых других европейских странах, познавших все ужасы гитлеровского господства. Это объяснялось прежде всего условиями, в которых действовали немецкие антифашисты в своей стране. Им приходилось в основном идти по пути создания отдельных, небольших по своему составу групп Сопrotивления. Книга Л. И. Гинцберга и Я. С. Драбкина дает представление о сети таких групп, существ-

¹ W. Pieck. Im Kampf um die Arbeiter-einheit und die deutsche Volksfront. Berlin. 1955, etc.; W. Ulbricht. Der faschistische deutsche Imperialismus 1933—1945. Berlin. 1956, etc.

² О. Винцер. 12 лет борьбы против фашизма и войны. М. 1956; W. A. Schmidt. Damit Deutschland lebe. Berlin. 1959; В. Бредель. Эрнст Тельман. Политическая биография. М. 1952; E. Weipert. Das Nationalkomitee «Freies Deutschland». Berlin. 1958. См. также статьи советских историков: Е. А. Бродский. Об антифашистской борьбе в Германии в годы второй мировой войны. «Вопросы истории», 1959, № 7; В. Т. Фомин. Антифашистская борьба в Германии и лживые измышления буржуазных фальсификаторов истории. Сборник статей «Из истории новейшего времени». М. 1959.

³ «Erkämpft das Menschenrecht. Lebensbilder und letzte Briefe antifaschistischer Widerstandskämpfer». Berlin. 1958; «Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung». Berlin. 1958.

⁴ «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1961, № 3.

вовавших в Германии. Действия групп В. Галля, А. Эммерлиха, Г. Капелле, Р. Уриха, 19-летнего Х. Гюнтера, Г. Шульце-Бойзена, А. Харнака, А. Зефкова, бывших редакторов «Роте фане» И. Зига и В. Гуддорфа в Берлине, группы Б. Бестлейна — Ф. Якоба — Р. Абсхагена в Гамбурге (с конца 1942 г. Ф. Якоб и Б. Бестлейн действовали в Берлине совместно с А. Зефковым), Г. Лехлейтера и др. в Мангейме, Т. Нейбауэра — М. Позера в Тюрингии, Г. Шумана в Саксонии, «Антинацистского немецкого народного фронта» и антигитлеровской организации студентов «Белая роза» в Мюнхене, организаций Сопrotивления в Руре, немецких групп участников Сопrotивления в оккупированных областях Франции, Голландии и других европейских стран являются ярким свидетельством бесстрашия и уверенности немецких антифашистов в правоте своего дела.

Важно отметить, что авторы рассматривают деятельность коммунистических групп не изолированно, а показывают их связь между собой и особенно с ЦК КПГ, руководившим ими через различные каналы (см. разделы «В эмиграции», «Связи восстанавливаются», «Подпольный центр КПГ» и др.).

Схваченные фашистами, коммунисты держались смело и мужественно. Вождь немецких коммунистов Э. Тельман с непоколебимой убежденностью бросил в лицо своим палачам пророческие слова: «Советский Союз существует уже 20 лет. Третья империя столько не просуществует» (стр. 57). Арестованный летом 1944 г. один из вожаков антифашистов Саксонии, соратник К. Либнехта и Р. Люксембург коммунист Г. Шуман, заявил фашистскому суду: «Мои товарищи и я сидим сегодня на скамье подсудимых, и вы выносите нам смертный приговор! Недалеко время, когда вы будете сидеть на скамье подсудимых и дрожать за свою шкуру». Лейпцигский антифашист А. Г. Шварц воскликнул перед казнью: «Немецкие рабочие, не забывайте нас! Продолжайте наше дело!» (стр. 135). На страницах этой небольшой книги читатель встретит имена и многих других героев антигитлеровского подполья.

Значительный раздел книги посвящен деятельности Национального комитета «Свободная Германия» во главе с известным поэтом Эрихом Вайнертом, созданного в 1943 г. на территории СССР по инициативе немецких военнопленных и эмигрантов-антифашистов. В этом же разделе содержатся

сведения о подпольной работе групп Национального комитета в самой Германии и о Западном комитете «Свободная Германия», действовавшем на территории Франции, Бельгии, Голландии, Италии. О размахе этой деятельности свидетельствует тот факт, что в начале 1944 г. тираж ежемесячно выпускавшихся Западным комитетом материалов достигал 200 тыс. экземпляров (стр. 123).

Интересны и факты, говорящие о совместной борьбе коммунистов и социал-демократов против фашизма. Коммунист Т. Нейбауэр, один из руководителей подполья, установил связь с бывшим депутатом рейхстага от СДПГ П. Фойгтом и неоднократно обсуждал с ним вопрос о сотрудничестве двух партий. В 1943 г. Нейбауэр и другой руководитель подполья, коммунист Ф. Якоб, установили контакт с социал-демократами Берлина. Социал-демократ Р. Леман (Лейпциг) много месяцев скрывал у себя подпольщика-коммуниста (стр. 118). Но эта правильная линия коммунистов и социал-демократов-подпольщиков встретила сопротивление со стороны эмигрантской верхушки СДПГ, не извлечшей никаких уроков из тяжелого прошлого германского рабочего движения. В книге рассказывается, как эмиссар руководства СДПГ в Лондоне В. Зандер ответил отказом на предложение о создании единого антифашистского фронта.

Авторы затронули в своей книге ряд аспектов внутренней жизни гитлеровской Германии. В частности, читателю небезынтересно будет узнать о поддержке, оказанной фашистской диктатуре верхушкой католического и протестантского духовенства и в то же время — об участии рядовых рабочих-католиков и протестантов, а также отдельных представителей низшего духовенства в антифашистской борьбе (стр. 41—43).

В книге исторически правильно оценивается буржуазная оппозиция Гитлеру, возникшая под влиянием военных поражений фашистской армии. Авторы сумели избежать еще встречающийся в нашей литературе упрощенный подход к оценке генеральского заговора 20 июля 1944 г., который иногда представляется чуть ли не как дело рук американской разведки. Однако они впадают в другую крайность. В книге (кроме упоминания о письме американского агента Гизевнуса Беку, стр. 131) почти вовсе не нашли отражения тесные связи, которые существовали между Алленом Даллесом и генералами-заговорщиками.

И. С. Кремер

М. М. КАРЛИНЕР. *Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны (1914—1918)*. М. Изд-во АН СССР. 1961. 488 стр. Тираж 2 000.
Цена 1 руб. 83 коп.

Изучение истории английского рабочего движения ведется в СССР широким фронтом¹. Вполне своевременным следует считать предпринятое Институтом истории АН СССР издание серии монографий «История английского рабочего движения в новое время» (под общей редакцией акад. И. М. Майского — гл. ред., Н. А. Ерофеева и Е. Б. Черняка). Рецензируемая книга является первой в данной серии.

М. М. Карлинер свел воедино результаты ряда своих предыдущих исследований по истории английского рабочего движения, значительно дополнив их новыми данными, почерпнутыми как из специальной литературы, так и частично из советских архивов. Основывая свой анализ на широкой документальной базе (парламентские и правительственные публикации, официальные статистические издания, протоколы съездов рабочих и социалистических организаций, рабочая и буржуазная пресса, мемуары, памфлеты и пр.), автор последовательно излагает историю английского рабочего движения в период первой мировой войны.

Процессы, наметившиеся в английском

рабочем движении тех лет, являлись существенным элементом и результатом взрыва общего кризиса капитализма. Поэтому М. М. Карлинер закономерно рассматривает рабочее движение в непосредственной связи с экономическим положением Англии и с общеполитической обстановкой в Европе, что следует признать несомненным достоинством книги. Автор прослеживает вызванные войной изменения в положении и структуре рабочего класса и показывает, что частичный переход к государственно-монополистическим методам организации производства повлек за собой новое усиление эксплуатации пролетариата. Характеризуя этот процесс как определяющий в развитии английской экономики тех лет, М. М. Карлинер вскрывает конкретные причины относительного и абсолютного обнищания английского пролетариата (стр. 104—136). В книге правильно трактуются те изменения, которые произошли в положении масс квалифицированных рабочих в годы войны, и автор с полным основанием делает разграничение между ними и рабочей аристократией. Осуществленный М. М. Карлинером анализ экономических данных объясняет тот важный факт, что во время войны именно квалифицированные рабочие, а не низшие слои пролетариата играли авангардную роль в борьбе рабочего класса Англии (стр. 132).

М. М. Карлинером предложена следующая, по нашему мнению вполне оправданная, периодизация английского рабочего движения военных лет: с начала войны до конца 1916 г.; 1917—1918 годы. Автор, опираясь на осуществленные им архивные и иные изыскания, детально прослеживает, как нарастало влияние революционных событий в России, особенно Великой Октябрьской социалистической революции, на борьбу пролетариата Англии, и насыщает текст яркими, порой малоизвестными материалами. Соответствующие страницы являются, как мы полагаем, лучшими в книге. Весьма интересны сведения о предпринимавшихся праволейбористскими и тредюнионистскими лидерами попытках поддержать эсеро-меньшевистских руководителей Петроградского Совета весной 1917 г. и направить российские профсоюзы по тредюнионистскому пути (стр. 303—318, 339—355).

¹ Из последних работ, в которых рассматривается в различных аспектах история английского пролетариата в период империализма, назовем следующие монографии: П. В. Гурович. Подъем рабочего движения в Англии в 1918—1921 гг. М. 1956; е е же. Всеобщая стачка в Англии 1926 года. М. 1959; М. Дворкин. Идеология и политика правых лейбористов на службе монополий. М. 1953; Л. С. Дубинский. Монополии и экономика Англии. (До второй мировой войны). М. 1960; Н. А. Ерофеев. Очерки по истории Англии, 1815—1917. М. 1959; Д. Ю. Зорина. Английские тредюнионы и борьба за единство действий рабочего класса. М. 1959; Л. Е. Кертман. Рабочее движение в Англии и борьба двух тенденций в лейбористской партии. Пермь. 1957; Н. В. Матковский. Краткий очерк профсоюзного движения в Англии. М. 1954; Н. Ф. Мочульский. Кризис лейбористской партии в 1931 году. М. 1956; Б. Ф. Пичугин. Британские тредюнионы после второй мировой войны (1945—1956 гг.). М. 1958; В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М. 1958; И. Н. Ундасынов. Рабочее движение и лейбористская партия Великобритании в период мирового экономического кризиса. М. 1961, а также статьи А. Н. Байковой, Н. А. Куракина, И. Т. Липпы, М. П. Макарова, В. В. Пещанского, Т. М. Торицына, Г. А. Хидаотова, А. С. Черняева и мн. др.

В то же время нам представляется, что, стремясь подчеркнуть качественный скачок в развитии английского рабочего движения на втором этапе, автор допускает неточность при оценке первого этапа. Приведя статистику стачек, показывающую сокращение числа трудовых конфликтов, их участников и количества потерянных рабочих дней с 1914 г. по 1916 г., М. М. Карлинер заключает, что «в течение первой половины войны рабочий класс медленно, с боями отступал» (стр. 54). Но сокращение количества стачек еще не означает отступления, если сами стачки по-прежнему носят наступательный, а не оборонительный характер. А ведь именно так обстояло дело во время обеих клайдских стачек (1915 и 1916 гг.), в ходе забастовки углекопов Южного Уэльса и многих других крупнейших выступлений рабочего класса. Таким образом, стачки 1915—1916 гг. вовсе не являлись «отступлением» рабочего класса, хотя бы и «с боями». Как показано самим автором, эти забастовки отличались упорством, отказом масс выполнять указания реформистских лидеров, выдвижением нового, боевого руководства в рабочих организациях. Приводимые в книге материалы о движении шоп-стюардов говорят об активной подготовке пролетариата к новым классовым боям. Напомним, что именно о стачках конца 1915—начала 1916 г. В. И. Ленин писал, как о начале «революционных массовых выступлений» в Англии². Поэтому правильное было бы говорить не об отступлении рабочего класса в 1914—1916 гг., а о том, что английский пролетариат, дезорганизованный на первых порах предательством тред-юнионистской и лейбористской верхушки и резко ослабивший борьбу в начале мировой войны, уже с весны 1915 г. перешел опять в наступление, которое неуклонно нарастало до 1917 г., а затем переросло в мощный революционный подъем. Такая постановка вопроса вытекает даже из приводимого самим М. М. Карлинером обильного фактического материала.

Что касается численных показателей, то они определяют в данном случае не столько качественный, сколько количественный момент, также весьма важный, но еще не решающий при оценке этого этапа борьбы рабочего класса. Возьмем для примера данные 1914 г. (когда было потеряно 9 878 тыс. человеко-дней) и 1915 г. (всего

лишь 2 953 тыс. потерянных человеко-дней, стр. 54). Налицо как будто бы явное снижение, но если первую цифру расчленим, то мы увидим, что за первое полугодие 1914 г. было потеряно 9 731 тыс. человеко-дней, а за второе (то есть военное) полугодие — только 147 тысяч. Таким образом, в действительности спад наблюдался в самом начале войны. Зато в 1915 г. намечился резкий рост по сравнению со второй половиной 1914 г., ибо Клайдская стачка прорвала плотину «промышленного мира», и забастовочное движение начало быстро нарастать. Небольшое снижение намечилось только в 1916 году. Однако нужно учитывать, что именно весной 1916 г. рабочий класс вел интенсивную борьбу против введения воинской повинности. В монографии подробно излагается эта «антиконскрипционная» кампания; М. М. Карлинер правильно констатирует, что с нею был связан наивысший подъем классовой борьбы за весь первый период войны (стр. 169). Эта кампания частично отвлекла внимание и силы пролетариата и снизила волну стачечного движения.

Интересны страницы, характеризующие рост влияния рабочего класса на политику господствующей верхушки, что определяло различные тактические маневры буржуазии и ее вождей, а также такие события в политической жизни Англии, как формирование первого и второго коалиционных кабинетов. М. М. Карлинер сумел доказать, что в рабочем движении действительно началось в 1914 г. новый этап. К сожалению, мысль о том, что в годы войны завершился предыдущий этап английского рабочего движения, не развита в книге. Особенно чувствуется это, когда автор, описывая деятельность рабочих и социалистических организаций, отрывает ее от их предвоенной истории. К тому же в центре внимания автора находится преимущественно массовое движение. Что касается различных рабочих организаций, то они освещаются суммарно, без детального анализа. Между тем для пролетариата Англии, как известно, подлинной трагедией являлось отсутствие в те годы боевой марксистско-ленинской партии. Обстоятельная разработка этой темы значительно обогатила бы книгу.

Остро и убедительно разоблачая предательскую политику прав лейбористского руководства, М. М. Карлинер проходит в то же время мимо борьбы, которая шла внутри лейбористского движения, была прямым продолжением довоенных столкно-

² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 107.

вений и велась преимущественно по тем же вопросам, что и до войны. Например, в работе приводится резолюция национальной конференции лейбористских и тред-юнионистских организаций от 12 марта 1915 г. по вопросам дороговизны. В ней содержится призыв к лейбористской фракции «предпринять все возможные меры, включая решительные политические действия, раскол палаты или другие шаги, чтобы принудить правительство ввести контроль над ценами» (стр. 37). Данный документ нуждается в специальном анализе. В условиях политического перемирия между всеми фракциями парламента требование «раскола палаты» означало попытку левых лейбористов добиться изменения партийной политики, отказ от сотрудничества с буржуазными партиями и проведение независимой линии. Но ведь борьба по вопросу о парламентской тактике и самостоятельности партии шла непрерывно еще с начала XX в., а не возникла лишь в годы войны.

Еще более остро вопрос о сотрудничестве с буржуазными партиями и, следовательно, об отношении к войне был поставлен левыми лейбористами после вступления лидеров их партии в коалиционное правительство. М. М. Карлинер упоминает о возражениях против участия в кабинете со стороны «некоторых деятелей НРП» и правильно отмечает, что эта оппозиция определялась чисто тактическими соображениями (стр. 67). Но следует учитывать позицию и рядовых членов партии. Сразу же после принятия решения о вступлении в правительство лидеров лейбористов конференция шотландских отделений лейбористской партии предложила ее руководству пересмотреть данное решение³. «Левые» энергично выступили по этому вопросу и на 15-й конференции лейбористской партии (январь 1916 г.)⁴. Наконец, данный вопрос вызвал острейшую полемику и на

16-й конференции (1917 г.)⁵. Все это говорит о наличии сильного левого течения в лейбористской партии. Активизация левых сил внутри лейбористского движения была важным элементом подъема рабочего движения, и детальное исследование этой проблемы существенно дополнило бы нарисованную М. М. Карлинером картину борьбы английского пролетариата.

Очень богато освещена в книге история Британской социалистической партии и Независимой рабочей партии в период войны. Внимание автора, к сожалению, не привлекли такие важные для этой темы источники, как мемуары видного марксистского агитатора Т. Джексона, сборник статей Дж. Брайана (Ф. Ротштейна), мемуары Дж. Пэйтона, памфлет Ф. Брокуэя⁶ и др.

Автор утверждает, что в английской социалистической прессе статьи В. И. Ленина печатались с января 1918 г. (стр. 372). В действительности уже в 1908 г. в «Justice» была напечатана относящаяся к Англии часть статьи В. И. Ленина «Заседание Международного социалистического бюро»⁷.

Два частных замечания. Говоря о парламентской реформе 1918 г., М. М. Карлинер правильно отмечает, что она была «предохранительным клапаном», использованным для умиротворения масс. Но нельзя все же проходить мимо прогрессивного значения этой реформы, буквально вырванной у буржуазии рабочим классом⁸. Стачку лондонских полицейских в августе 1918 г. автор называет «беспрецедентным событием в жизни Англии» (стр. 430). Но еще в 1907 г. имела место стачка полицейских в Белфасте.

Л. Е. Кертман

⁵ «Report of the 16-th Annual Conference of the Labour Party». London. 1917, p. 89.

⁶ T. A. Jackson. Solo Trumpet. London. 1953; J. Bryan. Essays in Socialism and War. London. 1917; J. Paton. Proletarian Pilgrimage. London. 1935; F. Brockway. How to End the War. London. 1915.

⁷ «Justice», 28. XI. 1908.

⁸ См. В. Г. Трухановский. Указ. соч. стр. 13.

³ «Labour Leader», 26.V.1915.

⁴ «Report of the 15-th Annual Conference of the Labour Party». London. 1916, p. 126.

В. Е. МОТЫЛЕВ. *Экономическая история зарубежных стран. Эпоха домонополистического капитализма*. М. Соцэкгиз. 1961. 400 стр. Тираж 30 000. Цена 68 коп.

В течение длительного времени по сложному курсу экономической истории (истории народного хозяйства) зарубежных стран от эпохи рабовладения до современного этапа общего кризиса капитализма не имелось специальных учебных пособий. Положение улучшилось лишь за последние годы. В основу ряда новых пособий (Ф. Я. Полянско-го, В. Т. Чунтулова, Р. С. Горчакова)¹ положены лекционные курсы, прочитанные их авторами. Эти пособия отличаются друг от друга не только разной степенью полноты охвата материала, но отражают и различия в подходе каждого автора к структуре и содержанию курса, к подбору материала и методике его изложения, к постановке и освещению отдельных проблем экономической истории.

Сложная задача создания полноценного учебного пособия, освещающего процессы экономического развития зарубежных стран, наиболее удачно решена, как нам кажется, в курсе лекций В. Е. Мотылева и его соавторов². Ограничив свою работу рамками эпохи домонополистического капитализма, авторы стремились представить картину генезиса и развития капиталистической экономики, не затрагивая предшествовавшей ей феодальной стадии. Это породило ряд трудностей в изложении материала, поскольку капиталистические отношения, как известно, начали складываться еще в недрах феодальной формации. Авторы преодолевают указанные затруднения, поместив вначале две вводные главы, в которых трактуются общие вопросы зарождения и развития капитализма в Западной Европе в XVI в., а затем, в темах по отдельным странам, показав некоторые стороны их экономической истории еще в феодальную эпоху. Таким путем выявляется обусловленность

смены феодального способа производства капиталистическим и вместе с тем своеобразия генезиса буржуазных отношений в отдельных странах. За отправной момент в первой главе взята характеристика сдвигов в развитии производительных сил, обусловивших возникновение и рост капиталистического уклада в феодальном обществе; авторами раскрывается здесь сущность процесса первоначального накопления, мануфактурного периода и начала капиталистической перестройки сельского хозяйства. Далее они переходят к великим географическим открытиям и их последствиям. В отличие от нередко встречающегося смешения экономических и социально-политических причин географических открытий³, В. Е. Мотылев формулирует основные экономические предпосылки данных событий, выдвигая на первый план выгодность торговли с Востоком для европейского купечества. В качестве первого и непосредственного последствия географических открытий В. Е. Мотылев называет колониальный грабеж, а не зарождение мировой торговли и перемещение торговых путей (именно в таком порядке излагался обычно этот вопрос согласно вузовской программе). Подобная постановка вопроса заслуживает внимания, ибо она позволяет лучше уяснить органическую связь морской торговли с колониальным разбоем, что превращало торговлю той эпохи в важный момент первоначального накопления капитала.

Следует сделать одно замечание методического порядка по поводу вводных глав. Поместив в первой из них характеристику основных черт развития экономики Западной Европы в XVI в., В. Е. Мотылев во второй главе возвращается назад, к событиям конца XV — начала XVI в., которые ускорили развитие процессов, уже освещенных в первой лекции. Эту логическую неувязку можно было легко устранить, переместив материал.

Уделив главное внимание освещению периода развитого капитализма, авторы несколько раздвинули его хронологические рамки: отступив от общепринятого ограничения эпохи домонополистического капитализма семидесятью годами XIX в., они довели изложение материала по ряду стран

¹ Ф. Я. Полянский. *Экономическая история зарубежных стран. Т. 1. Эпоха феодализма*. М. 1954; его же. *Экономическая история зарубежных стран. Т. 2. Эпоха капитализма*. М. 1961; В. Т. Чунтулов. *Экономическая история зарубежных стран. Курс лекций. Ч. 1*. Киев. 1959; Р. С. Горчаков. *История народного хозяйства зарубежных стран. Период монополистического капитализма*. Л. 1962.

² В написании отдельных глав книги участвовали А. И. Коняев, А. И. Левковский, В. В. Мотылев и В. И. Павлов. Библиография составлена А. С. Беленькой.

³ См., например, В. Т. Чунтулов. *Указ. соч.*, стр. 170—172.

до конца столетия, вторгшись в период, отнесенный программой уже к эпохе империализма. Это отступление от программы нам представляется обоснованным. Оно не противоречит в то же время ленинской оценке последней трети XIX в. как периода перехода к империализму. Как известно, в силу неравномерности развития, присущей капитализму, процесс вызревания основных черт империализма протекал в разных странах неодновременно, в результате чего черты капитализма «свободной конкуренции» сочетались в конце XIX в. с явлениями, присущими уже империалистической стадии развития. Поэтому В. Е. Мотылев ограничил изложение материала, охватывающего последнюю треть XIX в., лишь теми явлениями, «в которых находили непосредственное продолжение и завершение предшествующие процессы развития» (стр. 12).

Описывая период развитого капитализма, авторы излишне, как нам кажется, урезали мануфактурный этап. Его характеристика дана на примере лишь двух стран — Нидерландов и Англии (лекции 3 и 4), а по остальным странам она включена в темы, посвященные всей эпохе доомонополистического капитализма. Даже скудная программа требует характеризовать мануфактурный этап развития на примере хотя бы трех стран — Нидерландов, Англии и Франции. А ведь остаются еще Германия, США, Япония и т. д. В данном случае отступление от программы не только не облегчило, но даже усложнило изложение ряда тем, особенно по истории экономики Франции: объединение в одной главе мануфактурного периода с периодом развитого капитализма привело к перегрузке этой лекции материалом. В то же время некоторые важные проблемы не получили в ней должной разработки (например, вопрос об аграрных отношениях во Франции накануне революции 1789—1794 гг.).

Характеризуя мануфактурный этап, авторы других пособий заняли диаметрально противоположные позиции, но также не сумели, как нам представляется, добиться нужного решения. Так, В. Т. Чунтулов свел освещение этого этапа в одну тему (указ. соч., лекция IX), упомянув лишь об отдельных чертах развития Англии, Нидерландов и Франции; правда, он сумел весьма содержательно изложить историю периода развитого капитализма, особенно в Германии (там же, лекция XII). В противоположность ему Ф. Я. Полянский сделал главный упор на мануфактурный этап (257 страниц его

книги из 435 уделены генезису капитализма). Однако вряд ли правильно, что в учебном пособии, которое, по замыслу автора, должно охватить всю эпоху капитализма, проблема генезиса этой формации занимает доминирующее положение.

Заслуживает внимания даваемая В. Е. Мотылевым трактовка особенностей французского капитализма: автор отмечает зарождение ростовщических тенденций французской буржуазии уже в XV—XVI вв. и показывает их тормозящее воздействие на формирование капиталистического уклада во Франции, объясняя этим причины некоторого отставания Франции от передовых стран того времени — Голландии и Англии. Подобная трактовка вопроса представляется нам более правильной, чем точка зрения Ф. Я. Полянского, который считает главной особенностью генезиса капитализма во Франции его «классически четкие формы» и равняет в этом отношении Францию с Голландией и Англией (указ. соч., т. 2, стр. 150). Если проявление ростовщических черт французского капитализма отнесено в иных пособиях к XIX в. (В. Т. Чунтуловым — к середине, а Ф. Я. Полянский — даже к концу столетия), то В. Е. Мотылев доказывает, что ростовщические тенденции были присущи французскому капитализму на всем протяжении его развития, что ростовщический характер французского империализма, отмеченный В. И. Лениным⁴, имеет глубокие исторические корни. Отличие наблюдается и в определении времени окончательной победы того или иного пути развития капитализма. В. Е. Мотылев относит окончательную победу «прусского» типа развития в Германии к 50—60-м годам XIX в., то есть ко времени, когда в стране завершились аграрные реформы и бурно развернулся промышленный переворот; в США решающую роль для победы «американского» пути и для окончательного утверждения капитализма сыграли гражданская война 1861—1865 гг. и ее экономические последствия. Такое освещение вопроса является, на наш взгляд, более обоснованным, чем решение его Ф. Я. Полянским, который победу «прусского» пути (считая это особенностью генезиса германского капитализма) относит еще к первой половине XIX в. (указ. соч., т. 2, гл. VI, § 3), а в теме о США вообще не касается экономической роли гражданской войны.

Существенную ценность в указанных

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 27, стр. 362.

пособиях представляет освещение истории капиталистической экономики и в некоторых других странах, что встречается довольно редко. В книге Ф. Я. Полянского имеются темы, посвященные Индии, Китаю и Японии; в курсе лекций В. Т. Чунтулова — Японии; в рецензируемом пособии, помимо глав об Индии и Японии, помещена специальная глава об Италии. Отметим, что анализ особенностей формирования и развития итальянского капитализма в учебном пособии такого типа дается впервые.

Выход в свет книги по одной только части учебного курса экономической истории зарубежных стран не разрешает полностью проблемы обеспечения этой дисциплины необходимыми пособиями. Поэтому следует усилить работу по написанию такого рода пособий как по другим частям курса, так и по созданию труда, охватывающего весь курс экономической истории зарубежных стран в целом.

Т. К. Пажитнова

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Абу-л-Фазл Бейхаки. *История Мас'уда*. 1030—1041. Ташкент. Изд-во АН УзССР. 1962. 748 стр. с илл. 1 000 экз. 3 руб. 80 коп. Памятник историографии XI в., содержащий ценные сведения из истории народов Советского Востока.

Асанов А. *Партийные организации Казахстана в борьбе за укрепление сельского хозяйства республики квалифицированными кадрами*. 1953—1960 гг. Алма-Ата. Казгосполитиздат. 1962. 72 стр. 3 400 экз. 8 коп.

Балагуров Я. А. *Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв.* Петрозаводск. Карельское книжное изд-во. 1962. 351 стр. 1 000 экз. 1 руб. 47 коп.

Бескровный Л. Г. *Отечественная война 1812 года*. М. Соцэкгиз. 1962. 611 стр. с илл. 20 000 экз. 2 руб. 10 коп.

Бородино. 1812—1962. Документы, письма, воспоминания. Сост. Р. Е. Альтшуллер и др. М. «Советская Россия». 1962. 414 стр. с илл. 20 000 экз. 1 руб. 41 коп.

Буков К. И. *Победа под Москвой*. М. Учпедгиз. 1962. 158 стр. 45 000 экз. 35 коп.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801—1815 гг. Т. 6. 1811—1812 гг. М. Госполитиздат. 1962. 866 стр. 8 000 экз. 2 руб. 40 коп.

Гаубих Б. В., Темирбаев К. М. и Юдачев С. А. *Хрестоматия по истории КПСС*. В 3 томах, Т. I. 1883—февраль 1917 г. М. Госполитиздат. 1962. 624 стр. 225 000 экз. 1 руб. 15 коп.

Горбачевич К. и Хабло Е. *Почему так названы?* О происхождении старинных названий в Ленинграде. Изд. 2-е, испр. и доп. Лениздат. 1962. 199 стр. с илл. 100 000 экз. 35 коп.

12 000. Материалы судебного процесса над фашистскими убийцами Юханом Юристе, Карлом Линнасом и Эрвином Виксом в Тарту 16—20 января 1962 г. Перевод с эстонского. Таллин. Эстонгосиздат. 1962. 244 стр. 5 000 экз. 37 коп.

История Молдавии. Документы и материалы. Т. 3. Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии. 1812—1861 гг. Сборник документов. Ч. 1. Под ред. Я. С. Гросула. Кишинев. «Штиинца». 1962. 612 стр. 1 000 экз. 2 руб. 68 коп.

Казанин М. И. *Записки секретаря миссии*. Страничка истории первых лет советской дипломатии (Предисловие Ф. Н. Петрова и М. С. Капицы). М. Изд-во восточной литературы. 1962. 159 стр. 25 000 экз. 40 коп.

Кутаков Л. Н. *История советско-японских дипломатических отношений*. М. Изд-во ИМО. 1962. 560 стр. 2 740 экз. 2 руб.

Лесостепные культуры скифского времени. М. Изд-во АН СССР. 1962. 152 стр. 1 200 экз. 1 руб. 22 коп.

Лихачев Д. С. *Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого*. Конец XIV — начало XV в. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1962. 172 стр. с илл. 30 000 экз. 40 коп.

Мордовия в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Документы и материалы. Саранск. Мордовское книжное изд-во. 1962. 567 стр. 2 000 экз. 82 коп.

Пиотровский Б. Б. *Искусство Урарту*. VIII—VI вв. до н. э. Л. Изд-во Гос. Эрмитажа. 1962. 125 стр. с илл. 3 000 экз. 1 руб. 45 коп.

Поднятый из руин. Сборник документов и материалов о восстановлении и развитии Волгограда. 1943—1960 гг. Волгоград. Книжное издательство. 1962. 371 стр. 7 000 экз. 59 коп.

Резолюции областной конференции Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС. 1941—1960 гг. Уфа. Башкирскоиздат. 1962. 928 стр. 3 000 экз. 1 руб. 52 коп.

40 лет автономии Адыгеи. Майкоп. Адыгейское книжное издательство. 1962. 182 стр. 4 000 экз. 46 коп.

Тихомиров М. Н. *Источниковедение истории СССР*. Вып. 1. С древнейших вре-

мен до конца XVIII века. М. Соцэкгиз. 1962. 495 стр. 10 000 экз. 70 коп.

Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4. М. Изд-во АН СССР. 1962. 274 стр. с илл. 1 200 экз. 1 руб. 98 коп.

Туркменистан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов. Т. 1. Помощь трудящихся Туркменистана фронту и освобожденным от немецко-фашистской оккупации районам. Ашхабад. Туркменгосиздат. 1962. 416 стр. 2 000 экз. 71 коп.

1812 год. К столятию десятилетия Отечественной войны. Сборник статей. М. Изд-во АН СССР. 1962. 320 стр. 8 000 экз. 1 руб. 86 коп.

Федоров А. Ф. *Октябрьские зори*. М. Воениздат, 1962. 264 стр. 65 000 экз. 63 коп. Записки о гражданской войне.

Янин В. Л. *Новгородские посадники*. М. Изд-во Московского университета. 1962. 387 стр. 1 500 экз. 1 руб. 90 коп.

Всеобщая история

Аронович С. *Правящий класс*. Перевод с англ. Вступительная статья Р. И. Столпера. М. Изд-во иностранной литературы. 1962. 229 стр. 68 коп. Книга об английских финансовых монополиях, их господстве, формах и методах обогащения.

Абуш А. *Ложный путь одной нации*. К пониманию германской истории. Перевод с нем. М. Соцэкгиз. 1962. 349 стр. 15 000 экз. 1 руб. 15 коп. Книга государственного и общественного деятеля ГДР, члена ЦК СЕПГ, содержащая критический анализ истории Германии от средних веков до наших дней.

Аврамчук Ф. и Власевич Ю. *Милитаризация экономики и обострение противоречий империализма*. М. Воениздат. 1962. 143 стр. 7 500 экз. 48 коп.

Аптекер Г. *История американского народа*. Т. 2. Американская революция. 1763—1783. Перевод с англ. М. Изд-во иностранной литературы. 1962. 382 стр. 1 руб. 34 коп.

Арнольд А. И. *Социализм и культура*. Культурная революция в европейских странах народной демократии. М. Изд-во АН СССР. 1962. 430 стр. 4 500 экз. 1 руб. 87 коп.

Бернс Э. *Теория и практика правых лейбористов*. Перевод с англ. Вступительная статья И. Н. Дворкина. М. Изд-во иностранной литературы. 1962. 168 стр. 32 коп.

Васильев В. Ф. *Очерки истории Бирмы*. 1885—1947. М. Изд-во восточной литературы. 1962. 442 стр. 2 300 экз. 2 руб. 10 коп.

Византийский современник. Т. 21. М. Изд-во АН СССР. 1962. 279 стр. с илл. 1 400 экз. 1 руб. 63 коп.

Германская Демократическая Республика. Перевод с нем. М. Изд-во иностранной литературы. 1962. 311 стр. 90 коп. Книга знакомит читателя с государственным и общественно-политическим строем ГДР, с ее народным хозяйством, с жизнью республики.

Гинзбург Л. *Цена пепла*. Немецкие заметки. М. «Советский писатель». 1962.

403 стр. 30 000 экз. 56 коп. Документальные очерки писателя-публициста и переводчика немецкой поэзии раскрывают зловещее лицо главарей гитлеровской Германии и разоблачают преступную политику их достойных последователей — западногерманских реваншистов.

Голубцова Е. С. *Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв.* (Независимая сельская община). М. Изд-во АН СССР. 1962. 196 стр. 1 200 экз. 77 коп.

Горянов Б. Т. *Поздне-византийский феодализм*. М. Изд-во АН СССР. 1962. 502 стр. 1 500 экз. 1 руб. 98 коп.

Диас Россотто Х. *Характер гватемальской революции*. Закат традиционной буржуазно-демократической революции. Перевод с испанск. М. Изд-во иностранной литературы. 1962. 351 стр. 85 коп.

Ерофеев Н. А. *Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг.* М. Изд-во АН СССР. 1962. 536 стр. 1 300 экз. 2 руб. 02 коп.

Жуа П. и Левэн Р. *Тресты в Конго*. Перевод с франц. М. Изд-во иностранной литературы. 1962. 320 стр. 76 коп. Книга бельгийских коммунистов, разоблачающая формы и методы колониальной эксплуатации в Конго.

Книга фактов о подрывной деятельности из Западного Берлина против социалистических стран. Москва, София, Будапешт, Берлин, Варшава, Бухарест, Прага. М. Госполитиздат. 1962. 200 стр. 30 000 экз. 30 коп.

Лебедев Н. И. *Румынская Народная Республика в современных международных отношениях*. М. Изд-во ИМО. 1962. 96 стр. 8 200 экз. 12 коп.

Левада Ю. А. *Современное христианство и социальный прогресс*. М. Соцэкгиз. 1962. 208 стр. 7 000 экз. 51 коп.

Леучсенринг Э. Р. де. *Хосе Марти — антиимпериализм*. Перевод с испанского. Предисл. Ю. В. Дашкевича. М. Изд-во иностранной литературы. 1962. 143 стр. 27 коп. Очерк жизни и деятельности национального героя кубинского народа, борца за независимость Кубы в конце XIX века.

Маркарян Э. С. *О концепции локальных цивилизаций*. Ереван. Изд-во АН АрмССР. 1962. 179 стр. 1 200 экз. 50 коп.

Мильская Л. Т. *Очерки из истории деревни в Каталонии X—XII вв.* М. Изд-во АН СССР. 1962. 154 стр. 1 000 экз. 53 коп.

Миско М. В. *Польское восстание 1863 года*. М. Изд-во АН СССР. 1962. 336 стр. 3 000 экз. 1 руб. 28 коп.

Нашковский М. *Неспокойные дни*. Воспоминания о тридцатых годах. Авторизованный перевод с польского. М. Изд-во иностранной литературы. 1962. 271 стр. 65 коп. Автор — зам. министра иностранных дел Польской Народной Республики, старый член Компартии Западной Украины и Компартии Польши рассказывает о борьбе польских и западноукраинских коммунистов в 1930—1939 гг.

Новак Т. Ф. *Лесная быль*. М. Воениздат. 1962. 206 стр. 65 000 экз. 47 коп. Воспоминания о деятельности в Польше парти-

занских интернациональных бригад, боровшихся против фашистских оккупантов в 1944 году.

Общие закономерности и особенности перехода к социализму в различных странах. М. Соцэкгиз. 1962. 482 стр. 14 000 экз. 1 руб. 15 коп.

Р а л я М. *Два облика Франции.* Перевод с франц. Вступительная статья З. В. Смирновой. М. Изд-во иностранной литературы. 1962. 484 стр. 1 руб. 59 коп. Книга румынского ученого об истории французской общественной мысли и культуры от конца XVIII до начала XX века.

С а в е л ь е в а Т. Н. *Аграрный строй Египта в период Древнего царства.* М. Изд-во восточной литературы. 1962. 292 стр. 1 400 экз. 60 коп.

С ю к и я й н е н И. И. *Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии.* Петро-

заводск. Карельское книжное издательство. 1962. 312 стр. 1 000 экз. 1 руб. 19 коп.

Х а з а н о в А. М. *Освободительная борьба народов Восточной Африки после второй мировой войны.* М. Соцэкгиз. 1962. 327 стр. 8 000 экз. 75 коп.

Ц и ц е р о н М. Т. *Речи.* В 2-х томах. Перевод с латинского. Изд. подготовили В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. М. Изд-во АН СССР. 1962. 10 000 экз. 4 руб. за 2 тома. Т. 1. Годы 81—63 до н. э., 443 стр. Т. 2. Годы 62—43 до н. э., 400 стр.

Ш е в я к о в Ф. Н. *Идеологи западногерманского империализма. Неолиберализм и его реакционная сущность.* М. Соцэкгиз. 1962. 175 стр. 10 000 экз. 21 коп.

Ш и ш к и н В. А. *Чехословацко-советские отношения в 1918—1925 годах.* М. Изд-во ИМО. 1962. 286 стр. 2 700 экз. 94 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«Новая и новейшая история» № 5, 1962. Б. Н. Пономарев. Основное в работе историков международного рабочего и национально-освободительного движения; С. С. Салычев. О влиянии «неосоциализма» на политические взгляды французских правых социалистов; А. М. Некрич. Политика английского правительства на северо-западе Европы (сентябрь 1939 г.—апрель 1940 г.); А. И. Пушкаш. Из истории внешней политики хортистской Венгрии в годы второй мировой войны; Я. М. Захер. Плебейская оппозиция в Париже накануне 9 термидора; А. Г. Власкин. Отечественная война 1812 года и движение немецких патриотов; И. Г. Гуткина. Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 года; И. М. Кривогуз. Спартаковцы в Голландии в 1917 году. Публикации: Роза Люксембург против ревизионизма. Из неопубликованных писем Р. Люксембург к Я. Тышке (Л. Иогихесу), 1898—1899 гг.; Сербская социал-демократическая партия в период первой мировой войны; И. И. Черкасов. Новая и новейшая история на страницах американского буржуазного журнала.

«Вестник Академии наук» № 11, 1962. М. В. Келдыш. Строительство коммунизма и задачи общественных наук; Л. Ф. Ильичев. Научная основа руководства развитием общества. Некоторые проблемы развития общественных наук; М. П. Ким, Ю. А. Поляков. Актуальные проблемы истории советского общества.

«Советская археология» № 4, 1962. П. Н. Третьяков. Этногенетический процесс и археология; А. А. Формозов. Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья; Д. Я. Телегин. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины; Н. Г. Горбунова. К ис-

тории Ферганы в эпоху раннего железа; П. О. Карышковский. Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье; Д. Г. Капанадзе. О продолжительности обращения денариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии; Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян; В. П. Дракевич. Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире; А. Шош Чемицки. О венгерских исследованиях в области славянской археологии; Д. В. Наумов. Опыт количественного спектрального анализа древнего стекла; В. П. Мизинова, К. В. Сальников. Памяти В. В. Гольмстен; С. П. Толстов. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи; И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов. Акстафачское поселение близ г. Казах; Н. А. Онайко. Мозаики Аполлонии Иллирийской; М. Р. Полесских. Пензенские могильники мордвы IV—V вв.; Е. А. Шмидт. Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области; Л. В. Алексеев. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии; Т. Б. Попова. Археологические коллекции Моршанского краеведческого музея; Л. П. Матвеева. Поселение эпохи поздней бронзы в Чувашии; А. И. Пузиков. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка; К. Мавевский. Археологические исследования в Нове (Болгария) в 1961 г.; Л. А. Ельницкий. Новые документы антихристианской реакции в Римской империи в IV в. н. э.; И. Ф. Ковалева. Погребение IV в. у с. Старая Игрень; М. В. Малевская. Амфора с надписью из Новогрудка; С. Н. Орлов. Дощечка с изображением человека из Новгорода; В. И. Сеницын,

А. В. Арциховский, М. П. Глазунов, П. Н. Кодочигов, Ю. Л. Шапова. Исследование образцов грунта новгородских археологических раскопов радиоактивным методом.

«Военно-исторический журнал» № 10, 1962. И. Баграмян. Шауляйско-Митавская операция войск 1-го Прибалтийского фронта, П. Калинин. Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии; Г. Белов. Русский полководец А. А. Брусилов; А. Кочетков. Управление войсками в русской армии в Отечественной войне 1812 года; *Воспоминания*: И. Азаров. Последний поход «Безупречного»; О. Бэк Рен. Нападение на уездный центр Дунян 6 сентября 1933 года.

Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Том IV, 1962. Материалы и исследования по археологии СССР, № 111. Институт археологии АН СССР. Н. Я. Мерперт. Срубная культура южной Чувашии; Н. В. Трубинова. Новый памятник сарматской культуры на Средней Волге; А. М. Ефимова. Городецкое селение и болгарское городище у с. Бальмеры Татарской АССР; Г. А. Федоров-Давыдов. Тигашевское городище; К. А. Смирнов. Керамические горн на болгарском поселении Ага-Базар; Т. А. Хлебникова. Гончарное производство волжских болгар X—начала XIII в.; С. А. Янина. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946—1958 гг.); С. А. Янина. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в.; Б. Б. Жиромский. Некоторые нумизматические данные по истории Волжской Болгарии; Н. Д. Мец. Железоплавильная печь в урочище Кирметь; П. Д. Степанов. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья.

Материалы сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Институт истории АН СССР. 1962. Особенности аграрного строя России в период империализма. Доклады и сообщения. С. М. Дубровский. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма (две социальные войны); М. А. Рубач. Социальная структура аграрных отношений и классовое расслоение крестьянства в украинской деревне к 1917 г.; А. М. Анфимов. В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX века; Е. А. Луцкий. Социально-экономические основы аграрной программы большевиков в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции; П. И. Климов. К вопросу о союзе рабочего класса с крестьянством в период революции 1905—1907 гг.; Л. Б. Белявская. Социально-экономические последствия переселенческой политики Столыпина на Дальнем Востоке; А. А. Храмов. О некоторых вопросах развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири в конце XIX—начале XX в.; В. Ф. Борзунов. Влияние Транс-

сибирской магистрали на развитие сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. (1900—1914 гг.); П. Г. Галузо. Из истории аграрных отношений до-революционного Семиречья (конец XIX—начало XX в.); Ю. И. Кирьянов. Крестьянство степной Украины в годы первой мировой войны (1914—1916 гг.); Н. Д. Кузнецов. Аграрный вопрос в Чувашии накануне Октября; Л. А. Селивановская. Экономическое положение и социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX—начале XX в.

Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 229. 1962. В. Н. Бернадский. Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII века; Г. Л. Вартанов. Купечество и торгующее крестьянство центральной части европейской России во второй половине XVIII века; В. Ф. Желудков. Введение губернской реформы 1775 года.

Ученые записки Тюменского государственного педагогического института. Т. XVI. Кафедра истории. Вып. 4. 1962. Краеведческий материал на уроках истории. Г. С. Шумихин. Некоторые педагогические основы использования краеведческого материала в преподавании истории СССР; Ю. А. Васильев, В. А. Сластенин. Использование материалов по истории Тюменской области в теме «Великая Отечественная война Советского Союза»; Н. М. Елизарова, И. Н. Сосновкин. Из археологии местного края (По литературным источникам); Л. П. Михайлова. Жизнь и просветительная деятельность декабриста И. Д. Якушкина в Сибири; В. А. Данилов. О применении кинофильмов в преподавании новейшей истории.

Сборник статей, материалов и документов. Хабаровская ВПШ, партархив Хабаровского крайкома КПСС. 1962. Из истории организаций КПСС на Дальнем Востоке (1905—июнь 1941 года). А. И. Крушанов. Возникновение и деятельность большевистских организаций в Приморье; А. А. Пукманский. Возникновение и деятельность социал-демократической организации г. Хабаровска; В. П. Малышев. Возникновение и деятельность большевистской организации Амурской области; Л. И. Беликова. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти на Дальнем Востоке; И. И. Бабичев. Партийные организации Дальнего Востока — вдохновители и организаторы борьбы китайских и корейских трудящихся края против интервентов и белоохранителей; В. С. Головкин. Первые мероприятия партии по восстановлению хозяйства края. Приезд М. И. Калинина на Дальний Восток. А. А. Пукманский. Борьба за восстановление народного хозяйства края; Т. С. Мельникова. Социалистическая индустриализация края; А. З. Морозов. Партийные организации Дальнего Востока в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства края; Э. Г. Бенсман. Культурное строитель-

ство на Дальнем Востоке (1922—1932 гг.); В. А. Крюк и Е. В. Яковлева. Социалистическое преобразование экономики и культуры народностей Крайнего Северо-Востока; Т. С. Мельникова. Социалистическая реконструкция промышленности и транспорта; А. З. Морозов. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и завершение коллективизации сельского хозяйства; Э. Г. Бенсман. Подъем культуры (1933—1941 гг.); В. А. Крюк и Е. В. Яковлева. Социалистическое строительство у народов Крайнего Северо-Востока; Е. И. Елизарова. Некоторые вопросы партийного строительства на Дальнем Востоке.

Труды Института истории, археологии и этнографии имени Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР. Т. 16, 1962. Вопросы этнографии и антропологии Казахстана. Х. Аргынбаев. Народная ветеринария у казахов (этнографический очерк); И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева. Одежда казахов Семиречья (по материалам экспедиции 1960—1961 годов в Талды-Курганский район Алма-Атинской области); М. С. Муканов. Некоторые материалы по войлочн-ткацкому производству казахов Семиречья; В. В. Востров. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Тургайской области (конец XIX—начало XX века); Э. А. Масанов. Ибрай Алтынсарин как этнограф казахского народа; Р. Д. Ходжаева. Об источниках изучения казахской национальной одежды; Х. Аргынбаев. Краткий очерк материальной культуры переселенцев из России в Казахстан (по материалам Восточного Казахстана, вторая половина XIX—начало XX века); О. Исмагулов. Антропологическая характеристика усуней Семиречья.

Труды межвузовской научной конференции по истории якобинской диктатуры. Одесский государственный университет имени И. И. Мечникова. 1962. Из истории якобинской диктатуры. К. Д. Петряев. Некоторые актуальные задачи изучения истории французской буржуазной революции конца XVIII в.; В. С. Алексеев-Попов и Ю. Я. Баскин. Проблемы истории якобинской диктатуры в свете трудов В. И. Ленина; Л. А. Коваленко. Французская буржуазная революция конца XVIII ст. та громадсько-політична думка на Україні; В. С. Люблинский. Народное движение—1775 г. и проблематика ранних плебейских и крестьянских выступлений; Н. И. Владимиров. Якобинский клуб в дни Вареннского кризиса лета 1791 г.; Е. З. Серебрянская. Об эволюции мировоззрения М. Робеспьера; Я. М. Захер. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.; С. Л. Сытин. Политическая программа и тактика «бешеных» (Жака Ру и Леклерка) летом 1793 г.; Р. М. Тонкова-Яковкина. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора осенью и зимой 1793—1794 г.; Н. И. Чупрун. Сен-Жюст и вандозские декреты; Е. П. Ковальчук. Ограждение революционной действительности периода якобинской диктатуры во французской драматургии 1793—1794 гг.; И. В. Завьялова. Об освещении французской буржуазной революции XVIII в. на страницах «Всеобщей истории цивилизации»; А. Д. Хаятин. Некоторые вопросы нового перевода политических сочинений Ж.-Ж. Руссо; Л. В. Борщевский. Из истории изучения Франции XVIII в. и Великой французской революции в Одесском университете.

Хроника научной жизни

ВТОРАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

В наше время, когда почти все народы Азии и Африки уже обрели или обретают свою национальную независимость, наблюдается естественный рост интереса к их прошлому. Бурно прогрессирующая в СССР изучение истории народов Востока настоятельно требует организации научных дискуссий и обмена мнениями между специалистами. Этой назревшей потребности отвечало проведение II Всесоюзной сессии по изучению Древнего Востока, состоявшейся в

Ленинграде 14—19 мая 1962 года¹. В сессии приняло участие свыше ста ученых из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Баку, Вильнюса, Львова, Черновиц, Петрозаводска, Свердловска и Тулы. Было прочитано 69 докладов, в том числе: 18 докладов по социально-экономической тематике; 17— по истории идеологии и культуры; 14 — о

¹ I сессия состоялась в Ленинграде в 1958 году.

публикации памятников из советских собраний и по источниковедению; 6 — по археологии и музееведению; 14 — по дешифровке и интерпретации неизвестных или малоизвестных языков, а также по другим филологическим проблемам.

Работа сессии разделялась на три части: пленарные заседания; секционные заседания (секции Передней Азии, Древнего Египта, Ирана и Индии, Китая и Дальнего Востока); общая дискуссия по проблеме родовой и сельской общины на Древнем Востоке. Ввиду болезни председателя оргкомитета сессии акад. В. В. Струве работой ее руководила чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская.

Некоторые из наиболее значительных докладов были оглашены на пленарных заседаниях, которые открылись чтением присланного акад. В. В. Струве (Ленинград) доклада «Префиксы *ти-* и *е-* в старшумерском языке», внесшего ясность в одну из наиболее спорных проблем грамматики языка Шумера — древнейшей цивилизации мира. Затем были заслушаны доклады: акад. АН Грузинской ССР Г. А. Меликишвили (Тбилиси) «Ассирия и страны Наири на рубеже XII—XI вв. до н. э.» и И. М. Дьяконова (Ленинград) «Новые данные о социальном строе Урарту». Последний доклад был построен на материале ряда неопубликованных урартских документов и на новой интерпретации некоторых ранее известных надписей. Чл.-корр. АН Армянской ССР Б. Б. Пиотровский (Ленинград) рассказал о работе советской археологической экспедиции в Нубии в 1962 году. Важнейшим достижением ее является открытие большого скотоводческого поселения Хор-Дауд, относящегося к рубежу III—II тыс. до н. э. Раскопан также могильник начала II тыс. до н. э. и жилища византийского времени, собрано много надписей-граффити. С докладами на пленарных заседаниях выступили также М. Э. Матье (Ленинград) «Миф и сказка Древнего Египта и их значение для истории семьи», С. Я. Лурье (Львов) «*Parallelismus membrorum* в греческой литературе и вопрос о восточном влиянии», И. Н. Винников (Ленинград) «Об одном древнесемитском выражении»².

В центре внимания участников сессии оказалась дискуссия по проблеме родовой и сельской общины на Древнем Востоке, про-

ходившая под руководством чл.-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге. Вводный доклад «Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей» прочитал И. М. Дьяконов. Основные положения докладчика были следующие: для рабовладельческого строя характерно не просто применение рабского труда (оно встречается и в других формациях), а сосуществование подневольного и свободного (не наемного и не личностнозависимого) труда в производстве. В сельском хозяйстве рабский труд становится возможным только при развитом рабовладельческом строе, преимущественно в обществах с ведущей ролью товарного хозяйства, сравнительно немногочисленных в общей системе Древнего мира. Рабовладельческое производство в условиях Древнего мира нигде и никогда не вытесняло полностью свободного производства. Непосредственно действующей силой в социальной истории Древнего мира являлись в большинстве случаев различные слои свободных лиц, хотя самое существенное влияние на ход истории оказывало наличие рабства. В условиях достигнутого в Древнем мире уровня развития производительных сил свободного натурального хозяйства не могло быть индивидуальным в строгом смысле этого слова. Оно не могло существовать без взаимопомощи, которая являлась непременным условием существования древнего землевладения. Формой этой взаимопомощи и были различные виды общины. Община функционировала как сотоварищество по совместному владению землей или водой или же как гражданский коллектив, обеспечивавший экономические и политические права своих членов. Именно в последнем своем аспекте община наиболее живуча. Долголетие ее объясняется экономическими условиями существования древнего общества. Поэтому нельзя рассматривать древнюю общину только как пережиток первобытной: она нередко складывалась и в новых формах (полис, муниципий, восточный храмовый город и др.).

Община являлась либо верховным собственником земли, либо организацией, обеспечивавшей возможность осуществления ее членами права собственности на землю. Верховной же собственности царя на всю землю государства в Древнем мире вообще не было (за исключением, быть может, Египта). Имеющийся в распоряжении ученых материал показывает, что древняя сельская и гражданская община длительное время сосуществовала с родовой. При этом

² Полный отчет о работе сессии и секционных докладах см. в журнале «Вестник древней истории», 1963, № 1.

община как целое первоначально не подвергалась в Древнем мире эксплуатации, и общинники не являлись в целом эксплуатируемым классом. «Эксплуатация рабов и крестьян-общинников», якобы характерная для Древнего Востока,— это формулировка, отражающая компромисс между «рабовладельческой» и «феодальной» точками зрения периода дискуссий 1930-х годов. Древняя община — это организация всех полноправных свободных, в том числе и рабовладельцев, вплоть до высших представителей господствующего класса (этим она отличается от общины средневековой как организации лишь эксплуатируемых крестьян); несение свободными лицами общинных обязанностей в форме налогов и литургий вначале не носило характера эксплуатации, и древние общинники представляли собой не класс, а рудимент свободного населения первобытного общества, постепенно, но непрерывно раскалывавшегося на рабовладельцев и бедняков, причем бедняки попадали затем в число либо люмпен-пролетариев, либо кабальных рабов и т. п. Лишь к концу существования древнего общества верхушка свободных фактически выбывает из сельской общины, перекладывая несение своих обязанностей (подати, повинности) на бедных родичей, клиентов, должников или долговых рабов и др. Тем самым крестьяне-общинники начинают подвергаться эксплуатации уже как целое; но общинные организации, включающие всех свободных, продолжают еще сохраняться в виде храмовых общин, городов типа полиса и т. д.

Древний мир знает три основных типа развития, характеризующихся, между прочим, и особенностями в развитии общины: 1) речные ирригационные общества с высокопроизводительным земледелием и ремеслом, сильно развитым сельским и храмовым хозяйством (Шумер, Вавилония, может быть и Египет); здесь община была формой местного самоуправления, целиком подчиненной государству; 2) общества с ранним развитием межрайонного разделения труда и товарного производства, с перестройкой общины по образцу античного демократического или олигархического полиса (большая часть Греции, ранний Рим, часть Малой Азии, Финикия, Карфаген и др.); 3) средний тип (к которому, как правило, относятся все остальные общества) с различными формами длительного существования более или менее независимых общин свободных лиц.

В ходе дискуссии выступил 21 человек. Из их числа Н. М. Постовская (Моск-

ва), В. А. Рубин (Москва), Е. В. Черезов (Черновцы), Ю. Б. Юсифов (Баку), А. Г. Лундин (Ленинград), И. Ш. Шифман (Ленинград), В. А. Якобсон (Ленинград), Н. Б. Янковская (Ленинград) поддержали основные положения доклада, дополнив и уточнив его конкретным материалом. Другие участники дискуссии высказали ряд критических замечаний. Так, Л. С. Васильев (Москва), отстаивая свое понимание соотношения родовой и сельской общины, допускал возможность существования верховной собственности царя на землю в отдельные периоды и настаивал на том, что общинники представляли собой в Древнем мире эксплуатируемый класс. М. Л. Гельцер (Вильнюс), К. М. Колбова (Ленинград), Л. С. Переломов (Москва), М. А. Дандамаев (Ленинград), согласившись с докладчиком частично, затем, оперируя преимущественно данными поздних периодов истории Древнего мира, выразили сомнение относительно того, что община как целое не подвергалась эксплуатации. Ю. В. Маретин (Ленинград) и Д. А. Ольдерогге критиковали некоторую нечеткость в терминологии доклада и призывали к использованию материалов этнографии. Б. Б. Пиотровский указал на необходимость отличать экономику хозяйств господствующего класса (особенно царских) от экономики хозяйств общинников.

Подводя итоги дискуссии, Д. А. Ольдерогге поддержал многие важнейшие положения доклада и отметил принципиальное значение состоявшейся дискуссии для развития советской исторической науки.

Участники сессии приняли ряд решений, в частности о проведении в 1965 г. III Всесоюзной сессии по изучению Древнего Востока; о необходимости уделять истории Востока больше места в специальных журналах; о публикации «Словаря арамейских надписей» И. Н. Винникова; о развитии папирологии в СССР и др.

Сессия показала не только значительный рост числа советских востоковедов, но и серьезное расширение как географии, так и тематики исследований. Если двадцать пять лет назад в СССР имелось лишь несколько ученых, занимавшихся древней Вавилонией, Египтом, Ираном, Китаем, то сейчас уже десятки исследователей работают над изучением древней истории почти всех стран Востока, включая Малую Азию, Финикию, Палестину, Аравию, Индию, страны Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, а также

Центральной и Южной Африки. Социально-экономическая проблематика продолжает, естественно, оставаться в центре их внимания. Именно в этой области накоплен наибольший, нередко уникальный фактический материал. Успешно развивается изучение идеологии, культуры, литературы, искусства и науки Древнего Востока, а также археология, источниковедение и филология. Большие достижения имеют советские лингвисты — хеттоведы и индологи, а также дешифровщики. Особенно отрадным является то, что молодое поколение специалистов овладевает мастерством

конкретных исследований на основе комплексного историко-филологического изучения памятников древности, без чего невозможны широкие теоретические обобщения.

А. Ф. Деянов

★

Бюро Отделения исторических наук, рассмотрев на своем заседании 21 августа 1962 г. решения сессии, рекомендовало Институту народов Азии АН СССР учесть ее итоги и в случае необходимости отразить их в плане научно-исследовательских работ института.

Хроникальные заметки

◆ В октябре 1962 г. состоялась научная сессия Института истории АН Армянской ССР, посвященная 100-летию Зейтунского восстания 1862 г., одного из героических эпизодов национально-освободительной борьбы армянского народа против турецкого гнета. На сессии присутствовали ученые, деятели литературы и искусства, многочисленные представители трудящихся столицы, а также большое число армян из зарубежных стран. Открыл заседание президент АН Армянской ССР В. Амбарцумян. С докладами выступили академик Академии наук Армянской ССР М. Нерсисян, В. Меликсетян, Г. Газарян. Докладчики показали народный характер восстания и отметили, что оно получило отклик не только в Западной Армении, но и среди всех армян. Зейтунское восстание открыло новую страницу в освободительном движении армянского народа и вдохновило последующие поколения. На сессии выступил председатель Зейтунского земляческого союза города Монтевидео (Уругвай) А. Агаронян. Он подарил Армении картину зейтунской общины, зная зейтунцев и кубок.

◆ По приглашению Научно-исследовательского института древних рукописей имени М. Маштоца (Матенадаран) в Армении находился лектор Института по исследованию восточных и африканских языков Лондонского университета Чарлз Доусет — один из видных ученых-арменоведов Великобритании, который приехал в Ереван для усовершенствования своих знаний в области этой науки. Профессор Ч. Доусет выступил в Матенадаране с докладом на тему «Отношение выдающегося армянского историка V века Мовсеса Хоренаци к Аммиану Марцеллину», в котором показал, что отдельные фразы и отрывки знаменитой «Истории армянского народа» Мовсеса Хоренаци напоминают «Историю» римского

историка IV в. Аммиана Марцеллина; Мовсес Хоренаци, так же как и Аммиан Марцеллин, следуя традициям античной историографии, уделяет большое внимание истории войн, социальной истории и истории социальных движений той эпохи. Доклад, прочитанный английским ученым на армянском языке, был с интересом встречен филологами, историками, востоковедами и другими представителями научной общественности Еревана. После доклада Ч. Доусет рассказал о работах востоковедов Англии, Франции, Италии и других стран Европы.

◆ В Магадане вышел очередной, IV выпуск сборника «Краеведческие записки». Сборник открывается редакционной статьей «На пути к коммунизму». В ней рассказывается, как труженники Севера преобразуют огромную территорию золотоносной Колымы и Заполярной Чукотки. Со статьей об истории народного образования в Чукотском национальном округе выступил ректор Магаданского пединститута Г. Ф. Севильгаев. Привлекает внимание статья сотрудника Томского госархива Б. И. Мухачева «Борьба с иностранной экспансией на территории Магаданской области в годы гражданской войны». О первом Сеймчанском съезде Советов, который проходил с 25 по 28 января 1931 г. в поселке Среднекан, пишет Е. Ф. Чуксинна. Материалы археологического и этнографического изучения Охотского побережья представлены статьями Р. Васильевского и А. Беляевой. Сборник хорошо иллюстрирован, снабжен фотографиями, рисунками, схемами и картами.

◆ До последнего времени был известен только первый том труда В. Серошевского «Якуты», изданный в Петербурге в 1896 году. Второй том долгое время считался утерянным. Недавно в архиве Географического общества СССР в Ленинграде обнаружена

его рукопись. В предисловии к ней автор указывает, что «этот выпуск моего труда представляет дополнение к первому тому «Якуты», где я постарался рассказать все, что я знаю об этом народе и его стране». В. Серошевский, по национальности поляк, 12 лет пробыл в якутской ссылке (1880—1892 гг.). Здесь он овладел якутским языком; записывал сведения о жизни, обычаях и хозяйстве якутов конца XIX в., различные варианты народных преданий. В первом томе своего труда ученый рассматривает вопросы происхождения, расселения, ремесел, искусства, фольклора, верований, а также экономические основы быта, брака и семьи якутов. В рукописи второго тома содержатся дополнительные материалы к отдельным главам первого тома. Рукопись эта ценна тем, что она целиком состоит из фактических данных. Здесь приводятся якутские поговорки, загадки, песни и другие образцы народного творчества, наблюдения о занятиях якутов сельским хозяйством, о ремеслах и искусстве. В рукописи есть также заметки об общественных и классовых противоречиях у якутов в конце XIX века.

◆ Недавно были обнаружены подлинные приказы по корпусу, а затем и по армии Витгенштейна, защищавшим в 1812 г. дальние подступы к Петербургу. Эти документы считались для истории утерянными навсегда. Их передал теперь государству проживающий в Москве инженер-химик В. П. Парини. Ценнейшая историческая находка после расшифровки и тщательного изучения будет передана на вечное хранение Бородинскому военно-историческому музею.

◆ В Центральном государственном архиве древних актов обнаружены документы о сыне Степана Разина. Один из них — «Распросные речи 1684 г. на Москве» — показания донских казаков, посланных от Войска донского в Москву за ежегодным жалованьем. Среди прочих вестей казаки сообщили об очередном нападении на окраину Русского государства азовского бая. Против врагов был послан небольшой отряд донских казаков, который потерпел поражение. В числе 17 человек, попавших в плен, был «Стенька Разина пасынок Афонька». Вскоре, как сообщает документ, он был выкуплен из плена и выступал на «кругу» с вестями о походе крымских и азовских татар. Другой документ — «Распросные речи» драгуна Василия Таркова (задержанного в 1690 г. в Нижнем Новгороде во время драки), который пожелал сообщить властям «государево великое дело». Тарков рассказал, что, когда он жил на Дону и шил платье в горнице у своего войскового атамана Фрола Минеева, при нем велели разговаривать о готовящемся бегстве на реку Куму казак-старообрядцев: «а Стенькин сын Разина Афонька в то время жил у Фрола Минеева и говорил ему, Фролу: я-де, собравшись с воровскими и с куминскими с воровскими ж казаками, все крови отца своего отолью сего лета». К сожалению, плохая сохранность этого интереснейшего документа (он сохранился не полностью, а в уцелевшей части многие слова и строч-

ки текста утрачены) затрудняет анализ содержания. Оба документа хранятся в фонде Донских дел Посольского приказа.

◆ В архивах Москвы, Ленинграда, Оренбурга и Алма-Аты найдено более десяти тысяч страниц, написанных выдающимся казахским просветителем и педагогом Ибрагимом Алтынсариним. Пожелтевшие от времени листы рассказывают о далеком прошлом казахского народа, о том, как в степных аулах работали первые школы, создавались и распространялись первые книги для детей скотоводов-кочевников. Рукописи Алтынсарина войдут в многотомник его трудов, который будет выпущен Институтом истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР.

◆ Более четверти века назад геолог А. П. Демехин, работая неподалеку от Еревана, обнаружил на холме Кармир-Блур кусок базальта, покрытый клинописью. Ученые прочитали на нем имя царя Руса, сына Аргишти. Так началось изучение развалин древней урартской крепости, построенной в VII в. до н. э. Во время раскопок 1962 г. в южной, самой высокой, части холма открыты развалины построек, сложенных из крупных базальтовых блоков. На них — клинописи, подобные той, что была на обломке древней крепости. Когда совместили вновь раскопанный кусок камня с найденным 25 лет назад, удалось прочитать весь текст. Он гласит о проклятии всякому, кто разрушит постройки и уничтожит надписи.

◆ В Каунасском художественном музее хранится уникальная нумизматическая коллекция, насчитывающая более 100 тысяч монет различных периодов и стран. В ней имеются старинные литовские деньги X—XI вв. в форме колец и нанизанных цепочкой серебряных палочек. Многие деньги имеют форму простых палочек с зарубками. Из кованых денег очень интересны серебряные динары времен князей Кестутиса и Витаутаса. Большую ценность представляют 5 тысяч русских монет. Есть монеты времен Дмитрия Донского, копейка периода правления Василия III и другие. Очень редким экземпляром является перештампованная монета 1652 г., так называемая «ефимка». В музее хранятся деньги времен глубокой старины: греческие, римские, египетские, китайские. Самые древние — египетские деньги времен Птолемея (IV в. до н. э.). Первые китайские деньги — это раковины редких улиток. В коллекции есть «военные» деньги в форме сабли, похоронные — в форме колокольчика и т. д.

◆ В 1961 г. археологи Киргизской Академии наук начали изучение курганов, расположенных в 40 км от столицы Киргизии Фрунзе, у села Красная Речка. В одном из первых описаний обнаружили уникальную двенадцатиметровую глиняную скульптуру «Спящего Будды». Как установили археологи, она находилась в западном коридоре, ведущем в центральные помещения храма. Недавно к месту находки прибыла специальная экспедиция ленинградского Эрмитажа. После консервации скульптуры (пропи-

тывания ее смолой) она будет доставлена в музей и подвергнута реставрации. По мнению специалистов, эта находка представляет исключительный интерес для науки и искусства. Такая колоссальная фигура «Спящего Будды» на территории Советского Союза обнаружена впервые.

◆ Экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР совместно с работниками Ростовского областного музея краеведения и учеными Ростовского университета в 1962 г. начала раскопки в Новороссийске, где механизаторы Всесоюзного научно-исследовательского института виноградарства и виноделия случайно обнаружили старинную серебряную чашу. Оказалось, что на месте этой находки располагался царский курган, относящийся к I в. н. э. Археологи обнаружили следы богатой тризны. На месте пиршества они нашли восемь серебряных чаш итальянской работы с рельефными медальонами, на которых изображены различные мифологические и бытовые сцены из античной жизни. Медальоны являются ценными памятниками искусства. Особенно интересна сцена, изображающая сбор винограда в древней Италии. Чаши свидетельствуют о широких торговых связях сарматских племен, живших в низовьях Дона, с народами Западной Европы. В кургане найдены сарматский бронзовый котел и конская сбруя, украшенная полудрагоценными камнями. Сарматское искусство, представленное очень немногими памятниками, обогатилось, таким образом, новыми находками. Раскопки кургана продолжаются.

◆ Экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР обнаружила на берегу Енисея, в местах, которые будут затоплены в связи с сооружением Красноярской ГЭС, жилище, относящееся к эпохе поздней бронзы. Такое жилище обнаружено в полном объеме впервые. До 200 квадратных метров занимает эта своеобразная землянка людей европеоидного типа, которые жили здесь 3 тысячи лет на-

зад. Обитатели жилища занимались пастушеско-земледельческим хозяйством.

◆ В Государственный Эрмитаж поступила коллекция древностей. Ее передала музею археологическая экспедиция Института археологии и этнографии АН СССР, работавшая в Объединенной Арабской Республике, в зоне строительства высотной Асуанской плотины. Наибольший интерес представляют результаты раскопок древнего поселения, относящегося к началу образования Египетского государства в конце IV тысячелетия до н. э. Среди находок — большое количество глиняных сосудов различных размеров, отличающихся высоким качеством выделки. Изумительны крупные сосуды вытянутой формы с округлым дном, украшенные лепными ручками. Большую ценность представляют орудия, изготовленные из кремния, возраст которых более 5 тыс. лет, — ножи, вкладыши серпов. Металлических изделий почти нет, найден лишь обломок предмета из самородной меди. В коллекции немало украшений: глиняные бусы, часть браслета из слоновой кости, обломки страусовых яиц с резным орнаментом. Часть коллекции передается Музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве.

◆ Советские археологи, работающие в Египте, обнаружили следы древнейшего поселения близ залива Хор-Дауд, которые дают возможность лучше ознакомиться с хозяйственной жизнью Нубии и, в частности, понять, какую большую роль играло там животноводство в формировании классового общества и создании первых государств. В долине древней реки Вади Алаки на равном расстоянии друг от друга (25—30 км) открыты скалы, покрытые рисунками, изображающими зверей, птиц, эпизоды из жизни нубийцев. Часто встречаются рисунки кораблей. Около этих скал на караванных путях строились очень глубокие колодцы. Ранее была найдена надпись Рамзеса II о строительстве одного из таких колодцев.

Обзоры и рецензии

E. ANDICS. *A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Az 1849. évi Magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete.* Budapest. «Akadémiai kiadó». 1961. 452 old.

Э. АНДИЧ. *Союз Габсбургов и Романовых. Дипломатическая предыстория царской интервенции в Венгрии в 1849 году.*

Марксистско-ленинская историография в противоположность буржуазной четко разграничивает отношения между господствующими эксплуататорскими классами различных государств и отношения между народами. В то время как реакционные буржуазные авторы пытаются фальсифицировать историю международных отношений, изображая в искаженном свете или вообще игнорируют исторические традиции, сближающие, а не разъединяющие народы разных стран, историки-марксисты в своих исследованиях раскрывают объективную картину прошлого, стремясь показать то, что объединяет народы. Такова и книга венгерского академика Эржебет Андич, являющаяся примером подлинно научного анализа международных отношений середины прошлого столетия, в частности отношений между Россией и Венгрией.

«Враги советского и венгерского народов в недобрых целях пытаются уверить легковверных людей в том, будто вся история русско-венгерских взаимоотношений — это история участия Австро-Венгрии (в составе Тройственного союза) в войне против России или участия царских войск в подавлении Венгерской революции 1848—1849 годов. Но это неумная, очень примитивная ложь. Они идут на подлог, стремясь изобразить отношения между господствующими эксплуататорскими классами наших стран в прошлом как отношения между народами. Но это разные вещи. Всякий, кто хоть немного знаком с историей и не хочет извращать ее, хорошо знает, с какой большей симпатией относились наши народы друг к другу»¹. Эти слова Н. С. Хрущева, произнесенные в Будапеште 3 апреля 1958 г. на

торжественном заседании, посвященном национальному празднику Венгрии — Дню освобождения, могут служить прекрасным эпиграфом к рецензируемой книге. И действительно, исследование Э. Андич — документально обоснованное, научно аргументированное разоблачение буржуазных фальсификаторов, оповедь тем, кто стремится подменить анализ отношений между народами описанием отношений между эксплуататорскими классами.

Э. Андич известна многими работами по истории Венгрии. Но, пожалуй, центральной темой ее научных исследований является анализ социальных лагерей в венгерской революции 1848—1849 годов. Читателю хорошо знакомы такие ее труды, как «Церковная реакция во время венгерской революции 1848—1849 гг.», «Контрреволюционная роль крупнопоместной аристократии в 1848—1849 гг.», а также серия исследований, посвященных разоблачению внутренней контрреволюции того времени². Рецензируемая книга — результат нескольких лет работы по изучению внешнеполитических аспектов венгерской революции 1848—1849 годов. К монографии приложено значительное количество³ документов из Архива

² E. Andics. *Az egyházi reakció 1848—49-ben.* Budapest. 1949; e j u s d. *A nagybirtokos arisztokrácia ellenforradalmi szerepe 1848—49-ben.* Budapest. 1952; e j u s d. *Kossuth en lutte contre les ennemis des réformes et de la révolution.* Budapest. 1954; e j u s d. *Der Widerstand der feudalen Kräfte in Ungarn am Vorabend der bürgerlichen Revolution des Jahres 1848.* «Acta historica». T. 4. 1955, № 1—3, S. 151, 210 etc.

³ Указано 147, но фактически опубликовано гораздо больше, так как под одним номером часто приводятся два или три письма.

¹ «Правда», 4 апреля 1958 года.

внешней политики России, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Центрального государственного военно-исторического архива в Москве, Австрийского государственного и военного архивов в Вене, нескольких архивов Чехословакии и др. Автор использовал также прессу середины XIX в., многочисленные работы венгерских и зарубежных специалистов, в том числе ряда советских историков.

Круг проблем, которые рассматривает Э. Андич, довольно широк. Основные из них: формирование союза Габсбургов и Романовых (по словам Ф. Энгельса, «нового Священного союза»⁴); международные отношения в связи с революцией в Австрии и Венгрии; реакционная роль английского и французского правительств, оказавших поддержку контрреволюционным силам и, по существу, объединившихся с ними; военные действия на территории Венгрии; «другая Россия» — страна А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Т. Г. Шевченко — и ее громкий голос в защиту революционной Венгрии.

Что же нового вносит автор в изучение названных проблем? Прежде всего следует отметить, что благодаря кропотливому труду Э. Андич значительно расширяется источниковедческая основа исследования этих проблем. Кстат, документы, опубликованные в книге, представляют большой интерес не только для историков австро-венгеро-русских отношений, но и для специалистов по истории международных отношений той эпохи в целом. Помимо того, в монографии дана довольно полная характеристика процесса объединения европейских реакционных сил для борьбы против народно-освободительного движения. Э. Андич показывает, что основное звено этого альянса, союз русского самодержавия и австрийской монархии, которая угнетала народы Венгрии, опираясь на венгерское аристократическое дворянство, возник задолго до событий 1848 года. Письмо Меттерниха австрийскому послу в России Ш. Фикельману и переписка К. В. Нессельроде с русским послом в Вене Д. П. Татищевым подтверждают, что союз Габсбургов и Романовых формировался уже в 30-е годы XIX века.

В борьбе против революционной Венгрии к этому союзу в 1849 г. примкнула вся

реакционная Европа: римский папа и Пальмерстон, Кавеньяк, Веллингтон, Шварценберг и другие столпы реакции. Э. Андич значительно расширяет наши представления о контрреволюционной антивенгерской политике английского и французского правительств⁵. Большой интерес представляет в этой связи переписка К. В. Нессельроде с русским послом в Париже Н. Д. Киселевым от 5—18 июня 1849 г. (письма находятся в Австрийском государственном архиве). Н. Д. Киселев сообщал, в частности, что французское правительство не будет возражать против интервенции царских войск в Венгрию.

Пожалуй, впервые в исторической литературе столь полно отражена в рецензируемой книге роль Габсбургов в подавлении венгерской революции. Письма императора Франца-Иосифа и австрийского премьера Ф. Шварценберга (апрель — май 1849 г.) Николаю I с просьбой ускорить военную помощь, а также многочисленные другие источники убедительно показывают, что борьба реакции против венгерского народа была в то же время борьбой против всего европейского революционного движения.

Э. Андич раскрывает подлинное лицо Меттерниха — одного из вождей европейской реакции (изображавшегося венгерской буржуазной историографией чуть ли не другом венгров). Автор показывает всю несостоятельность тезиса Д. Секфио о том, что Меттерних «не был врагом венгерской нации»; разоблачает А. Каройи и Д. Мишкольци, превозносивших в своих книгах «мудрое и доброжелательное» отношение Меттерниха к Венгрии⁶, и резко выступает против аналогичных утверждений современных австрийских буржуазных историков⁷.

В книге исследована также дипломатическая сторона военных действий, развернувшихся на территории Венгрии в 1849 году. Приведенные автором материалы значи-

⁵ Ср. E. Haraszti. Az angol külpolitika a magyar szabadságharc ellen. Budapest. 1951.

⁶ См. Gy. Szekfü. Magyar történet. Budapest. 1936; A. Károlyi. Az 1848-i pozsonyi törvények az udvar előtt. Budapest. 1936; Gy. Miskolczy. A horvát kérdés és irományai a rendi állam korában. Budapest. 1929.

⁷ «Ungarn in der Habsburger Monarchie». Wien-München. 1959; «Metternich und die ungarischen Stände». Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Bd. 12. Wien. 1959.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 517.

тельно дополняют интересную работу Д. Шпирь «Венгерская революция 1848—1849 гг.»⁸.

Большое место отведено в монографии взглядам передовой европейской общественности на события в Венгрии. Специальная глава посвящена «другой России», решительно выступившей против царской интервенции. Э. Андич приводит многочисленные свидетельства современников А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, а также их собственные высказывания о поддержке ими освободительной борьбы венгерского народа. Взгляды и действия этой части русского общества, пишет Э. Андич, были диаметрально противоположны мнению правительства Николая I и его действий (стр. 179). Знаменательно, что вождь венгерской революции Лайош Кошут также видел это различие. «Русское самодержавие,— писал он,— это одно, а русский народ — это совсем другое»⁹.

⁸ Gy. Spira. A magyar forradalom 1848—49-ben. Budapest. 1959.

⁹ L. Kossuth. Összes Munkái. 5. köt. Budapest. 1895, 237. l.

Широкий круг проблем, поднятых Э. Андич, не позволил ей достаточно обстоятельно остановиться на некоторых существенных вопросах международных отношений периода венгерской революции. Можно было бы, например, более полно показать связь между внешнеполитическими и внутренними причинами возникновения союза Габсбургов и Романовых, а также осветить отношение соседних с Венгрией стран и их народов к революционным событиям того времени и участие представителей этих народов в борьбе против контрреволюции. При этом желательно было бы, конечно, привлечь работы румынских, югославских, польских, чешских и словацких авторов. Досадны отдельные неточности: ошибочная датировка писем Меттерниха (стр. 411 и 421), неверная дата выхода в свет книги Д. М. Греера (стр. 153) и т. п.

Следует отметить хорошее оформление книги: подробные ссылки, примечания, указатели, перечень документов на венгерском и французском языках.

И. И. Орлик

W. M. CARLGREN. *Neutralität oder Allianz? Deutschlands Beziehungen zu Schweden in den Anfangsjahren des ersten Weltkrieges.* (Akta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in History. № 6). Stockholm. «Almqvist-Wiksell». 1962. 276 S.

В. М. КАРЛГРЕН. *Нейтралитет или союз? Немецко-шведские отношения в начальные годы первой мировой войны.*

Проблема нейтралитета является весьма злободневной для современной Швеции. Подавляющее большинство шведов поддерживает политику невхождения в военные блоки. В стране имеются, однако, влиятельные буржуазные и военные круги, которые стремятся если не прямо, то косвенно, исподволь подорвать эту политику, так или иначе связав Швецию с Североатлантическим блоком. То затихающая, то вновь вспыхивающая в Швеции дискуссия вокруг внешнеполитического курса страны заставляет обращаться к ее недавнему прошлому, особенно к тем критическим моментам ее истории, когда безопасность Швеции ставилась под угрозу именно противниками нейтралитета.

Вскоре после второй мировой войны по

поручению МИД Швеции было предпринято издание многотомной «Истории шведской внешней политики», законченное в 1960 г. и освещающее ход событий вплоть до кануна второй мировой войны¹. Лейтмотивом большей части этого издания, не имеющего, насколько нам известно, аналогий в других малых странах, является мысль о благотворности нейтралистской традиции в новой и новейшей истории Швеции. Знаменательно, что осенью 1959 г. в ходе полемики с «пронатовскими» политиками из рядов Правой партии шведский премьер-министр Т. Эрландер прямо опи-

¹ «Den svenska utrikespolitikens historia». D. I—V. См. рецензии С. М. Мирного («Вопросы истории», 1954, № 9; 1957, № 2).

рался на выводы и положения отдельных частей названного издания².

К «Истории шведской внешней политики» не только по тематике, но и по духу примыкает рецензируемая монография. Автор ее — видный стокгольмский историк, недавно занявший пост редактора журнала «Historisk tidskrift» — главного органа шведских историков. За пределами Швеции В. Карлгрен известен как автор исследований по предыстории первой мировой войны, в частности о политике держав на Балканах³. В конце 50-х годов он побывал в Советском Союзе и познакомился с советскими архивохранилищами. Новая книга Карлгрена входит в круг тех шведских исследований, которые посвящены бурной политической истории страны в начале XX века⁴. Появление таких исследований одного за другим именно в последние годы отчасти объясняется тем, что после смерти в 1950 г. одного из активных участников политической жизни Швеции начала этого века — короля Густава V — стали доступны новые важные архивные материалы. Чтобы убедиться в том, насколько расширилось за истекшие 10—12 лет использование архивных фондов, в частности по истории шведского нейтралитета в годы первой мировой войны, достаточно сравнить рецензируемую книгу с четвертым томом «Истории шведской внешней политики», охватывающим период 1914—1919 годов⁵. Автор тома Т. Гиль использовал в основном дела шведского МИД, в малой степени — частные собрания и в еще меньшей — материалы архивов Осло, Вены и Берлина. В Карлгрен же для изучения одних только шведско-германских отношений привлек, помимо вышеуказанных источников, массу мате-

риалов из частных собраний большинства шведских государственных деятелей военных лет, а также из архивов Дании, Финляндии, Австрии, Баварии и Бадена. «Гвоздем» его работы явилось широкое освоение документов из Боннского архива кайзеровского МИД, которые несравненно обстоятельнее и ярче, чем дела шведского МИД, освещают центральную проблему рецензируемой книги — усилия Германии заключить в 1915 г. союз со Швецией.

Материал распределен в книге следующим образом: шведско-германские отношения накануне и в момент возникновения войны; визит шведского премьера Хаммаршельда инкогнито в Берлин (май 1915 г.); начало немецкой борьбы за шведский союз (май — июнь 1915 г.), особенно в связи с расчетами Берлина на заключение сепаратного мира с Россией (июль 1915 г.); германские планы использования Швеции для военного разгрома России (август—сентябрь 1915 г.); последние немецкие попытки заручиться шведским союзом на исходе 1915 г.; шведско-германские отношения в 1916 году. В конце книги автор высказывает свои соображения о значении и месте планов шведско-германского союза во внешней политике обоих государств в период первой мировой войны в целом, а также о влиянии шведско-германских отношений на внутривнутриполитическую обстановку в Швеции. К книге приложены подробная библиография и именной указатель.

Конечно, многое, о чем говорится в книге Карлгрена, было известно и раньше: чувство страха перед мнимой «русской угрозой», искусственно раздувавшееся Германией; связь русофобии и германофильства в Швеции с идеями милитаризма, а милитаризма — со шведским реваншизмом; социальные корни шведского милитаризма и реваншизма («активизма», пользуясь принятым в Швеции выражением) среди придворных кругов, высшего офицерства и бюрократии; надежды шведской реакции, королевского двора, руководства Правой (консервативной) партии и правительства укрепить монархию и существующий строй путем сближения с кайзеровской Германией; преднамеренно прогерманский характер шведского нейтралитета в течение большей части первой мировой войны; наличие у Германии надежд на вступление Швеции в войну против России; использование немецкой стороной Стокгольма для выясне-

² Cp. T. Erlander. Sveriges utrikespolitik. Stockholm. 1959.

³ Z. B.: W. M. Carlgren. Iswolski und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionskrise. Uppsala. 1955. См. рец. И. С. Галкина («Вопросы истории», 1957, № 6).

⁴ Cp. F. Lindberg. Den svenska utrikespolitikens historia. III, 4: 1872—1914. Stockholm. 1958; ejusd. Kunglig utrikespolitik. Stockholm. 1950; O. Nyman. Höger och kungamakten 1911—1914. Uppsala. 1957; M. Kihlberg, D. Söderlind. Två studier i svensk konservatism 1916—1922. Stockholm. 1961; R. Frykberg. Bondetåget 1914. Stockholm. 1959; J. Weibull. Kronprins Gustaf inför unionsupplösningen 1905. «Scandia», Bd. XXVI, 1960, Hf. 2.

⁵ T. Gihl. Den svenska utrikespolitikens historia. IV: 1914—1919. Stockholm. 1951.

ния возможностей сепаратного мира с Россией и пр.⁶

Карлгрену, однако, удалось с помощью малоизвестного архивного материала расширить, конкретизировать эти сведения и сделать ряд новых интересных наблюдений по вопросу о шведской и вообще всей «северной политике» правительства Вильгельма II—Бетман-Гольвега, а также относительно позиции правящих кругов Швеции. Не пересказывая содержания книги, отметим некоторые из этих наблюдений автора.

Наиболее примечательны те непримечательные усилия и ухищрения, к которым прибегали шведские реакционеры, начиная с самой королевской четы, для того, чтобы вовлечь Швецию в войну на стороне Германии. Многие прогерманские заявления делались руководителями шведской внешней политики по собственной инициативе, без всякого нажима из Берлина. Густав V был убежден в невозможности для Швеции сохранить надолго свой нейтралитет и ждал лишь благоприятного предлога для вступления в войну на стороне Германии. К счастью для шведского народа, решенные вопросы войны и мира не зависело от воли одного лишь короля. А консервативное правительство, хотя оно и было прогерманским, оставалось нейтралистским. Тем не менее король мог еще оказывать существенное влияние на внешнюю политику страны. Именно по его указанию шведский представитель в Риме пытался в 1915 г. удержать Италию от вступления в войну на стороне Антанты. По собственной же инициативе, не дожидаясь просьбы из Берлина, король предложил русскому царю в феврале 1915 г. свое посредничество для заключения сепаратного мира с Германией, а шведское министерство иностранных дел в обоих случаях поддержало его начинания.

Надеясь на победу Германии на русском фронте в 1915 г., шведские «активисты»

стремились вовлечь свою страну в войну, не стесняясь при этом действовать порой вразрез с правительством. Так, в начале мая 1915 г. шведский премьер Хаммаршельд, будучи в Берлине, всячески убеждал немцев в неизбежности шведского нейтралитета; а неделю спустя германское министерство иностранных дел предложило шведскому посланнику Таубе и риксмаршалу Швеции графу Дугласу для неофициальной передачи королю проект союза с Германией, подсказанный ими же самими. Повторные неофициальные предложения о таком союзе были сделаны в июне в письмах принца Макса Баденского (кузена шведской королевы) Густаву V. В июле в Стокгольм прибыл банкир Варбург, имевший инструкции германского МИД начать переговоры по тому же вопросу со шведским министром иностранных дел Валленбергом. Автор убедительно показывает, что союз со Швецией нужен был рейху в то время прежде всего для давления на Россию и принуждения ее к сепаратному миру. Однако шведский министр, как и раньше, не поспеившись на прогерманские заявления, ограничился лишь обещанием содействия такому миру.

Кайзеровское правительство предпочитало воздействовать на Швецию не нажимом, а уговорами. Это не устраивало шведских «активистов», боявшихся упустить выгодный момент для вступления в войну. Автор с иронией пишет об их «паломничестве» в Берлин летом 1915 года. Вырисовывается любопытная картина: канцлер Бетман-Гольвег как бы охлаждал задор «активистов», указывая на невозможность в данных условиях принудить шведское правительство к интервенции в Финляндии, а шведский посланник в Берлине вопреки указаниям собственного МИД. убеждал германское правительство втянуть его страну в войну. В конце июля те же Таубе, Дуглас и шведская королева Виктория (урожденная принцесса Баденская) приняли особенно энергичный нажим на Густава V. В. Карлгрен устанавливает, что в беседах со своими единомышленниками король обнаружил тогда решимость вступить в войну и сменить правительство тотчас же, как только действия Германии представят для этого подходящий повод. Как правильно полагает автор, король вряд ли ожидал, что Таубе скроет его точку зрения от Бетман-Гольвега. И действительно, полученная вскоре германским канцлером информация от Таубе поощрила новые по-

⁶ См. об этом на русском языке, помимо изданий 1920-х годов, документы в сборнике «Международные отношения в эпоху империализма» (обе серии) и кандидатскую диссертацию: Н. В. Степанов. Вопрос об Аландских островах в 1914—1921 гг. М. 1952; широко известны также мемуары русского посланника в Стокгольме А. Неклюдова (A. Nekludoff. Souvenirs diplomatiques. En Suède pendant la guerre mondiale. Paris. 1926) и изложение реферата Е. В. Тарле, опубликованное в ежегоднике «Svensk-Ryska sällskapet. Årsskrift: 1929». Stockholm. 1929.

пытки «подчинить интересам Германии шведскую внешнюю политику» (стр. 158).

Весьма поучительна и последующая часть работы, в которой В. Карлгрен показывает поворот, наметившийся в «шведской» политике рейха с августа 1915 г., когда выяснилась невозможность силой оружия склонить Россию к сепаратному миру. Теперь предпочтение было отдано плану шведско-германской интервенции в Финляндии для организации там антирусского восстания. План этот утратил, однако, свою актуальность в связи с осенним наступлением центральных держав на Балканах, а новые попытки склонить Швецию к союзу с Германией (миссия принца Макса Баденского) натолкнулись затем уже на решительный отказ шведского правительства. 20 ноября сам король с сожалением заявил принцу, что «невозможно побудить шведский народ к войне против России без какой-либо причины, которая сплотила бы его под единым знаменем» (стр. 223—224). Последние попытки вызвать к жизни губительный для шведского народа союз исходили в конце 1915 г. опять-таки от шведских «активистов», толкавших Германию к высадке десанта на Аландских островах и в Финляндии. 20 декабря не кто иной, как шведская королева лично просила об этом Бетман-Гольвега в Берлине и жаловалась ему на германского посланника в Стокгольме Люциуса, который «противится вступлению

Швеции в войну» и дает себя дурачить шведскому министру иностранных дел» (стр. 236).

Документы свидетельствуют, что угроза для нейтралитета Швеции исходила не только из Берлина, как это обычно подчеркивается в литературе, но в не меньшей степени и из королевского дворца в Стокгольме. Дипломатическая же инициатива, проявленная по отношению к Швеции в самом начале войны и в период наступления на русском фронте в 1915 г., играла в политике кайзеровской Германии в то время лишь преходящую и второстепенную роль. Швеция интересовала правителей рейха главным образом как поставщик дефицитных товаров и сырья.

Книга шведского автора представляет собой примечательное явление⁷. Шведская общественность получила новую возможность воочию убедиться в тесной связи между внутренней реакцией и внешнеполитическим авантюризмом, в необходимости тщательно оберегать и крепить проверенные временем нейтралистские традиции Швеции.

А. С. Кан

⁷ Отметим также близкую к ней по теме и основной идее монографию датчанина Т. Финка «Игра датским нейтралитетом» (Т. Fink. Spillet og dansk neutralitet 1905—1909. Aarhus. 1959. См. нашу рецензию в журнале «Новая и новейшая история», 1960, № 6).

J. CHASTENET. *Histoire de la Troisième République. Les années d'illusions. 1918—1931*. Paris. «Hachette». 1960. 352 p.

Ж. ШАСТЕНЭ. *История Третьей республики. Годы иллюзий. 1918—1931*.

Книга Жака Шастенэ (Шатнэ) де Кастан представляет собой один из шести томов его большого исследования. Ранее изданные четыре тома посвящены периоду от 1870 до 1918 года¹. Данный том — предпоследний. Шестой том охватывает тридцатые годы, начало второй мировой войны и крушение Третьей республики.

Жак Шастенэ, доктор права, приобрел из-

вестность в тридцатые годы, когда он стал главным редактором газеты «Temps». Он оставался на этом посту вплоть до закрытия газеты в 1942 г., после войны являлся администратором ряда промышленных обществ, а в 1956 г. был избран членом Французской Академии. Им написан ряд работ по новой и новейшей истории².

¹ J. Chasten et. Idem. T. 1: L'enfance de la III-me. 1870—1879. Paris. 1952; t. 2: La République des républicains. 1879—1893. Paris. 1954; t. 3: La République triomphante. 1893—1906. Paris. 1955; t. 4: Jours inquiets et jour sanglants. 1906—1918. Paris. 1957.

² J. Chasten et. William Pitt. Paris. 1941; Wellington. 1769—1852. Paris. 1945; Le Parlement d'Angleterre. Paris. 1946; La Révolution intellectuelle en France au début du XX-e siècle. Lisboa. 1954; Elisabeth I-ère. Paris. 1953; Winston Churchill et l'Angleterre du XX-e siècle. Paris. 1956, etc.

Автор рецензируемой книги знает о многих событиях как их непосредственный участник: он встречался и вел переговоры со многими государственными и политическими деятелями разных стран, являлся вице-председателем Европейской лиги экономического сотрудничества, членом комитетов «Франция—Великобритания» и «Франция—Америка». В предисловии Шастенэ отмечает, что при написании книг он полагался не только на память и собственные архивные документы, но и на материалы, полученные от других лиц (стр. 7).

Концепция автора намечена уже в заголовке книги: «Годы иллюзий. 1918—1931». А в «Заключении» Шастенэ расшифровывает эту формулировку: «Данные годы... были годами иллюзий. У одних существовала иллюзия, что победоносная Франция сможет решительно навязать свои законы побежденному; у других — будто Лига Наций сумеет установить на земле царство демократии, справедливости и мира. Иллюзорная вера в незыблемость союзов, заключенных во время войны; заблуждение, что с Германией можно будет получить суммы, необходимые для реставрации руин и для выплаты пенсий...; заблуждение, что война была лишь кровавым эпизодом, что мировой порядок в результате ее не изменится радикально и что первенство Европы может сохраниться после братоубийственной войны!» (стр. 314). Развивая свою точку зрения об иллюзорности Версальской системы и расчетов французских правящих кругов, Шастенэ пишет далее о позиции США и Англии, не совпадавшей с французской, о Лиге Наций как о месте интриг и трибуны болтунов, о росте милитаризма в Италии и Германии, об экономическом ослаблении Франции, о подъеме «национального движения» в колониях и, наконец, о том, что французское преобладание остается лишь воспоминанием (стр. 314—315). Таким образом, Шастенэ доказывает, что 1918—1931 годы были для Франции временем постепенного упадка, временем вытеснения ее более могущественными капиталистическими соперниками.

Конкретное оформление этой концепции в книге носит двоякий характер. С одной стороны, автор стремится сочными, обстоятельными характеристиками ряда деятелей, приводя массу сведений о политической жизни страны, показать, что деятельность правительств конца 1920 — начала 1930-х годов привела Францию к потере прежнего престижа. С другой стороны, Шастенэ стремится

оставить в тени деятельность прогрессивных общественных сил, роль пролетариата, компартии, пытается скрыть от читателя, что именно осуществление прогрессивной программы помогло бы французскому народу избежать всех тягот 1920—1930-х годов.

В плане первой отмеченной нами линии в книге можно найти немало любопытных для историка материалов: заявления ряда государственных деятелей, избирательные программы партий, сведения о позиции и избирательных маневрах некоторых политических лидеров, о деталях переговоров между французскими и английскими правительствами по «русскому вопросу», о немецких репарациях и др. Важны приводимые в книге данные об ущербе, понесенном странами Антанты в годы первой мировой войны (более чем 400 млрд. франков золотом, в том числе 209 млрд. падают на одну лишь Францию, стр. 40), об антисоветской деятельности участников Парижской мирной конференции. Описываемые Шастенэ исторические факты неопровержимо свидетельствуют о попытках стран Антанты обеспечить триумф контрреволюции в России или же воздвигнуть против Советской России «военный барьер» от Балтики до Черного моря (стр. 30—32). В книге содержится немало интересных сведений о яростной схватке Англии и Франции в борьбе за дележ военной добычи, особенно из-за нефтяного района Мосула (стр. 44), о политических махинациях деятелей крупной буржуазии при формировании так называемого Национального блока, когда они обещали избирателям заняться в первую очередь экономическими проблемами, а в то же время пытались возбудить у крестьян неприязнь к рабочим и вели разнузданную антисоветскую пропаганду (стр. 58).

Что касается второй сюжетной линии книги, то именно здесь в первую очередь проявляется вся порочность концепции Шастенэ. Налицо нарочитая недооценка роли широких масс трудящихся наряду с переоценкой роли отдельных государственных деятелей Третьей республики, в первую очередь Клемансо и Пуанкаре, которым автор явно симпатизирует. В книге почти не освещается положение рабочего класса, трудового крестьянства и даже средних слоев населения, лишь урывками рассказывается о столкновениях пролетариев с буржуа. Отдельные упоминания об имевших место забастовках рабочих не меняют картины. Используемые автором формулировки свидетельствуют о том, что он

относится к рабочему классу свысока и даже с «пренебрежением». Не случайно поэтому он умалчивает о той эффективной борьбе, которую развернула Коммунистическая партия Франции против оккупации Рура. Известно, что результаты этой борьбы не замедлили сказаться: в городах Германии Дуйсбурге и Дортмунде французские солдаты братались с немецкими трудящимися и вместе с ними возглавляли революционные демонстрации; в Эссене французские солдаты отказались стрелять в немецких безработных, захвативших городскую ратушу; весной 1923 г. во Франции усилились забастовки в знак протеста против рурской авантюры. Не найдем мы у Шастенэ упоминаний и о том, как ответило на эти выступления правительство Пуанкаре, обрушившее репрессии на коммунистов и профсоюзы, бросившее в тюрьму по обвинению в антигосударственном заговоре М. Кашена, Г. Монмуссо, П. Семара и других видных вождей рабочего класса, а также членов французского комсомола. Автор обходит молчанием и борьбу прогрессивных сил страны против грабительских войн французского империализма в Марокко и Сирии в 1925 году.

Та же тенденция характерна для страниц, посвященных Клемансо. Шастенэ умалчивает о его враждебном отношении к любым проявлениям революционного, антивоенного и антиимпериалистического движения, о концлагерях, куда по приказанию Клемансо бросали честных патриотов по малейшему подозрению в «неблагонадежности», на основании доносов полицейских

шпионов. Правительство Клемансо, сыгравшее большую роль в подавлении венгерской революции 1919 г. и душившее демократию в самой Франции, выглядит в описании Шастенэ достаточно «чистеньким». Пуанкаре автор называет «великим» и пишет, что он, будто бы «пользовался доверием подавляющего большинства нации» и одно лишь появление его в 1926 г. на посту премьера якобы «способствовало подъему одновременно с франком и общественной морали Франции» (стр. 154, 180). Даже в тех случаях, когда Шастенэ не считает нужным подчеркивать «государственные успехи» реакционных буржуазных кабинетов, он обязательно выпячивает «личные достоинства» их членов — Гардые, Лавалья и других (стр. 189, 205). Автор обеляет колониальную политику французского империализма. Он не останавливается перед тем, что в развязывании войны в Марокко обвиняет не французский империализм, а боровшиеся за свободу риффские племена, которые называет «восставшими бандами» (стр. 135, 137). Так же квалифицируется в книге и движение друзов в Сирии. Зато Шастенэ восхваляет деятельность колонизаторов, маршалов Лиотэ и Петэна (стр. 136—138).

Книга Жака Шастенэ ни в коем случае не может быть отнесена к тем работам, по которым следует изучать действительную историю Третьей республики. Но она не бесполезна: содержащийся в ней ряд документов и материалов может быть использован историками-марксистами в их работе.

Л. П. Лавров

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Történelmi Szemle». Budapest, 1962, № 2.

Э. Шомодьи. Влияние привилегий военной границы на формирование классовой борьбы крестьян в XVII в.; О. Паулиньи. Собственность и общество в горнопромышленных городах районов реки Гарам; К. Бенда. Первые годы турецкой политики Ференца II Ракоци; П. Ханак. Очерки венгерского общества начала XX в.; Э. Загони. Проблемы единого фронта рабочего класса в Венгрии во время вступления в антисоветскую войну.

«Nghiên cứu lịch sử». Hà-nôi, 1962, № 43.

Чан-хью-Льеу. Победа под Бородино с новой точки зрения исторической науки; Чыонг Тхау. Влияние китайской революции на изменение политических взглядов Фан-бой-Тяу; Нгуен-ван-Зи и Ван Ланг. Изучение сражения Бак-Данг в 1288 г.; Хонг Чыонг. Кыонг Де — героический спасатель страны или предатель?; Нгуен-хыу-Тхуи. Национально-освободительное движение в Алжире после второй мировой войны; Фан-хью-Нган.

О периодизации новой и новейшей истории Вьетнама; В. К. Яцунский. Научные методы исследования В. И. Ленина в произведениях социально-экономической истории.

«Unsere Zeit», Berlin, 1962, № 4.

Призыв к сотрудничеству в создании истории германского рабочего движения; Ханнелоре Вестфаль. Об истории демократического блока после образования Германской Демократической Республики (1949—1950 гг.); Вернер Титтель. Брюссельские постановления ЕЭС по аграрным вопросам—выражение антинациональной и антикрестьянской аграрной политики германской крупной буржуазии; Карл Биттель. Неудавшийся проект германского центрального правительства (1944—1945 гг.); Дитхельм Вайдеманн. Перспективы антиимпериалистической демократической революции—некапиталистический путь развития; Гюнтер Вирт. Замечания к работе Вернера Хенгста «О развитии «Германского Союза Мира»; Вильгельм Херферт. Замечания к статье д-ра Гарри Ника «О социалистическом развитии сельского хозяйства в ГДР».

«Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig». Leipzig, 1962, № 4.

Гельмут Зейдель. Оценка в германской сд-тии теоретически-философских заслуг левых, в особенности Розы Люксембург; Эрхард Эшлер. О социально-философской стороне деятельности Вильгельма Вундта; Курт Мейер. Митинг «Немецких христиан» в Спортивном дворце 13 ноября 1933 г.; Карлос М. Рамона. Современное положение в Латинской Америке и отклики на Кубинскую революцию; Инго Вагнер. Кубинская революция в свете теории научного социализма; Ахим Готберг. Африка в освещении французского Просвещения.

«Acta Poloniae Historica», Warszawa, 1962, № 6.

Бригада Кюрбис. Историография средневековья в Польше; Мариан Генрик Серейски. Иоахим Лелевель (1786—1861); Лукаш Гирцович. Германия и Италия на арабском Востоке; Андрей Загорский. Польская историография по военной истории (1944—1960).

«Analele Institutului de istorie a partidului de pe linga C. C. al P. M. R.». București, 1962, № 4.

Вл. Захареску. Укрепление партии и её связи с массами—решающий фактор в борьбе за организацию и проведение вооруженного восстания в августе 1944 года; К. Николаев, А. Лупэштяну, В. Бырзе. Героические эпизоды в ходе событий вооруженного восстания и борьбы за освобождение родины (23 августа—25 октября 1944 г.); В. Марин, В. Петришов. Борьба банатской организации КПП во главе народных масс против военно-фашистской диктатуры, за разгром гитлеровских захватчиков; И. Якош, Н. Кондураке. Действия марамурешских патриотов, направленные против фашистских оккупантов (1940—1944 гг.); В. Анеску, И. Сореску, М. Догару. Вклад шахтеров, рабочих-нефтяников и железнодорожников в дело оказания поддержки антигитлеровскому фронту; Зд. Конекни, Ф. Майнус. Проявление чехословако-румынской дружбы в ходе борьбы за освобождение Моравии от фашистского ига; Миня Стан, Ал. Нямцу. О влиянии деятельности КПП на румынские войска во время антигитлеровской войны.

ОБЗОР ЖУРНАЛОВ

СТАРЕЙШИЕ ПОЛЬСКИЕ ЖУРНАЛЫ

«KWARTALNIK HISTORYCZNY». Warszawa.

«Kwartalnik Historyczny» («Квартальный исторический журнал»), первоначально являвшийся органом Польского исторического общества, а в последние годы—Института истории Польской Академии наук,—старейший исторический журнал в Польше.

Он стал выходить в 1887 г. во Львове одновременно с основанием Польского исторического общества. Первым редактором журнала был Ксаверий Лиске, сторонник критического направления в истории, представители которого опирались на тщательно анализируемые источники. До начала второй мировой войны вышли в свет 52 тома. 53-й том, посвященный периоду оккупации, был издан в Кракове уже после войны под редакцией Романа Гродецкого и Казимежа Лепшего. Среди прочих материалов в него вошло огромное количество некрологов, посвященных памяти многих польских историков, погибших от рук гитлеровцев. В 1950 г. редакцию «Квартальника» перевели из Кракова в

Варшаву. Редактором журнала сначала стал Станислав Арнольд, а с 1953 г.— Богуслав Лесьнодорский.

Определяя место «Квартальника» в польском научном мире, следует подчеркнуть, что в Польше издается значительное количество исторических журналов¹. «Квартальник» не только является справочником, информирующим о научной жизни Польши и других стран, но играет роль организатора этой жизни. В этом отношении журнал добился уже известных результатов. В «Квартальнике» сотрудничают представители важнейших научных направлений. Мы стремимся к тому, чтобы печатать в нашем журнале труды ученых как старшего, так и младшего поколений и привлекать к сотрудничеству не только научных работников университетов и институтов, но также работников архивов, научных библиотек и других научных учреждений. К сожалению, еще не установлены должные связи с преподавателями средних школ, которые в первую очередь пользуются собственным органом — «Wiadomości Historyczne» («Исторические известия»), а также интересным популярно-историческим журналом «Mówią Wieki» («Говорят века»). Большое значение мы придаем сотрудничеству с зарубежными учеными.

Тематика «Квартальника» охватывает различные периоды и вопросы польской и всеобщей истории. Среди затрагиваемых в журнале проблем особое внимание уделяется истории общественных отношений, политической истории, борьбе польского народа за независимость, истории межвоенного периода, критическим исследованиям по историографии. Журнал публикует работы о становлении народной Польши.

Сравнительно большое значение придается научным дискуссиям. Раздел дискуссий в первом номере «Квартальника» за 1961 г. открывается критической статьей Целины Бобиньской, полемизирующей с социологом Станиславом Оссовским по поводу тезисов, выдвинутых последним в книге «О классовой структуре сознания». Социолог и историк культуры Анджей Зайончковский писал в этом же номере о социологических предпосылках исследований по истории польской шляхты. Тадеуш Лепковский опубликовал статью «Ноябрьское восстание и плебс». Далее следует назвать замечания Юзефа Дуткевича о подготовке кадров историков. Раздел завершают критические высказывания Юлиуша Бардаха и Александра Гейштора о популярном очерке Павла Ясеницы «Polska Piastów» («Пястовская Польша»). Третий номер за 1961 г. отразил оживленный обмен мнениями на конференции (организованной Институтом истории ПАН в апреле 1961 года), посвященной обсуждению первой части IV тома макета «Истории Польши». В четвертом номере 1961 г. напечатаны итоги дискуссии, организованной редакцией «Квартальника» и посвященной новой программе преподавания истории в высших учебных заведениях.

Разумеется, не в каждом номере этот раздел представлен столь разнообразными материалами. Досадно, что открываемые журналом дискуссии часто прекращаются после опубликования первых дискуссионных материалов. Это в значительной степени объясняется тем, что участники дискуссий имеют возможность без промедлений высказываться на страницах литературно-общественных еженедельников, в то время как наш журнал выходит лишь четыре раза в год. К тому же редакция «Квартальника» не проявляет в этом отношении особой активности.

Говоря о деятельности журнала за последние годы, следует обратить внимание на

¹ К важнейшим историческим журналам принадлежит орган Польского исторического общества «Przegląd Historyczny» («Историческое обозрение»). Большой известностью пользуются «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej» («Журнал истории материальной культуры») — орган Института материальной культуры ПАН, «Studia Zródłopawężce—Commentationes» («Исследования по источниковедению») — орган Института истории ПАН, «Z Pola Walki» («С поля брани») — орган Отдела истории партии при ЦК ПОРП, «Archeion» («Архив») — орган Главного управления государственных архивов, «Wojskowy Przegląd Historyczny» («Военное историческое обозрение») — орган Военного исторического института, «Najnowsze dzieje Polski» («Новейшая история Польши») и «Odrodzenie i Reformacja» («Возрождение и Реформация») — органы Института истории ПАН; «Czasopismo Prawno-Historyczne» («Историко-юридический журнал») — первоначально орган Института юридических наук ПАН, а сейчас — Института истории, и многие другие. Наши университеты и другие высшие учебные заведения издают так называемые «Zeszyty Naukowe» («Научные тетради»). За последние годы увеличилось число местных журналов. В настоящее время обществovedы каждого воеводского города имеют собственный журнал, чаще всего ежегодник, который охватывает общественные науки, уделяя большое внимание истории, в особенности новейшей.

специальные номера, в значительной мере посвященные памятным годовщинам и связанным с ними научным проблемам. Так, например, в 1959 г. часть третьего номера была посвящена проблемам XV в. в связи с годовщиной Грюнвальдской битвы. В четвертом номере за 1960 г. опубликованы работы о возникновении польского государства и его культуры, что было связано с сессией Польской Академии наук, состоявшейся в июне того же года. На сессии в свете марксистско-ленинской методологии обсуждались такие проблемы, как исторические основы развития культуры (В. Генсель), идейные ценности культуры и вопрос принятия христианства (А. Гейштор), экономические и общественные основы культуры (Г. Ловмянский), раннепостовский период польского государства (Ю. Бардах); начало развития польского языка (Т. Лер-Сплавинский), государство Мешка на общеевропейском фоне (Т. Мантейфель), проблема суверенитета (Г. Лябу-да). На сессии отчетливо выступила тенденция к изучению исторического процесса как единого целого и к установлению сотрудничества между представителями различных дисциплин. В связи со столетней годовщиной со дня смерти И. Лелевеля, выдающегося польского историка и демократа XIX в., журнал опубликовал ряд специальных исследований.

Четвертый номер «Квартальника» за 1962 г. посвящен восстанию 1863 г. и его эпохе. В связи с предстоящим конгрессом славяноведов, который состоится в Софии, подбираются материалы к одному из номеров 1963 г., который будет посвящен истории славянских стран. Специальный выпуск будет посвящен IX всеобщему конгрессу польских историков, который состоится в 1963 году.

За последние четыре года на страницах «Квартальника» напечатаны рецензии на 301 издание, в том числе 161 польское и 140 иностранных. Кроме того, журнал публикует обзоры по историографии зарубежных стран, знакомящие читателей с различными направлениями в истории.

Существенно способствуют нашей работе доброжелательные, но в то же время критические отзывы читателей. Одной из форм такого рода контактов являются обсуждения задач и профиля «Квартальника», которые ежегодно проводятся в различных научных центрах. Подобные обсуждения, в которых приняли участие многие местные историки, состоялись: в 1959 г. в Познани, в 1960 г. в Кракове, в 1961 г. в Варшаве. Мы с большим вниманием прислушиваемся также к мнению других журналов и хотели бы получать как можно больше отзывов от читателей и журналов братских стран.

Б. Лесьнодорский

«PRZEGLĄD HISTORYCZNY». Warszawa.

«Przegląd Historyczny» («Историческое обозрение») является вторым по своему значению научным историческим журналом в Польше (после журнала «Kwartalnik Historyczny»). Его первый номер вышел в свет 1 июля 1905 г. под редакцией профессора Яна Кохановского. В то время журнал выходил раз в два месяца. С 1907 г. журнал стал органом Общества любителей истории, объединявшего как специалистов, так и историков-любителей.

Регулярный выход журнала в свет нарушился в годы первой мировой войны и был возобновлен в буржуазно-помещичьей Польше. Его редактирование перешло в руки профессоров Марцелия Хандельсмана и Станислава Кентшинского. Вторая мировая война и гитлеровская оккупация снова прервали выход журнала.

В 1946 г. «Историческое обозрение» начало выходить уже в условиях народной Польши, по-прежнему оставаясь органом Общества любителей истории. Редактором его стал Януш Волиньский. Первый послевоенный том «Обозрения» был посвящен памяти 53 членов Общества любителей истории, погибших и умерших во время войны, в том числе убитого гитлеровцами Марцелия Хандельсмана.

С 1952 г. журнал имеет стабильный объем — около 78 издательских листов в год. В 1952—1954 гг. ежегодно выходили 3 номера; с 1955 г. — 4. В 1959 г. журнал отметил выход в свет своего пятидесятого тома.

В настоящее время журналом руководит редакционный комитет в составе: Стефан Кеневич (редактор), Станислав Арнольд, Иза Бежуньская-Маловист (заместитель редактора), Александр Гейштор, Станислав Хербст, Генрик Яблоньский, Мариан Маловист, Тадеуш Мантейффель, Антоний Мончак (секретарь), Валентина Найдус, Адам Стебельский, Януш Волиньский.

С 1950 г. «Исторический кварталник» и «Историческое обозрение» издаются в Варшаве без точного разграничения функций. Однако в отличие от «Квартальника» «Обозрение» не дает хроники научной жизни в стране. Охотно публикуя работы историков других городов Польши, а также зарубежных исследователей, «Обозрение» является все же преимущественно варшавским журналом (варшавские авторы составляют 60% всего авторского актива). Среди авторов, пишущих в «Обозрении», значительный процент составляют молодые научные работники. Журнал стремится по мере возможности учитывать местную тематику — историю Мазовии и города Варшавы.

Согласно установившемуся в последние годы порядку, каждый номер «Исторического обозрения» содержит 4 основных раздела: 1) Статьи (4—5 в номере, объемом около 2 печатных листов каждая). Статьи снабжены резюме на русском и французском языках. 2) Материалы (1—3 в номере). Сюда входят небольшие публикации о вновь открытых и особенно важных источниках, сообщения об издании архивных документов, а иногда небольшие, не претендующие на широкие обобщения статьи. 3) Дискуссии (1—2 статьи в номере). В этом разделе помещаются статьи полемического характера и рецензии на наиболее значительные исторические работы. 4) Рецензии (около 10 в номере). Кроме того, каждый номер содержит хронику научной жизни за рубежом. Это краткие сообщения о научных сессиях, о новых изданиях, об изменениях в организации научных учреждений и т. п.

Надо отметить широкую проблематику журнала. Здесь публикуются материалы по древней истории, по истории средневековья, рассматриваются общие проблемы методологии исторического исследования и вопросы вспомогательных исторических дисциплин. Из опубликованного по истории XVI—XVIII вв. почти половина посвящена особенно важному для Польши периоду Просвещения. В последние годы главное внимание в журнале уделяется сюжетам новой и новейшей истории. Из проблем, чаще всего рассматриваемых на страницах «Исторического обозрения», можно назвать: анализ структуры польского общества, а особенно сельского населения, в эпоху раннего средневековья; развитие сельского хозяйства, ремесла и торговли XV—XVI вв.; идеология «Великой эмиграции» в XIX в.; история польского рабочего движения (особенно в Галиции); польская экономическая история межвоенных лет. Статьи из области политической истории труднее объединить в большие проблемные группы. Приведем в качестве примера такие, как «Происхождение государства полян» К. Тыменецкого, «Польско-татарская война 1241 г.» Г. Лябуды, «Сеймовые выборы 1788 г.» Е. Михайльского, «История газеты «Трибуна народов» Адама Мицкевича» С. Кеневича.

В целом, с точки зрения тематики, «Историческое обозрение» отражает главные направления работы польских историков. Три четверти его статей за последнее десятилетие касаются истории Польши, в 45 — рассматриваются проблемы исторических связей Польши с различными государствами; 17 — посвящены польско-русским и польско-советским отношениям. Среди них следует отметить следующие: Г. Ловмянский «Агрессия Ордена крестоносцев в Литве в XII—XV веках»; З. Вуйцик «Польско-татарское соперничество на Украине в начале 1660-х годов»; В. Чаплинский «Народные движения в 1651 году»; А. Подраза, Э. Ростворовский «Материалы о положении на Правобережной Украине и гайдамацком движении 50-х и 60-х годов XVIII в. в переписке Ежи Вандалина Мнишка»; Д. Файнхауз «События 1846 года на землях Литвы и Западной Белоруссии»; Г. Верещицкий «Отношения Отеля Ламбер с Герценом и Бакуниным накануне январского восстания»; М. Вжосек «Из истории 1-го Революционного Польского полка»; Т. Равский «Освобождение польских прибалтийских земель Советской Армией».

Для журнала характерно преобладание социально-экономической тематики. Это особенно относится к материалам по истории раннего средневековья. Что касается XIX в., то здесь на передний план выдвигается проблематика национально-освободительной борьбы, а по новейшему периоду — история рабочего и крестьянского движения.

Редакция выпускает специальные номера, посвященные важным юбилеям. Следует назвать том XXXVIII (1948 г.), посвященный столетию революции 1848 г.; том XLV, № 2—3 (1954 г.), приуроченный к 50-летию объединения Гданьского Поморья с Польшей; том XLVI, № 1 (1955 г.), выпущенный в связи с 50-летием революции 1905—1907 гг.; специальный номер, озаглавленный «Из эпохи Мицкевича», появившийся в связи со столетием со дня смерти поэта (1956 г.). Последний номер 1962 г. заполнен преимущественно работами учеников проф. М. Маловиста и посвящен экономической проблематике польского средневековья. Второй номер 1963 г. будет связан с сотой годовщиной январского восстания в Царстве Польском. Редакция намеревается осветить главным образом международный аспект восстания: его союз с силами революции и прогресса в Европе и прежде всего в России; участие в борьбе иностранных добровольцев; отношение общественного мнения в различных странах к восстанию и т. д. В 1964 г. журнал откликнется на столетие I Интернационала, сотую годовщину аграрной реформы в Королевстве Польском и двадцатилетие народной Польши.

Некоторые статьи «Исторического обозрения» положили начало длительной полемике, продолжавшейся в ряде номеров журнала. Предметом оживленной дискуссии были, в частности, все еще спорная проблема «нарока» — одной из повинностей зависимого населения в период раннего средневековья; оценка значения Четырехлетнего сейма 1788—1792 гг.; оценка ноябрьского восстания 1831 года.

В будущем мы собираемся уделять больше внимания проблемам истории культуры, истории неевропейских народов, методологическим вопросам. Мы отдаем себе отчет в том, что не все публикуемые в нашем журнале статьи являются вполне обоснованными, новаторскими, а также достаточно ясными и сжатыми. Однако мы верим в успех сотрудничества редакции с авторами, всегда служившего прогрессу исторического знания.

С. Кеневич

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

*Об освободительной миссии русской армии
в 1813 году*

«*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*».
Berlin, 1962, Hf. 5, S. 1124—1140.

Научный сотрудник Института истории Немецкой Академии наук в Берлине Фриц Штраубе готовит к печати монографию о роли и действиях русской армии в Германии в 1813 году. В рецензируемой статье «Русская армия и немецкий народ в начале 1813 года» автор резюмирует содержание некоторых глав монографии. Ф. Штраубе использовал документы из Центрального государственного военно-исторического архива (Москва), Немецкого центрального архива (Мерзебург), фондов Государственного исторического музея (Москва) и других хранилищ; русский солдатский фольклор 1812—1813 гг.; немецкую прессу; бумаги М. И. Кутузова; дневники и записки С. Г. Хомутова, Ф. Н. Глинки, Д. В. Давыдова, С. Г. Волконского, К. Н. Батюшкова и других, а также ряд специальных исследований. Значение работы Ф. Штраубе в историо-

графическом плане определяется тем, что дворянские и буржуазные историки XIX—начала XX в. не уделяли внимания роли широких солдатских масс русской армии в освобождении Германии от наполеоновского ига, а современная реакционная историография в ФРГ упорно стремится извратить подлинную картину событий 1813 г. в целях антисоветской пропаганды и пытается подорвать традиции русско-немецкой дружбы, которые идут от разных периодов исторического прошлого.

В своей монографии автор исходит из известного положения Ф. Энгельса о том, что в 1813 г. русская армия составляла основное ядро воинских сил, вокруг которого группировались пруссаки, австрийцы и остальные противники наполеоновской армии¹. Из всего круга проблем, вытекающих из этого тезиса, Ф. Штраубе избирает для исследования три: как смотрела сама русская армия на свои действия в Германии в ходе борьбы с наполеоновской Францией; какова бы-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 502.

ла конкретная помощь русских солдат и офицеров немецким гражданам в период войны (помимо чисто военного фактора); как развивались в первой половине 1813 г. (с момента перехода русской армией немецких границ до военного затишья в июне) русско-немецкие отношения в «низах общества».

Ф. Штраубе далек от искусственной идеализации целей кампании 1813 г. со стороны царской России. Справедливо подчеркивая великое освободительное значение этой войны в деле ликвидации наполеоновского ига над народами Европы, автор в то же время отмечает, что русская армия нередко являлась в руках царизма орудием реакции и послужила в 1814 г. реставрации Бурбонов. Однако объективно действия русской армии в Германии играли в 1813 г. позитивную роль. Ф. Штраубе полагает, что освободительные (в широком смысле слова) настроения в русской армии в 1813 г. были столь ощутимы, что царизм вынужден был считаться с ними как с самостоятельной силой, активно влиявшей на формирование общественного мнения, и учитывать их в своей внешней политике. К сожалению, данный тезис в статье только декларируется и не подтверждается конкретным историческим материалом.

Автор констатирует, что в разных слоях русской армии отношение к гражданам Германии было неодинаковым. В равной степени неодинаковым явился и вклад этих слоев в дело подлинного освобождения немецкого народа от наполеоновского ига. Ф. Штраубе концентрирует свое внимание на господствующей, по его мнению, точке зрения, представленной, как он полагает, настроениями солдат и низшего офицерства, то есть численно преобладающей массы воинов. В эволюции отношения этой части русской армии к Германии автор намечает три этапа. На каждом из них действовали не только факторы, способствовавшие сближению русского и немецкого народов, но и некоторые контрфакторы.

Первый этап охватывает 1812 г., когда русско-немецкому сближению содействовали такие обстоятельства, как сходные у обоих народов стремления изгнать иноземных захватчиков, патриотическая деятельность группировки барона Штейна и то, что русские правящие круги видели в правящих кругах немецких государств своих естественных союзников. Однако этому сближению мешали такие моменты, как наличие среди помещичьего, эксплуататорского клас-

са России, особенно в Прибалтике, большого числа немецких дворян; значительная немецкая прослойка в верхушке российского государственного аппарата и армейского командования, вследствие чего для русского солдата понятие «немец» связывалось прежде всего с представлением именно об этих людях; участие немецких войск под нажимом Наполеона в войне против России; антипруссские настроения у части русских офицеров и др.

Второй этап приходится на самый конец 1812—первую половину 1813 года. Его первая фаза началась в декабре 1812 г., когда победоносная русская армия подошла к немецким границам. Росту симпатий русского воинства к немецкому населению способствовала обстановка в Германии: гнет, установленный наполеоновскими захватчиками; бедствия местного населения; радостная встреча немецкими гражданами русской армии-освободительницы; готовность немецкого народа активно включиться в борьбу с Наполеоном. Контрфактором, мешавшим вышеупомянутому сближению, явилась двучленная политика прусского правительства, колебавшегося между Францией и Россией. Эта помеха была частично устранена заключением в феврале 1813 г. русско-прусского Калишского союза.

Вторая фаза приходится на март—апрель 1813 г., когда были предприняты широкие военные операции против наполеоновских войск в Германии и вступили в действие немецкие партизаны и народное ополчение.

Третья фаза охватывает май 1813 г., время совместных боевых действий русской и прусской армий и дальнейшего укрепления их боевого содружества.

Летом 1813 г. начался новый, третий этап русско-немецких отношений того периода, выходящий за рамки работы автора.

Картина, нарисованная автором, в целом стройна и убедительна. Однако одна из его мыслей вызывает сомнение. Можно ли считать специфическую, самостоятельную линию поведения (если таковая была) русских солдат и низшего офицерства господствовавшей в армии на том лишь основании, что ее сторонники преобладали количественно? Ведь хорошо известно, как сильно действовала в крепостнической армии исходившая свыше официальная идеология. По-видимому, более полный ответ на этот вопрос читатель получит, когда познакомится с аргументацией Ф. Штраубе в его книге, которая обещает быть весьма интересной.

А. Я. Шельский

Из истории агрессии США против Кубы
«Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx Universität». Leipzig. 1962. Нf. 1, S. 1—22.

На протяжении многих десятков лет империалисты США совершали военные провокации и агрессивные акты против свободолюбивого кубинского народа. Показу этих колониалистских «традиций» Соединенных Штатов посвящена рецензируемая статья немецкого историка Лоуренса Монфора «Дипломатия доллара и интервенция. К политике США в отношении Кубы в 1898—1934 гг.». Используя малоизученные источники (главным образом официальные документы правительств США, материалы прессы и т. д.) и обширную литературу, автор последовательно раскрывает этапы многолетней борьбы американских колониалистов за обладание Кубой, методы экспансии империалистов США и эксплуатации ими кубинского народа.

Захват Кубы был одной из главных целей американской внешней политики уже с начала XIX века. Однако в первой его половине, когда для аннексии острова не было благоприятных условий, США пытались использовать другие методы. Так, в середине XIX в. они несколько раз предпринимали попытку купить остров у Испании, угрожая ей войной. «Приобретение Кубы,— писал К. Маркс в 1861 г.,—будь то путем покупки или силой оружия, провозглашалось великой задачей национальной политики»¹.

В середине 90-х гг. США переходят к еще более открытой агрессивной политике, рассчитывая воспользоваться ослаблением Испании для захвата острова. Во время национально-освободительной войны на Кубе (1895—1898 гг.) США вмешались в испано-кубинскую войну, лицемерно выступив в качестве «гаранта» кубинской независимости. Успехи национально-освободительной войны кубинского народа заставили Испанию отказаться от своего господства на острове. Куба была провозглашена «независимой», но фактически с 1899 по 1903 г. она находилась под американской оккупацией. В 1901 г. под нажимом американских империалистов в конституцию Кубы была включена «поправка Платта», предоставлявшая Соединенным Штатам «право» на интервенцию. Это закрепило господствующее положение США на Кубе.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 15, стр. 342.

Большое внимание в статье уделено вопросу о подчинении экономики острова интересам американских монополий. С конца XIX в. наблюдался неуклонный рост американских инвестиций в промышленности и сельском хозяйстве Кубы. Если в 1896 г. капиталовложения США составляли здесь 50 млн. долл., то в 1915 г.—265 млн., а к 1929 г. превысили 1,5 млрд. долларов. К 1933 г. монополии Соединенных Штатов целиком контролировали добычу руды и 70% производства сахара. Кроме того, американские монополии подчинили себе коммунальное хозяйство и железнодорожный транспорт. В статье разоблачаются преступная деятельность правящих кругов США по созданию на Кубе реакционных режимов, участие американских колонизаторов в кровавых подавлениях народных выступлений в 1912, 1917, 1919 и 1920 годах.

Ю. М. Григорьян

Народ Гаити дает отпор колонизаторам США

«Cuba Socialista». La Habana. Mayo de 1962, № 9, pp. 67—85.

История экспансионистской политики США в отношении Мексики, Кубы, Доминиканской республики, Колумбии, Никарагуа широко известна; значительно меньше мировая общественность знает об империалистической агрессии Соединенных Штатов в Гаити. В связи с этим большой интерес представляет статья А. Мартэна «Борьба народа Гаити против империалистического угнетения», помещенная в органе Объединенных революционных организаций Кубы. США проводили враждебную политику по отношению к Гаити с начала XIX в., то есть с первых дней освобождения гаитян от французского ига. В 1824 г. из-за приговора правительства США Гаити не была допущена на первую межамериканскую конференцию. Вплоть до отмены рабства в Соединенных Штатах американское правительство отказывалось установить дипломатические отношения с Гаити. Для запугивания республики к ее берегам неоднократно посылались американские корабли с морской пехотой.

В начале XX в. отсталая аграрная экономика Гаити попала в полную зависимость от монополий США. Однако империалисты Соединенных Штатов стремились полностью захватить Гаити. В июле 1915 г. под тра-

диционным предлогом «защиты жизни и интересов иностранцев» морская пехота США оккупировала гаитянскую столицу—Порт-о-Пренс. Начался 19-летний период американской военной оккупации Гаити. Американские колонизаторы запятнали себя кровавыми преступлениями в Гаити. В 1918—1920 гг. они жестоко подавили массовое партизанское движение; 13 тыс. патриотов были казнены или погибли от пыток в тюрьмах и лагерях. В 1929 г. американцы расстреляли мирную демонстрацию крестьян. А. Мартэн справедливо отмечает, что «национальный кризис во всех областях жизни Гаити: в экономике, политике, культуре и морали—непосредственно связан с военной агрессией США и последовавшей за ней оккупацией, длившейся 19 лет».

Окончание режима оккупации в связи с изменением внешних форм колониальной политики Соединенных Штатов (переходом к политике «добраго соседства») не изменило существа отношения правящих кругов США к негритянской республике. Как указывает А. Мартэн, Гаити остается одной из самых бедных стран мира. Почти 80% населения голодает, 85% гаитян неграмотны. На военные нужды ассигнуется 25% бюджета, а на школьное строительство — в 50 раз меньше. В правительственных учреждениях верховодят американские советники.

Народ Гаити, имеющий славные традиции национально-освободительного движения, не прекращает борьбы за независимость и демократию. Неоднократно за последнее десятилетие народные выступления приобретали широкий размах. Но из-за отсутствия единства патриотических сил эта борьба пока не увенчалась успехом. А. Мартэн подчеркивает, что в Гаити укрепляются объективные предпосылки для создания единого патриотического фронта. В этом большую роль играет воссозданная в 1954 г. коммунистическая партия («Партия трудящихся Гаити»). Коммунисты активизируют работу, особенно в деревне, где проживает почти 90% населения. Массовые студенческие выступления в 1961 г. показали, что буржуазные группировки, ориентирующиеся на США, теряют доверие не только трудящихся, но и патриотически настроенной буржуазии. На национально-освободительную борьбу народа Гаити большое воздействие оказывает пример соседней революционной Кубы.

Я. Г. Григорьев

Зачем была опубликована «Вторая книга» Гитлера

«Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte». Stuttgart. 1961, № 4, S. 417—429.

В 1961 г. Мюнхенский институт современной истории опубликовал написанную около середины 1928 г. рукопись Гитлера, которая посвящена внешнеполитическим вопросам. Орган института поместил об этой книге статью одного из своих ведущих сотрудников, М. Броззата, преследующую цель затушевать подлинные причины опубликования «Второй книги» Гитлера, подменив анализ ее содержания и направленности отвлеченными рассуждениями о «противоречиях» мышления Гитлера, о «психологических глубинах» воинственных устремлений его сторонников, которых якобы интересовала лишь «победа ради победы», и т. п. В статье, по существу, не рассмотрены взгляды, высказанные Гитлером в его рукописи, и истинные побуждения, которые толкнули Мюнхенский институт современной истории выпустить ее.

В обоснование публикации издатели приводят самые разнообразные доводы, «забыть» лишь тот, который был для них главным. Дело в том, что Гитлер хотел в данной книге изобразить себя сторонником англо-германского союза, который мог бы вершить судьбами народов. Западногерманские историки, очевидно, полагают, что английским буржуа должны импонировать восхваления, которые Гитлер в то время расточал в их адрес, стремясь обеспечить себе и своей партии поддержку влиятельных зарубежных монополий. Деятели Мюнхенского института полагают использовать разглаговольствования фашистского главаря, чтобы показать, будто гитлеровцы вовсе не замыслили агрессии против западных держав и их привлекала только Восточная Европа.

Разглаговольствования о «отказе» от экспансии на других континентах и перенесении ее на Восток фигурировали еще в «Mein Kampf». Во «Второй книге» Гитлер на все лады расписывал значение, которое имело бы для германо-английских отношений осуществление этого тезиса. Он противопоставлял «континентальную» политику Бисмарка последующей «мировой политике» эпохи кайзера Вильгельма II, когда Германия, в частности в результате создания мощного военно-морского флота и экспансии на морях, оказалась в разных лагерях с Англией. Гитлер заявлял, что руководимая им партия будто бы осуждает подоб-

ный курс. Он уверял англичан, что наибольшей опасностью для них являются Соединенные Штаты, в Европе же их главный противник — Франция.

Авансы Гитлера — а он делал их и по другим поводам — были, как известно, с превеликой охотой приняты английскими реакционерами, стремившимися использовать Германию для борьбы против СССР. Но глубоко заблуждался тот, кто принимал за чистую монету заявления германских фашистов об ограничении завоеваний лишь Востоком. Из различных документов хорошо известно, что агрессия с самого начала замышлялась не только против стран Восточной Европы и «исконного врага» — Франции, но также и против Англии, а в последующем и США. Мировое господство было и остается сокровенной целью германских империалистов, милитаристов.

М. Броззат проходит мимо другой любопытной для историка стороны рукописи Гитлера — его позиции в отношении Италии. В начале 1928 г. обострился вопрос о Южном Тироле — области со значительным австрийским населением, по Версальскому договору вошедшей в состав Италии. В связи с этим Гитлер в отличие от лидеров других националистических немецких и австрийских организаций, делая ставку на фашистскую Италию, в своей «Второй книге» высказался за отказ от претензий на Южный Тироль. Он подобострастно восхищался Муссолини, которого называл «гениальным государственным деятелем», всячески расписывал «общность целей» обеих держав и утверждал, что нет оснований для каких-либо споров между ними, ибо «естественный» объект итальянской экспансии — бассейн Средиземного моря, тогда как цель Германии — колонизация Востока. Уже в то время Гитлер исключал Центральную Европу из сферы империалистических интересов Италии.

Сочетание крайней агрессивности с отвратительным лицемерием — вот пафос «творения» Гитлера, который стремится затушить М. Броззат.

Л. И. Гинцберг

«*Studi storici*». Roma. 1962, № 1, pp. 151—167.

На издание «Второй книги» Гитлера откликнулся рецензией итальянский исторический журнал «*Studi storici*», орган римского

центра марксистских исследований — Института Грамши.

Автор рецензии Э. Коллотти прежде всего останавливается на тех обстоятельствах, которые не позволили в свое время опубликовать этот материал. Внутриполитические задачи милитаристско-империалистической реакции в Германии, состоявшие в «уничтожении парламентской республики» и в «реставрации авторитаризма», а также в борьбе против рабочего и коммунистического движения в стране, не позволили Гитлеру в 1928 г., пишет Коллотти, слишком остро полемизировать с «буржуазно-патриотическими» кругами по вопросам внешней политики. В то время существовали разногласия среди германской буржуазии в определении тактики и перспектив империалистической экспансии: Гитлер требовал безграничной экспансии, «политики жизненного пространства», противопоставленной «политике границ», сторонники которой призывали к восстановлению границ Германии 1914 года.

Коллотти останавливается далее на борьбе «идеологической» и политической концепций «Второй книги» Гитлера. Автор не вступает на легкий путь отказа от анализа, ссылаясь на тот факт, что идеи Гитлера могут показаться здравомыслящему человеку «бредом сумасшедшего». Наоборот, Коллотти подвергает последовательной критике этот бред, который в конечном итоге явился выражением интересов и настроений определенных милитаристских кругов Германии того времени.

Внешнеполитическая концепция Гитлера, подчеркивает Коллотти, не отличается во «Второй книге» от той, которая была уже изложена в «*Mein Kampf*»: «*Drang nach Osten*», борьба насмерть с Францией, как с «естественным врагом немецкого народа», противопоставление ее Великобритании, союз с Муссолини.

Коллотти заканчивает свою статью замечанием, что появление «Второй книги» Гитлера должно напоминать не только о той трагедии, в которую вверг все человечество фашизм, но и о той большой опасности, которую представляют сегодня западногерманский милитаризм и реваншизм. Судя по тому, какие отклики вызвала публикация рукописи Гитлера в реакционной буржуазной печати, «Вторая книга» фашистского главаря используется в качестве «пропагандистского» материала теми милитаристскими и реваншистскими силами в ФРГ, которые лихорадочно готовятся к новой войне.

Издатели в ФРГ «Второй книги» Гитлера, видимо, руководствовались тем, чтобы подкрепить этой публикацией разнузданную проповедь реванша и агрессии.

Лоренцо Спано

США сохраняют колониальное господство на Филиппинах

«*Eastern World*». London. 1962, Vol. XVI, № 7, pp. 12—15.

Английский ученый Венс Кросби в статье «Криптоколониализм¹ на Филиппинах» крупным планом рассматривает послевоенную историю Филиппин и приходит к выводу, что в этой стране, несмотря на провозглашенную независимость, сохраняется колониальное господство американского империализма в скрытой форме.

Исходной позицией автора является признание того, что колониализм вовсе не умер, как это утверждают в «свободном мире». Положение на Филиппинах является разительным примером того, каким путем империалистическая держава может продолжать осуществлять свой контроль в бывшей колонии.

В. Кросби рассказывает о том, как в первые послевоенные годы американский империализм, подавив национально-освободительное движение на Филиппинах, устоял там крайне реакционный режим, в результате чего «страна стала оккупированным полицейским государством, отличающимся только в деталях от Южной Кореи, Южного Вьетнама и Тайваня». Автор прослеживает закулисную историю выдвижения президентов — ставленников американского империализма. Свой вывод о зависимости Филиппин от США В. Кросби подкрепляет также данными экономического положения страны. Соединенные Штаты Америки монополизировали внешнюю торговлю, в их руках находится почти половина национального достояния Филиппин.

Экономические последствия колониализма, свидетельствует автор, наиболее остро чувствуют на себе рабочий класс и крестьянство. Их организации в послевоенный период первыми подверглись ударам со стороны реакции и были разогнаны. Вместо прежних профсоюзных объединений создан конгресс профсоюзов, который субсидируется американцами, а его лидеры проходят выучку в США.

¹ Прикрытый колониализм, или колониализм в скрытой форме.

В. Кросби останавливается также на некоторых вопросах внутривнутриполитической истории Филиппин, в частности на борьбе между националистами и либералами. Он отмечает, что в эту борьбу активно вмешивались империалисты США, ибо даже «псевдонационализм, выдвигавший лозунг «Филиппины прежде всего», мешал американским инвеститорам и торговцам». Автор показывает, как против президента-националиста Гарсиа «были брошены все проамериканские силы».

Однако во время президентства Гарсиа националисты завоевали столь ничтожные гражданские права, что не смогли даже обеспечить свою самозащиту. Сменивший Гарсиа Макапагал начал президентство с того, что направил войска в законодательное собрание, где подавил протест националистов.

Материалы статьи подтверждают справедливый вывод В. Кросби, что провозглашение независимости вовсе не избавило филиппинский народ от колониального господства Соединенных Штатов. Филиппинские патриоты томятся в военной тюрьме, которая находится в форте Маккинли, названном так (как саркастически замечает Кросби) в честь американского президента, который еще в 90-х годах прошлого века сказал, что филиппинцы «будут приветствовать тот день, когда бог даст победу американской армии в Маниле».

О. С. Павлов

Новый исторический журнал в Индии

«*Quarterly Review of Historical Studies*». Calcutta. 1961. Vol. 1, №№ 1—2.

В Индии начал издаваться новый исторический журнал, орган калькутского Института исторических исследований, призванный, по мысли его организаторов, стать своеобразным координирующим центром индийской исторической науки. Как считают учредители журнала, разобщенность отдельных университетов, где сосредоточена основная масса историков, запаздывание публикаций, сообщающих об итогах работы того или иного ученого, отсутствие возможностей для развёртывания творческих дискуссий составляют едва ли не главнейшее препятствие на пути развития исторической науки в Индии. Редакция видит свою задачу прежде всего в том, чтобы обеспечить читателя надежной и регулярной информацией о состоянии исторических исследований в стране. Основное место на страницах журнала занимают сообщения о тематике

работ, проводимых в различных университетах и других центрах исторической науки, рефераты неопубликованных диссертаций и т. п. Обобщая эти данные, издатели журнала в редакционных статьях пытаются выделить основные трудности и недостатки научной работы в тех или иных учреждениях и наметить пути их преодоления.

Чрезвычайно важный раздел журнала отводится подробным сообщениям о дискуссиях, организуемых Институтом исторических исследований. Так, уже во втором номере нового издания (июль—сентябрь 1961 г.) опубликованы стенограммы весьма интересной дискуссии о проблемах исследования экономики Индии в новое время. Тема эта является одной из самых актуальных в индийской исторической науке. Борьба за экономическую независимость, составляющая стержень современного развития страны, порождает у индийской общественности глубокий интерес к недавнему экономическому прошлому, когда складывались те уродливые формы национального хозяйства, преодоление которых является задачей сегодняшнего дня. Однако (это единодушно отмечали все участники дискуссии) индийские ученые еще только приступают к созданию национальной экономической истории. Естественно, что в подобных условиях главное внимание участников дискуссии было сосредоточено не на спорах вокруг конкретных исторических проблем, а на обсуждении общих методических и методологических вопросов, связанных с разработкой этой новой для Индии отрасли исторической науки. Круг таких проблем чрезвычайно широк и разнообразен.

Так, почти все выступавшие касались вопроса об использовании новейших достижений экономической науки и статистики в исторических исследованиях. Трудности, возникающие при этом, очевидны. Некоторые из участников дискуссии (в частности, доктор А. Дас Гупта) считают их настолько значительными, что делают вывод о необходимости разделить экономическую историю на две самостоятельные отрасли: собственно экономическую историю (Дас Гупта сводит ее по преимуществу к истории производителей), создаваемую историками с помощью традиционных описательных средств, и историю экономики (то есть историю отдельных категорий экономики — рынка, ренты и т. п.), разрабатываемую специалистами, владеющими статистическими приемами. Но большинство участников дискуссии не поддержало предложения Дас Гуп-

ты. Как справедливо отметил известный бенгальский ученый Биной Чоудхури, нельзя создать историю трудящихся в отрыве от истории основных политэкономических категорий. Невозможно, например, анализировать положение крестьянства, не понимая природы земельной ренты, бессмысленно изучать историю условий труда в современной промышленности в полном отрыве от истории капиталистического способа производства. Экономическая история, говорил доктор Н. Мукерджи, возражавший Дас Гупте, по самой своей сути является комплексной, синтетической отраслью знания. Задача поэтому состоит не в проведении размежевания между историками и экономистами, а в том, чтобы историки возможно полнее овладели специфическими экономико-статистическими методами исследования.

Большое место в ходе дискуссии занял вопрос об источниковедческой базе экономической истории Индии в новое и новейшее время. До сих пор основными источниками по истории индийской экономики XIX—XX вв. служили официальные публикации колониальных властей и материалы английских архивов. Как отмечали все выступавшие, при всей несомненной важности источников этого рода они обуславливали известную односторонность при изучении экономической истории. Исключительное использование этих источников, зачастую приводило к тому, что история трудящихся масс и производства подменялась историей экономической политики англичан в Индии. Широкое привлечение собственно индийских материалов, в особенности документов местных архивов, сведений прессы на индийских языках и т. п., является необходимой предпосылкой разработки национальной экономической истории.

Однако, пожалуй, самой примечательной чертой дискуссии явилось то обстоятельство, что в выступлениях большинства ее участников сквозило стремление найти обобщающую теорию, которая составила бы надежную основу отдельных исследований, позволила бы видеть в истории конкретных социально-экономических явлений проявление общих закономерностей. Это и не удивительно, ибо ахиллесова пята современной буржуазной исторической науки (эклектизм, отсутствие единой теории, объясняющей основные тенденции исторического процесса) нигде не сказывается так остро, как в историко-экономических исследованиях. С большой силой и убедительностью прозвучало заключительное выступление на дис-

куссии доктора Б. Чоудхури. Он подчеркнул, что изучение того или иного экономического явления прошлого может быть действительно плодотворным лишь в том случае, если оно исследуется в связи с анализом способа производства, господствующего в данное время и в данной стране, в связи с характером развития производительных сил, особенностями эксплуатации и т. п. Логика научного исследования, в особенности в области экономической истории, толкает индийских ученых к марксизму-ленинизму.

Л. А. Гордон

Буржуазные ученые о закономерностях исторического развития

«History and Theory». S-Gravenhage. 1961, Vol. 1, № 3, pp. 229—242.

Статья американского философа профессора М. Мандельбаума «Объяснение истории: проблема «covering laws» посвящена вопросу о закономерностях исторического развития. Теория «охватывающего закона» вызывает острые споры среди буржуазных историков и философов, ищущих выхода из кризиса, в котором оказалась буржуазная историография. Изучая дискуссию, развернувшуюся вокруг основных положений этой теории (главные принципы которой он поддерживает), автор статьи выдвигает ряд серьезных упреков в адрес Поппера, Гемпеля и Гардинера — ведущих, по его мнению, теоретиков «охватывающего закона». Главный его упрек, с которым нельзя не согласиться, состоит в том, что сторонники теории «охватывающего закона» ограничиваются констатацией существования последнего, но нигде не рассматривают его содержания. Провозглашая своей целью анализ исторических событий с помощью наиболее общих законов, авторы увлекаются умопытными построениями, полностью абстрагируясь как от существа самих законов, так и от конкретно-исторического процесса. В этом, без сомнения, их основной недостаток, проистекающий из философии позитивизма, которая лежит в основе этой теории.

Второй ошибкой «теоретиков общих законов», говорит М. Мандельбаум, является недооценка значимости для историка описательного материала. По его мнению, Гемпель «ограничивает научное исследование формулировкой законов». Это, кстати, упрек, который выдвигают против Гемпеля и его сторонников самые ярые противники ново-

го направления, сходящиеся при всех различиях своих позиций на том, что основным объектом исторического исследования является единичное. Здесь мы наблюдаем столкновение между свойственным позитивистам пренебрежением к конкретной истории и господствующим в современной буржуазной историографии идеографизмом. Следует отметить, что автор статьи подвергает критике и ту и другую стороны: он высмеивает антинаучные утверждения приверженцев единичного и критикует позиции «теоретиков охватывающего закона» за пренебрежение исследованием частных закономерностей, управляющих ходом конкретных событий.

Однако при всем этом приходится констатировать недостаточную последовательность позиций самого Мандельбаума, который стремится свести сущность анализа исторических событий (или, как часто говорят буржуазные ученые, объяснения истории) к констатации взаимодействия различных факторов, вызывающих к жизни то или иное историческое событие, исключая при этом анализ самого существа этого взаимодействия. Таким образом, объяснение истории сводится к характеристике суммы факторов, которые можно подвергнуть сравнительному анализу по отношению к другой сумме факторов, лежащей в основе другого исторического события. Этим, по существу, Мандельбаум и ограничивает решение проблемы, подменяя анализ закономерностей исторического процесса (взятого хотя бы в узких рамках определенных исторических событий) сравнительно-историческим его анализом. При этом автор статьи, подобно критикуемому им сторонникам теории «охватывающего закона», идет по пути абстрактно-логических рассуждений, совершенно оторванных от конкретного исторического исследования.

Е. Э. Печуро

Панегирик Риттеру

«The Journal of Modern History». New York. 1962, № 1, March, pp. 1—18.

«Историография как история» — под таким заголовком американский профессор А. Дорпален (Университет штата Огайо) опубликовал статью, посвященную эволюции взглядов Герхарда Риттера, современного реакционного западногерманского историка старшего поколения. Г. Риттер — один из тех, кто сейчас подвизается на малопочтенном поприще «обоснования» и про-

паганды милитаристской и реваншистской политики руководителей боннского правительства. По мнению А. Дорпалена, развитие взглядов Г. Риттера на ряд проблем, связанных главным образом с немецкой историей, представляет собой не только примечательный историографический факт, но и важное явление в истории Германии. В эволюции этих взглядов Риттера автор статьи усматривает показатель изменений, происходящих с начала XX в. до наших дней, в том, что он называет «интеллектуальной атмосферой» Германии, — иными словами, изменений в господствующих в стране общественно-политических идеях.

С таким исходным моментом можно было бы согласиться, если бы не некоторая абстрактность понятия «интеллектуальная атмосфера», изменения которой Дорпален пытается выявить, прослеживая трансформацию воззрений Риттера. К сожалению, Дорпален старательно уклоняется от раскрытия социально-классового содержания взглядов как самого Риттера, так и тех общественных слоев, которые этот историк представляет и которым он служит.

А. Дорпален начинает свою статью с щедрых комплиментов в адрес Г. Риттера. Однако, несмотря на то, что автор всячески остерегается дать социальную квалификацию взглядов Риттера, материал, приведенный в статье, показывает явную зависимость Риттера от правящих классов. Так, Дорпален отмечает, что в работах, написанных еще до первой мировой войны, например, в книге о Бисмарке, вышедшей в 1913 г., Г. Риттер стоял на позициях «аморфного и тщеславного национализма», который господствовал тогда в вильгельмовской Германии. Риттер восхищался прусской военщиной и утверждал, что юнкерство — это элита нации, без него Фридрих II не одержал бы своих побед, а Бисмарк не добился бы объединения Германии. Из этого вопреки желаниям Дорпалена ясно, что в то время, как германские милитаристские круги готовились к первой мировой войне, Риттер, следуя традициям националистической немецкой историографии, содействовал своими историческими исследованиями обработке общественного мнения в направлении, нужном господствующим классам Германии.

Пережив крушение прусско-германской монархии в 1918 г., Риттер в период Веймарской республики, по словам Дорпалена, искал убежища от мрачной действительности в далеком прошлом. В эти годы он занимался немецкой реформацией, Лютером,

а потом написал монографию о Штейне — прусском государственном деятеле начала XIX века. В работах этого периода, пишет Дорпален, Риттер всячески хотел выявить и подчеркнуть исключительность развития Германии. Он намеренно выпячивал на первый план ряд особенностей Германии и противопоставлял ее другим странам Западной Европы. Риттер изображал Германию носительницей высоких этических идеалов и истинной религии, он видел в ней противовес «погрязшей» в рационализме и безверии Франции и другим странам Западной Европы и аванпост против «восточных варваров». Кому это было нужно и на чью мельницу лила воду пропаганда подобных взглядов, развиваемых в 20-е и начале 30-х годов, ясно каждому непредубежденному читателю. Даже Дорпален пишет: «Не удивительно, что Риттер, хотя и с некоторыми оговорками, приветствовал приход к власти Гитлера в 1933 году». Однако, опешит заверить Дорпален, Риттер вскоре разочаровался в Гитлере и даже пытался в завуалированной форме критиковать его в своих исторических трудах. Проявлением критики гитлеровского режима Дорпален считает выпущенную в 1936 г. и переизданную в 1942 г. книгу Риттера о Фридрихе II.

Несмотря на заверения Дорпалена, трудно согласиться с ним и усмотреть антифашистское содержание в книге, о которой он сам говорит, что она крайне идеализирует и приукрашивает образ этого прусского короля и восхищается его военными авантюрами. В книге Риттера о Фридрихе II уместно скорее видеть прославление Гитлера. Ведь, по словам самого Дорпалена, основной смысл книги Риттера сводился к показу свойственной якобы немцам, в отличие от других народов, убежденности в том, что их может вести вперед лишь сильная личность, имеющая неограниченную власть.

После второй мировой войны, констатирует Дорпален, Риттер коренным образом изменил свое отношение к узловым вопросам истории Германии. Теперь в своих работах он больше не делает упора на раздувание различий и противоречий между Германией и Западом, а пытается, наоборот, всячески показать общие черты в их развитии. Переиздавая в послевоенный период свои опыты о Лютере и Фридрихе II, Риттер уже не подчеркивает особый, немецкий характер этих деятелей. Они стали фигурировать в его писаниях не как представители германского духа, а как носители идей Запада, противопоставленных Востоку, христиан-

ского мира — нехристианскому и т. д. Эта позиция буржуазного идеолога отражает политику боннских реваншистов, сутью которой является союз с англо-американскими империалистами, ставка на единый фронт капиталистического лагеря против стран социализма.

В ряде работ по истории германского национализма и милитаризма, написанных в последние годы, Г. Риттер стремится всеми силами, не брезгуя никакими фальсификациями истории, доказать, что германский милитаризм был связан якобы с общим национальным подъемом, охватившим всю Европу после французской революции. Объясняя причины возникновения германского фашизма, Г. Риттер тщится доказать, что гитлеризм не был закономерным проявлением и логическим результатом политики германского империализма. Он договаривается до того, что объявляет виновниками возникновения фашизма в Германии... народные массы, демократию. Рост влияния масс в политической жизни страны, утверждал Риттер, обязательно приводит к тоталитарной диктатуре, и в последней он видит проявление господства масс.

Стремление к идеализации германского милитаризма и отдельные вопиющие несуразности, обнаруженные Г. Риттером в объяснении причин возникновения германского фашизма, вызывают критические замечания Дорпалена. Эти замечания, правда, носят второстепенный и частный характер. Дорпаден не вскрывает основной направленности и политического смысла писаний Риттера о германском милитаризме и гитлеризме. Несмотря на то, что автор статьи ограничивается лишь робкой критикой концепции Риттера, из приведенного им материала явствует: за все 50 лет своей научной деятельности якобы объективный и независимый Герхард Риттер служит в действительности интересам германского империализма, обрабатывая и фальсифицируя исторический материал для обоснования империалистической политики.

Б. А. Каменецкий

Об изучении истории Тропической Африки

«*Annales, Sociétés, Civilisations*». Paris. 1962, № 1, pp. 46—64.

Французский ученый А. Моньо в статье «К истории Черной Африки» делает попытку выяснить источники, на основе которых можно в общих чертах восстановить историю Африки южнее Сахары. Статья

снабжена обширной библиографией литературы по Тропической Африке.

А. Моньо решительно возражает против взглядов тех ученых, которые говорят об африканском обществе как об обществе «без истории», ссылаясь на отсутствие источников, делающее якобы «недоступной» историю развития народов Африки. Слабое освещение истории Африки А. Моньо объясняет недостаточным знакомством с письменными и другими памятниками африканских народов. Поэтому большую часть своей работы А. Моньо посвящает выявлению источников по истории Африки южнее Сахары.

Эти источники А. Моньо делит на четыре категории. Из письменных документов интерес для исследователя представляют сообщения древних авторов (например, Геродота и др.), которые, однако, немногочисленны и отрывочны. Зато имеется огромная масса арабских материалов. Повествования арабских путешественников, паломников, коммерсантов, ученых, которые знали африканский континент, содержат уникальные данные. Эти письменные памятники хранятся в архивах Каира, Константинополя, Вены, Лондона, Парижа и Лейдена. Европейские первооткрыватели Африки оставили очень интересные хроники, самыми лучшими из которых нужно признать португальские. Богаты неизученными африканскими материалами бразильские архивы, хранящиеся в Гоа и Бомбее. В Риме и Лисабоне можно найти интересные документы миссионеров, наблюдавших и участвовавших образ жизни африканцев.

В истории Африки периода колониализма выделяются такие материалы, как колониальные отчеты, корреспонденции, директивы: из метрополий и др. А. Моньо справедливо замечает, что жизнь поработенных народов в таких документах фальсифицировалась, но они тем не менее могут служить источником для изучения методов колонизации, политики колонизаторов. К сожалению, автор ничего не говорит о таких ценнейших документах по истории подопечных стран (Того, Камерун, Танганьика), как петиции народов этих территорий в Организацию Объединенных Наций. Здесь исследователь найдет данные по истории этих стран, экономике, этнографии, обширный материал о национально-освободительной борьбе.

Африка имеет свои письменные источники: история камерунского государства Бамум, написанная на языке бамум султаном Нджона, суданские хроники, литература на-

рода хауса, рукописи Мадагаскара на арабском и мальгашском языках. Абиссинская литература богата хрониками и анналами на древнеабиссинском алфавите геэз. В дополнение к источникам, указанным Моньо, сошлемся также на исторические хроники средневекового Судана на арабском языке, например, «Тарих ас-Судан» («История Судана»), составленная суданским историком Абдарахман ас-Саади; хроника XVII в. «Тарих аль-Фетташ» («История ищущего познать историю городов, войск и главных деятелей стран Текрура»); хроника «Теджкирет ан-Нисиян аль-Акбар Мулук ас-Судан», которая доводит историю Судана до середины XVIII века. На языке хауса написаны история народа фульбе, хроники по истории нигерийских государств Сокото и Кано, история султаната Ахир и др.

Вторая категория источников для изучения Тропической Африки, по мнению Моньо, «специфически африканская». Это устная традиция, сильно развитая в африканских обществах. Она передается в виде космогонических мифов, легенд, хроник и исторических рассказов, сказок, басен и т. п. Перед исследователем стоит проблема изучения африканских языков, записи и опубликования повествований устной традиции.

Материалы археологических раскопок составляют третью группу источников. Автор останавливается на результатах работы некоторых археологических экспедиций.

А. Моньо указывает еще один путь исследования истории народов Африки — это изучение пережитков прошлого в современной культуре и социальном устройстве африканских обществ.

А. Моньо сумел показать, насколько широко поле деятельности у африканистов.

С. Р. Ким

*Гитлеровские планы захвата Швеции
в 1943 году*

«*Ny Militär Tidskrift*». Stockholm. 1961, № 2. S. 35—42; «*Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift*». Zürich. 1961, № 8, S. 363—364.

В 1960 г. военно-историческим отделом американской армии издана книга «The German Northern Theater of Operations», составленная на основе германских трофейных документов, хранящихся в настоящее время в архивах США. В числе опубликованных материалов имеется «Оперативный этюд 1943», предусматривавший молниенос-

ный разгром путем неожиданного удара и оккупацию Швеции гитлеровскими войсками, сосредоточенными на территории Норвегии. Автором этого ранее неизвестного историка документа является проживающий в ФРГ бывший генерал-лейтенант гитлеровской армии фон Шелль, занимавший в 1943 г. пост командира 25-й танковой дивизии в Норвегии.

Обнародование этого документа вызвало значительный интерес прежде всего у шведских историков. В шведском журнале «*Ny Militär Tidskrift*» (1960, № 8—9) выступил с обширной статьей полковник Нильс. Лунд, который, в частности, подверг критике положенную в основу немецкого плана концепцию военной слабости Швеции.

Редакция «*Ny Militär Tidskrift*» предоставила страницы журнала бывшему гитлеровскому генералу Шеллю, позволив ему изложить свою точку зрения по поводу затронутых в статье Лунда проблем. Ответ Шелля, по нашему мнению, представляет определенный интерес. Как и следовало ожидать, Шелль отрицает наличие у гитлеровского командования «конкретных планов» агрессии против Швеции в 1943 г., а составленный им план захвата страны называет «оперативным этюдом», документом «теоретического характера». Такая позиция Шелля продиктована стремлением снять с себя и с других гитлеровских генералов ответственность за подготовку нападения на Швецию, которая имела место в действительности. Не выдерживает никакой критики его утверждение об отсутствии на территории Норвегии достаточного количества германских войск. Как известно из германских материалов, в 1943 г. в Норвегии было сосредоточено 13 германских дивизий общей численностью до 380 тыс. человек и около 1 тыс. орудий береговой обороны калибром более 100 мм. Такое количество войск нельзя объяснить одними потребностями обороны от десантов союзников.

Сам Шелль выдвигает тезисы, которые никак не согласуются с его аргументами; призванными доказать «отсутствие» у гитлеровцев «конкретных» агрессивных планов. Он дозвольно счелливо высказывается в пользу применения для решения «проблемы» Швеции теории «превентивной войны». Так, Шелль прозрачно намекает на то, что захват Норвегии в 1940 г. был осуществлен, чтобы «опередить» в этом англичан, и если бы возникла ситуация, при которой Швеция оказалась на стороне союзников, «немецкий удар против Швеции был бы необходим».

Дискуссия, развернувшаяся на страницах шведского журнала, нашла отклик в Швейцарии, положение которой в годы второй мировой войны во многом напоминало ситуацию, сложившуюся в то время для Швеции. Однако швейцарский военный историк Курц, излагая смысл этой полемики, приходит к выводам, с которыми мы не можем согласиться. Он утверждает, что нейтралитет малых стран во время «больших войн» мыслится только как «вооруженный нейтралитет». Этим Курц пытается обосновать необходимость усиленного вооружения Швейцарии.

Нет нужды доказывать, как мало это может помочь Швейцарии в век ракетно-ядерного оружия. Подлинная безопасность народов мира, в том числе и малых стран, может быть достигнута только на основе ослабления международной напряженности, проведения всеобщего разоружения, за которое неустанно борется Советский Союз.

В. М. Гиленсен

Неизвестные рукописи Кампанеллы

«*Rivista storica italiana*». Napoli. 1961, fasc. IV, pp. 772—801.

Луиджи Фирпо, известный исследователь Кампанеллы, опубликовал в ведущем итальянском историческом журнале три неизвестных ранее публицистических произведения итальянского мыслителя, относящихся к 1636 году.

История этих рукописей такова. В начале 1961 г. Л. Фирпо приобрел у французских антикваров рукописный сборник на латинском и итальянском языках, включавший два десятка текстов политического содержания, которые относились к XVI—XVII векам. При беглом просмотре сборника новый владелец заметил, что названия некоторых текстов очень похожи на названия тех работ Кампанеллы, которые вошли в составленный им самим список произведений, предназначенных для 10-го тома прижизненного издания его сочинений. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что первые 67 страниц сборника содержат 7 текстов Кампанеллы — все неизвестные и неизданные, все относящиеся к 1636 г., то есть как раз к тому периоду, когда, как казалось, больной и измученный 70-летний старик мог заниматься лишь ограниченной перепиской с корреспондентами да разве что подготовкой издания собрания своих сочинений.

Из этих 7 текстов Л. Фирпо публикует полностью три: обращения к Генуэзской

республике, к Савойскому герцогу Виктору Амедею I и к великому герцогу Тосканы Фердинанду II Медичи. Остальные тексты он предполагает издать в римском издательстве «История и литература». Обращения вложены в уста предполагаемых французских послов, призванных убедить итальянских князей в необходимости совместных с Францией действий в борьбе против Испании.

Кампанелла со свойственной ему страстью призывает к объединению военных усилий двух стран; он апеллирует к славному прошлому Генуэзской республики, напоминает Амедею Савойскому о воинских доблестях его отца, пытается воскресить в памяти Фердинанда славные традиции флорентийской культуры и прежнюю независимую политику дома Медичи. Он предлагает точно разработанный план внутреннего перераспределения территорий княжеств с тем, чтобы в дальнейшем оказалось невозможным ни испанское, ни французское вторжение в Италию.

В аргументации Кампанеллы чувствуется глубокое знание политического положения Италии в целом, особенностей политического положения каждого княжества, а главное, ясное понимание пагубности для итальянского народа раздробленности страны.

В течение своей жизни Кампанелла не раз обращался к итальянским potentatam с предложением искать внешних союзников в деле объединения Италии. В данных письмах, относящихся к последним годам жизни философа, мысль о необходимости объединения звучит с той же страстностью и убежденностью. Ориентация Кампанеллы на Францию как на возможное орудие объединения Италии является, по мнению Л. Фирпо, доказательством особых симпатий Кампанеллы к правящим кругам этой страны. Однако, как известно, в прежних своих публицистических произведениях Кампанелла возлагал аналогичные надежды на Австрию и Испанию. Такое поочередное обращение к державам, находившимся в крайней вражде друг с другом, доказывает не столько симпатию Кампанеллы к каждой из них, сколько то обстоятельство, что в разные исторические периоды он выбирал ту силу, которая казалась ему наиболее способной содействовать исполнению страстной мечты его жизни — делу освобождения и объединения его родины.

М. К. Старокадомская

К вопросу об этрусках

«Scientific American». New York. 1962. February, pp. 83—94.

Вопросы о происхождении этрусков, их языке и высокой культуре давно интересуют археологов, историков и лингвистов. Статья «Этрусски» видного французского исследователя Раймона Блока, известного специалиста в области раннеримской истории, не может не вызывать интереса у советских ученых.

Автор считает, что теория об автохтонном происхождении этрусков вызывает значительные сомнения в настоящее время в связи с новыми археологическими раскопками и лингвистическими исследованиями. Р. Блок обращает свое внимание прежде всего на некрополи этрусков, объясняя это тем, что жилые постройки создавались в основном из дерева и глины и совершенно исчезли. К тому же на месте этрусских поселений постоянно, на протяжении веков жили люди, которые переделывали старые и строили новые здания. Необходимо учитывать, по мнению автора, также тот факт, что этрусски, как и египтяне, придавали большое значение загробной жизни и поэтому возводили прочные, массивные гробницы из каменных глыб. Р. Блок указывает на то, что каменные гробницы совсем неизвестны в Европе и находят аналогии в странах Малой Азии — Лидии и Фригии.

Высокоразвитое этрусское искусство также может пролить свет на происхождение этрусков. Р. Блок обращает внимание на изображения этрусских женщин, которые наравне с мужчинами участвовали в общественной жизни города. Автор полагает, что подобное положение в обществе женщины занимали в странах Малой Азии. В Греции и Риме ничего подобного не было.

Религия этрусков имеет больше общих черт с восточными верованиями, чем с греко-римским язычеством, продолжает Р. Блок. Роль жрецов и прорицателей в общественной жизни этрусков, вера в загробную жизнь, беспрекословная покорность велениям богов — разве это не характерные черты древневосточных религий?

Автор считает, что мысль о приходе этрусков в Италию подтверждается также фактом молниеносного расцвета этрусских городов в отсталой, примитивной Италии. Обладая высокоразвитой металлургией, этрусски, придя в Италию, за короткое время привели поля в цветущее состояние, осушили болота. Государственное устройство этрусков не ассоциируется с Италией. Оно

напоминало союзы городов, существовавшие в Греции и Финикии.

Интересны соображения Р. Блока относительно этрусского языка. Автор сообщает о том, что в настоящее время известно около 10 тысяч текстов. Все они короткие, стереотипные. Лишь одна надпись на каменной колонне имеет сто слов. В настоящее время, сообщает автор, переведено около 30 слов. Многие остаются неясным. Данные, которые имеются сейчас в распоряжении исследователей, позволяют утверждать, по мнению Р. Блока, что этрусский язык не похож ни на один известный романский язык. Он имеет греческий алфавит, но это язык не греческий и не индоевропейский. Еще в 1885 г. на острове Лемнос была открыта надпись, датируемая VI в. до н. э. В надписи использован греческий алфавит, но язык не греческий. По мнению Р. Блока, между Лемносской надписью и загадочным языком этрусков имеются общие черты. Перед второй мировой войной на острове была найдена еще одна надпись такого же характера. Автор предполагает, что этрусский язык был распространен на Лемносе до греческого завоевания острова.

Р. Блок приходит к заключению о возможности прибытия этрусков из Малой Азии в VIII в. до н. э. (а не в XIII в., как сообщает Геродот). В это время мореходы бороздили Средиземное море во всех направлениях. Греки основывали свои колонии в Сицилии и Южной Италии, финикийцы — в Испании. Переселенцы из Малой Азии двинулись на север Италии и заняли долину По, а затем Лациум и Кампанию. По дороге в Италию этрусски колонизовали остров Лемнос. Греческий алфавит этрусски могли усвоить не после переселения в Италию, а, возможно, задолго до этого, находясь еще в Малой Азии. Греческая культура рано получила распространение в Эгейском бассейне и оказала влияние на многие народы Малой Азии.

Гипотеза о малоазийском происхождении этрусков далеко не новая. Но подкрепление ее некоторыми свежими лингвистическими и археологическими данными представляет несомненный интерес. Статья снабжена превосходными иллюстрациями и картой. В ней как бы суммируются все сведения об этрусках, известные в настоящее время. Проблема происхождения этрусков еще не решена окончательно, но совместные усилия лингвистов, историков и археологов уже многое сделали в этом направлении.

Н. И. Голубцова

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ*

- А в в а к у м, протопоп. Житие протопоба Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М. 1960, 479 стр. Рец.: Hauptmann P.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1962, Hf. 2, S. 273—274.
- «Актуальные проблемы славяноведения». Материалы Первого координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения. М. 1961. 272 стр. Рец.: Jakobiec M.—«Slavia orientalis». Warszawa. 1962, № 2, s. 253—255.
- Багреев А. Д. Военное искусство капиталистических государств. (1939—1945 гг.). М. 1960. 278 стр. Рец.: Besançon A.—«Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale». Paris. 1962, № 47, p. 84—87.
- Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.-Л. 1961. 394 стр. Рец.: C. S.—«Studii. Revistă de istorie». București. 1962, № 4, p. 1068—1069.
- Верховский А. И. На трудном перевале. (Первая мировая война 1914—1918 гг.) М. 1959. 448 стр. Рец.: Gapanovich J. J.—«Slavic review». Seattle. 1962, № 3, p. 544—546.
- «Вопросы истории КПСС периода Великой Отечественной войны». Киев. 1961. 312 стр. Рец.: Glasneck H.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1220—1221.
- Воробьева О. Б., Синельникова И. М. Дочери Маркса. М. 1961. 144 стр. Рец.: Herzmann U.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1214.
- Воронович А. А. Ленинская аграрная программа и ее осуществление в СССР. М. 1961. 555 стр. Рец.: Heinrich M.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1221.
- «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.». М. 1958. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1961. Рец.: Hass G.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1185—1188.
- «Героический остров». Заметки журналов о поездке на Кубу. Январь—июнь 1961. М. 1961. 112 стр. Рец.: Jt.—«Historie a vojenství». Praha. 1962, № 4, s. 571—572.
- Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. М. 1958. 208 стр. Рец.: Guboglu M.—«Studie et acta orientalia». București. 1961, t. 3 (1960), p. 247—248.
- Головко А. Г. Вместе с флотом. М. 1960. 270 стр. Рец.: Sorlin P.—«Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale». Paris. 1962, № 47, p. 88—89.
- Деборин Г. А. О характере второй мировой войны. М. 1960. Пер. на румын. яз.: București. 1962. Рец.: Dogaru M.—«Analele Inst. de istorie a partidului de pe lângă C. C. al P.M.R.». București. 1962, № 4, p. 173—174.
- Дудинский И. В. Мировая система социализма и закономерности ее развития. М. 1961. 294 стр. Рец.: Gorski G.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1207.
- Дузъ П. Д. История воздухоплавания и авиации в СССР. Период первой мировой войны (1914—1918 гг.). М. 1960. 301 стр. Рец.: Kar.—«Historie a vojenství». Praha. 1962, № 4, s. 583—585.
- Дякин В. С. Коммунистическая партия Германии и проблема единого фронта в годы относительной стабилизации капитализма. 1924—1928. М.-Л. 1961. 138 стр. Рец.: Reisberg A.—«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1962, № 3, S. 803—807.
- Еременко А. И. Сталинград. М. 1961. 504 стр. Рец.: Besançon A.—«Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale». Paris. 1962, № 47, p. 82—84.
- «История СССР. Эпоха социализма (1917—1957 гг.)». М. 1957. Пер. на нем. яз. Berlin. 1960. Рец.: Byrnes R. F.—«Journ. of modern history». Chicago. 1962, № 3, p. 354—355.
- «К столетию гражданской войны в США». Сб. статей. М. 1961. 586 стр. Рец.: Dk.—«Historie a vojenství». Praha. 1962, № 4, s. 587—588.
- Кононов А. Н. «Родословная туркмен». Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.-Л. 1958. 193, 94 стр. Рец.: Guboglu M.—«Studia et acta orientalia». București. 1961, t. 3 (1960), p. 253—254.
- Крууе Э. Э. Петербургские рабочие в 1912—1914 годах. М.-Л. 1961. 345 стр. Рец.: Kumpf S.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1209—1210.
- Лившин Я. И. Монополии в экономике России. (Экономические организации и политика монополистического капитала). М. 1961. 447 стр. Рец.: Petzelt E.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1211.
- Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. (В 3 т.) Т. 1. Л. 1961. 587 стр. Рец.: Mühlpfordt G.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1211—1212.
- Майский И. М. Воспоминания советского посла в Англии. М. 1960. 143 стр. Рец.: A. V.—«Studii. Revistă de istorie». București. 1962, № 4, p. 1070—1071.
- Майский И. М. Путешествие в прошлое. Воспоминания о русской политической эмиграции в Лондоне 1912—1917 гг. М. 1960. 325 стр. Рец.: Rauch G. von — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1962, Hf. 2, S. 276—277.
- «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937)». М. 1961. 552 стр. Рец.: Oprea J. M.—«Analele Inst. de istorie a partidului de pe lângă C. C. al P. M. R.». București. 1962, № 4, p. 220—222.
- Модржинская Е. Д. Идеология современного колониализма. М. 1961. 270 стр.

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение октября 1962 года.

Рец.: Rybecký VI.—«Mezinárodní politika». Praha. 1962, № 9, s. 421—422.

Монгайт А. Л. Археология в СССР. М. 1955. Пер. на англ. яз.: Baltimore, Md. 1961. Рец.: I. Chard Ch. S.—«Amer. antiquity». Salt Lake City. 1962, № 4, p. 606. 2. Shimkin D. B.—«Slavic review». Seattle. 1962, № 3, p. 329—331.

«Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883—1914. Документы и материалы». М.-Л. 1961. 795 стр. Рец.: Kumpf S.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1209.

«Национально-освободительное движение в Латинской Америке на современном этапе». М. 1961. 298 стр. Рец.: Copain N.—«Analele Inst. de istorie a partidului de pe lângă C. C. al P. M. R.». București. 1962, № 4, p. 214—217.

Ольшанский П. Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М. 1959. 226 стр. Рец.: Lemberg H.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1962, Hf. 2, S. 288—290.

«Орловская область в годы Великой Отечественной войны. (1941—1945 гг.)». Орел. 1960. 495 стр. Рец.: Besançon A.—«Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale». Paris. 1962, № 47, p. 87—88.

«Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М.-Л. 1948. 480 стр. Рец.: Besançon A.—«Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale». Paris. 1962, № 47, p. 92.

Петров Д. Рабочее и демократическое движение в Японии. М. 1961. 191 стр. Рец.: Unc Gh.—«Analele Inst. de istorie a partidului de pe lângă C. C. al P. M. R.». București. 1962, № 4, p. 174—176.

Петров Ю. П. КПСС — руководитель и воспитатель Красной Армии (1918—1920 гг.). М. 1961. 438 стр. Рец.: Kretschmar U.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1218—1219.

Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. (Исследования по истории социально-экономической, политического и культурного развития). М. 1961. 815 стр. Рец.: Mühlpfordt G.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1208.

Полторацк А. И. От Мюнхена до Нюрнберга. М. 1961. 375 стр. Рец.: Turck I.—«Analele Inst. de istorie a partidului de pe lângă C. C. al P. M. R.». București. 1962, № 4, p. 174—176.

Прибытковский Л. Н. Нигерия в борьбе за независимость. М. 1961. 192 стр. Рец.: Mährdel Ch.—«Deutsche Außenpolitik». Berlin. 1962, Hf. 9, S. 1111—1113.

«Рабочее движение в капиталистических странах. (1959—1961 гг.)». М. 1961. 584 стр. Рец.: Zvada J.—«Nová mysl». Praha. 1962. № 10, s. 1277—1278.

«Республика Индонезия. 1945—1960». М. 1961. 383 стр. Рец.: Mrozek B.—«Spravy

międzynarodowe». Warszawa. 1962, № 7, s. 108—110.

«Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни». Сб. ст. М. 1961. 439 стр. Рец.: S. I.—«Studii. Revistă de istorie». București. 1962, № 4, p. 1067—1068.

Сверчевская А. К. и Черман Т. П. Библиография Турции. (1917—1958). М. 1959. 190 стр. Рец.: Guboglu M.—«Studia et acta orientalia». București. 1962, t. 3 (1960), p. 257—258.

Смирнов С. С. Брестская крепость. М. 1957. Пер. на чеш. яз. Praha. 1962. Рец.: V. B.—«Historie a vojenství». Praha. 1962, № 4, s. 575—576.

«Советская историческая энциклопедия». (В 12-ти т.) Т. I. М. 1961. 1024 стб. Рец.: Hoffmann P.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1962, Hf. 5, S. 1176—1178.

«Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Документы и материалы. М. 1960. 291 стр. Рец.: Ferrg M.—«Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale». Paris. 1962, № 47, p. 79—81.

«Средние века». Сборник. Вып. 15, 16. М. 1959. Вып. 15. 190 стр. Вып. 16. 176 стр. Рец.: Goldenberg S.—«Anuarul Inst. de istorie din Gluj». 1960. Т. 3, p. 361—365.

«Тяжбы литовских крестьян и жителей местечек с управителями имений». Сб. документов. Ч. 2. XVII в. Вильнюс. 1961. 592 стр. На литов. яз. Рец.: A. G.—«Kwartalnik historie kultury materialnej». Warszawa. 1962, № 1—2, s. 213.

Хрущев Н. С. О внешней политике СССР. М. 1960. Пер. на чеш. яз.: Praha. 1962. Рец.: Krýlova J.—«Nová mysl». Praha. 1962, № 9, s. 1139—1142.

Хюсейн. Беда' и' ул-века' и'. (Удивительные события). Изд. текста, введ. и общ. ред. А. С. Тверитиновой. Аннотир. оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. Ч. 1—2. М. 1961. 75, 1122 с. Рец.: Guboglu M.—«Studii. Revistă de istorie». București. 1962, № 4, p. 1032—1042.

Шабад Б. А. Идеологические основы современного колониализма. М. 1961. 102 стр. Рец.: Rybecký VI.—«Mezinárodní politika». Praha. 1962, № 9, s. 421—422.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. I. Земли Молдавии и Украины. М. 1961. 338 стр. Рец.: S. J.—«Studii. Revistă de istorie». București. 1962, № 4, p. 1075—1076.

Lipšic E. Byzanz und die Slaven. Beiträge zur byzantinischen Geschichte des 6.—9. Jahrhunderts. Weimar. 1951, 105 S. Книга составлена из перевода двух статей автора, напечатанных в «Византийском временнике». М. 1947. Т. I (26) и в «Византийском сборнике». М.-Л. 1945. Рец.: R. P.—«Studii. Revistă de istorie». București. 1962, № 4, p. 1081—

Хроника научной жизни

20-я ГОДОВЩИНА ППР И ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Состоявшийся 20 января 1962 г. на торжественном заседании в Варшаве доклад Первого секретаря ЦК ПОРП В. Гомулки положил начало широкой кампании, посвященной празднованию 20-летия со дня образования Польской рабочей партии (ППР). Вслед за тем по всей стране прошли юбилейные заседания, собрания на предприятиях, встречи населения с деятелями ППР, лекции и доклады. Научными учреждениями и высшими учебными заведениями совместно с отделами истории партии воеводских комитетов ПОРП были проведены специальные научные сессии и конференции. Вышли из печати и продолжают выходить научные и популярные издания о деятельности и идеологическом развитии ППР с момента ее образования в январе 1942 г. и вплоть до объединения с обновленной Польской социалистической партией (ППС) и создания в декабре 1948 г. Польской объединенной рабочей партии. Газеты и журналы, радио и телевидение также уделили очень много внимания истории ППР. Десятки организованных в различных городах Польши выставок архивных документов и других материалов рассказали посетителям о самоотверженных усилиях ППР в борьбе за освобождение страны от гитлеровского ярма и строительство социализма в народной Польше. Таким образом, празднование 20-летия ППР превратилось в одну из крупнейших по своему значению и масштабу политических кампаний, которые когда-либо проводились в стране.

В праздновании юбилея активно участвовала не только ПОРП — непосредственная продолжательница и идейная наследница ППР, но и сотрудничающие с нею партии: Объединенная крестьянская и Демократическая, а также широчайшие круги польской общественности. В эту кампанию включились все массовые общественно-политические организации: профсоюзы, Общество польско-советской дружбы, Общество развития западных земель и др. Широкою программю празднования осуществили молодежные организации: Союз социалистической молодежи, Союз сельской молодежи, Союз польских харцеров (пионеры). Миллионы людей выразили свою признатель-

ность партии, которая сыграла решающую роль в борьбе за национальное и социальное освобождение и повела Польшу по пути строительства социализма. Все это свидетельствует об общенародном характере празднования 20-летия ППР.

Празднование 20-летия ППР способствовало развертыванию научных исследований по истории этой партии. В настоящее время нет такой проблемы в области организационной, политической или идеологической деятельности ППР, которая не была бы изучена хотя бы в общих чертах. Новый свет на значение ее деятельности проливают обнаруженные недавно в архивных фондах документы по истории ППР и связанных с ней организаций, а также документы, касающиеся буржуазного эмигрантского правительства, его «делегатуры» в Польше и Главного командования Армии Крайовой.

Исследованием истории ППР в Польше занимается главным образом коллектив Института истории партии при ЦК ПОРП. Им изданы: сборник документов «Формирование программных основ Польской рабочей партии в 1942—1945 гг.», в котором освещается деятельность партии в период гитлеровской оккупации; «Очерки истории польского рабочего движения в годы гитлеровской оккупации» (на правах рукописи); работа Е. Павловича по истории Крайовой Рады Народовой; первый том статей из конспиративной печати ППР; «Сообщения Главного командования Гвардии Людовой и Армии Людовой» и многое другое¹. Институт выпустил также ряд работ, посвященных первым годам существования народной Польши. К ним относятся: «Очерк истории польского рабочего движения в 1944—1947 гг.», монография Я. Голембёвского о борьбе ППР за национализацию

¹ Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945». Warszawa. 1958; «Szkice z dziejów polskiego ruchu robotniczego w latach okupacji hitlerowskiej». Warszawa. 1960—1961; P. Pawłowicz. Z dziejów konspiracyjnej KRN. Warszawa. 1961; «Publicystyka konspiracyjna PPR 1942—1945». Wybór artykułów. T. 1: 1942. Warszawa. 1961; «Komunikaty Dowództwa Głównego Gwardii Ludowej i Armii Ludowej». Wyd. 2. Warszawa. 1962.

промышленности, а также резолюции, воззвания, инструкции и циркуляры ЦК ППР за 1944—1947 годы².

Особого внимания заслуживает юбилейный (январь 1962 г.) номер журнала «Z pola walki», в котором помещены статьи и сообщения, освещающие узловые проблемы истории ППР, а также воспоминания, биографии и ряд впервые публикуемых документов. Среди них — 15 радиотелеграмм, посланных ЦК ППР в 1942 г. и в январе 1943 г. Г. Димитрову. Эти телеграммы, подписанные М. Новотко и П. Финдером, информировали польских коммунистов, находившихся в СССР, и братские коммунистические партии о ходе антигитлеровской борьбы в Польше. Впервые опубликован также текст выступления М. Спыхальского (представителя ЦК ППР, прибывшего нелегально из оккупированной Польши) на собрании польских коммунистов в Москве 8 июня 1944 года.

Анализом деятельности левого крыла польского общества, объединенного вокруг ППР, занимается Военно-исторический институт, сотрудники которого исследуют развитие антифашистского освободительного движения в Польше, формы вооруженной борьбы Гвардии Людовой (ГЛ) и Армии Людовой (АЛ). В институте изучается и проблема сотрудничества советских и польских партизан, а также история возникновения, развития и боевых операций Польской народной армии. Изданы три библиографических указателя о движении Сопротивления в Польше и специальный номер «Военного исторического обозрения»³.

Изучением истории антигитлеровской национально-освободительной борьбы на польских землях широко занимается также сектор истории второй мировой войны Института истории Польской Академии наук

² «Zarys historii polskiego ruchu robotniczego (lipiec 1944 — styczeń 1947)». Warszawa. Wyd. 2. 1962; J. G o ł ę b i o w s k i. Walka PPR o nacjonalizację przemysłu. Warszawa. 1961; «Resolucje, odezwy, instrukcje i okólniki KC PPR. VIII. 1944—XII. 1945». Warszawa. 1959; i d e m: I. 1946 — I. 1947. Warszawa. 1961.

³ «Bibliografia walki wyzwoleniczej narodu polskiego przeciw hitlerowskiemu okupantowi 1939—1945». Materiały z lat 1945—1960. Warszawa. 1961; «Bibliografia wojskowa II wojny światowej». Mat. za lata 1939—1958. Warszawa. 1960; «Bibliografia do dziejów PPR, Związku Walki Młodych, Gwardii Ludowej i Armii Ludowej w okresie okupacji». Mat. z lat 1944—1961 («Wojskowy Przegląd Historyczny», 1962, № Spec. pośw. XX r. powstania PPR).

(ПАН). Кроме нескольких монографий и серии статей по новейшей истории Польши, сектор подготовил и издал каталог конспиративной прессы, составил библиографию брошюр периода оккупации и готовит к печати хронику событий того же времени, указатель польских подпольных организаций, а также международную библиографию литературы о концентрационных лагерях⁴.

Первый период существования народной Польши активно изучает группа научных работников Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП. Она разрабатывает проблемы истории проведения земельной реформы и национализации промышленности, а также деятельности ППР в отдельных воеводствах.

Заслуживает внимания изданный Государственным издательством учебной литературы сборник «Из новейшей истории Польши (1939—1947 гг.)», состоящий из 17 статей по узловым вопросам истории польского народа в период второй мировой войны и начала формирования народной власти в Польше⁵.

В 1962 г. различными центральными и местными издательствами было выпущено в свет более 50 работ по истории ППР. Среди них должен быть отмечен прежде всего подготовленный к печати и ныне вышедший в свет 1-й том избранных произведений В. Гомулки. В него вошли материалы, относящиеся к 1943—1945 гг., частично неизвестные широкому кругу читателей.

Особое место занимает мемуарная литература, отражающая условия и атмосферу героической борьбы польских коммунистов и трудовые подвиги строителей народной Польши. Здесь выделяются: сборник донесений командиров ГЛ и АЛ «Люди — факты — размышления»; воспоминания офицера II бригады АЛ А. Бакалярчика «Лесные бои»; воспоминания деятелей Союза борьбы молодых⁶.

Постоянно возрастает активность региональных научных центров, а также отделов истории партии при воеводских комитетах ПОРП. Во время празднования 20-летия

⁴ «Centralny katalog polskiej prasy konspiracyjnej. 1939—1945». Oprac. L. Dobroszycki przy współ W. Kiedrzyńskiej pod kier. nauk. S. Płoskiego. Warszawa. 1962.

⁵ «Z najnowszych dziejów Polski. 1939—1947». Zb. art. pod red. W. Góry i J. G o ł ę b i o w s k i e g o. Warszawa. 1961.

⁶ «Ludzie, fakty, refleksje». Oprac. W. Namiotkiewicz i B. Roztropowicz. Warszawa. 1961; A. B a k a l a r c z y k. Leśne boje. Warszawa. 1961; «My z głodujących miast». Warszawa. 1961.

ППР они проделали большую работу, особенно варшавский, катовицкий, кошалинский, познанский, быдгощский, лодзинский, краковский, келецкий, белостокский и жешувский. Так, по инициативе отдела истории партии Варшавского комитета ПОРП готовится публикация «Варшавская организация ППР (1942—1944 гг.)». Первую часть ее составят воспоминания партийных деятелей, вторую — документы, освещающие деятельность ППР в период подполья. Историческая комиссия Варшавского воеводского комитета начала также работу над изданием воспоминаний «Из истории борьбы ППР в Мазовии». Активно работающий Катовицкий центр подготовил очерки истории V округа ППР (Силезия и Домбровский бассейн), охватывающие 1942—1945 годы. Вышли из печати написанные Г. Реховичем очерки о деятелях ППР этого округа. Издан специальный номер квартальника «Zaganie Śląskie»; подготовлена к печати работа о деятельности Союза борьбы молодых в Силезско-Домбровском воеводстве⁷. Заслуживают также внимания подготовленные на местах работы: «Деятельность ППР в Быдгощском воеводстве в 1942—1945 гг.»; «Из истории ППР в Быдгощском воеводстве (1945—1947 гг.)»; специальный номер «Zapiski Koszalińskie»; «В повете и городе Кошалин (1945—1948)»; «Из истории тех лет» (о деятельности ППР в возвращенной Польше Любушской земле); «Из истории борьбы ППР за создание и укрепление народной власти в Белостокском районе в 1944—1947 гг.»; «Тарнобжеская земля в борьбе за рабоче-крестьянскую власть» и др.⁸

Все усиливающаяся издательская деятельность местных центров и заметно повысившийся научный уровень их публикаций являются отражением успехов, достигнутых в изучении богатых революционных

традиций польского рабочего движения в отдельных районах страны. Доказательством тому служат многочисленные научные сессии, посвященные 20-летию ППР, состоявшиеся в большинстве воеводских центров страны. Они имели своей целью показать успехи польской науки в этой области; провести дискуссию по ряду проблем с привлечением участников освободительного движения; обсудить насущные вопросы развития исторической науки.

Из наиболее удавшихся местных сессий можно назвать сессию, организованную в Катовицах Силезским научным институтом, Институтом истории Силезии и отделом истории партии воеводского комитета ПОРП, посвященную деятельности партийной организации в подполье и в первые годы существования народной власти. В докладе Г. Реховича «Деятельность Польской рабочей партии в V округе», подготовленном на основе неизвестных ранее материалов, говорилось о создании в этом округе по инициативе польских коммунистов первых антифашистских конспиративных организаций («Кружки друзей Советского Союза», «Революционное движение Сопротивления» и др.), был показан процесс формирования в отдельных районах V округа партийных организаций ППР и различные формы вооруженной борьбы с оккупантами (наравне с партизанской борьбой, которая велась большими отрядами, главным образом в гористых и лесистых местностях, серьезное значение в Силезии имели диверсионные акты на предприятиях военной промышленности и на транспорте), охарактеризована пропагандистская и издательская деятельность ППР, очерчена подготовка трудящихся к захвату власти.

Доклад Я. Голембёвского и Н. Коломейчика «Роль ППР в создании народной власти и осуществлении революционных преобразований на территории Домбровского бассейна и Верхней Силезии в 1945 г.» был сконцентрирован вокруг четырех главных проблем: образование демократического аппарата народной власти в Силезско-Домбровском районе; национализация промышленности и земельная реформа; восстановление экономической жизни Домбровского бассейна и Силезии; деятельность ППР по объединению демократических сил в борьбе с лагерем реакции и за укрепление народной власти. Специальные доклады на сессии были посвящены задачам дальнейших научных исследований в этой области.

⁷ H. Rechowicz. Działalność PPR w V powiecie. Katowice. 1962; Tenże. Ludzie PPR. Katowice. 1962.

⁸ J. Chamot. Z działalności PPR w województwie bydgoskim 1942—1945. Bydgoszcz. 1959; R. Halaba, N. Kolomejczyk. Z dziejów PPR w województwie bydgoskim 1945—1947. Bydgoszcz. 1962; H. Rybicki. PPR — w powiecie i mieście 1945—1948. Koszalin. 1962; «Z tamtych lat...». Zieleną Góra. 1962; H. Majeski, M. Gnатовski. Z dziejów walk PPR o zbudowanie i utrwalenie władzy ludowej na Białostocczyźnie w latach 1944—1947. Białystok. 1962; L. Korga. Ziemia Tarnobrzaska w walce o władzę robotniczo-chłopską. Wspomnienia z lat 1934—1939—1945. Rzeszów. 1961.

Ряд выступлений зарубежных гостей — участников сессии, а также польских ученых из других районов страны существенно расширил тематику дискуссии. О международном значении образования, деятельности и опыта ППР говорили советские историки И. А. Хренов и П. В. Галенко, историки из ГДР Р. Еске и Л. Ейнике, чехословацкие историки Е. Хайкова, М. Хубель, О. Кана, И. Колейка, К. Коржалкова, О. Прудель и В. Станек. Значительный вклад в дискуссию внесли участники антигитлеровского движения на территории V округа, которые поделились своими воспоминаниями и высказали ряд пожеланий в адрес ученых.

14—15 июня 1962 г. в Варшаве состоялась Центральная научная сессия, посвященная 20-й годовщине образования ППР. Ее организаторами были Институт истории партии при ЦК ПОРП, отдел общественных наук ПАН, Высшая школа общественных наук при ЦК ПОРП, Военно-исторический институт. Эта сессия подвела итоги длительной, кропотливой и сложной научно-исследовательской работе по истории ППР. Открывая сессию, секретарь ЦК ПОРП В. Ярославский отметил, что до середины июня 1962 г. в Польше состоялось 17 юбилейных научных сессий; издано более 50 научных и научно-популярных работ и опубликовано несколько сот статей по истории ППР. Начаты крупные работы, посвященные основным социальным преобразованиям в народной Польше; растут кадры историков, которые связывают свои научные планы с проблематикой новейшей истории Польши.

Участники сессии обсудили доклады: о превращении ППР в руководящую силу польского народа; об организации ею антигитлеровской вооруженной борьбы в период освободительной войны; о роли ППР в создании предпосылок социалистической индустриализации; о земельной политике ППР в 1944—1948 гг.; о роли ППР в создании государственного аппарата народной Польши; о политике ППР в области культуры. Обсуждение докладов на заседаниях четырех специальных секций было очень оживленным и плодотворным. Вместе с тем оно выявило также ряд пробелов в освещении истории ППР и наметило новые направления дальнейших исследований в этой области. К числу недостатков, как отмечалось на сессии, принадлежат: статич-

ное описание истории ППР, без выявления перемен на различных этапах ее развития; изучение истории других польских партий в отрыве от истории ППР. К новым направлениям в работе исследователей отнесены такие проблемы для изучения, как: превращение ППР из партии рабочего класса в партию всех трудящихся масс, в партию массовую; развитие идеологии ППР; формирование единого фронта рабочих и демократического блока на фоне сдвигов в левых партиях, наметившихся в годы гитлеровской оккупации и в современный период; определение классового характера народной власти в ПНР и освещение авангардной роли ППР в развитии народного государства; расширение исследований по периоду 1948—1949 годов.

Большое признание у польской общественности получили посвященные 20-летию образования ППР мероприятия, проведенные в Советском Союзе, особенно научные сессии, организованные Институтом марксизма-ленинизма, Академией общественных наук и Высшей партийной школой при ЦК КПСС, Институтом славяноведения АН СССР⁹ и другими учреждениями.

Празднование 20-летия образования ППР имело огромное политико-воспитательное и научное значение. Эта кампания еще раз показала правильность социалистического пути развития, по которому повела польский народ ППР. Эта кампания популяризировала в широчайших слоях народа идеи руководящей роли ППР, ее огромные заслуги в борьбе с гитлеровскими оккупантами, в деле строительства народной Польши, связанной узами нерушимой дружбы с Советским Союзом и всем лагерем социализма. Празднование 20-летия со дня основания ППР широко популяризировало героизм, патриотизм и интернационализм, безграничную преданность делу рабочего класса и всего народа руководителей и рядовых членов ППР, Союза борьбы молодых, Гвардии Людовой, Армии Людовой и Польской народной армии, деятельность которых способствовала созданию и укреплению народно-демократического строя в Польше.

Т. Данишевский

⁹ См. П. Н. Ольшанский. К 20-летию Польской рабочей партии. «Вопросы истории», 1962, № 6.

Хроникальные заметки

◆ Вышел в свет второй том «Истории Румынии», издаваемой Академией РНР («Istoria României». Vol. II. București, 1962. 1159 p.). Редколлегия тома: акад. А. Оцета (гл. ред.), М. Берза, Б. Т. Кыпина, Ш. Паску, Ш. Штефэнеску. Том охватывает события X — начала XVI века. Основные его проблемы: генезис феодализма в Румынии и возникновение первых феодальных государств на ее территории; формирование феодальных отношений в Трансильвании, Молдове и Валахии; народные восстания 1437—1438 и 1514 гг.; освободительная борьба против турецких захватчиков. Том завершается изложением событий до времени правления Михая Храброго и первой попытки политического объединения румынских княжеств.

◆ В связи с 45-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции Немецкое военное издательство выпустило в свет I том «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», издаваемой в СССР в 6 томах Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Немецкое издание подготовлено коллективом сотрудников Института немецкой военной истории, Отделением военной истории Института истории Немецкой Академии наук и Военной академией «Фридрих Энгельс».

◆ Бельгийский автор, проф. Ван Бильзен, выпустил книгу о борьбе конголезцев за независимость (A. A. Van Bilsen. L'Indépendance du Congo. Tournai. «Casterman». 1962. 236 p.), детально осветив в ней ход событий в Конго с октября 1958 г. до апреля 1961 года. Ван Бильзен пытается объективно разобраться в причинах конголезского политического кризиса, хотя это ему и не удастся до конца. Он справедливо дает высокую оценку деятельности П. Лумумбы, обличает предательство национальных интересов катангскими правителями и разоблачает империалистические государства, стремящиеся «балканизировать» Конго, чтобы сделать его в своих интересах «пороховой бочкой Африки» и иметь повод для вмешательства в африканские дела. В то же время автор неоправданно возмечивает политику президента Конго Ж. Касаубу и недооценивает значения деятельности стэнливилевского правительства А. Гизенги.

◆ «Немецкое историческое общество» издало сборник докладов, представленных 17 авторами на Шверинскую научную сессию 1959 года. Книга посвящена первобытной и древней истории Германии («Aus Ur- und Frühgeschichte». Red.: K.-H. Otto. Berlin. «Akademie-Verlag». 1962. 185 S., 27 Taf., 17 Abb., 5 Karten). Она открывается разделом о методе и теории исследований первобытной и древней эпох, содержащим ценные в методологическом отношении статьи, обобщающие последние научные достижения в этой области.

◆ В связи с исполняющимся в 1963 г. 20-летием Польской народной армии в Польше подготавливаются к печати: обобщающий труд «Освободительная война польского народа в 1939—1945 годах», «Календарь освободительной войны польского народа в 1939—1945 годах», IV том публикации «Организация и действия Польской народной армии» (документы политического аппарата армии за период войны), работы по истории отдельных частей и соединений народной армии.

◆ Сотрудники факультета иберо-американистики Романского института Ростоцкого университета (ГДР) приступили к подготовке документации по современной истории Латинской Америки. В центре исследования — национально-освободительное движение 1930-х годов и нынешнего времени на южноамериканском континенте.

◆ В октябре 1962 г. в Зеленой Гуре (Польская Народная Республика) состоялась научная сессия, посвященная 80-й годовщине образования партии «Пролетариат». С докладом о роли и историческом значении деятельности этой партии польских рабочих выступил Б. Краузе.

◆ В Шпандау (Западный Берлин) в результате археологических раскопок 1961—1962 гг. сделаны открытия, свидетельствующие о существовании здесь в XII в. славянского поселения. Предполагается, что это была резиденция славянского князя, опоясанная валом. Обнаружены остатки деревянных укреплений, керамики, металлические изделия и украшения славянского происхождения.

◆ Создана новая экспозиция в музее (Бухарест), в котором на площади в 10 га представлена история аграрного развития Румынии за три столетия. Здесь развернуто 200 различных объектов 57 хозяйств, относящихся к различным эпохам и содержащих около 15,5 тыс. экспонатов.

◆ Польская археологическая экспедиция во главе с К. Михаловским, ведущая раскопки в Египте, открыла в центре Александрии, на холме Ком эль-Дик, стены сооружения, являющегося необычным образцом смешения двух архитектурных стилей: барокко и раннеарабского. Сооружение представляет собою объект размерами 160×160 м, с хорошо сохранившимися мраморными бассейнами.

◆ В правобережной части Варшавы — Праге, на холме Загуже, археологами обнаружены остатки существовавшего здесь в X в. поселения, которое представляло собою административно-хозяйственный центр прилегающего к Висле района. Раскопки показали, что главным занятием жителей этого селения было земледелие. Некоторые найденные предметы русского происхождения свидетельствуют о торговых связях Мазовии с Русью.

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА

В фонде Оленина, хранящемся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, под № 659 значится неизвестный до настоящего времени документ, помогающий осветить некоторые аспекты крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, в частности период осады восставшими Оренбурга. Это — журнал. Рукопись является копией, о чем свидетельствуют разные почерки, которыми она написана. Журнал не подписан и не датирован.

Текст документа позволяет определить социальную принадлежность автора и его роль в период осады Оренбурга. Сам он причисляет себя к составу войск, оборонявших крепость, в частности к команде, бывшей под общим началом оренбургского обер-коменданта генерал-майора Валленстерна¹.

Эта команда, согласно предписанию губернатора Рейнсдорпа, утвержденному 28 сентября 1773 г. на совете высших оренбургских чиновников, была составлена из местных разночинцев, имевших оружие². Их непосредственным начальником был товарищ губернатора Мясоедов³, к которому автор питает особое уважение. Это лишь один раз может свидетельствовать в пользу того, что последний находился в рядах данной команды. Анализ записей «Журнала» показывает, что автор пользовался секретными и достоверными данными из первых рук — от губернатора и его помощников. Видимо, в осажденном Оренбурге он занимал не последнюю должность.

В «Журнале» описываются события сентября 1773 г. — сентября 1774 г., но главное внимание отведено периоду непосредственной осады Оренбурга.

«Журнал» автор вел на основе собственных наблюдений, данных донесений и высказываний гарнизонного начальства, различных свидетельств жителей города и солдат и показаний пленных. Несмотря на явную антиповстанческую тенденциозность автора в оценке событий, ценность данного источника заключается в том, что «Журнал» содержит подробные и неизвестные до настоящего времени сведения о ходе событий в период осады восставшими Оренбурга⁴. К ним в первую очередь следует отнести подробные сообщения о тактическом делении обороны крепости на дистанции и команды⁵.

Автор «Журнала» пишет: «Кругом крепость по валу разделена на 4 дистанции... состоящих из солдат и казаков. Первая начинается от соборной церкви до Орских ворот, где крепость всех мест была слабее, под команду бывшего же в отставке коллежского

¹ Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), ф. Оленина, д. 659, «Журнал», л. 6.

² А. С. Пушкин. История Пугачева. Соч. Т. IX. М.-Л. 1938—1940, стр. 20.

³ ГПБ, ф. Оленина, д. 659, «Журнал», л. 3.

⁴ Ср. П. И. Рычков. Летопись «Осада Оренбурга». В книге: А. С. Пушкин. Соч. Т. IX, ч. I, стр. 206—235; «Прибавление о разбойнике и самозванце Пугачеве из дневных записок 1773 г. Оренбурга Благовещенской церкви, что на гостином дворе, священника Ивана Осипова», там же, ч. II, стр. 551—578; «Известия о самозванце Пугачеве», там же, стр. 579—598; «Записка полковника Пекарского о бунтах яицких, что ныне уральские, казаков и о самозванце Емельке, донском казаке Пугачеве», там же, стр. 598—616; «Краткое известие о злодейских на Казань действиях вора, изменника и бунтовщика Емельки Пугачева, собранное Платоном Любарским, архимандритом Спаскоказанским 1774, август 24 дня», там же, ч. I, стр. 360—367; Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Тт. 1—3. СПб. 1884.

⁵ Лишь Н. Ф. Дубровин в своей работе (указ. соч. Т. II, стр. 35) упоминает о делении обороны Оренбургской крепости на 7 участков, но не дает их описания.

советника Тимашева, и сверх регулярных были яицкие и сакмарские казаки и каргалинские татары, которые в готовности находились поддержать в случае нужды прочие дистанции. Вторая, от Орских до Сакмарских ворот: оренбургские казаки и казаки под командою подполковника и войскового атамана Могучова. Третья, от Сакмарских ворот до Чернореченских: гарнизонные солдаты под командою прокурора Ушакова. Четвертая, от тех ворот до Водяных: набранные купцы и всякие разночинцы под командою коллежского советника и губернаторского товарища Мясоедова, ибо сия дистанция из всей крепости безопаснее тем, что на оной городская стена каменная»⁶.

Кроме этих четырех основных дистанций, автор сообщает о трех командах: «...от Водяных ворот до другого собора и по горе от реки Яика и майор Доляровский со своим батальоном, а против губернаторского дому, и губернаторской канцелярии, губернаторская рота, а внизу у реки Яика вверх и вниз сделано две батареи»⁷. Помимо перечисленных 7 команд, созданных непосредственно для боевых действий, была сформирована еще и специальная команда — «внутри города на самой площади у гауптвахты для пожарного случая... всегда в готовности было более 40 бочек с водой и при каждой бочке лошади и люди, а притом заливные трубы, багры и прочие пожарные инструменты были готовы, и всякого народу, и особливо из приезжих в город, человек до четырехсот находилось безотлучно, причем командиром был определен надворный советник и пограничной таможи директор Обухов с приданными ему офицерами и таможенными служителями»⁸.

Перед исследователем предстает схема обороны Оренбурга, разработанная с учетом грозного и решительного противника. Значительный интерес представляют данные о численности и состоянии артиллерии, как царских войск, находившихся в крепости⁹, так и повстанцев¹⁰; сведения об изготовлении повстанцами специальных приспособлений для защиты орудий и людей во время атаки крепости¹¹; о вооружении восставших ручным огнестрельным оружием¹². В «Журнале» имеется также ряд данных о жизни внутри осажденной крепости: о ценах на продукты питания, сено и дрова¹³, о закрытии питейных заведений для обеспечения порядка в гарнизоне¹⁴. Все это помогает воссоздать общую картину напряженной борьбы.

Приведенные в «Журнале» сведения являются веским подтверждением многочисленности восставших и достаточно хорошего их вооружения. Источник позволяет сделать косвенные выводы о том, что вождь восставших Е. И. Пугачев и его соратники были смелыми и решительными военачальниками, умело сочетавшими в борьбе с врагом различные методы ведения боя и военную хитрость.

В. Спирков

⁶ ГПБ, ф. Оленина, д. 659, «Журнал», л. 3, 3 об.

⁷ Там же, л. 3 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же, л. 3.

¹⁰ Там же, л. 5.

¹¹ Там же, лл. 5—5 об.

¹² Там же, л. 6.

¹³ Там же, л. 11.

¹⁴ Там же, л. 3 об.

В крестьянской войне 1773—1775 гг. активное участие приняли народы Поволжья. Для изучения вопроса о месте и роли поволжских татар в восстании значительный интерес представляет малоизвестная исследователям запись, сделанная на татарском языке на полях рукописи, которая хранится в Рукописном отделе Института народов Азии АН СССР¹.

¹ Рукописная книга (шифр В-743), датируемая первой половиной XVIII в., — широко известный сборник повестей о Чингис-хане, Аксак-Тимуре и позднейших записей о событиях, происходивших до конца XVII века. На полях лл. 33б, 34а, 34б этой книги сделана запись; она сохранилась значительно лучше основного текста, что подтверждает ее более позднее происхождение. По смыслу текст на полях не связан с текстом рукописи и является самостоятельным документом. Запись была обнаружена в 1930-е годы сотрудником Института востоковедения С. Л. Волиным, который перевел ее на русский язык и тем самым сделал этот интересный документ доступным для исследо-

Эта запись содержит сведения о событиях, связанных с появлением в июле 1774 г. Е. И. Пугачева в окрестностях Казани. Е. И. Пугачев, говорится в записи, «остановился с большим войском и своими генералами на большой дороге, напротив Или, что на берегу реки Казани». Далее характеризуются действия сторонников Е. И. Пугачева, которые уговаривали жителей деревни Или: «Не сопротивляйтесь... мы убьем ябедников и злодеев, вред от нас не коснется хороших людей и простого народа». Повстанцы, как позволяет судить документ, стремились получить в деревне съестные припасы, затем, покинув Или, они «пошли к Казани и начали сражение».

Автор записи говорит о силе царских войск, снабженных «исправным оружием и хорошими пушками, чтобы преследовать Пугачева», о расправе этих войск над жителями деревни Кичи Или, которые помогли отрядам Пугачева.

Далее в документе изображается поражение Е. И. Пугачева у Казани, куда подошел Михельсон и «со всей силой пустил в ход пушки и оружие», в результате чего «...в бою много людей погибло, много людей было взято в плен, и им отрубили головы, много людей умерло в тюрьме». Автор записи коротко сообщает и о судьбе руководителя восстания, которого «также... взяли в плен. Впоследствии мы слышали, что в наказание за его преступление... царица приказала его убить в Москве».

Заканчивается запись сведениями о небезызвестном в нашем фольклоре генерале Дудареве (из татар), который якобы спас мусульман — участников движения Е. И. Пугачева — от расправы царских властей.

Таким образом, запись рассказывает об одном из эпизодов кульминационного этапа крестьянской войны 1773—1775 гг., когда Е. И. Пугачев, решив покинуть разоренные районы Урала, пошел к Волге, где в это время стихийно поднималось крестьянское движение. В период с 9 по 12 июля (дата взятия восставшими Казани) войско Е. И. Пугачева проходило через упоминаемые в документе деревни: Верхняя и Нижняя Корса и Кичи Или. Верхняя и Нижняя Корса расположены были по правую сторону Сибирского тракта в районе Арска, в 72 верстах от Казани. Верхняя Корса насчитывала 140 дворов, 445 душ мужского и 478 душ женского населения, Нижняя — 46 дворов, 190 мужчин и 182 женщины². По словам автора записи, Е. И. Пугачев был здесь 9 июля. Точность этой даты подтверждается следующими данными: 12 июля деревня Курсы (официальное название) была уже занята правительственными войсками. Михельсон шел в это время Арской дорогой к Казани, куда 11 июля подошел и Е. И. Пугачев³. Повстанцы продвигались через эти районы быстро, поэтому расстояние в 72 версты от Курсы до Казани они могли пройти за 2 дня.

О деревне Кичи Или сведений в литературе нет⁴. О ее местонахождении и дате пребывания здесь Е. И. Пугачева можно судить лишь на основании приводимого документа. В нем говорится, что эта деревня находилась на берегу реки Казанки, вблизи Казани, и что здесь повстанцы сделали последнюю остановку перед сражением 12 июля.

Точная датировка событий, уверенность в изложении материала, знание имен жителей деревни и конкретной обстановки района — все это говорит о том, что автор записи являлся современником крестьянской войны. Его сообщение о гибели руководителя восстания доказывает, что писал он после 10 января 1775 г., когда Е. И. Пугачев был казнен в Москве. Документ пронизан сочувствием автора к сторонникам Е. И. Пугачева. Вождя восстания он именует «Емельяном Ивановичем», а его сподвижников — «генералами», армию восставших с уважением называет «войском». Бросается в глаза определенная объективность автора. Так, из его рассказа мы узнаем, что на стороне Е. И. Пугачева было подавляющее большинство жителей деревни Корса (а это свыше тысячи человек).

А. Куликова

вателей крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Переводом С. Л. Волина, хранящимся в Архиве востоковедов Института народов Азии АН СССР (ф. 93, оп. 1, ед. хр. 9), пользуется автор данного сообщения.

² «Список населенных мест по сведениям 1859 г.». Т. 14. Казанская губерния. СПб. 1886, стр. 6, № 44; стр. 14, № 227.

³ «Пугачевщина». Изд. Центрархива. Т. 1. М.-Л. 1926, стр. 174, 208. Рапорты полковника Бахтияра Канкеева Пугачеву от 14 июля 1774 года.

⁴ С. Л. Волин считал, что название Кичи Или, возможно, следует понимать как нарицательное — «маленькая деревня».

ПЕТР АЛЕКСЕЕВ В ЯКУТСКОЙ ССЫЛКЕ

Немало страниц посвятили современники и историки Петру Алексееву, его знаменитому выступлению на «процессе 50-ти», когда прозвучало «великое пророчество» рабочего-революционера о свержении деспотизма. Сибирский же период его жизни — каторга в Забайкалье и якутская ссылка — исследован недостаточно. Между тем за Уралом Петр Алексеевич Алексеев находился более десяти лет. Сохранились интересные, но малоизученные источники об этом времени: воспоминания Э. К. Пекарского, И. И. Майнова, С. Ф. Ковалика, письма самого Петра Алексеева. Среди неопубликованных материалов — документы, хранящиеся в Якутском государственном архиве, которые освещают время его пребывания в ссылке. Среди них находится и следственное дело об убийстве Алексеева.

Отбыв каторгу, П. А. Алексеев был отправлен в 1884 г. на поселение. В дороге не обошлось без задержек, и в Якутск он прибыл 9 марта 1885 года. Петра Алексеевича поселили за 340 верст к востоку от города, в Сасыльском наслеге, Баягантайского улуса.

В Сасыльском наслеге П. А. Алексеев остановился у участника процесса 1875 г. А. И. Сирякова, которого знал по Новобелгородской тюрьме. Стремление П. А. Алексеева заняться земледелием оказалось малореальным, так как на Алдане было крайне мало удобной для сельского хозяйства земли. Не получив 15 десятин, полагавшихся ему как ссыльно-поселенцу, Алексеев перебрался в якутскую юрту. Здесь на двух клочках земли он завел небольшой огород. С гордостью сообщал Алексеев П. С. Ивановской (в июле 1885 г.), с которой познакомился на Каре, что хозяйство его «находится в самом цветущем состоянии и ведется по всем правилам агрономического искусства. Лишь просохла земля, я орудием, каким еще от сотворения мира никто не работал, раскопал маленькую долину черноземной земли и сделал две превосходные грядки, на которых теперь у меня растет 70 превосходных вилок капусты. Этого мало, я расчистил и другую долину, которую засеял горохом»¹.

С первых дней ссылки П. А. Алексеев проявил глубокий интерес и сочувствие к якутам — коренным жителям Приленского края. Его интересовало все: люди, их жизнь, тяжелый труд, обычаи, нравы. Прежде всего он обратил внимание на крайнюю бедность основной массы коренного населения. С состраданием он писал об «измученных, болезненных на вид якутах»².

В письме к П. С. Ивановской он подробно описал якутское жилище — юрту. Зимой она разделяется на две части, в одной проживали члены семьи, а в другой — хотоне — помещались коровы и телята. «Только сильный голод, — писал он, — заставляет привыкать ко всему этому»³. В такой юрте П. А. Алексееву пришлось жить довольно продолжительное время; только после перевода в Батурусский улус он поселился в отдельном доме.

Размышления о жизни обездоленного якутского населения встречаются почти в каждом из дошедших до нас писем П. А. Алексеева. Рассказывая о пустынности Сасыльского наслега, он писал: «Разве изредка увидишь, как полуголый якут или один-единишенок плывет на своей убогой ветке (лодке) по озеру, или собирает более чем убогую маленькую-премаленькую рыбку, которой и питается всю весну. Не щемило бы, не болело бы сердце, если бы этот всю свою жизнь проводящий в заботах и тяжелом труде народ жил хоть мало-мальски человеческою жизнью, хотя бы даже бросил то свиньяче помещение, в котором, кроме грязи, вони, ничего нет, или наедался бы, был бы сыт... А то выйдешь, и жутко станет: гол, грязен, голоден, тощ...»⁴.

Сочувствуя тяжелой судьбе якутов-бедняков, Петр Алексеев в то же время не скрывал своей неприязни к местным богачам — тойонам и представителям наследной и улусной администрации.

Из письма к П. С. Ивановской (от 7 июля 1885 г.) мы узнаем, как тяжело переживал он отсутствие вестей от своих близких. «До сих пор, — сообщал он, — я еще

¹ «Каторга и ссылка», 1924, № 6(13), стр. 176.

² Там же, стр. 174.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 175.

ни от кого не получал писем и вообще могу пожаловаться, что здесь так же жадно ждётся весточка, как у вас на Каре, и еще поразительное сходство заключается в том, что так же напрасно, с такой же обманчивой надеждой»⁵.

Письма П. А. Алексеева пронизаны глубокой любовью к природе Сибири. Особенно его поражала величественная красота Алдана. Но Баягантайский улус с его сырой тайгой и обширными болотами был одной из самых неблагоприятных в климатическом отношении местностей Якутского округа. Коренное население и политические ссыльные часто страдали изнурительными болезнями. Нездоровый климат сказался и на могучем организме П. А. Алексеева. Через несколько месяцев после прибытия на Алдан у него начался воспалительный процесс в руке, затем он серьезно заболел лихорадкой. Лечили его товарищи по ссылке — М. А. Натансон и О. В. Аптекман, бывшие студенты Петербургской медико-хирургической академии.

В 1885 г. Баягантайский и смежные с ним улусы постиг неурожай. Положение ссыльных ухудшилось. 4 декабря 1885 г. П. А. Алексеев обратился к исправнику с прошением о переводе его в другой улус. В начале прошения П. А. Алексеев сообщал исправнику, что в Сасыльском наслеге нельзя надеяться на получение земельного надела. «Чем чаще и настоятельнее я тревожил общество, — писал он, — тем больше и больше приходил к тому заключению, что общество Сасыльского наслег... положительно не находит и того маленького клочка земли, какой я от них просил». С первых же дней поселения в Баягантайском улусе П. А. Алексеев попытался заняться земледелием. Однако недостаток и скудость земли сделали эти попытки нереальными. Здесь вновь проявилось сочувствие П. А. Алексеева к тяжелой судьбе якутов, которые вели ту же безрадостную жизнь, как и его земляки в далекой России. П. А. Алексеев, проведший детство в смоленской деревне и хорошо знавший крестьянский быт, видел, с каким трудом доставался якутам сенокос, «разбросанный клочками по лесным кочковатым болотам и между густых кустов тальника». В наслеге было много молодых, сильных работников, не имевших земли. «Я постоянно вижу бедняков, — писал П. А. Алексеев, — и часто встречаю целые семейства, которые обеднели до того, что обращаются за пропитанием»⁶.

Полоса реакции, усилившейся после 1 марта 1881 г., захватила и Якутск. «Положение о полицейском надзоре» 1882 г. не только закрепило традиции времен Николая I, но и учло последующий опыт борьбы с революционным движением. По замыслу правительства, ссылка в Сибирь должна была обречь революционеров на многолетнее пассивное существование в совершенно чуждой им обстановке и этим как бы вырвать их из жизни. С целью изоляции политических ссыльных администрация расселяла их далеко друг от друга и строго воспрещала отлучки с места поселения. Ссыльные же, желая сохранить связь с товарищами, часто нарушали эти запреты. Время от времени они устраивали «большие съезды», или «ассамблеи». Сохранилась обильная информация о таких собраниях в амгинской колонии начала 80-х годов. В Амгинскую слободу к В. Г. Короленко часто наезжала молодежь из Батурусского улуса, где были поселены Н. С. Тютчев, А. И. Доллер, В. Э. Кизер и другие. Для серьезных политических разговоров собирались у М. А. Натансона, который вместе со своей женой В. И. Александровой проживал верстах в 20 от этой слободы в одинокой избушке в лесу.

На собраниях ссыльные обсуждали политическое положение страны, решали свои текущие дела. Здесь они делились воспоминаниями; О. В. Аптекман прочитал в таком небольшом кружке свои очерки истории революционного движения 70-х гг., а В. Г. Короленко на вечере в квартире Н. Н. Смецкой в Якутске — рассказ «Сон Макара».

Губернатор и полицейские чиновники неоднократно пытались прекратить «незаконные сборища». Но политические ссыльные продолжали подобные встречи вплоть до марта 1917 года. В борьбе ссыльных за право поездок в Якутск и посещение товарищей участвовал и П. А. Алексеев. В губернаторской канцелярии сохранились до-

⁵ Там же, стр. 177.

⁶ Центральный государственный архив Якутской АССР (ЦГА ЯАССР), ф. 12, оп. 15, л. 151, л. 36.

кументы о его длительной поездке к товарищам в Батурусский улус в начале 1886 года. В мемуарной литературе встречаются упоминания и о других поездках, которые он совершал без ведома полиции.

Осенью 1886 г. П. А. Алексеев был переведен в Жулейский наслег, Батурусского улуса. Здесь он получил надел пахотной и сенокосной земли и поселился в отдельной юрте.

Среди окружающего населения П. А. Алексеев пользовался авторитетом. Его уважали за ясный ум и справедливость. Славился он и необычайной физической силой. Он всегда был впереди на сенокосе и других крестьянских работах; никто из якутов не мог одолеть его и в различных физических состязаниях. Во всей округе его так и называли «русский богатырь».

В Якутской ссылке П. А. Алексеев встретился со многими своими товарищами по революционной деятельности, «процессу 50-ти», Новобелгородской тюрьме и Карийской каторге. Приобрел он здесь и новых друзей. Все они относились к нему с большим уважением, так как для них, по словам народовольца И. И. Майнова, он являлся «живым образом будущего восставшего народа»⁷. Особенно любил с ним беседовать И. И. Майнов, разглядевший в нем «глубокую и сильную натуру, затаенную страстность темперамента и огромный характер»⁸.

Революционер В. А. Данилов, известный своей принципиальностью и критическим отношением к окружающему, был весьма высокого мнения о П. А. Алексееве. Характеризуя политических заключенных Карийской тюрьмы, он писал, что среди них было немного «вошедших в тюрьму со своим миром идей, со своей преданностью делу, за которое они готовы были положить не только тело, но и душу. К такого рода людям принадлежал Петр Алексеевич Алексеев». Подчеркивая преданность Алексеева великой идее освобождения трудового народа, В. А. Данилов продолжал: «В тюрьме он (Алексеев. — С. Ш.) держался особняком со своей идеей будущего торжества рабочего класса в России»⁹. Верность этой идее Алексеев сохранил и в Якутской ссылке. Однажды в беседе с И. И. Майновым он говорил, что «живет надеждой вернуться когда-нибудь в Россию и стать опять деятелем рабочего движения (между слов можно было понять: стать вождем рабочего люда) в борьбе как за политическую свободу России, так и за экономические интересы собственно рабочего класса...»¹⁰.

В Якутской ссылке П. А. Алексеев из различных источников жадно черпал сведения о политических событиях в России и за границей. Был у него интересный замысел и по линии художественного творчества. Он думал написать роман «Оторва», который, по словам Э. Пекарского, должен был носить «характер биографии человека, оторванного от жизни и дела».

В мемуарной литературе встречаются указания на то, что П. А. Алексеев думал о побеге из Сибири. Товарищи по каторге могли собрать для этого только 200 рублей¹¹, и для пополнения данной суммы он в летнюю пору косил траву. В письме П. С. Ивановской Алексеев сообщал, что положение его в Якутии невыносимо и что жизнь в ссылке он считает бессмысленным прозябанием. «Мне, — писал Алексеев, — страстно, неудержимо хочется в Россию, вновь работать...»¹².

Но мечта П. А. Алексеева не суждено было осуществиться. 16 августа 1891 г. его не стало. Утром этого дня он выехал из дому, и больше никто его не видел. Первое время в Якутске считали, что П. А. Алексеев совершил побег, но в начале октября было установлено, что он погиб. При активном участии Э. К. Пекарского удалось выявить убийц. Это были Ф. Сидоров и Е. Абрамов. После дознания Абрамов повел заседателя и сопровождавших его лиц в тайгу и указал углубление, в котором он вместе с Сидоровым захоронил Петра Алексеева¹³.

Что же собой представляли убийцы П. А. Алексеева и какие мотивы руководили ими?

⁷ «Былое», 1917, № 5—6, стр. 65.

⁸ «Былое», 1922, № 19, стр. 102.

⁹ Там же, стр. 94—95.

¹⁰ Там же, стр. 101.

¹¹ И. И. Майнов. Петр Алексеевич Алексеев. М. 1924, стр. 43, 45.

¹² «Каторга и ссылка», 1924, № 6(13), стр. 171.

¹³ ЦГА ЯАССР, ф. 192, оп. 19, д. 13, лл. 128—135.

В литературе укрепились мнение, что П. А. Алексеев был убит «бандитами» (см., например, второе издание Большой Советской Энциклопедии). В действительности Е. Абрамов и Ф. Сидоров являлись должностными лицами. Абрамов в течение 3 лет был старшиной Жулейского наслега, а Сидоров — сперва кандидатом в старшины, а затем, в начале октября 1891 г., — старшиной.

В Якутских наслегах бедняков не избирали старшинами. Сидоров сам называл себя «человеком зажиточным»; он занимался продажей скота, масла. Абрамов держал работника. Давая показания на следствии, Абрамов говорил, что он и его сообщник были «разочарованы» найденной суммой денег у убитого ими Алексеева (107 руб.). Эта сумма была для них «незначительной»¹⁴.

Нам представляется не вполне обоснованным мнение, что Алексеев был убит исключительно с целью грабежа. В материалах следствия упоминаются факты, свидетельствующие о том, что убийцами руководило чувство вражды к П. А. Алексееву. Э. К. Пекарский, хорошо знавший обстоятельства жизни Петра Алексеева, немедленно по приезде заседателя в наслег информировал его о столкновениях Абрамова и Сидорова с П. А. Алексеевым.

Когда в Петербург пришло первое донесение об исчезновении П. А. Алексеева, директор департамента полиции П. Н. Дурново разослал повсюду циркуляр, содержание которого показывает, как боялась императорская Россия этого пламенного революционера. В циркуляре говорилось: «Алексеев, происходя из простого звания, обладая природным умом и бесспорным даром слова, представляет собою вполне законченный тип революционера-рабочего, закоренелого и стойкого в своих убеждениях, и едва ли после побега [он] удовольствуется пассивной ролью, а, напротив, воспользуется обаянием своего имени в революционной среде и, несомненно, перейдет к активной деятельности, которая может оказаться, в особенности же в пределах империи, весьма вредною для общественного порядка и безопасности»¹⁵.

Жизнь Петра Алексеевича Алексеева неразрывно связана с историей рабочего движения в России. Его речь в сенате, звавшая на борьбу с самодержавием, стала событием большого политического значения. Для современников он был одним из героев революционной легенды. В ссылке он сохранил верность своим идеям, душевное благородство и глубокое сочувствие ко всем обездоленным. В течение долгих лет пребывания на Забайкальской каторге и в Якутской ссылке он не переставал думать о возвращении в Москву и Петербург для возобновления борьбы за интересы рабочего класса и его социальное освобождение.

С. С. Шустерман

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, ф. 12, оп. 15, д. 151, л. 72.

ДРЕВНЕЙШЕЕ РУССКОЕ ИЗВЕСТИЕ О ПОХОДЕ НОВГОРОДЦЕВ «ЗА МОРЕ»

В Синодальном списке «Первой Новгородской летописи» под 1134—1136 гг. сообщается, что «томь же лете рубоша новгородць за морем в Дани»¹. Это, по сути дела, древнейшее известие о походе новгородцев «за море», если не считать полуполюбопытного сообщения о походе князя Бравлина² и рассказа летописи о новгородских купцах, ходивших в Данию и на Готланд³.

Синодальный список «Первой Новгородской летописи» — старейший из всех

¹ «Первая Новгородская летопись». Под ред. А. Н. Насонова. М. 1950, стр. 23.

² В. Г. Василевский. Житие св. Стефана Сурожского. «Журнал министерства народного просвещения» («ЖМНП»). 1889, т. 6, стр. 397.

³ «Первая Новгородская летопись», стр. 22.

сохранившихся больших русских летописных памятников. Именно поэтому имеющиеся в нем сведения представляют особый интерес и, на наш взгляд, являются наиболее достоверными.

Скупые данные летописного известия не позволяют установить какие-либо подробности похода 1134—1136 годов. Только путем параллельного изучения некоторых западноевропейских источников представляется возможным несколько более полно воссоздать картину этого похода древних новгородцев.

В западноевропейских источниках имеется ряд известий о славянских морских походах на Балтийском море, хронологически совпадающих с датой, указанной в «Первой Новгородской летописи». В 1133—1135 гг. славяне напали на столицу датского королевства Роскильде и разрушили ее⁴. Некоторые датские ученые, правда, пытались поставить под сомнение достоверность этого известия, но польский историк Л. Кочи, полемизируя с ними, убедительно доказал, что нет никаких оснований не доверять сообщениям источников⁵.

Источники фиксируют большой морской поход славян в 1136 г. против датского укрепленного города на побережье Скандинавского полуострова — Конунгахеле, в котором принимали участие объединенные силы многих западнославянских княжеств. Наиболее подробные сведения об этом походе имеются в известной истории Снорре⁶.

Судя по всему, новгородский поход «за море» может быть сопоставлен и непосредственно связан с одним из этих славянских нападений на датские владения. Независимо от того, сопоставим ли поход 1134—1136 гг. с нападением на Роскильде или событиями у Конунгахеле, в нем, вероятно, следует видеть не самостоятельные действия новгородцев, а мероприятие, предпринятое ими совместно с балтийскими славянами.

Несмотря на то, что сохранилось очень мало свидетельств о взаимосвязях поморских княжеств и Великого Новгорода, даже на основании этих ограниченных данных можно утверждать, что с древнейших времен между Северо-Западной Русью и балтийскими славянами существовали тесные политические и торговые отношения. Об этом свидетельствуют арабские монеты Омейядов и Аббасидов, которые найдены в большом количестве на славянском Поморье⁷. Это серебро могло попасть туда только через посредство новгородцев, поскольку доказано, что на Поморье оно появилось с Востока⁸. Отголоски о древних связях западных и восточных славян сохранились в русских былинах, в которых часто упоминается «славный, богатый Волын город»⁹. Не вызывает сомнений, что под названием «Волын город» в былинах подразумевается западнославянский Волин, бывший важнейшим центром Поморья по торговле с Востоком¹⁰. Адам Бременский утверждает, что от города Волина было 14 дней пути до «Острогарду (Новгорода. — В. Б.) на Руси»¹¹. По словам того же автора, русские язычники ездили в Куронию и Самогитию для поклонения кумирам, а по данным Гер-

⁴ *Annales Lundenses*. «*Monumenta Germaniae Historica*». Scriptorum. T. I, p. 204; *Annales fratrum minorum Visbienses*. Langebek. *Scriptores rerum Danicarum*. T. I, p. 252; *Anonimi veterum rerum Danicarum et Suecarum chronologia*. Langebek. *Scriptores rerum Danicarum*. T. I, p. 388; *Annales Essenbecenses*. «*Monumenta Germaniae Historica*». Scriptorum. T. XXIX, S. 224; *Chronicum Danicum*. Langebek. *Scriptores rerum Danicarum*. T. II, p. 434; *Annales Danial*. Langebek. *Scriptores rerum Danicarum*. T. IV, p. 282; *Annales Slesvicenses*. E. Jørgensen. *Annales*, p. 135; *Annales ab anno 67 ad annum 1287*. E. Jørgensen. *Annales*, p. 136; *Annales Waldemariani*, *Annales Nestredienses*; *Annales Sorani*. E. Jørgensen. *Annales*, p. 75; *Chronica Danorum Sialandica*. «*Monumenta Germaniae Historica*». Scriptorum. T. XXIX, p. 212.

⁵ L. Koczy. *Polska i Skandynawia za pierwszych Piastów*. Poznań. 1934, ss. 191—192.

⁶ Snorre Sturlason. *Heimskringla. Nørges konungo sogur*, udg. F. Jónsson. Kopenhaga. 1909, ss. 564—566.

⁷ W. Lega. *Kultura Pomorza*. Toruń. 1930, ss. 343—347.

⁸ Z. Jakimowicz. *O pochodzeniu ozdób srebrnych znajdujących w skarbach wczesnohistorycznych*. «*Wiadomości Archeologiczne*». T. XII, 1933, ss. 111—112.

⁹ И. Первольф. *Варяги — Русь и балтийские славяне*. «*ЖМНП*», 1877, т. 192, стр. 48.

¹⁰ K. Wilde. *Zum Stand der Wollinforschung*. «*Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit*», 1940, № 16.

¹¹ Adam Bremensis. *Gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum*. Lib. 1.11. Cap. XIX.

борда, в мирном договоре Болеслава Польского с русским князем Святополком стояло специальное условие, по которому русским запрещалось оказывать военную помощь поморянам.

XII век характеризуется быстрым развитием торговли на Балтике. В этом активное участие принимали и новгородцы¹². Особенно крупную роль начинает играть тогда Любек, в будущем один из важнейших портовых городов Ганзейского союза¹³. Значительными были торговые связи между Новгородской Русью и скандинавскими центрами Сигтуна и Висби¹⁴.

В течение XI в. в условиях немецко-датской агрессии у балтийских славян активизировался процесс формирования государственности. Роль центра объединения всех балтийских славян играло наиболее сильное государство бодричей¹⁵. Попытки немецких и датских феодалов во второй половине XI в. подчинить себе это государство бодричей оказались тщетными. В начале XII в. династию Готшалковичей заменили на бодричском престоле славянские князья Прибыслав и Никлот¹⁶, продолжавшие вести энергичную борьбу против иноземных захватчиков.

Балтийские славяне пытаются нанести своим извечным врагам ответный удар, чтобы на длительное время обезопасить себя от дальнейших нападений. Об этом свидетельствуют операции балтийских славян против Роскильде и Конунгахеле.

Во время большие изменения происходят и в исторических судьбах Великого Новгорода. С начала XI в. новгородцы ведут борьбу против Киева, за политическую независимость. В XII в. значительно усилились тенденции к обособлению Новгорода, чему способствовали экономические и политические условия, сложившиеся на Руси. Уже в 1118 г. киевский князь вынужден был приводить новгородских бояр к присяге¹⁷, что, видимо, вызывалось их сепаратистскими действиями. Дальнейшее политическое обособление Новгорода выразилось в том, что назначавшиеся до сих пор киевскими князьями посадники были заменены по выбору вече посадниками из числа новгородских бояр. В 1126 г. новгородцы впервые «вадша посадництво Мирослава Гюратинию»¹⁸. В мае 1136 г. новгородцы подняли восстание, в результате чего они окончательно освободились от власти киевского князя и установили у себя типичную феодальную республику, управляемую городским патрициатом, среди которого господствующее место занимали крупные бояре и епископ¹⁹.

Именно в это время быстро развивающееся новгородское купечество больше, чем когда-либо, было заинтересовано в укреплении своих торговых связей и в защите их от притязаний шведских и особенно датских феодалов, стремившихся установить свое господство на всем Балтийском море. Датчане также в известной степени были заинтересованы в торговле с Новгородом, но отнюдь не хотели открывать новгородским «заморским» купцам свои гавани. Новгородские купцы особенно стремились к развитию своей торговли с Западом потому, что к этому времени торговые связи с Арабским Востоком почти прекратились²⁰. Славянские поморские города, несмотря на помехи со стороны датчан, активно вели торговлю во всем бассейне Балтийского моря²¹. Важнейшим торговым центром, наряду с Готландом, был портовый город Любек²², кото-

¹² М. Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб. 1879, стр. 54—82.

¹³ Ф. Фортинский. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза, до 1370 г. Киев. 1877, стр. 56—59, 328—329.

¹⁴ В. В. Мавродин. Начало мореходства на Руси. Л. 1949, стр. 108.

¹⁵ З. М. Черниловский. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М. 1959, стр. 121—122.

¹⁶ Я. П. Зинчук. Борьба западных славян с немецко-датскими феодалами в X—XII вв. «Краткие сообщения Института славяноведения». Вып. 21. 1957, стр. 103.

¹⁷ «Первая Новгородская летопись», стр. 21.

¹⁸ Там же.

¹⁹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси, XI—XIII вв. М. 1955, стр. 189—198.

²⁰ G. Jacob. Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter. Leipzig. 1887, S. 51; T. Agne. La Suède et l'Orient. Uppsala. 1914, p. 225.

²¹ К. Тумieniecki. Podgrodzia w północno-zachodniej Słowiańszczyźnie. «Stawia Occidentalis». T. II, 1922, s. 86.

²² M. Małowist. Z problematyki dziejów gospodarczych strefy Bałtyckiej we wczesnym średniowieczu. «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych». T. X. Poznań.

рый был связующим звеном в торговле между балтийскими странами и ремесленно-купецкими центрами Германии и Фландрии²³.

Поэтому естественно, что новгородцы были чрезвычайно заинтересованы в результатах борьбы, развернувшейся между балтийскими славянами и датчанами. Надо полагать, что по мере сил они помогали своим соплеменникам; об этом свидетельствует участие новгородцев в военных действиях 1133—1136 гг. на стороне балтийских славян.

Отсутствие конкретных данных не дает, к сожалению, возможности точно определить, в каком из двух походов против датчан участвовали новгородцы, но, исходя из значения и масштабов этих событий, можно предполагать, что скорее всего новгородская помощь могла потребоваться балтийским славянам в 1136 г., во время их похода на Конунгахеле.

Конунгахеле — важный датский торговый центр того времени на Скандинавском полуострове. Он был расположен на реке Готаельф, в нескольких километрах от морского берега, и в силу этого имел большое значение в торговых связях как между внутренними районами Швеции, так и со странами Западной Европы.

Организатором и руководителем похода против Конунгахеле был поморский князь Рацибор²⁴, который после смерти своего брата Варцислава I состоял регентом при его малолетних сыновьях Казимире и Богуславе²⁵. Под его знаменами находились войска многих западнославянских князей, в том числе и ободритских. По свидетельству источников, в распоряжении Рацибора было 650 кораблей, на каждом из которых находилось по 44 воина и 2 коня²⁶, то есть всего до 29 тыс. человек с 1 300 конями²⁷. Можно, конечно, предполагать, что шведский летописец намеренно преувеличил силы славянского войска с тем, чтобы оправдать поражение датчан, но, судя по всему, этот поход по своим масштабам резко отличался от других.

Несмотря на то, что Андрей, княживший в Конунгахеле, получил от короля Эриха IV и лундского епископа Осура известия о движении славянского флота, появление 10 августа кораблей Рацибора в водах реки Готаельф было для датчан неожиданным.

Славяне захватили многочисленные датские военные и торговые корабли, стоявшие на рейде, и высадили десант, который отрезал город от внешнего мира. Попытки датчан оказать сопротивление под стенами города окончились неудачей, и они были вынуждены укрыться за городскими укреплениями. Славянское войско энергично приступило к осаде города. Несколько дней продолжались ожесточенные бои, в результате которых Конунгахеле был взят²⁸.

Участие новгородцев в военных действиях на стороне балтийских славян в 1133—1136 гг. представляет собой еще одно из неоспоримых доказательств тех связей, которые существовали между славянским Поморьем и Новгородской Русью.

В. Б. Вилинбахов

1948, s. 82. и сл.; W. Kowalenko. Starosłowiańskie grody portowe na Bałtyku. «Przegląd Zachodni», 1950, № 5—6, ss. 390—391.

²³ H. Ziolkowska. Pomorze a handel bałtycki w okresie wczesnohistorycznym. «Przegląd Zachodni», 1951, № 1—2, ss. 49—50.

²⁴ Княжил в Шечине в 1136—1158 годах.

²⁵ K. Muśliński. Bogusław I książę Pomorza Zachodniego. «Instytut Bałtycki», 1948, s. 10.

²⁶ Примерно в это же время (1135 г.) стали перевозить на кораблях боевых коней и датчане короля Эриха IV. См. «Saxonis Grammatici gesta Danorum». Edidit A. Holder. Strassburg. 1886, p. 444.

²⁷ Snorre Sturlason. Указ. соч., стр. 564.

²⁸ Snorre Sturlason. Указ. соч., стр. 566.

ОБ УЧАСТИИ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ КУБИНСКОГО НАРОДА 1895—1898 ГОДОВ

Национально-освободительная война кубинского народа в конце XIX в. получила довольно подробное освещение в советской историографии. Однако ни в одной из вышедших работ не были использованы материалы об участии русских добровольцев в революционном движении на Кубе в 1896 г., обнаруженные в 1960 г. Б. Ф. Федотовым в Центральном государственном историческом архиве СССР в Москве¹.

Об этих документах была напечатана статья в «Комсомольской правде». Журналисты Ю. Зерчанинов и В. Машкин предприняли розыски родственников русских добровольцев, участвовавших в войне на Кубе 1895—1898 годов². Об этих поисках Ю. Зерчанинов рассказал в очерке «В ту ночь под Монтесуэло»³.

Документы, извлеченные из советских архивов и Национального архива Кубы, позволяют значительно расширить и дополнить рассказ об участии русских добровольцев в освободительной войне кубинского народа в конце XIX в., устранить неизбежные на первой стадии поисков материалов неточности и фактические ошибки⁴.

В мае 1896 г. русский посол в Мадриде Д. Е. Шевич доносил в Петербург, что французское правительство потребовало от Испании, чтобы французские граждане были судимы «простым, а не чрезвычайным военным судом, когда они задержаны с оружием в руках во время воцарения на испанской территории. Я сказал министру иностранных дел (Испании.— Л. Ш.), что хотя подобную случайность едва ли можно предвидеть по отношению к русским подданным, тем не менее я должен оговорить и для них те же льготы...»⁵. Но Шевич глубоко ошибался, полагая, что русские не примут участия в освободительном движении на Кубе.

Полковник И. Жилинский, направленный в 1898 г. русским генеральным штабом к испанским войскам в качестве наблюдателя, писал из Гаваны 29 августа 1898 г., что среди повстанцев было много иностранцев, в том числе и «несколько русских: Николай Мелентьев, Евстафий Константинов[ич] и Петр Стрельцов — все трое очень молодые люди... Четвертый, дворянин Паненков, остается среди инсургентов и до сих пор»⁶. Благодаря этому документу мы впервые узнали фамилию четвертого русского добровольца⁷.

Революционная война кубинского народа, начавшаяся в феврале 1895 г., вызвала широкие отклики в России. Русская периодическая печать подробно освещала ход войны, массовый героизм кубинских патриотов, осуждала террор испанских колониальных властей⁸. Восстание на Кубе, которое, по замечанию Жилинского, «рядом

¹ См. З. Перегудова, Б. Федотов. Русские вместе с кубинцами. Страничка истории. «Неделя» (приложение к газете «Известия»), 1960, № 22, 24—30 июля, стр. 11; «Вопросы истории», 1960, № 10, стр. 149.

² См. Ю. Зерчанинов, В. Машкин. Трое русских на Кубе. «Комсомольская правда», 7 августа 1960 г.; см. также Y. Zerchaninov, V. Mashkin. Tres rusos que combatieron en Cuba en la guerra del 95. «URSS». (La Habana). 1961, № 2, marzo.

³ «Юность», 1962, № 3, стр. 96—106.

⁴ Так, не сопоставив записки П. Стрельцова о его пребывании на Кубе в 1896 г. с кубинскими источниками, Ю. Зерчанинов назвал свой очерк «В ту ночь под Монтесуэло», хотя его следовало бы назвать «В ту ночь под Тумбас де Эсторино», так как П. Стрельцов в своих записках по ошибке назвал бой при Тумбас де Эсторино боем при Монтесуэло (см. об этом ниже).

⁵ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, 1896, д. 132, л. 36 об.

⁶ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 401, оп. 5, 1898 г., д. 39, ч. II, л. 236. Лейтенант Д. Б. Похвиснев, направленный одновременно с И. Жилинским русским морским министерством в качестве наблюдателя на испанский флот, также сообщал из Гаваны 20 июля 1898 г. об участии русских в повстанческом движении на Кубе (см. «Исторический архив», 1961, № 3, стр. 38).

⁷ Розыски материалов о Паненкове пока не дали результатов.

⁸ См. Л. А. Шур. Русские путешественники на Кубе в XVIII—XIX вв. «Куба. Историко-этнографические очерки». М. 1961, стр. 288—289.

с борьбой против испанского владычества представляло собою и движение социального характера»⁹, не могло не привлечь революционную молодежь России.

В апреле 1896 г. трое русских юношей — Петр Платонович Стрельцов, Евстафий Иосифович Константинович и Николай Герасимович Мелентьев — выехали из России в Нью-Йорк с тем, чтобы оттуда отправиться на Кубу. Все трое воспитывались в Гатчинском сиротском институте и были связаны «дружескими отношениями»¹⁰. Трое друзей, приехав в Нью-Йорк в мае 1896 г., тотчас же обратились к Кубинской революционной хунте в Нью-Йорке, возглавлявшейся Томасом Эстрада Пальма, и просили отправить их на Кубу. В Национальном архиве Кубы в фонде Кубинской революционной хунты в Нью-Йорке совсем недавно был обнаружен очень интересный документ.

Это страница, где аккуратным почерком Е. Константиновича записаны имена трех русских: Eustache Konstantynovich, Architect; Nicolas Coecus, le Chemicien; Peter Strelzov, Officier de l'arme Russe. Далее следует их адрес в Нью-Йорке: 158 Fulton St. По-испански написано другим почерком: «Los 3 tienen una sola dirección»¹¹. Этот документ подтверждает сведения из дневника Стрельцова о том, что, прибыв в Нью-Йорк в мае 1896 г., он и его товарищи сразу же вступили в контакт с кубинскими революционерами и записались добровольцами для участия в освободительной войне кубинского народа. Из этого же документа нам впервые стало известно, что Николай Мелентьев был на Кубе под фамилией «Цекус». Этот псевдоним он носил в дальнейшем, участвуя в революционной борьбе в России.

В своем дневнике П. П. Стрельцов отмечал, что хунта «согласилась на нашу просьбу не без некоторого колебания и после более близкого с нами знакомства, для чего мы поселились в кубинской семье»¹².

Стрельцов и его друзья познакомились в Нью-Йорке с Карлосом Ролофом, польским эмигрантом, который все свои знания и энергию отдавал делу независимости кубинского народа.

Трое друзей усиленно изучали испанский язык. В начале июля 1896 г. они были приняты в состав одной из экспедиций, готовившейся кубинскими револю-

⁹ ЦГВИА, ф. 401, оп. 5, 1898 г., д. 39, ч. II, л. 236 об. Жилинский отмечал, что инсургенты «уничтожали сахарные, кофейные и другие плантации... не только испанцев, но и кубинцев и иностранцев, действуя вообще против богатых классов населения» (там же, л. 236 об., 237).

¹⁰ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. ДП, 00, 1898 г., д. 648, л. 6 об.

П. П. Стрельцов, происходивший из семьи обедневших дворян, родился 1 января 1875 г. в г. Городке, Витебской губернии. В 1885 г. он был отдан в Гатчинский сиротский институт «казеннокошным воспитанником» и в апреле 1893 г. окончил шесть классов этого института. В июне 1893 г. «назначен на службу в 163 пехотный Ленкоранско-Нашебургский полк рядовым на правах вольноопределяющегося». В октябре 1894 г. вышел в запас в чине прапорщика. Служил в Витебской казенной палате «канцелярским служителем» (ЦГИА БССР, ф. 1416, оп. 1, д. 19385, лл. 6, 8, 10, 11, 57, 81), а затем агентом служб движения на С.-Петербургской — Варшавской железной дороге. В январе 1896 г. Стрельцов приехал в Петербург и поступил счетоводом в управление Варшавской железной дороги, где и работал до отъезда в Америку (ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 648, лл. 6, 29).

Е. И. Константинович родился 29 июня 1874 г. в семье майора пограничной стражи на о. Даго. Он рано остался сиротой и был отдан в Гатчинский сиротский институт, после окончания которого поступил в 1894 г. на архитектурное отделение Высшего художественного училища при Академии художеств. Его материальное положение было, очевидно, тяжелым, так как после перехода на второй курс он подал прошение о выдаче ему ежемесячного пособия (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 789, оп. 12, 1894 г., д. 14-И, лл. 2, 4, 5, 15, 17—17 об.).

Н. Г. Мелентьев, сын коллежского регистратора, родился 5 декабря 1874 г. в Петербурге (ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1897 г., д. 671, л. 32). После окончания Гатчинского института служил в Государственном контроле (ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 648, л. 6).

¹¹ Archivo Nacional de Cuba. Delegación cubana en New York. 1892—1898, legajo 3—22—4. Автор выражает глубокую признательность директору Национального архива Кубы профессору Хулио Ле Риверенду, приславшему фотокопии документов, связанных с пребыванием на Кубе русских добровольцев.

¹² П. Стрельцов. Два месяца на острове Куба. «Вестник Европы», 1898, № 5, стр. 131. В дальнейшем при цитировании записок Стрельцова ссылки на страницы даются в тексте.

ционерами к отправке на Кубу. Это была экспедиция под руководством полковника Рафаэля Кабрера, отправкой которой руководил генерал Эмилио Нуньес. В списке членов этой экспедиции были имена трех друзей¹³. Экспедиция Рафаэля Кабрера должна была встретиться на острове Navassa (к югу от Сантьяго де Куба) с другими группами повстанцев, которыми руководил генерал Карлос Ролоф¹⁴. Поэтому можно предположить, что русские юноши попали в состав этого отряда по рекомендации Ролофа. Экспедиция Рафаэля Кабрера вышла из Чарльстона 12 августа 1896 г. на корабле «Dauntless». Но наши друзья (как писал Стрельцов в дневнике) опоздали к месту сбора и не попали на корабль¹⁵.

В середине августа русские добровольцы приехали из Чарльстона в Джексонвилл и 3 сентября отплыли на Кубу на пароходе «Три друга»¹⁶. Во главе этой группы повстанцев стоял генерал Хуан Риус Ривера. В состав ее входили сын главнокомандующего кубинской Освободительной армией Массимо Гомеса — капитан Франсиско Гомес, капитаны Сесар Салас и Донато Сото, инженер Рамон Вильялон, несколько североамериканцев-артиллеристов (В. Грей Ли, Дж. Санти и др.) и другие повстанцы. В списке членов экспедиции Риуса Риверы значились и «Eustache Constantinovich, Nicolás Conceus, Peter Strelzew»¹⁷. Экспедиция генерала Риуса Риверы везла с собой около тысячи винтовок, полмиллиона патронов, две тысячи фунтов динамита, пневматическую пушку и другое снаряжение. 8 сентября пароход подошел к берегам Кубы, и началась высадка в бухте Коррьентес в провинции Пинар-дель-Рио, в месте, известном под названием Мариа де Ла Горда¹⁸.

Сопровождаемые отрядом, посланным Антонио Масео, члены экспедиции Риуса Риверы отправились к месту стоянки Масео. Этот первый сравнительно небольшой переход дал возможность русским добровольцам познакомиться еще ближе с героями кубинской революции. С восторгом и восхищением П. Стрельцов писал: «Они (инсургенты.— Л. Ш.) калечили босые ноги о камни; тяжелые, неуклюжие ящики натирали спины до ран. У них начинались приступы желтой лихорадки: они падали на голые камни и глухо стонали, а здоровые шагали через них и двигались все вперед и вперед, буквально неся на плечах успех освобождения своей родины. Многие во все время перехода, т. е. в течение 4—5 дней, почти ничего не ели... Но несмотря на это, я не слышал ни одной жалобы, ни одного упрека: так велик подъем патриотизма у инсургентов. Этот переход, эти «незаметные герои» произвели на меня самое сильное впечатление из всего, что пришлось видеть на Кубе впоследствии» (стр. 135).

18 сентября отряд генерала Риуса Риверы, в который входили трое русских, прибыл в район Рематаса, где размещался лагерь Антонио Масео¹⁹. Свидание с Масео произвело на Стрельцова и его товарищей глубокое впечатление. «Интеллигентная внешность Масео невольно обращала на себя внимание,— писал Стрельцов.— Это был высокий, плотный мужчина с энергичными крупными чертами лица, казавшегося смуглым скорее от загара, чем потому, что обладатель его был мулат. Несмотря на морщины и небольшую проседь, Масео смотрел гораздо моложе своих 48 лет. В разговоре все его лицо как-то улыбалось и светилось чисто кубинским добродушием. В отличие от некоторых своих приближенных, он относился ко всем, как равный к рав-

¹³ Archivo Nacional de Cuba. Delegación cubana en New York. 1892—1898, legajo 3—22—4.

¹⁴ J. Carillo Morales. Expediciones cubanas. Vol. I. La Habana. 1930, p. 61.

¹⁵ Рафаэль Кабрера в письме Эстрада Пальма в Нью-Йорк 14 августа 1896 г. выразил сожаление, что трое русских добровольцев не попали вовремя на корабль и называл их «великолепными людьми» («La Revolución del 95, según la correspondencia de la Delegación Cubana en New York». Vol. V. La Habana. 1937, p. 223).

¹⁶ J. Miró. Cuba. Crónicas de la guerra. La Habana. 1943, p. 89. В некоторых источниках указывается другая дата выхода этой экспедиции на Кубу — 31 августа («Historia de la nación cubana». T. VI. La Habana. 1952, p. 315). П. Стрельцов в своих записках отметил, что экспедиция вышла в море 3 сентября 1896 года.

¹⁷ J. Carillo Morales. Op. cit., p. 69.

¹⁸ «Historia de la nación cubana». T. VI, p. 315; M. Varona Guerrere. La guerra de independencia de Cuba. 1895—1898. Vol. II. La Habana. 1946, p. 1308; J. Miró. Op. cit., p. 89—90.

¹⁹ См. воспоминания начальника штаба А. Масео — Хосе Миро Архентера «Хроника войны» (J. Miró. Op. cit., p. 90).

ному, и никогда не возвышал голоса. Такое отношение создало ему популярность среди кубинцев, характерно выразившуюся в том факте, что большинство восставших негров присоединилось именно к его отряду. Если бы он дождался того времени, когда Куба будет свободна, то ему пришлось бы выступить вторым Спартаком. Даже в костюме Масео избегал всяких отличий и ограничился только кубинской кокардой, до неузнаваемости помянувшей от солнца и непогоды. Я ни разу не слышал от инсургентов дурного отзыва о Масео: все рассказывали чудеса о его храбрости, находчивости, и как-то не верилось, чтобы такой здоровый на вид человек был ранен 24 раза... Масео принял нас очень любезно и, между прочим, сказал, что ему очень приятно видеть у себя людей такой далекой и великой нации, как Россия. Каждый свежий иностранец, заметил он, дает мне новую надежду на скорое освобождение нашей несчастной родины, так как с симпатиями всего мира мы не проиграем» (стр. 138). Стрельцов и его товарищи сразу поняли, «как много должны быть обязаны инсургенты своим успехом этому добродушному и простому на вид мулату» (стр. 138—139).

Русские добровольцы попали в армию Антонио Масео, которая сравнительно недавно проделала «кампанию вторжения» — одну из самых ярких и славных страниц в истории кубинского освободительного движения. Кубинская освободительная армия за три месяца (с 22 октября 1895 г. по 22 января 1896 г.) прошла с боями весь остров — от Барагуа в провинции Орьенте на востоке Кубы до Мангуа на западе в провинции Пинар-дель-Рио, проделав путь в 1 700 километров. «Кампания вторжения сыграла решающую роль в освободительной войне 1895—1898 годов. Охватив всю территорию острова и подняв на борьбу западные провинции Кубы, бывшие оплотом испанского господства, она содействовала тому, что борьба приняла широкий общенациональный характер»²⁰.

Чтобы запереть войска Масео в крайней западной провинции Кубы Пинар-дель-Рио, по приказанию испанского генерал-губернатора Кубы Вейлера на западе острова от Мариель до Махана была сооружена в 1896 г. «троча» — серия фортов, связанных между собой траншеями, а также возведен ряд укреплений. «Троча» Вейлера, упираясь своими фланговыми фортами в море, перерезала остров в самой узкой его части и заняла в длину 24 мили. «На таком небольшом пространстве, — отмечал Стрельцов, — было сосредоточено 60-ти-тысячное войско с целью воспрепятствовать 4-х-тысячному отряду Масео выбраться обратно из этой бесплодной провинции» (стр. 137). «Генерал Вейлер принял на себя личное руководство военными действиями в провинции Pinar del Rio, направленными против Масео...», — писал в своем донесении русский посол в Мадриде в октябре 1896 года²¹.

После прибытия экспедиции генерала Риуса Ривера, привезшей много оружия и боеприпасов, Антонио Масео решил направиться на восток, перейти «трочу» Вейлера и выйти на соединение с войсками М. Гомеса в провинции Гавана. План Масео состоял в том, чтобы пройти с боями провинции Гавана и Матансас и тем самым доказать лживость утверждений Вейлера об окончательном «усмирении» этих двух провинций.

Для этого Масео нужно было из района Рематаса (к северо-западу от города Пинар-дель-Рио) пройти мимо испанских фортов Мангуа, Арройос, Димас и перейти укрепленную линию, протянувшуюся от Виньялес до Леванте. Эта «троча», правда, не столь известная, как «троча» Мариель-Махана, представляла собой все же серьезное военное сооружение. Здесь базировалось несколько испанских колонн (не менее бригады), действовавших против войск повстанцев в этой части провинции Пинар-дель-Рио. Поэтому переход «трочи» повстанческой армией был невозможен без кровопролитных боев²².

С первых же дней похода на восток начались стычки с испанскими войсками. В боях при Монтесуэло и Тумбас де Эсторино участвовали Стрельцов и его товарищи, ставшие, по всей вероятности, артиллеристами.

Бой при Монтесуэло начался рано утром 24 сентября. Масео направил против

²⁰ А. М. Зорина. Из героического прошлого кубинского народа. М. 1961, стр. 195.

²¹ АВГР, ф. II департамент, 1—5, р. III, 1896 г., д. 1/5, л. 52 об.

²² J. Miró. Op. cit., p. 91; «Historia de la nación cubana». T. VI, p. 240; M. Piedra-Martel. Campañas de Masco en la última Guerra de Independencia. La Habana. 1946, p. 199.

испанцев отряд под командованием подполковника Педро Дельгадо, а артиллеристам приказал открыть огонь по холму, занятому испанцами²³. П. Стрельцов так описал начало этого боя: «У орудия столпилось много народа в ожидании пробы своей первой и единственной пушки. Наугад выбрали цель, приблизительно определили дистанцию, и первый пушечный выстрел гулко раздался в воздухе... За ним последовал второй... Обе стороны прекратили на время стрельбу, как будто для того, чтобы оценить достоинства и недостатки орудия. Инсургенты остались им очень довольны, но для испанцев это была очень неприятная неожиданность: еще два-три таких орудия у инсургентов, и неприступность бревенчатых, с черепичными крышами фортов будет более чем сомнительна» (стр. 140).

На рассвете перестрелка возобновилась. Позиции кубинцев были расположены очень близко от позиций испанских войск. Завязался ожесточенный бой. Под прикрытием артиллерийского и ружейного огня испанцы наступали на правый фланг Масео. Инсургенты были вынуждены отойти и занять новую позицию. Но испанские войска, понеся большие потери, тоже отошли на соседние холмы. «Бой у Монтесуэло, названный испанцами боем у Хагуа, причинил нам серьезные потери, — отмечал в своей книге Хосе Миро. — Выбыло из строя 68 человек — пятая часть из принимавших участие в бою»²⁴.

После боя при Монтесуэло Масео, не желая задерживаться в этом районе, направился в Наранхаль и Руби, где к его войскам присоединился отряд генерала Педро Диаса. Стрельцов отметил в своем дневнике: «Чем дальше мы подвигались к востоку, тем местность становилась оживленнее и не столь разоренною войной. Зато испанские форты попадались чаще. Каждый лишний день, пробытый инсургентами на одном и том же месте, грозил окончиться схваткой с испанцами. Масео нигде не засиживался более суток, стараясь сберечь свои силы до того рокового момента, когда придется пробиваться через «трочу». Для ночлега обыкновенно выбиралось ущелье или долина, защищенная от нечаянного нападения горами или лесом» (стр. 142).

26 сентября Масео подошел к Тумбас де Эсторино — району, расположенному в Сьерре де лос Органос между Франсиско и Махана. На следующий день передовые части повстанцев вступили в бой с испанцами, которые пытались воспрепятствовать продвижению Масео в горный район Леванте. Одновременно завязался бой в районе Махана, в котором участвовал сам Масео. Дело дошло до рукопашной схватки, испанцы были вынуждены отступить²⁵.

П. Стрельцов записал в своем дневнике²⁶: «Утром выступил авангард инсургентов, а после полудня начали двигаться главные силы. Вдруг впереди раздался ружейный залп, повторенный на несколько ладов горным эхом. За ним — другой, третий... Инсургенты быстро заняли позицию, и началась перестрелка. Несколько офицеров из штаба Масео поскакало разыскивать позицию для орудия. Пришлось взбираться на высокую гору. Стволы свалившихся деревьев так затрудняли движение, что прошло около часу, пока мы добрались до вершины горы. Над головами завизжали пули. От стрелковой цепи нас отделял сосновый лес, которым порос склон горы и часть долины. Вдали желтела дорога, занятая испанцами. Треск выстрелов то ослабевал и прекращался, то возобновлялся с новой силой» (стр. 144).

Во время этих боев 14 повстанцев было убито и 47 ранено²⁷. Одним из раненых был русский доброволец Е. И. Константинович²⁸.

На следующий день Масео повел свои войска по горным тропам к Франсиско,

²³ J. Miró. Op. cit., pp. 92—93; M. Piedra-Martel. Op. cit., pp. 199—201.

²⁴ J. Miró. Op. cit., p. 95. П. Стрельцов в своем дневнике записал, что было убито и ранено 45 человек (стр. 142).

²⁵ J. Miró. Op. cit., p. 97—98; M. Piedra-Martel. Mis primeros treinta años. Memorias. La Habana. 1945, p. 261.

²⁶ П. Стрельцов бой при Тумбас де Эсторино ошибочно назвал боем при Монтесуэло.

²⁷ J. Miró. Op. cit., pp. 98, 100.

²⁸ П. Стрельцов в своем дневнике не называет его имени. Но сам Константинович писал в феврале 1897 г. (уже после возвращения с Кубы в Нью-Йорк) в официальном заявлении в Академии художеств, что он вынужден задержаться в Америке «вследствие серьезного повреждения ноги, случившегося в сентябре» (ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 12, 1894 г., д. 14-И, л. 54).

чтобы там дать отдых повстанцам, особенно тем, кто нес на своих плечах боеприпасы и снаряжение, привезенные экспедицией на пароходе «Три друга»²⁹. «От беспрерывных дождей почва размякла, так что подвигаться вперед пришлось очень медленно, — записал П. Стрельцов. — Неподкованные лошади спотыкались и калечили ноги. К тому же местность оказалась гористой: не успеешь взобраться на одну гору, а за ней виднеется другая, еще выше и круче. Перед оврагами движение всего отряда приостанавливалось: люди и лошади скатывались вниз, образуя там грязно-желтую мокрую кучу. Другую сторону оврага брали приступом — на четвереньках. Орудие спускали на веревках или переносили по частям. Встретиться с испанцами не опасались: они по таким тропинкам не ходят. Под вечер мы добрались до префектуры Франсиско» (стр. 146).

Во Франсиско солдаты Масео отдыхали 29 и 30 сентября. Тяжелораненые и больные повстанцы, которые не могли идти дальше, были оставлены здесь на попечение местных крестьян³⁰. Во Франсиско остались и трое русских. Е. Константинович был ранен, а Н. Мелентьев «заболел сразу двумя болезнями — лихорадкой и дизентерией, — записал в дневнике П. Стрельцов. — Достать лошадей было невозможно, так как в них ощущался большой недостаток. Я остался вместе с ними в ожидании их выздоровления» (стр. 146). —

Стрельцов, Константинович и Мелентьев прожили во Франсиско около двух недель. «Мы поселились в префектуре, переполненной ранеными, больными и даже совершенно здоровыми людьми, которые прикомандировывались сюда для пропитания» (стр. 148). Врачей не было, и один из русских (очевидно, сам Стрельцов) делал перевязки раненым и ухаживал за больными. «Хотелось возможно скорее выбраться из этой трущобы к Масео...» (стр. 151). Но в середине октября трое русских попали в руки испанцев и были под конвоем отправлены в город Пинар-дель-Рио, а оттуда в Гавану, в распоряжение генерал-капитана Велера. В Гаване русских добровольцев поместили в крепость Морро, где «почти все заключенные сидели или по подозрению, или за сочувствие (к повстанцам. — *Л. Ш.*), — отметил в дневнике Стрельцов. — ...Во все время нашего пребывания в крепости они (заключенные. — *Л. Ш.*) относились к нам очень внимательно» (стр. 164). Гаванские газеты в конце октября 1896 г. писали о русских добровольцах, попавших в плен.

1 ноября испанские власти сообщили русскому внештатному консулу в Гаване Трюфену³¹ о трех русских, сражавшихся в армии повстанцев³². Через несколько дней Стрельцов и его товарищи были переданы в распоряжение консула, который 5 ноября отправил их на американском пароходе в Нью-Йорк, снабдив одеждой и деньгами на проезд, так как они «явились в консульство не только без всяких денежных средств, но и в совершенно оборванном виде»³³.

В Нью-Йорке Стрельцов, Константинович и Мелентьев «были задержаны в карантине, по окончании коего эмиграционное бюро отказалось пропустить их, так как у них не было установленного количества денег, потребных при высадке эмигрантов». Трое друзей обратились не в русское генеральное консульство в Нью-Йорке, а к революционерам-эмигрантам, которые «поручились за них и таким образом доставили им возможность высадиться в Нью-Йорке». Участие Стрельцова и его товарищей в повстанческом движении на Кубе и их связи с русскими эмигрантами в США обратили на них внимание русского генерального консула в Нью-Йорке А. Е. Оларовского, направившего 13 ноября 1896 г. специальное письмо в Петербург, в департамент полиции, в котором сообщалось, что Стрельцов, Константинович и Мелентьев «в настоящее

²⁹ J. Mi g ó. Op. cit., p. 100.

³⁰ Ibid.

³¹ Франсуа дю Репер де Трюфен — русский внештатный консул в Гаване. По словам П. Сипягина, русского генерального консула в Барселоне, он писал «ценные донесения политического характера» о положении на Кубе (АВПР, ф. II департамент, 1—5, р. III, 1896 г., д. 1/5, л. 25). В 1898 г. Трюфен оказал содействие русским наблюдателям при испанской армии и флоте полковнику Жилинскому и лейтенанту Похвисневу, причем Шевич счел нужным представить Трюфена к награждению орденом (АВПР, ф. Департамента личного состава и хозяйственных дел, оп. 749/1, 1898 г., д. 1258, лл. 131—132).

³² ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 648, л. 9.

³³ Там же, лл. 11, 12 об.

время находятся в кругу наших революционеров, и я установил за ними надзор через Любина»³⁴. К донесению Оларовского была приложена копия письма Трюфена, а также два донесения Любина, который с этого момента внимательно следил за тремя юношами³⁵.

Так, 23 ноября Любин доносил Оларовскому, что Стрельцов, Константинович и Мелентьев «попали в руки здешних социалистов»³⁶. А в конце декабря Стрельцов «читал лекцию в зале Валгала о революционном движении в Кубе... Сбор с лекции был в пользу Константиновича, Мелентьева и Стрельцова»³⁷. Мы не располагаем другими материалами о лекции Стрельцова, кроме этой краткой записи полицейского осведомителя. Но, судя по тому, что один из выступавших после Стрельцова, по записи Любина, «советовал молодым людям из России защищать Россию, а не Кубу», можно предположить, что Стрельцов не только рассказывал о своих впечатлениях от революционного острова, но и призывал русских эмигрантов оказать помощь кубинскому народу в борьбе за национальное освобождение. Трое молодых людей, сообщил Любин, присутствовали на собраниях различных групп русских эмигрантов в Нью-Йорке, участвовали в дискуссиях в «Русском социал-демократическом обществе», в котором как раз в это время один из выступавших утверждал, что «только от исхода социальной революции, в какой бы стране она ни совершилась, зависит и освобождение России»³⁸.

Участие в революционной борьбе на Кубе не пропало для русских добровольцев даром. Они в той или иной степени боролись против царского самодержавия в рядах русского революционного движения.

Е. И. Константинович после возвращения в 1898 г. на родину окончил в 1907 г. Высшее художественное училище при Академии художеств и стал архитектором³⁹. Он участвовал в революции 1905—1907 годов. В полицейском «деле» значилось, что в 1896 г. Константинович «во время нахождения на острове Кубе принимал участие в происходившем там мятеже...»⁴⁰. Н. Г. Мелентьев после возвращения в 1897 г. на родину сразу же установил связи с социал-демократами и стал профессиональным революционером. Еще в Нью-Йорке полицейский осведомитель Любин отмечал, что Н. Г. Мелентьев «более своих товарищей имеет для революционеров значение»⁴¹. В 1897 г. Н. Г. Мелентьев был «привлечен к дознанию при С.-Петербургском губернском жандармском управлении по делу преступного сообщества «Союз борьбы за освобождение рабочего класса...»⁴². В августе того же года его арестовали по делу о тайной типографии в Новгороде. Н. Г. Мелентьев был «изобличен в хранении революционных изданий» и после предварительного заключения выслан в 1898 г. под гласный надзор полиции в Тамбов⁴³. Интересно заметить, что в «Справке» о Н. Г. Мелентьеве, составленной в департаменте полиции, отмечалось, что «в 1896 г. он был выслан с острова Кубы за участие в революционном восстании против испанского правительства»⁴⁴. В январе 1900 г. Мелентьев был вновь арестован по делу «Тамбовского социал-демократического кружка» и тайной типографии в Тамбове и выслан в Вятскую губернию на три года. Он обвинялся в том, что «принимал участие в хранении и сокрытии... типографского станка и его принадлежностей»⁴⁵.

П. П. Стрельцов после возвращения на родину в 1897 г. поселился в г. Городке, Витебской губернии, а через некоторое время переехал в Витебск. С начала 1898 г.

³⁴ Там же, л. 1.

³⁵ Там же, лл. 3, 4, 4 об.

³⁶ Там же, л. 4.

³⁷ Там же, ф. ДП, 3 дел-во, 1897 г., д. 671, л. 3 об.

³⁸ Там же, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 648, л. 4 об.

³⁹ См. С. Н. Кондаков. Юбилейный справочник императорской Академии художеств. 1764—1914. Ч. 2. (Биографическая). СПб. 1914, стр. 344; ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 12, 1894 г., д. 14—И.

⁴⁰ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1913 г., д. 9, ч. 1 об, 3 гр., л. 167—167 об.

⁴¹ Там же, ф. ДП 3 дел-во, 1897 г., д. 671, л. 4.

⁴² Там же, л. 48.

⁴³ Там же, лл. 11, 13, 15 об, 16.

⁴⁴ Там же, л. 15 об.

⁴⁵ Там же, лл. 26, 41 об, 42.

он работал репортером в газете «Витебские губернские ведомости»⁴⁶, в 1901 г. стал помощником редактора газеты, а в 1906 г. исполнял обязанности редактора и заведовал губернской типографией⁴⁷.

Стрельцов, как и его товарищи, нашел свой путь к революции. В декабре 1906 г., вероятно, в связи с участием в революционном движении, П. П. Стрельцов был отстранен от должности редактора «Витебских губернских ведомостей», а в феврале 1907 г. был вынужден подать в отставку⁴⁸. В марте — апреле 1907 г. П. П. Стрельцов находился под негласным надзором полиции за принадлежность к социал-демократической рабочей партии⁴⁹.

После возвращения в Россию П. П. Стрельцов много работал над своими записками о поездке на Кубу, первую часть которых он отправил в редакцию «Вестника Европы» еще из Нью-Йорка в конце февраля — начале марта 1897 года⁵⁰.

В сентябре 1897 г. П. П. Стрельцов послал М. М. Стасюлевичу — издателю и редактору «Вестника Европы» — вторую часть своих записок⁵¹, которые были опубликованы в майской книге «Вестника Европы» за 1898 г. под названием «Два месяца на острове Кубе». Записки Стрельцова были подписаны «П. С-ов»⁵². До самого последнего времени они почти не использовались советскими исследователями. Эта работа представляет собой чрезвычайно ценный источник по истории национально-освободительного движения кубинского народа в конце XIX века. Однако у исследователей не было уверенности в достоверности записок, так как П. Стрельцов максимально «зашифровал» свой дневник, стремясь скрыть от царских властей участие русских добровольцев в вооруженной борьбе кубинского народа. Сравнивая записки П. П. Стрельцова, написанные, вероятно, на основе его дневника, с кубинскими источниками — воспоминаниями Хосе Миро Архентера, записками адъютанта Масео Мануэля Пьедра-Мартеля и другими, мы убедились в том, что статья Стрельцова достоверна⁵³.

Материалы об участии русских добровольцев в национально-освободительной войне 1895—1898 гг. — свидетельство глубокого внимания и дружеского сочувствия передовых кругов России к революционной борьбе на далеком острове Карибского моря.

Л. А. Шур

⁴⁶ ЦГИА БССР, ф. 1416, оп. 1, д. 19385, лл. 1—3; см. также В. Похвалов, А. Л. Юдин а. Русские на Кубе. «Могилевская правда», 11 сентября 1960 года.

⁴⁷ ЦГИА БССР, ф. 1416, оп. 1, д. 19385, л. 81 об.

⁴⁸ Там же, лл. 64, 69, 70, 81 об, 82.

⁴⁹ ЦГИАМ, ф. ДП, 00, 1907 г., д. 9, ч. 7, л. 61.

⁵⁰ Рукопись была получена редакцией 20 марта 1897 г. (Рукописный отдел Института русской литературы (ИРЛИ) (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 293, оп. 3, д. 6, л. 33).

⁵¹ См. там же, л. 43 об.

⁵² Авторство П. П. Стрельцова установлено на основании «Каталога рукописей, поступивших в редакцию «Вестника Европы» (1896—1899)», хранящегося в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 293, оп. 3, д. 6, лл. 33, 43 об.), а также «Книги выдачи гононрара по журналу «Вестник Европы» (там же, д. 11, л. 65).

⁵³ Кроме записок о пребывании на Кубе, помещенных в «Вестнике Европы», П. Стрельцов написал большую статью «Остров Куба», которая была опубликована в трех номерах «Витебских губернских ведомостей» (1898, 25 апреля, № 49, стр. 5—6; 28 апреля, № 50, стр. 5—6; 30 апреля, № 51, стр. 7) за подписью «Sinus». Авторство Стрельцова установлено по текстуальным совпадениям с его статьей в «Вестнике Европы», а также по отдельным деталям, указывающим на пребывание автора на острове Куба.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ
В НОМЕРЕ ЖУРНАЛА**

Пономарев Борис Николаевич, секретарь ЦК КПСС, академик. Крупный специалист по истории Коммунистической партии Советского Союза и международного рабочего движения, председатель Научного совета при АН СССР по комплексной проблеме «История международного рабочего и национально-освободительного движения». Автор более 100 научных работ. Руководитель авторского коллектива первого (1959 г.) и второго (1962 г.) изданий учебника «История Коммунистической партии Советского Союза».

Дунаевский Владимир Аронович, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института истории АН СССР. Автор и редактор ряда работ по истории Франции, историографии, вспомогательным историческим дисциплинам.

Сахаров Анатолий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по научной работе. Специалист по истории русского феодализма, автор книг «Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.», «Очерки истории СССР XVII века» и ряда статей по истории СССР и историографии.

Сенявский Спартак Леонидович, научный сотрудник Института истории АН СССР, специализируется по истории рабочего класса СССР послевоенного периода.

Самсонов Александр Михайлович, доктор исторических наук, директор Издательства АН СССР, специалист в области истории Великой Отечественной войны, автор монографий: «Сталинградская битва. От обороны и отступлений к великой победе на Волге», «Великая битва под Москвой», «Боевые действия 3-го Гвардейского сталинградского механизированного корпуса» и других работ.

Попов Виктор Иванович, кандидат исторических наук, доцент, работает в области истории международных отношений и внешней политики СССР. Автор работ: «Англо-советские отношения 1927—1929 гг.», «Внешняя политика СССР — политика мира и дружбы между народами», а также большого числа статей по истории внешней политики США, Англии и историографии международных отношений.

Костюшко Иван Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР, работает в области истории Польши нового и новейшего времени, автор монографии «Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском» и ряда научных статей.

Academician B. N. PONOMARYOV

The Tasks Confronting Historical Science and the Training of Historians and History Teachers*

The Communist Party of the Soviet Union and its Central Committee regard the development of science as being of primary importance. The science of history, which summarises the path mankind is travelling toward communism, occupies an important place among the theoretical disciplines that help the Party in its gigantic ideological and political work.

Human history is developing along the lines foreseen by our great leaders and teachers Marx, Engels and Lenin. Soviet historians can have no greater honour than to promote that development and the establishment on earth of the most just of all social systems—communism. There is nothing that can replace history as the school in which the working people learn to overcome difficulties, learn not to repeat the errors of the past but to select and develop the most effective methods of creative activity.

Mankind is today experiencing events of great historical significance. Mighty revolutionary forces are transforming the world. The first communist society in history is being built in the Soviet Union. The People's Democracies are successfully building socialism. About 1,500 million people have cast off the colonial chains of imperialism and set up sovereign states. The wave of class battles is surging ever higher in the capitalist countries and the struggle for peace, democracy and socialism is growing more powerful. The whole course of historical development confirms the correctness of the Marxist-Leninist doctrine. "Marxism-Leninism," said Comrade N. S. Khrushchov, "has put man into a precise, accurately computed historical orbit that will bring him to the bright communist future."

The path followed by the Soviet people for forty-five years has led them to great achievements; the path has been an involved and difficult one and has required tremendous effort and more than a few sacrifices. Fresh countries and fresh peoples will inevitably emancipate themselves from the slavery of capitalism and from national oppression, but it will be immeasurably easier for them to follow the path to socialism broken by our country. The ways of transforming society by revolutionary means were first tested in the Soviet Union; today our people are paving the way from socialism to communism. Fundamental questions of the class struggle against the bourgeoisie and other exploiters, questions of the foreign policy of the socialist state, problems of creating and expanding the productive forces of the new society and developing social relations that are new in principle, problems involved in shaping truly humanitarian morality and culture, up to and including such intricate questions as the definition of the Marxist-Leninist Party's position on art, music, architecture and literature—the experience gained in tackling these important problems is a fund of incomparable value from which all fighters for socialism are drawing and will continue to draw ideas, forms and methods.

Mankind has experienced periods of flourishing civilisation in the course of many millennia of progressive development—Greece and Rome in antiquity, the Renaissance and other periods that people study from their school-days. All these periods, however, pale before the turning point in the history of human society marked by the October Revolution and the victory of socialism in the U.S.S.R. This is a valorous deed that has been performed by the Soviet people, not for themselves alone, but in the interests of all progressive mankind, and it must be made known to the present and to future generations of the whole world.

Such a study is essential that our contemporaries and those who will follow after them have a real picture of the great revolutionary transformation that began in Russia in October 1917. A knowledge and understanding of the exploit performed by the Soviet people will help muster the peoples of the socialist community and all progressive forces throughout the world in their struggle against imperialism, for the further revolutionary transformation of society, in their struggle to deliver mankind from world wars. This experience will help the Communist Parties, the vanguard of all mankind, in elaborating a correct Leninist line.

* Abridged from a report delivered to the All-Union Conference on Measures to Improve the Training of Historians and History Teachers, Moscow, December 18, 1962.

1. Communist Construction and the Tasks of Historical Science

The general line of the progress of our society towards communism is defined in the Programme of the C.P.S.U. adopted by the Twenty-Second Congress. Three closely connected tasks are postulated in the struggle for communism—the creation of the material and technical basis of communism, the shaping of communist social relations and the moulding of the new man. It is the lofty mission of the social sciences, history among them, to give the Party and the people the maximum assistance in fulfilling these tasks.

The experience gained in creating the material basis of socialism, a process in which economic laws took shape, is of paramount importance for the creation of the material and technical basis of communism. The study and thorough understanding of that experience, therefore, will help carry out the Programme of the C.P.S.U.

Knowledge of how the historically shaped community of interests and alliance of the working class and the working peasantry was consolidated in the struggle for the victory of socialism, how the friendship of the Soviet peoples grew strong and how the participation of the masses in the government of the country increased as Soviet democracy developed will be of inestimable help in shaping the social relations of communism.

Lastly, a knowledge of history, a correct understanding of its laws, will play a great part in forming the new man, in solving the task set by the Party—the education of the people in the spirit of scientific communism.

History has a very extensive area of influence on the consciousness of people, and the power of that influence is great. Historical science plays an active part in the formation of a world outlook. A knowledge of history is an inexhaustible source of strength for new accomplishments in building communism in our country, accomplishments in the name of freedom, the happiness of the peoples and for the sake of peace on earth.

Historical science plays an important part in educating the people in the spirit of socialist patriotism and proletarian internationalism. The Party sees in revolutionary, patriotic and internationalist traditions an important instrument that raises the political consciousness of the people.

It is quite obvious that the importance of Soviet historical science transcends national bounds; it is of international significance. The building of communism in the U.S.S.R. is the clearest possible sign that mankind has entered a new phase of development. Man is confronted with stupendous new problems and *all history* must be employed in the solution of these problems which, of course, present themselves differently in different countries.

How can history be employed in the interests of human progress, how can historians help promote the battle for the victory of socialism and communism?

First—by applying the experience of the C.P.S.U. and the peoples of the Soviet Union and the experience of other socialist countries to the building of communism in our country.

Second—by applying the Soviet experience of socialist and communist construction and the experience of the People's Democracies to the building of socialism and communism on a scale suited to the world socialist system.

Third—by other peoples applying the experience of some peoples of the U.S.S.R. and the People's Democracies of by-passing the capitalist stage in the transition to socialism.

Fourth—by the working class and other working people of the capitalist countries applying the experience of the socialist and national-liberation movements in their struggle against imperialism, against aggressive wars, in their struggle for democracy, national independence and socialism.

Why is the question presented precisely in this manner when the issue is one of the significance of Marxist-Leninist historical science? The reason is that ever since the days of Marx, genuine social science has been called upon, not only to interpret the world, but to change it. And in order to change the world, in order to carry out the revolutionary changes for which the world is ripe, we must know the past and the present of that world, we must have precise knowledge of *what has to be changed*. The Party and Lenin were guided by this scientific rule in changing the face of old Russia. In elaborating the programme and tactics, Lenin always relied on historical experience. Lenin's masterly conclusions on the hegemony of the proletariat in the democratic revolution, on the possibility of the victory of socialism, in the first place in a few or even in one individual country, and on the Soviets as a form of the dictatorship of the proletariat—theses that enriched Marxist theory, were derived from a profound study of the Russian and international working-class movements, from an analysis of historical material. Lenin's attitude to history is a model for the Soviet scholar, and for the Marxist historian in general. The historian is not an unimpassioned narrator who records facts and fits them into a scheme, even if that scheme is genuinely scientific. He is a fighter whose purpose is to place the history of the past at the service of the struggle for communism, democracy and peace, for the free and independent development of all peoples, against the imperialist forces of reaction and aggression.

The founders of scientific socialism told us that the study of all history must be begun anew. The foundations for this colossal "studying anew" were laid by Marx, Engels and Lenin. Soviet science, following in their footsteps, has travelled a long road in the course of forty-five years. While travelling that road, Soviet scholars, placing their reliance on the works of the founders of Marxism-Leninism, have begun to erect—and have achieved

some important successes in this field—a new edifice of historical science, of that science which is serving and will continue to serve the progress of mankind. The work they have done is so fundamental that they have every right to state: in the most important spheres the directives of the founders of Marxism are being successfully carried out. They have been able to do so because our Party has placed historical science on the sound foundation of Marxism-Leninism.

The first stage was the re-assessment, in the light of Marxist-Leninist theory, of everything accumulated by the historiography of the past; this was the formative stage of Soviet historical science. Of decisive importance at that stage was the direct participation of Lenin in formulating the basic principles. The contingent of historians of that period consisted of young scholars and scholars of the older generation who had mastered Marxist-Leninist research methods. When the Soviet people had, in the main, laid the foundations of socialism, the social sciences were confronted with new tasks; Soviet historical science had by that time acquired sufficient material for the transition to a higher stage of its development. This new stage was the Marxist-Leninist analysis of a tremendous amount of factual material. Research was carried on on a broad front, embraced many fields of historical knowledge, called into being many new methods for the analysis of sources, provided models for a profound delving into the essence of historical processes and led to a number of important discoveries. Integrated conceptions of the history of a number of peoples and states may be regarded as a great achievement for Soviet scholarship.

While giving credit for what has been done we must also have a clear picture of our weaknesses, shortcomings and errors. The cult of Stalin's personality was the main reason for our not having done as much as we could and should have done, the reason that much that was done was accompanied by distortion and done incorrectly. To sum up the negative consequences of the personality cult in the field of historical science, we may reduce them to three main points; first, the role of Lenin and the role of the masses and the Party in the history of our country was belittled and historical truth was distorted by an exaggeration of the role of Stalin; secondly, there was a widespread non-Marxist approach to the study of the historical process, and subjectivism and arbitrary methods affected the assessment of historical events and historical figures; thirdly and lastly, there was history written by order from above, unconscionable criticism among groups of scholars and the use of various labels.

The personality cult trespassed on the philosophical fundamentals and the methods of Marxist historical science. This was primarily due to the concept of partisanship in historical science having been vulgarised and counterposed to objectivity although Lenin regarded the partisanship of Marxist historical science as the highest form of objectivity.

Lenin, it will be remembered, called upon publicists and historians to make a detailed study of the young shoots of everything new, everything communist. Nevertheless, dogmatism and schematism blossomed forth in the period of the personality cult, led to a departure from reality and seriously limited the theoretical, cognitive role of history as a science.

Arbitrariness in the appraisal of events, facts, and persons engendered by the cult of Stalin had a grave effect on historical science. The contraventions of socialist legality that affected very many leading figures in the Party and the Soviet state inevitably brought about a distortion of the role they had played in the struggle for the victory of the revolution and of socialism in the U.S.S.R. Oversimplification in the exposition of the historical process, its compulsory adaptation to schemes that suited Stalin, led to disgraceful distortions of historic truth.

In the final analysis the anti-Leninist ideology of the personality cult was undermining the Marxist-Leninist principle of examining events in their historical perspective, especially in the study of the development of Soviet society and the history of the C.P.S.U. The history of the more distant past was also distorted for the purpose of exalting Stalin. Fresh life was given surreptitiously to the non-Marxist theory of "the heroes and the mob". One particular manifestation of it was the idealisation of Ivan the Terrible, who was "lucky" in that respect.

Intolerable morals were implanted in research institutes that hampered the development of science and interfered with the work of the scientists. The discussion of questions of principle through a comradely exchange of opinions, which is necessary if science is to flourish and develop in accordance with the principles of Marxism-Leninism, was often replaced by the vulgar shouting down and defamation of honest scholars. People who did not fit in were driven out of science, often they were removed physically. Leading Soviet historians, Lukin and Piontkovsky, for instance, were slandered.

The value to science of sources and archive materials was doubted. The archives, as a rule, were used only to illustrate generally known propositions. Respect for facts disappeared, although without facts history is not to be considered a science. Historians had impressed on them the conviction that Stalin had either given all the principled appraisals of the historical process, or that he alone would be able to give them. Ordinary mortals should not lay claim to "lofty" theory. In practice this resulted in historians frequently drawing partial conclusions from their studies and compensating the absence of a broad theoretical approach by an abundance of quotations.

The personality cult put a brake on the progress of Soviet historical science along the road mapped out by Lenin, but it could not prevent its development. The personality

cult fettered Soviet historical science but it nevertheless continued to make progress. It would, therefore, be irrational to eliminate everything created by Soviet historians under the leadership of the Party in that period, everything that was created on the basis of Lenin's behests and despite the personality cult.

The Party has already done a great deal to overcome the negative consequences of the Stalin cult in the sphere of theory, in historical science in particular. Many of Stalin's incorrect ideological postulates were disclosed and subjected to a principled criticism on the initiative of Comrade N. S. Khrushchov at the Twentieth and Twenty-Second Congresses of the C.P.S.U. Like all other sciences, historical science has had returned to it the conditions for development and progress that are natural for socialist society.

Since the Twentieth Party Congress that brought about a radical change in the entire situation, our historical science has convincingly demonstrated the tremendous possibilities it possesses under socialist conditions.

Of great importance to historical science are: the second edition of the works of Marx and Engels, the fifth and most complete edition of the collected works of Lenin, and the publication of the verbatim reports of congresses of the C.P.S.U., and of the minutes of sessions and Plenary Meetings of the Central Committee of the Party.

The preparation and publication of a number of important works summarising history is an index of the progress of Soviet historical science. Among these are: a scholarly biography of Lenin, the *History of the C.P.S.U.*, the first four volumes of the *History of the Great Patriotic War*, the last volumes of the *History of the Civil War*, and the *History of the U.S.S.R. Epoch of Socialism*; it must be remembered, however, that some of these works do not take into consideration the contribution made to the development of Marxist-Leninist theory and to the understanding of some important moments in the history of our Party and our country by the Twenty-Second Party Congress. The preparation has also begun of a six-volume history of the C.P.S.U. and a full history of the U.S.S.R.

The growth of contingents of non-Russian historians in the U.S.S.R. is demonstrated by the appearance of collective works on the history of the Ukraine, Byelorussia, the peoples of the Baltic area, Central Asia and the Caucasus and on the history of the Communist Parties of a number of Union Republics. If we add to this the broad stream of monographs, scientific articles and other works that have appeared in recent years we get a picture of great progress in the study of our native history and the history of the C.P.S.U.

In the field of world history, in addition to the ten-volume *World History*, some fundamental researches have been published on the Paris Commune, the English revolution of the seventeenth century, and the revolutions of 1848. Summarised works on the history of Poland, Czechoslovakia, Bulgaria have been published, also works on the history of the U.S.A., Mexico, and the Argentine. Every year sees the publication of a large number of monographs on basic problems of current, modern, medieval and ancient history. The geographical bounds of historical studies have been extended in the last few years in connection with the study of the history of the South-East Asian and African countries in the Soviet Union.

Big historical works that summarise the content of monographic studies and provide integrated conceptions of important events, periods and epochs in the history of the peoples constitute, in a way, the chief fund of historical knowledge. However, additions to this fund are not the only task confronting researchers in the field of history. A no less honourable duty is that of creating books for the general reader, books for the people. The time has come to present the problem in all seriousness—make history available to all working people, using the most varied ways and means for this purpose. Every politically conscious citizen of Soviet society, the society that is progressing towards communism, must know the history of his own country, the history of the revolutionary movement, and, above all, the history of the Communist Party of the Soviet Union, which contains the sum total of the most important ideas of Leninism.

The development of historical science in the light of the new Programme of the C.P.S.U. requires greater attention to methodology, to the philosophy of history. Historical materialism is the theoretical basis of all social sciences, but each of them, history included, has its own *theoretical problems*.

Take, for instance, such a problem of primary importance as the role of the class struggle in history. The classics of scientific communism established the fact that the entire history of society, with the exception of primitive communal system, was the history of class struggle. The class struggle is the chief motive force in human progress. This postulate remains true for all countries of the capitalist world to the present day. It is only through the class struggle that the working class, the masses of working people, can emancipate themselves from the exploiters. In the countries in which socialism has been victorious and the exploiting classes have been completely eliminated, the internal class struggle has given place to new laws of social development. In world affairs the socialist system is counterposed to the capitalist system. An acute ideological, political and economic conflict is in progress between them. The peaceful coexistence of states with different social systems is a specific form of the class struggle. These are all completely new problems that must be studied, for without such study it is impossible to understand present-day manifestations in social life and ensure a constructive elaboration of the political line of the revolutionary forces. Another important problem is that of the growing role of the masses in history.

What are the main tasks presented to Soviet historians by the C.P.S.U.

The history of the C.P.S.U. The Twentieth Congress of the C.P.S.U. brought about a complete change in the study and propaganda of Party history. It was decided to begin with the compilation of a Marxist textbook on the history of the Party based on facts and giving a scientific summary of the historical experience of the Party's struggle for communism. On the basis of the decisions of that Congress a considerable amount of work has been done to re-establish Leninist principles in the study of the history of the C.P.S.U. In this field, too, the anti-Party group of Molotov, Kaganovich and Malenkov tried to sabotage the line of the Twentieth Congress, but the Central Committee decisively frustrated these attempts. The Twenty-Second Congress and the Programme it adopted created all the necessary conditions for an extensive Marxist-Leninist study of all problems of theory and of the history of our Party.

The most important task for the historians of the Party is to fulfil the directive of the Central Committee in compiling a history of the C.P.S.U. in many volumes on a high scientific level. The elaboration of Party history is in the centre of attention of the Central Committee. The directive issued by the Central Committee on the general lines to be adopted in preparing the six-volume edition of the *History of the C.P.S.U.* are of importance not only to the group of authors and editors taking part in that work, but also to all research workers and teachers of Party history.

Many works are now being written on the activities of local Party organisations, especially since the Twentieth Congress of the C.P.S.U. This is a good thing. But until now there has been no fundamental research that would give a complete picture of inner Party life in that period, of the Leninist standards of Party life, of Party leadership of economic and cultural organisation and of the activities of the Party in propagandising the scientific world outlook and in educating the working people in a communist spirit.

There are many other problems of the history of the C.P.S.U. awaiting research. The struggle of Lenin and the Party against revisionism has, for example, been given a more or less thorough treatment in the literature on Party history, but the same cannot be said of the Party's struggle against petty-bourgeois, semi-anarchist revolutionism, against left deviations, against fascination for revolutionary catchwords and against dogmatism and sectarianism in all their forms. There is an urgent need for serious works on the tactics of Leninism at various stages in the struggle. The experience gained from Lenin's "new economic policy" as one of the ways of building socialism is of great historical importance. Lenin's bold and masterly plan was a model of constructive Marxism that combined flexibility in tactics with firm consistency in moving toward the socialist goal. Party historians should regard the writing of papers on such subjects as the fulfilment of their duty to the international communist movement.

The exposition and detailed portrayal of the activities of the C.P.S.U. in the world communist and working-class movement, its persistent implementation of the principles of proletarian internationalism are of great international significance.

In the field of the *history of the U.S.S.R.*, first place must be taken by a profound study of the wealth of historical experience gained by the Soviet people in the struggle for socialism, and the forms and methods of creative activity evolved in that period.

The Twentieth Congress of the C.P.S.U. confronted historians with the task of preparing a fundamental history of the October Revolution. The importance of the timely fulfilment of this task at a high scientific level becomes greater as the fiftieth anniversary of this great historic event draws nearer.

Historians have always shown an interest in research into various problems of the working-class movement in our country. So far, however, there has been no serious work that summarises the entire history of our heroic working class. A work of this type must show, among other things, how fraternal friendship between the workers of all the Soviet republics took shape and grew strong, how proletarian solidarity developed among workers of different nationalities. This research has a direct bearing on the further consolidation of the friendship of the peoples of the Soviet Union.

Nor do we possess an integrated work on the history of the Soviet peasantry and its entry on to the path of socialism. Actually it is the implementation of Lenin's idea of an alliance between the working class and the peasantry under conditions of socialist and communist construction. This is an attractive and gratifying theme for historical studies, since the greater part of the world's population consists of peasants.

Soviet historians have done considerable work in studying the wars of liberation fought by our peoples. We do not, however, possess a work that summarises the age-long struggle of the peoples of our country against aggressors, one that gives a large-scale picture of the way in which participation of the masses in the struggle inevitably defeated all aggression, a work that reveals the world-wide importance of the struggle. It would be worth while publishing such a book in foreign languages.

The Soviet historian who studies the past, including the past of national movements, must bear in mind the wide historical field at his disposal. The dialectics of history is such that despite the reactionary aims and methods of tsarist policy, the union of other peoples with Russia, the uniting of their forces in the struggle against national and social oppression with the forces of the Russian people, prepared the way for the common front of the all-Russian revolutionary movement that in the end led to the liberation of all the peoples of the former Russian Empire under the leadership of the proletariat and its Le-

minist Party; it led to a socialist community of the peoples inhabiting our country such as history had never before seen. Union with Russia was, at certain times and for some peoples the only way they could save themselves from complete annihilation. By showing the progressive significance of the union of other nations with Russia in its broad historical aspects, the historian facilitates the strengthening of the friendship of the peoples of our country and promotes closer relations between them.

In this connection it is essential that the history of individual republics should be dealt with as part of the history of the whole country, in close connection with the history of the other peoples of our country—that is, events must be shown exactly as they occurred. A departure from the principle of internationalism in writing the history of one's own people leads to a distortion of the historical process and encourages nationalist prejudices.

It must be said that in writing the history of the peoples of our country departures are still being made from the class positions; this is shown in the incorrect appraisal of the activities of certain tsars, emirs and khans. Scholars who idealise medieval traditions are mostly liable to ignore the class principle in history and actually present historical reality in a nationalist spirit.

The Programme of the C.P.S.U. indicates that the study of problems in *world history* and of the present-day development of the world should reveal the laws of mankind's advance toward communism, the change in the alignment of world forces to the advantage of socialism, the sharpening of the general crisis of capitalism, the collapse of the colonial system of imperialism and its consequences, and the upsurge of the national-liberation movement of the peoples. The Programme lays special stress on the importance of studying the inception and development of the socialist world and its effect on the world revolutionary process in its entirety and in various zones and countries.

Undoubtedly one of the most important problems of world history is the study of the role of the Great October Revolution, the Communist Party of the Soviet Union and the Soviet state and their influence on the working-class and national-liberation movements; important, too, is the study of the comprehensive aid given by the Soviet people to the peoples of other countries in building socialism.

I believe we are well able to undertake a complete summarising of the experience of revolutions throughout world history; we must have a book that shows why revolutions are the locomotives of history, that shows what is general and what is specific in the laws of their development and classifies the types of revolutions and their relative significance, etc. An historico-sociological study of this type is very necessary for its importance both to theory and to politics.

In the study of the working-class movement in the industrially developed countries it is high time to concentrate on the post-war period. There is much to be done in studying the conditions of the working class and the struggle of the working people as seen against the background of the new features of capitalist economy. The social consequences of the revolution in science and technology, the processes of integration, the new forms of exploitation and their effect on the class struggle—these are all urgent problems confronting historians of the working-class movement.

In the study of the Social-Democratic movement an intolerable situation grew up among us (partly due to the influence of the personality cult). In a number of countries Social-Democratic parties have existed for seventy or eighty years. Almost half a century has passed since Lenin made his classical analysis of the substance of Social-Democratic opportunism, but his appraisal still remains as a basis for our study of the ideology and politics of Social-Democracy. Many people, however, have understood Lenin's theses to mean that nothing new has occurred, or could have occurred, in the history of Social-Democracy over the past forty years, and that we have ready-made explanations for any event or any turn taken by the Social-Democratic movement. Such an approach is sheer dogmatism. Social-Democracy must be studied deeply and comprehensively, with due consideration paid to the national features of the Social-Democratic parties, contemporary conditions for the development of the world socialist revolution and the determining role of the communist movement in the world revolutionary process. It is essential to see all the processes going on in the ranks of Social-Democrats and, on the basis of Lenin's doctrine, conduct a struggle against the *contemporary* ideology and politics of its Right-wing leaders.

Our historians are still confronted with the important task of studying the international communist movement and conducting an implacable struggle against all deviations from the principles of Marxism-Leninism in its ranks; they must struggle for unity on the basis of those principles, on the basis of proletarian internationalism. As N. S. Khrushchov stressed in his report to the Supreme Soviet "one of the negative results of the cult of Stalin's personality in the international communist movement, was the spread of left-sectarian, dogmatic views that did great harm to the great cause of the struggle for socialism and weakened the influence of Marxism-Leninism among the masses". The underestimation of the struggle against left opportunism led to the neglect of the disease that has long since ceased to be an infantile disorder. It is nourished by nationalism and, in its turn, nourishes nationalism. In the Declaration of 1957 and the Statement of 1960, the Communist and Workers' Parties stated that at a certain stage of development dogmatism and sectarianism could become the chief danger for some parties. The experience of recent years has

shown that leftist deviations from Marxism-Leninism have become no less dangerous than revisionism. It is the duty of the historian to take an active part in the struggle against this danger.

History has allotted special responsibility in the *struggle for peace* to the working class. As Lenin pointed out, this must not be considered a simple and relatively easy problem. In this field historians have unlimited opportunities for work. They must show how the approach to the problem changed with the changing character of the epoch.

The elaboration of problems of Soviet foreign policy and its basic principle of the peaceful coexistence of states with different social systems is of topical political importance; the activities of the Soviet state in the sphere of foreign politics since 1953 deserve special attention, for a new stage in foreign policy corresponds to a new stage in the internal life of the country. The study of this extremely rich period in Soviet foreign policy, the period that has had very great significance in preventing a nuclear catastrophe, is an important and worthy task for Soviet historians.

The present epoch makes particularly high demands of specialists in the history of the *national-liberation movements* in Asia and Africa. The most important thing today is an analysis of the new stage in the struggle of the peoples of the underdeveloped countries, their struggle to consolidate political and achieve economic independence.

Historians studying Latin America have big tasks ahead of them. Latin America is a continent with great revolutionary prospects but it must be admitted that, although much has been done, research is obviously lagging behind events. In my opinion the most urgent problems that our specialists on Latin America have to study are the following: the history of the anti-imperialist working-class and communist movements of each country, or, perhaps, in groups of countries, the history of the Cuban revolution, of the struggle for a united anti-imperialist front, the peasant movement, the role of the national bourgeoisie. The neo-colonialism of the U.S.A. must also be exposed.

Among our tasks we must include that of developing *the history of culture*, an important field of historical science. The only works we have are on individual branches of culture—literature, music, architecture, the fine arts, the theatre and the cinema. Today this is not enough. We stand in need of works on the history of culture in which the development of all the components is examined in totality and as an integral constituent part of the general historical process.

The struggle against the bourgeois falsification of history is an urgent, militant task for all Marxist historians. The time has passed when the imperialists relied exclusively on force in their attempts to suppress communism. Today they are looking more and more frequently to "ideological warfare" conducted under the banner of anti-communism in addition to force.

The main content of anti-communism is slander of the socialist system and falsification of the policy and aims of the communist parties and of the doctrine of Marxism-Leninism. An important role is allotted to historiography in this crusade for the dissemination of the most reactionary ideas. In the U.S.A., for instance, there are dozens of research institutions for the study of communism similar to those subsidised by the Ford Foundation and those that function under the auspices of the Free Europe propaganda organisation. In the Federal Republic of Germany there are over ninety institutes, societies and other organisations engaged directly in anti-communist "research".

At times the connection between anti-communist historiography and the politics of the imperialist powers is simply amazing. When the Atlantic Treaty was drawn up currency was given to the theory of a special "Atlantic civilisation". Today, when the reactionary forces of the West are busying themselves with the "integration of Europe" many studies have appeared that claim to prove that "integration" promotes historical development. The "Central Europe" theories that are again circulating in West Germany are in line with the revanchist policy of its ruling circles; these theories strive to find a basis in history for the claims of West-German imperialism to hegemony in Europe.

In view of the great achievements of the Soviet Union and other socialist countries, direct falsifications are becoming more and more unsuitable, even for internal consumption in the capitalist world. Anti-communist propaganda and historiography have to display greater finesse and adaptability. More and more works are appearing in the West in recent years in which their reactionary anti-Soviet, anti-socialist nature is clothed in the garments of pseudo-science. We may say that bourgeois anti-communist ideology is making a frontal attack on Marxism-Leninism, in the sphere of historical science, among others. Countless books on a great variety of subjects are appearing, filled with falsifications; in particular there are books on the history of the Second World War, the history of Soviet society and the history of our Party. To counterbalance our textbook, *History of the C.P.S.U.*, dozens of works that distort the historical struggle of our Party and the Soviet people for the victory of socialism have been published. Many examples of this could be given. We cannot, we have no right to allow bourgeois falsifiers to drug the masses and do so with impunity; we must administer a sound rebuff to them. Today we have greater opportunities to do this than we have ever had before. The great achievements of the Soviet people increase to a tremendous extent our opportunities in the ideological struggle on a world-wide scale. The struggle against the falsification of history must be conducted in all fields and in all forms, and the reader abroad must be kept in mind.

The great variety of tasks presented to Soviet scholars makes it imperative to raise

the question of the *topicality* of the subjects chosen for historical research. It is obvious that there are no sound reasons for the concepts, still not fully eliminated, that there must be some "historical perspective", some "distance in time" for historical research, and that insufficient source material has been accumulated in the archives for the study of current history. Such assertions will not stand up to criticism.

Topicality in science is not merely the problem of selecting a theme but also of the level at which it is elaborated and of the significance to the present day of the conclusions drawn from the study. A promising title for a book or a thesis on a contemporary theme does not by any means ensure the topicality of the research itself. Topicality is, first and foremost, the value of the research in the solution of the problems of our country and of the world revolutionary movement.

Topicality must not, of course, be understood in the chronological sense alone, as some editorial councils, publishing houses, etc., understand it. It must be remembered that the interests of Soviet science and the interests of the state require that all the most important problems of world history be studied in our country and that sound scientific points of view be elaborated on those problems. We are a great socialist power that leads the development of mankind. And I think that as far as historical science is concerned it is time for us to have, in all branches of historical knowledge, scholars whose opinions would be authoritative for all specialists in a particular field. By the rational distribution of our contingent of young scholars and by preserving the necessary proportionality in the allocation of funds, we must create schools and trends capable of ensuring a leading position for Soviet historiography in the most important fields of historical research. This will be the best contribution Soviet historians can make to the struggle for communism and will help expose bourgeois falsifications of history.

2. The Organisation of Historical Research to Meet Modern Requirements

The great tasks that carry with them great responsibility now confronting Soviet historical science make necessary a decisive improvement in historical research, a field in which there are still some serious shortcomings. One of these is the failure, in a number of fields, to concentrate the efforts of the main body of scientific workers for the collective solution of those historical problems that are of the greatest theoretical and political importance; an impermissible fragmentation of scientific forces and funds still continues.

This naturally does not mean that we should reject individual monographs. A great deal of this type of research devoted to really important problems and carried out on a high scientific level, constitutes a valuable contribution to history. Practice has shown, however, that research in fields that are topical and have great scientific importance has at its disposal such an abundance of factual material and involve such complicated problems that great difficulties stand in the way of the individual research worker. Practice has given us convincing proof of the fruitfulness of the collective form of work and of its excellent prospects. The collective form of work helps overcome such defects as the selection of petty themes, superficiality and empiricism. It is not merely a matter of the co-operation of individual historians nor that of collecting works on various themes under a single title; collective work implies mustering scholars for the study of a theme and for the elaboration of a common point of view.

Now that historical science is faced with the task of conducting large-scale complex research, *co-ordinating* the efforts of research workers acquires much greater significance.

The co-ordination of research is today an important condition for the development of science. In so far as the social sciences are concerned, the Party and the Government have entrusted this task to the Academy of Sciences of the U.S.S.R. to be carried out on a nation-wide scale.

The *scientific councils* on complex problems, set up by the Academy, will have an important part to play in organising effective co-ordination. These councils, being authoritative in their fields, are called upon to give a comprehensive appraisal of achievements, indicate the way in which scientific trends are to develop, and also to analyse shortcomings, and suggest measures for their elimination.

History journals have an important role to play in the correct organisation and co-ordination of research and in indicating the most important trends. Their number has increased noticeably since the Twentieth Congress of the C.P.S.U. so that one journal no longer holds a monopoly.

Our history journals enjoy the recognition of historians both in the Soviet Union and abroad. There are, however, many weak spots in their work. They occasionally carry articles on partial themes of little significance. Very few articles of a summarising type are printed in which ideological questions are broadly presented. Most articles are written in a heavy inexpressive language. The journals do not review literature on history regularly and do not publish many profoundly critical bibliographical articles. A stereotyped style has been developed—the review-summary—that is mainly a *résumé* of the contents with

a few general remarks on the merits and demerits of the work. Reviewing must be raised to a higher level so that every review will in itself be a definite contribution to science.

Of great importance to scientific development is *discussion* on disputed questions and those not yet clear to science. Discussion helps eliminate antiquated and erroneous concepts. It must be said, however, that there are shortcomings in the way in which discussions are held. It sometimes happens that themes are put up for discussion before they are mature enough for it or are, in general, not suitable for discussion; there are also organisational defects. At times a discussion does not lead to any positive results. Discussions must not be used for the purpose of casting doubt on the real achievements of historical science, especially on the basic propositions of Marxist-Leninist theory. The defence of the purity of Marxism-Leninism is an unconditional demand made of every discussion.

When speaking of the organisation of historical research, mention must, of course, be made of our *archives* and their functions. It has to be admitted that the archives still do not fully serve the needs of science, especially historical science. The indexes for scientific reference do not quite meet the needs of modern Soviet science or of economy and culture; modern technical resources are employed far from fully. There are also many shortcomings in the publication of archive material. The Chief Archives Board, that should become the main motive force in developing the work of the archives, must rid itself of red tape and routine and introduce live creative ideas that would enable the archives to function at a level that will satisfy the needs of modern science. The reference work of *scientific libraries* must also be placed on a much higher level; they must give better information on new books, publications, periodicals, etc., they receive.

It is gratifying to know that at the present stage, Soviet historical science is developing in close comradely *contact with the historical science of many fraternal socialist countries*.

Forms of creative co-operation between Soviet historians and the historians of other socialist countries have already been developed and have proved their value. One of the chief forms is the preparation of joint fundamental editions. For several years Soviet specialists in Slavonic studies have been working jointly with the Institute of History of the Bulgarian Academy of Sciences on the preparation of three volumes of the documents on the liberation of Bulgaria from the Turkish yoke (the first volume has already been published). Another important work is the publication in many volumes of materials and documents on the history of Soviet-Polish relations from 1917 to the present day which is being prepared jointly by Polish and Soviet scholars. Another joint Soviet-Polish work that has, in the main, been completed, is the history of the insurrection of 1863-64 arranged for the centenary of that event. In collaboration with Czechoslovak scientific institutions work is under way on the publication of collections of articles and three volumes of documents on Soviet-Czechoslovak relations and the friendly bonds that exist between our peoples.

Year by year the number of papers read and lectures delivered by Soviet scholars in the fraternal countries is increasing. Our historians have also heard many interesting lectures by their colleagues from socialist countries.

Contacts with historians in the capitalist countries have been firmly established in recent years. Soviet scientists took an active part in international congresses of historians in Rome (1955) and Stockholm (1960). The discussions at those congresses showed the growing influence of Marxism-Leninism among the intellectuals of the West.

Other satisfactory meetings were the Anglo-Soviet Colloquium, the Franco-Soviet Conference of Historians and the Twenty-Fifth International Congress of Orientalists held in Moscow in 1960.

The development of the international contacts of Soviet historical science is a gratifying fact. It is the duty of our historians jointly with those of the socialist countries and progressive scientists in the capitalist world to conduct a tireless struggle in the world arena for the truthful, scientifically objective interpretation of the history of the peoples.

3. Measures to Improve the Training of Historians and History Teachers and to Raise the Level of History Teaching in Higher and Secondary Schools

The gigantic tasks that confront Soviet historical science can only be fulfilled if there is a big enough contingent of well-trained workers. Good results have been obtained in training history teachers and research workers in our country. On October 1, 1961, there were over 17,000 historians working in the higher schools and research institutes of our country, many of them outstanding scholars. Large contingents of scientists, historians among them, have been trained in the Union and Autonomous Republics, many of which were areas of almost universal illiteracy in the past.

The further development of historical science, however, requires an improvement in the training of teachers and research workers. Among the historians teaching in higher schools there are 3,500 who have no degree or title. The situation is particularly grave in respect of teachers in higher schools, only 1.8 per cent of whom have the degree of doctor or the title of professor.

No more than 200 theses on historical themes were accepted for the doctor's degree between September 1956 and July 1962. The Decision of the Central Committee of the C.P.S.U. and the Council of Ministers of the U.S.S.R. dated June 13, 1961 on "Measures to Improve the Training of Research Workers and Science Teachers" provided the conditions necessary for higher school teachers to work on their doctors' theses. The task is to make better use of those conditions.

The question of training personnel has more to it than the quantitative aspect. The theoretical aspect is more important—the qualifications of those trained. The most capable people must be selected for post-graduate work; this indisputable rule is often forgotten.

The problem of professorial guidance for post-graduates is still an acute problem. Owing to the shortage of qualified specialists, this guidance is often entrusted to people who have not had sufficient training and whose scientific knowledge is confined to a narrow field. In view of this the idea of increasing the number of vacancies in the bigger institutions and reducing the number where conditions are not favourable, is one that deserves attention.

Although the writing of a thesis is important, it is not an object in itself. The thesis should be an elaboration of a problem that is topical from both the theoretical and practical standpoints and should contain new scientific and practical conclusions and recommendations, and also the summarisation and solution of problems of importance to science and practice. Since the Twentieth Congress of the C.P.S.U. the research done by Soviet historians has been largely on topical problems connected with the practice of communist construction in the U.S.S.R., the formation of the world socialist system, the development of the world communist and working-class movement and the collapse of the colonial system. During the past six years, however, the post-war period in the history of our country has been the subject of one doctor's (out of 43 on the history of Soviet society) and 58 candidate's (out of 335) theses despite the fact that this period covers almost forty per cent of the entire post-revolutionary history of the U.S.S.R.

The training of personnel for work on the history of the socialist countries, especially on the period of the People's Democracies, is also unsatisfactory. African studies are making only the first steps. Attention must be called to the fact that no specialists at all are being trained in the history of some countries, the countries of Northern Europe among them. Theses that expose the reactionary domestic policy of the rulers of the imperialist states are rarely met with.

The number of theses presented on ancient, medieval and, partly, modern history leads one to ask: is the training of specialists in these fields sufficient even to provide regular replacements of old personnel? Very few specialists are being trained in the auxiliary subjects—paleography, the history of diplomacy and historical geography. In the country's higher schools there are only fourteen specialists in historiography and source study. During recent years there has not been a single candidate's thesis on the study of sources dealing with Soviet society.

Some subjects for theses approved by the Higher Attestation Commission have no significance for science, which, of course, does not mean that they may not sometimes be used for other purposes (propaganda, organisational work, etc.). The choice of narrow, petty, insignificant subjects for theses is an intolerable practice that is, unfortunately, still encountered. When a subject is selected, the problem to be solved by the thesis must be clearly defined. Theses must not be accepted if they do not pose a scientific problem but are mere descriptions of facts.

There is the very acute problem of publishing scientific studies. The presentation of a thesis is often delayed because of the impossibility of publishing an article containing its main conclusions. Most post-graduates publish their first researches in the *Transactions* of various institutions, sometimes, but unfortunately very rarely, in special collected editions of post-graduate work. The trouble is that all such publications as a rule pay little attention to problems in history.

The way out is mainly to be found in improving the quality of the theses which should be on such subjects and so well written that scientific publishers and journals could accept them without hesitation for publication in full or in part.

The constantly growing significance of collective research is in obvious contradiction to the current system of awarding scientific degrees and forces scientific workers to work individually on relatively narrow, partial subjects. Some way must be found to encourage scientific personnel to participate in the creative elaboration of important scientific problems that require combined effort to provide a qualified and speedy solution.

The large number of talented young people available is a condition that makes possible the promotion to leading posts in scientific institutions of young scholars who, together with those of the older generation, are capable of carrying on organisational work and solving the problems presented by the Programme of the C.P.S.U. "Soviet scientists, the Academy of Sciences and leading figures in Soviet science in the first place," said Comrade N. S. Khrushchov, "must give thought to opening the doors of science more widely to the youth. Conditions must be provided for young people, graduates of higher educational establishments who have displayed an inclination for research work, to continue their studies and acquire the degree of candidate or doctor of science."

The training of qualified specialists does not begin at the post-graduate stage; an important role belongs to the higher and even to the secondary school, in short, to the entire educational system.

At the beginning of the 1961-62 academic year there were 62,000 students of history enrolled in the country's institutes. The secondary school occupies an important place in the teaching of history. In 1959 the Central Committee of the C.P.S.U. and the Council of Ministers of the U.S.S.R. passed a decision on the improvement of history teaching in schools. Decisive in determining the quality of the teaching is the qualification of the teacher. History is now taught by 120,000 teachers in the country's schools of whom one-third have not completed a higher educational course. Our immediate task is to change this situation.

4. For a High Ideological Level and Leninist Partisanship in Historical Science

The development of historical science, including its organisation, and the correct employment and training of personnel, is an important Party task and must be carried out with the revolutionary passion that is essential to us in any sphere of the struggle for communism. Historians, like all who tackle problems of scientific communism, must realise their responsibility to science, to the people and to the Party.

Everybody knows that as long as the class struggle exists in the world any social science must be partisan. The main feature of the partisanship of Soviet historiography is its basis in historical materialism, that which makes it truly scientific. Marxism-Leninism has, for the first time, made it possible to analyse and synthesise the events of history on strictly scientific lines. In his famous definition of partisanship in science Lenin stressed the fact that the interpretation of historical development from the position of the working class gives *more consistent, profounder and fuller effect to objectivity*. It may, therefore, be said that partisanship in Soviet historiography means more lofty objectivity in interpreting the historical process.

Historical science can fulfil its specific function in the system of social sciences only if it does not produce abstract sociological schemes but gives a complete picture of the historical development of peoples, classes and states in all its intricacy and variety, with all the wealth of colour and tone that distinguish real life.

The partisanship of historical science includes its political content, which is a measure of the historian's ability to make his labour an essential, effective and useful part of the common labour and struggle of the people led by the Communist Party. In selecting his subject, in defining the purpose of his research, in choosing the form in which he will summarise his material and in describing and analysing an event, the historian must always realise the social significance of each element of his work, and must always maintain strict control over what he communicates to the masses and how he communicates it, over the extent to which the spirit of Marxism-Leninism permeates his work; he must ask himself whether his work will be a realistic contribution to the people's progress toward communism.

Partisanship in historical science, as in any other social science, presumes a creative approach to theory, the enrichment and development of theory on the basis of new data and discoveries commensurate with the changing objective conditions and tasks of the revolutionary movement. This means close contact between theory and practice, between science and life. The decisions of the Twentieth and Twenty-Second Congresses of the C.P.S.U., the documents of the Plenary Meetings of the Central Committee and the reports and speeches made by N. S. Khrushchov, provide us with models of this combination and mutual enrichment of theory and practice.

Only by meeting all these requirements will Soviet historians be able to give their works the impress of the greatness of our epoch and give historical science the role of an important ideological factor in the development of Soviet society, in the progress of mankind toward communism.

Years and centuries will pass, the events of which our contemporaries have been participants and have witnessed will become history, but their deeds will live through the ages and historians living today must ensure that those deeds are recorded vividly and correctly. It is the Party and civic duty of Soviet scientists to create a truthful picture of our revolutionary times that mark the real beginning of human history and to base it on the theory of Marxism-Leninism.

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

V. A. DUNAYEVSKY, A. M. SAKHAROV and S. L. SENIAVSKY. **Research Work by Young Historians**

The article examines certain problems connected with the training of young historians in the light of the new and higher demands to scientific dissertations, which are formulated by the Twenty-Second CPSU Congress and specified in a number of decisions adopted by the Party Central Committee and the Soviet government. In the past five years some 1,500 theses were presented and successfully maintained by candidates for a master's degree, including nearly 700 dissertations devoted to the history of the CPSU. Thematically, most of the young dissertators have made a sharp turn towards urgent historical problems directly connected with contemporaneity. However, there are still many important problems of historical research which do not receive the attention they deserve. This refers, in particular, to the history of Soviet democracy; research in contemporary history is still marked by many serious flaws and deficiencies; the scope of research in the history of a number of Asian, African and Latin-American countries is extremely narrow and limited; Soviet scientists making research in Russian and world history do not pay enough attention to diverse aspects of internal policy and the history of culture. Research into problems of topical importance, especially in the history of Soviet society and contemporary history, will continue to remain the prevailing trend in the development of Soviet historiography and in the training of young historians. But it should be emphasized that there can be no question of curtailing research into other historical periods and "ceding" them to bourgeois historiography. It is necessary to ensure a comprehensive study of the entire world-historic process and the training of new scientific personnel in all departments of history.

Of great significance is the problem of choosing the subject for every dissertation research. The article cites several examples of both extremely limited and excessively broad dissertation themes. In some cases the dissertators are deprived of the possibility to make profound generalizations, while in other cases their research work is too superficial and lacks the necessary completeness. Of particularly great importance in this respect is the struggle against scientifically deficient and clearly inadequate works. In many cases scientific dissertations are based on popular pamphlets, newspaper articles, ethnographical essays, etc.

The article also examines certain organizational problems connected with the training of young scientists. Among other things, the authors deem it necessary to include the post-graduates' work on dissertations in the general plans of research work drawn up by higher educational establishments and university departments, achieve a better coordination of publishing activities and improve the work of reference libraries and bibliographical departments catering to scientists.

A. M. SAMSONOV. **Research into the History of the Great Battle on the Volga**

The author of this article singles out three periods in the historiography of the problem. The first period began after the battle and continued up to the end of the Great Patriotic War. The historical literature published during that period, the article says, was devoted in the main to the unparalleled heroism of the Soviet Army and gave an essentially correct appraisal of the battle on the Volga. At the same time it should be pointed out that the description of the stormy wartime events in the literature of those years was still of a general character and did not give a comprehensive analysis of their concrete historical significance.

The second period of research in the history of the battle on the Volga, embracing the entire postwar period up to the Twentieth CPSU Congress, is dominated by the tasks of a purely historiographical nature. As distinct from the war period, the study of the problem under examination was distinguished not only for its broader character but also

for its more extensive documentary basis and more profound character of research. The author points out that many historical works which appeared before the Twentieth CPSU Congress were marked by serious mistakes which should be directly attributed to the pernicious influence of the Stalin personality cult.

The third period in elaborating the history of the great battle on the Volga began after the Twentieth Party Congress. Elimination of the negative consequences of the personality cult, the author notes, has had a beneficent influence on historical research in this field. In the past few years there appeared many memoirs by direct participants in the events, documentary publications and research works devoted to this great and heroic battle.

A comprehensive description of the battle on the Volga in the second and third volumes of the many-volume "History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941-1945," should be regarded as an important achievement for scientific research into this problem.

Side by side with analyzing a number of works published in the Soviet Union, the article contains a brief survey of foreign literature. In conclusion the author outlines certain aspects of further research into the problem.

V. I. POPOV. *The United States of America and the Anglo-Franco-Soviet Negotiations of 1939*

American bourgeois historiography asserts that on the eve of the second world war the United States, true to its neutralist policy, did not interfere in European affairs generally and in the Anglo-Franco-Soviet negotiations in particular. Drawing on American, British and German documents, the author of the article convincingly shows that in actual fact the U.S.A., counting on an armed conflict between Germany and the U.S.S.R. and on the resultant isolation of the Soviet Union, exerted much effort to influence the development of events in Europe and steer them in a direction favourable to America's imperialist circles.

V. I. Popov discloses the essence of America's so-called "policy of neutrality," showing that it was directly opposed to the policy of collective security so consistently and energetically advocated by the Soviet Union. The author particularly stresses the fact that the U.S. policy of "neutrality" contributed to the breakdown of the three-power negotiations by encouraging the reactionary circles in Britain and France which did not want to conclude an alliance with the U.S.S.R.

The article shows how American diplomats in Britain, France, Poland and Rumania resorted to every means at their disposal to wreck the Anglo-Franco-Soviet negotiations. The U.S. ambassadors in London and Paris made strenuous efforts to sow distrust in the U.S.S.R., to question its sincerity and ability to render effective military assistance to Britain and France. The U.S. State Department turned down every proposal which could facilitate the conclusion of an equal agreement on the establishment of a three-power alliance. Thus, the U.S.A. refused to send its ambassador in Brussels, J. Davies, to Moscow, though the latter had expressed the desire to go to the U.S.S.R. with the aim of facilitating agreement between the three powers.

The American government advised the ruling circles of Britain and France to display no hurry in accepting the Soviet proposals; on the contrary, it recommended long and persistent bargaining in order to secure conditions facilitating an armed conflict between the Soviet Union and Germany. At the end of July 1939 the U.S.A. intervened in the negotiations, endeavouring to compel the U.S.S.R. to accept conditions which could lead to war between the U.S.S.R. and Germany in the absence of reliable guarantees from its partners. In other words, the U.S.A. wanted the Soviet Union to accept conditions which Britain and France had failed to impose on it in the course of the negotiations held in April-July 1939.

The ruling circles of Britain and France, the author notes in conclusion, were able to sabotage the conclusion of a pact with the U.S.S.R. because they were encouraged and supported by the United States.

I. I. KOSTYUSHKO. *The Centenary of the 1863 Uprising in the Polish Kingdom, Lithuania, Byelorussia and Ukrainian Territories Situated on the Right Bank of the Dnieper*

The article gives a brief historiographical characteristic of the problem and examines the prerequisites, character and motive forces of the uprising, the collaboration of the revolutionary forces in the common struggle against feudal and national oppression and shows the significance of this struggle for the further historical development of the peoples.

The author points out that the uprising in the Polish Kingdom was marked by its national-liberation, anti-feudal character. Enjoying the support of the revolutionary forces of other nations, the Polish people waged a heroic struggle for its national independence and for the democratic transformation of the social system.

The uprising in Lithuania, Byelorussia and the Ukrainian territories situated on the right bank of the Dnieper was a component part of the insurrectional movement of 1863 and was directed against the feudal and national oppression by the tsarist autocracy.

I. I. Kostyushko substantiates his conclusion that the 1863 uprising had two distinct trends—democratic and bourgeois-landlord. The democratic forces headed by Z. Padlevsky, S. Bobrovsky, Z. Serakovsky, V. Vrublevsky, K. Kalinovsky, A. Matskiavichus and other revolutionary democrats fought for radical bourgeois-democratic reforms, for an independent Polish democratic republic, for the freedom of the Lithuanian, Byelorussian and Ukrainian peoples. The bourgeois-landlord elements, while striving for the re-establishment of Poland's independence and consenting to certain reforms, at the same time tried to secure their dominant position in the social, economic and political spheres; completely disregarding the interests of the Lithuanian, Byelorussian and Ukrainian peoples, they demanded the inclusion of Byelorussian, Lithuanian and Ukrainian territories in the Polish state.

The article also examines the attitude of the Russian revolutionary democrats to the uprising. Recognizing the right of the Polish people to national independence, sympathizing with its liberation struggle and regarding it as an important part of the all-Russian democratic movement, A. I. Herzen and other Russian revolutionaries supported the Polish people. During the 1862 negotiations in London and St. Petersburg between representatives of the insurgent movement and the Russian revolutionary organizations, an agreement was reached on the common platform of action by the Polish and Russian democrats. The Russian revolutionaries championed the interests of the Lithuanian, Byelorussian and Ukrainian peoples. Hundreds of Russian revolutionaries took part in the uprising and many of them gave their lives for the peoples' freedom.

The 1863 uprising met with warm sympathy and support from the democratic forces in other countries.

The 1863 uprising was of great significance for the further historical development of the Polish, Lithuanian, Byelorussian and Ukrainian peoples. It abolished feudal relations in the Polish Kingdom and compelled the tsarist autocracy to carry out an agrarian reform in Poland. As a result of the uprising the peasants in Lithuania, Byelorussia and the Ukrainian territories situated on the right bank of the Dnieper were given back part of the land taken away from them after making inventories and regulation charters (charters regulating the mutual relations between the landlord and his liberated serfs), and their redemption payments were reduced to a certain extent. The uprising enriched the traditions of the peoples' revolutionary struggle for liberation.

The liberation movement of 1863 was an important factor in the European democratic movement. It contributed to the further development of the revolutionary struggle in Russia and other European countries.

內 容

历史科学的任务和历史学方面的科学师资的培养·····波·尼·波諾馬列夫院士

論 文

青年历史学家們的科学工作·····安·米·薩拉罗夫，施·列·謝尼亚夫斯基
伏尔加河岸伟大战役史的研究·····阿·米·薩姆索諾夫
十月革命以前国家調整經濟的問題·····弗·雅·拉維里切夫
美国与英—法—苏三国1939年的会談·····維·伊·波波夫
在波兰統治区、立陶宛、白俄罗斯和乌克兰右岸1863年的武装起义百年紀念·····
·····伊·伊·柯斯久什科

历史科学在苏联和国外

書 評

論一本書的命运（評古塞諾夫的書）

摘自阿塞拜疆十九世紀社会思想和哲学思想史

“評資產階級关于俄国封建史的概念”

巴西現代史（1939—1959）·····格林金

德国反法西斯主义者反对希特勒独裁的斗争（1933—1945）·····金茨別格，德拉布金

第一次世界大战期間的英国工人运动（1914—1918）·····卡尔里涅尔

外国經濟史·····莫克列夫

垄断資本主义时代

1849年沙皇干涉匈牙利的前期的外交史（布达佩斯）·····安迪奇

中立还是結盟？·····卡尔根

第一次世界大战初期的德国瑞典的关系（斯德哥尔摩）

第三共和国的历史·····沙斯帖奈

幻想的年代1918—1931（巴黎）

学术动态

第二次全苏古代东方研究會議

波兰工人党成立二十周年和波兰的历史科学及其他

在苏联和其他社会主义国家出版的历史杂志的內容

外国杂志上发表的对論文的批評

苏联的和国外的新書

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 1 for 1963

Academician B. N. Ponomarev. The Tasks Confronting Historical Science and the Training of Historians and History Teachers.

Articles: V. A. Dunayevsky, A. M. Sakharov and S. L. Seniavsky. Research Work by Young Historians; A. M. Samsonov. Research into the History of the Great Battle on the Volga; V. Y. Lavrychev. State Regulation of the Russian Economy in the Pre-Revolutionary Period; V. I. Popov. The United States of America and the Anglo-Franco-Soviet Negotiations of 1939; I. I. Kostyushko. The Centenary of the 1863 Uprising in the Polish Kingdom, Lithuania, Byelorussia and Ukrainian Territories Situated on the Right Bank of the Dnieper. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad: Book Reviews. The Fate of a Book (a review of G. Guseinov's "From the History of the Social and Philosophic Thought in 19th-Century Azerbaijan"); "A Critical Examination of Bourgeois Concepts of Russia's History in the Period of Feudalism"; A. N. Glinkin. Brazil's Contemporary History (1939-1959); L. I. Ginzberg and Y. S. Drabkin. German Anti-Fascists in the Struggle Against Hitler's Dictatorship (1933-1945); M. M. Karliner. The Labour Movement in Britain During World War I (1914-1918); V. E. Motylev. The Economic History of Foreign Countries. The Era of Pre-Monopoly Capitalism; E. Andics. The Hapsburg-Romanov Alliance. Diplomatic Preparations for the Tsarist Intervention in Hungary in 1849 (Budapest); V. M. Karlgren. Neutrality or Alliance? German-Swedish Relations in the Early Period of World War I (Stockholm); G. Chastenet. A History of the Third Republic. Years of Illusion, 1918-1931 (Paris). Chronicle of Scientific Life: The Second U.S.S.R. Session Devoted to the History of the Ancient East, etc. Contents of historical journals published in the U.S.S.R. and other socialist countries, notes on articles published in foreign journals; new Soviet and foreign books.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire ». 1963, N 1..

B. N. Ponomarev, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. Tâches de la science historique et formation des cadres scientifiques-pédagogiques dans le domaine de l'histoire. **Articles**: **V. A. Dounaevsky**, **A. M. Sakharov**, **S. L. Sênïavsky**. Travail scientifique des historiens nouveaux; **A. M. Samsonov**. Etude de l'histoire de la grande bataille sur Volga; **V. J. Lavéritchev**. Sur le problème du réglage d'Etat de l'économie de la Russie dans la période qui a précédé la Révolution d'Octobre; **V. S. Popov**. Les U.S.A. et les pourparlers anglo-franco-soviétiques de 1939; **I. I. Kostfuchko**. Au 100e anniversaire de l'insurrection de 1863 au Royaume polonais, en Lituanie et en Ukraine de la rive droite. Science historique en U. R. S. S. et à l'étranger. **Comptes-rendus sur des livres**: A propos du destin d'un livre. (Sur le livre de G. Gousseynov « De l'histoire de la pensée sociale et philosophique à l'Azerbaïdjan du XIX siècle »); « Critique des conceptions bourgeoises de l'histoire de la Russie de la période du féodalisme »; **A. N. Glinkin**. Histoire contemporaine du Brésil (1939-1959); **L. I. Guinzberg**, **J. S. Drabkin**. Antifascistes allemands dans la lutte contre la dictature hitlérienne (1933-1945); **M. M. Karliner**. Mouvement ouvrier en Grande Bretagne pendant les années de la première guerre mondiale (1914-1918); **V. E. Motylev**. Histoire économique des pays étrangers. Epoque du capitalisme; **E. Andich**. Alliance des Gabsbourgs avec les Romanovs. Histoire diplomatique de la période qui a précédé l'intervention tsariste à l'Hongrie en 1849 (Budapest); **V. M. Carlgren**. Neutralité ou alliance? Relations allemandes-suédoises au début de la première guerre mondiale (Stockholm); **J. Chastenet**. Histoire de la Troisième République. Les années d'illusions. 1918-1931 (Paris). **Chronique de la vie scientifique**: La deuxième session de toute Union consacrée aux études de l'Orient ancien, etc. Contenu des revues historiques de l'U.R.S.S. et des autres pays socialistes, comptes rendus sur les articles, publiés dans les revues historiques étrangères, livres nouveaux soviétiques et étrangers.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de la Historia» N 1 correspondiente a 1962

Académico B. N. Ponomariov. Las tareas de la ciencia histórica y la preparación de cuadros científicos y pedagógicos de historia. **Artículos**. **V. A. Dunaevski**, **A. M. Sájarov** y **C. L. Seniavski**. La labor científica de jóvenes historiadores. **A. M. Samsónov**. El estudio de la historia de la gran batalla del Volga. **V. Y. Lavéritchev**. En torno al problema de la regulación pública de la economía de Rusia antes de la Revolución de Octubre. **V. I. Popov**. Los Estados Unidos y las negociaciones anglo-franco-soviéticas de 1939. **I. I. Kostiuschko**. Ante el centenario de la insurrección de 1863 en el reino de Polonia, Lituania, Bielorrusia y Ucrania trasdnieperiana. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. **Reseñas de libros**. La suerte de un libro. (Sobre el libro de G. Guseinov. De la historia del pensamiento social y filosófico en el Azerbaidzhan del siglo XIX). «Crítica de las concepciones burguesas de la historia de Rusia del período del feudalismo». **A. N. Glinkin**. Historia contemporánea del Brasil (1939-1959), **L. I. Guintsberg** y **Y. S. Drabkin**. Los antifascistas alemanes en la lucha contra la dictadura hitleriana (1933-1945). **M. M. Karliner**. El movimiento obrero en la Gran Bretaña durante la primera guerra mundial (1914-1918). **V. E. Motilev**. Historia económica de los países extranjeros. Época del capitalismo premonopolista. **E. Andich**. La alianza de los Habsburgo y Romanov. La prehistoria diplomática de la intervención zarista en Hungría en 1849 (Budapest). **V. M. Carlgren**. ¿Neutralidad o alianza? Las relaciones germano-suecas en los primeros años de la primera guerra mundial (Estocolmo). **J. Chastené**. Historia de la Tercera República. Años de ilusiones. 1918-1931 (París). **Crónica de la vida científica**. La segunda conferencia de la URSS para el estudio del Oriente antiguo, etc. Sumario de las revistas históricas que se publican en la URSS y otros países socialistas, glosas sobre artículos publicados en revistas extranjeras, nuevos libros soviéticos y extranjeros.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИЦОВ, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Ф. Д. РЫЖЕНКО, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, Е. И. ТРЯПИЦЫН, И. А. ФЕДОСОВ, И. А. ХРЕНОВ, Д. К. ШЕЛЕСТОВ (первый заместитель главного редактора), В. И. ШУНКОВ, С. А. ЮДАЧЕВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. В 8-96-21.

А 00012. Подписано к печати 20/1 1963 г. Тираж 17 850 экз.
Изд. № 201. Заказ № 3301. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Н О В Ы Е К Н И Г И

HOGGAN D. L. **Der erzwungene Krieg.** Die Ursachen und Urheber des 2. Weltkrieges. Tübingen. VDHZ. 1962. 896 S.

CHASTENET J. **Histoire de la Troisième République.** Vol. 6: Déclin de la Troisième. 1931—1938. Paris. «Hachette». 1962. 302 p.

WOODWARD L. **British Foreign Policy in the Second World War.** London. HMSO 1962. 592 p.

Constituciones vigentes en la Republica Mexicana. T. I. México. UNAM. 1962. XV. 566 p.

Monumenta Asiae Minoris antiqua. Ed. by W. M. Galder. Vol. 8 Monumenta from Lycaonia, the Pisido-Phrygian Borderland, Aphrodisias. Manchester. MUP. 1962. XVIII. 190 p.

HICKERSON H. **The Southwestern Chippewa** An Ethnohistorical Study. Washington. AAA. 1962. VI. 110 p.

SPEKTOR I. **The First Russian Revolution.** Its Impakt of Asia. New York. «Englewood Cliefs». 1962. VIII. 180 p.

LAMUNIERE M. **Histoire de l'Algérie illustrée de 1830 à nos jours.** Préf. de Max-Pol Fouchet. Paris. «Conthier». 1962. 215 p.

ZIADEH N. A. **Origins of Nationalism in Tunisia** Beirut. AUB. 1962. 10. 167 p.

BOYD A., VAN RENSBURG P. **An Atlas of African Affairs.** New York «Praeger». 1962. 133 p.

HUNTER G. **The New Societies of Tropical Africa.** A Selective Study. London. «Oxford Univ. Press». 1962. XVIII. 376 p.

INGHAM K. **A History of East Africa.** London. «Longmans». 1962. XII. 456 p.

KLINGSNORTH G. W. **Africa South of the Sahara.** London. «Cambridge Univ. Press». 1962. VII. 160 p.

Le Mali en marche. Bamako. Secrétariat d'Etat à l'information. 1962. 129 p.

ELIAS T. O. **Ghana and Sierra Leone.** The Development of Their Laws and Constitutions. London. «Stevens». 1962. XII. 334 p.

SLADE R. **King Leopold's Congo.** Aspects of the Development of Race Relations in the Congo Independent State. London. «Oxford Univ. Press». 1962. XI. 230 p.

CROWDER M. **The Story of Nigeria.** London. «Faber». 1962. 307 p.

VAN RENSBURG P. **Guilty Land.** Harmondsworth. «Penguin Books». 1962. 207 p.

Burma. 14th Anniversary. Vol. XI. N I. Rangoon Gov. of the Union of Burma. 1962. XXX (22), 288 p.

Hindustan Year-Book and Who's Who. By S. C. Sarkar. Calcutta. «Sarkar». 1962. XXXVIII, 608, 162 p.

BHANDARI K. C. **Nationalization of Industries in India.** Calcutta. «Akademic Publishers». 1962. XI. 221 p.

BERG C. C. **He rijk van de vijfvondige Buddha.** Amsterdam. «Noord-Hollandsche uitg. mij.». 1962. 345 blz.

CHANDRASEKHAR S. **Red China.** An Asian View New York. «Praeger». 1962. VIII. 230 p.

RICHARDSON H. E. **Tibet and Its History** London. «Oxford Univ. Press». 1962. VIII. 308 p.

KENNEDY J. A. **History of Malaya.** A D 1400—1959 London «Macmillan and Co» .1962. VIII. 311 p.

VITO F. **Introduzione alle encicliche e ai messaggi sociale de Leone XIII a Giovanni XXIII.** Milano. «Vita e pensiero». 1962. XCVIII. VI, 318, 59 p.

L'urbanisation en Amérique Latine. Actes du Stage d'études sur les problèmes de l'urbanisation en Amérique Latine. Santiago du Chili, 6—18 juillet 1959. Dir. de publication Ph. M. Houser. Paris. UNESCO. 1962. 330 p.

КНИГИ ПО ЭКОНОМИКЕ, ВЫПУЩЕННЫЕ ГОСПОЛИТИЗДАТОМ:

- АНДРЕЕВ Г. Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США, как орудия экономической и политической экспансий. 1957. 451 стр. Цена 80 коп.
- БАРНГОЛЬЦ С. и СУХАРЕВ А. Обратные средства промышленных предприятий (обрабатывающей промышленности). 1957. 392 стр. Цена 85 коп.
- БЕЛЯВСКИЙ П. и ЧЕРНЫШЕВ А. Судьба «вымирающей деревни». Прошлое и настоящее деревень Ново-живописного и Моховатки, Березовского района, Воронежской области. 1958. 66 стр. Цена 7 коп.
- БЕЩЕВ В. Железнодорожный транспорт СССР в 1959—1965 гг. 1960. 109 стр. Цена 14 коп.
- БИРМАН А. Учись хозяйствовать. Рассказы по экономике предприятия. Изд. 2-е. 1960. 392 стр. Цена 63 коп.
- БУНИЧ П. Переоценка основных фондов. 1959. 163 стр. Цена 18 коп.
- ВЫГОДСКИЙ С. Теория средней прибыли и цены производства К. Маркса в свете современных данных. 1956. 195 стр. Цена 23 коп.
- ГОРБУНОВ В. За честь заводской марки. (Экономические знания — рабочим). 1961. 41 стр. Цена 4 коп.
- ГОЦИРИДZE О. Семилетка Грузии (СССР в семилетке). 1960. 47 стр. Цена 6 коп.
- ГУЛАНЯН Х. Очерки истории армянской экономической мысли XIX века. 1955. 352 стр. Цена 89 коп.
- ДУБРОВСКИЙ Ю. Технический прогресс — дело каждого. 1961. 56 стр. Цена 5 коп.
- ДЬЯЧЕНКО В. Учись хозяйствовать. 1960. 31 стр. Цена 3 коп.
- ЗОРИН В. Американец, монополия, налоги. 1960. 48 стр. Цена 6 коп.
- КАУТСКИЙ К. Экономическое учение Карла Маркса. 1956. 232 стр. Цена 39 коп.
- КОТОВ Г. Аграрные отношения и земельная реформа Германии. 1956. 468 стр. Цена 1 р. 12 к.
- КОЧЕТОВСКАЯ Е. Национализация земли и колхозы в СССР. 1958. 80 стр. Цена 10 коп.
- Краткий экономический словарь под ред. Козлова Г. и Перушина С. 1958. 391 стр. Цена 1 р. 10 к.
- ЛЕВИН В. Экономия черных металлов в народном хозяйстве СССР. 1959. 343 стр. Цена 1 р. 10 к.
- ЛОКШИН Э. Очерк истории промышленности СССР (1917 — 1940 гг.) 1956. 320 стр. Цена 70 коп.
- Требуйте эти книги в магазинах книоторга и потребительской кооперации.

«СОЮЗКНИГА»

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1

1963